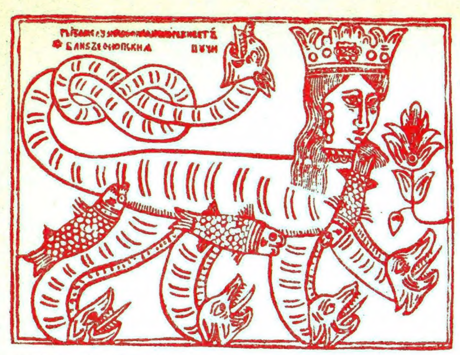
ПРОЗАИЧЕСКИЕ ЖАНРЫ РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА

СКАЗ
ПРЕДАНИЯ,
БЫЛИЧКИ
УСТН
РАССК

АЗКИ,
Я, ЛЕГЕНДЫ,
КИ, СКАЗЫ,
ТНЫЕ
СКАЗЫ

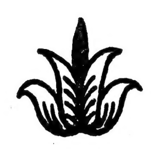

МОСКВА „ВЫСШАЯ ШКОЛА“ 1977

ПРОЗАИЧЕСКИЕ ЖАНРЫ РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА

ДОПУЩЕНО
МИНИСТЕРСТВОМ
ВЫСШЕГО
И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ СССР
В КАЧЕСТВЕ УЧЕБНОГО ПОСОБИЯ
ДЛЯ СТУДЕНТОВ
ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ФАКУЛЬТЕТОВ
УНИВЕРСИТЕТОВ

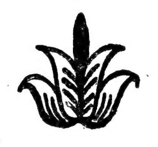

МОСКВА

СКАЗКИ, ПРЕДАНИЯ, ЛЕГЕНДЫ, БЫЛИЧКИ, СКАЗЫ, УСТНЫЕ РАССКАЗЫ.

ХРЕСТОМАТИЯ

СОСТАВИТЕЛЬ
В.Н. МОРОХИН

„ВЫСШАЯ ШКОЛА“ 1977

Рецензенты:
1. *Кафедра русской литературы Воронежского государственного университета (зав. кафедрой проф. С. Г. Лазутин);*
2. *Докт. филол. наук, ст. научн. сотрудник ИРЛИ АН СССР (Пушкинский дом) А. Д. Соймонов.*

ПРОЗАИЧЕСКИЕ ЖАНРЫ РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА. ХРЕСТОМАТИЯ.

Составитель
Владимир Николаевич Морохин

И. Б. № 972

Редактор Л. А. Дрибинская. Мл. редактор Т. В. Перепелкина. Художник Н. Е. Алешина. Художественный редактор С. И. Абелин. Технический редактор З. А. Муслимова. Корректор Е. К. Штурм

Сдано в набор 25/VI–76 г. Подп. к печати 20/I–77 г. Формат 60×90/16. Бум. тип. № 3. Объем 18,5 печ. л. Усл. п. л. 18,5. Уч.-изд. л. 20,64. Изд. № РЛ–212. Тираж 80000 экз. Зак. № 706. Цена 1 р. 03 к.

План выпуска литературы издательства «Высшая школа» (вузы и техникумы) на 1977 г. Позиция № 146.

Издательство «Высшая школа», Москва, К-51, Неглинная ул., д. 29/14

Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградское производственно-техническое объединение «Печатный Двор» имени А. М. Горького Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197136, Ленинград, П-136, Гатчинская ул., 26

Прозаические жанры русского фольклора. Хрестоматия. Сост. Морохин В. Н. Учеб. пособие для филолог.
П80 специальностей ун-тов. М., «Высш. школа», 1977.
296 с.

Хрестоматия является первым такого рода изданием, содержащим лучшие образцы сказок, легенд, преданий, сказов, устных рассказов. В книгу включено около 200 текстов, заимствованных из классических собраний прошлого, а также из сборников народной поэзии советской эпохи и из фольклорных фондов ряда городов. Материал подобран с таким расчетом, чтобы читатель мог познакомиться с многожанровой фольклорной прозой и ярче представить себе историю этих интереснейших видов народнопоэтического творчества. Данной цели служат и вступительные статьи о каждом из публикуемых жанров.

П $\frac{70202-164}{001(01)-77}$ 146–77 8Р

ПРЕДИСЛОВИЕ

В настоящей хрестоматии, первом такого рода собрании прозаических жанров фольклора, составленной в соответствии с программой курса «Русское устное народное творчество», даются наиболее характерные образцы произведений прозы русского народнопоэтического творчества, которые необходимы для учебных целей и имеют определенную художественно-познавательную ценность. Относясь к эпическому роду фольклора, прозаические жанры вместе с тем представляют собой типы творчества с «разными общественными функциями»[1]. Это обстоятельство и обусловило выделение в хрестоматии трех разделов, каждый из которых знакомит читателя с произведениями одного, отдельно взятого жанра или с текстами двух-трех близких, а нередко и трудноразличимых жанров.

Первый раздел, наиболее обширный по объему и числу произведений, посвящен сказочному эпосу. Сказочный жанр отличается глубиной содержания, высокой художественностью произведений, многообразием репертуара. Поэтому большинство исследователей выделяют в сказочном репертуаре три жанровые разновидности: сказки о животных, волшебные, или чудесные (фантастические), и социально-бытовые (новеллистические) сказки. Образцы каждой из перечисленных разновидностей русских народных сказок даны в настоящей хрестоматии, и читатель без специального на то указания сможет установить их самостоятельно.

Тексты преданий, легенд и быличек составляют второй раздел книги. При всей идейно-художественной специфичности в основе этих близких друг другу жанров фольклорной прозы, особенно легенд и быличек, лежит чудесное, сверхъестественное начало. Включая в себя «представления, связанные с государственной религией дореволюционной России», а также «рассказы о великих грешниках, которые раскаялись и стали подвижниками, о пустынниках, о всякого рода подвигах благочестия»[2], такие произведения, как правило, содержат много фантастического. В древних легендах и быличках отразилось мировоззрение людей и та

---

[1] *Кравцов Н. И.* Проблемы славянского фольклора. М., 1972, с. 97.

[2] *Пропп В. Я.* Жанровый состав русского фольклора.— «Русская литература», 1964, № 4, с. 60—61.

народная идеология, которая была присуща определенной общественной формации. Это положение приходится напоминать для того, чтобы каждый читатель хрестоматии мог понять правомерность включения в настоящий сборник легенд о происхождении различных явлений и свойств (о «миротворении», о происхождении отдельных животных, об образовании гор и т. п.), а также быличек о леших, домовых, водяных, ведьмах и о кладах. В отличие от легенд и быличек чудесное в преданиях имеет не главное, а вспомогательное значение. Предания обычно повествуют о реальных или вполне возможных явлениях и фактах прошлого, а одним из ведущих признаков их считают объяснительное начало.

В третьем разделе хрестоматии представлены сказы и устные рассказы [1]. Практика собирательской работы фольклористов в советские годы показала широкое бытование в народе произведений этого жанра. Уже полстолетия собиратели народного творчества [2] фиксируют сказы и устные рассказы, лучшие из которых содержат «воспоминания о наиболее типичных случаях жизни данного периода, о самых острых положениях, в каких оказывается человек, о жизни и действиях людей, оставивших заметный след в истории государства и общества» [3].

Каждый из трех разделов настоящего сборника начинается вступительной статьей. В статьях рассматриваются вопросы, связанные с идейно-художественным своеобразием произведений того или иного жанра, указываются принципы их классификации и дается библиография основных исследовательских работ и собраний текстов по каждому из видов фольклорной прозы.

Помня о главном назначении данной хрестоматии, составитель стремился включить в нее прежде всего те произведения прозаических жанров фольклора, на которые имеются ссылки или указания в учебниках или учебных пособиях по русскому устному народно-поэтическому творчеству, выпущенных издательствами «Высшая школа» и «Просвещение» за последние 15–20 лет.

Произведения народной прозы, включенные в данный сборник, отобраны таким образом, чтобы каждый мог на образцах фольклорной прозы познакомиться с лучшими, богатейшими собраниями русского народного творчества, вышедшими как в дооктябрьскую пору, так и в годы Советской власти.

В качестве основных источников в хрестоматии используются классические сборники русского фольклора, многие из которых стали в наши дни библиографической редкостью. Читатель данной книги увидит (в примечаниях) ссылки на наиболее авторитетные дореволюционные издания, собрания русского народного творче-

---

[1] К сожалению, у исследователей фольклора до настоящего времени нет единого мнения относительно определения, а следовательно и установления точных границ, каждого из этих, трудноразличимых жанров.

[2] О первом опыте собирания устных рассказов в 1925 г. сообщает *Ю. М. Соколов* в кн.: Русский фольклор. М., 1938, с. 508.

[3] *Чичеров В. И.* Русское народное творчество. М., 1959, с. 496.

ства, изданные в разное время Академией наук СССР, издательством «Художественная литература», местными издательствами. В хрестоматию включены тексты, взятые из сборников фольклора, составленных крупнейшими собирателями и исследователями народного творчества — А. Н. Афанасьевым, И. А. Худяковым, Н. Е. Ончуковым, Д. Н. Садовниковым, Д. К. Зелениным, Б. М. и Ю. М. Соколовыми, М. К. Азадовским.

Тексты, включенные в хрестоматию, как правило, даются полностью. Отдельные, очень редкие сокращения обозначаются знаком 〈...〉. Некоторые заглавия, не указанные в источниках, даются составителем и в этом случае имеют специальное обозначение 〈〉.

В ряде случаев тексты фольклорных произведений воспроизводятся в хрестоматии с сохранением диалектной и синтаксической специфики тех мест, где фиксировались эти материалы.

В помещенных в конце книги примечаниях приводятся краткие данные о публикуемых текстах: указания на то, кто записал произведение, где и от кого; из какого источника взято. Название источника дано в примечаниях сокращенно (см. список сокращений в указателе). Для сказочных текстов после порядкового номера и названия сказки дается ссылка на «Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне» Н. П. Андреева (Л., 1929).

Касаясь эстетической стороны предлагаемых произведений, следует заметить, что не все они являются художественно равноценными. Учитывая специфику устного творчества, важно помнить о том, что это не литературные произведения, а фольклорная проза, рассчитанная на устное исполнение и восприятие ее именно в той обстановке, где она была рождена и бытовала. Данная оговорка делается не столько для специалистов, сколько для неискушенного читателя, ибо настоящая хрестоматия является как учебным пособием для студентов филологических факультетов высших учебных заведений, так и довольно содержательным собранием фольклорной прозы.

Хрестоматия поможет любому человеку, кем бы он ни был по специальности, оценить жанровое многообразие, идейно-тематическое и художественное богатство, которым располагают прозаические произведения русского устного народного творчества — «изумительной мудрости сказки, прекрасные песни, легенды, сатиры...» [1].

Составитель выражает искреннюю благодарность рецензентам и всем тем товарищам, которые, познакомившись с рукописью хрестоматии, высказали свои пожелания и замечания.

---

[1] *Горький М.* Собр. соч. в 30-ти т., т. 27, с. 504.

СКАЗКИ

Среди произведений устного народного творчества одно из ведущих мест занимают сказки, отличающиеся глубоким идейным смыслом, определенной познавательно-дидактической сущностью, большой художественной выразительностью. За умение тонко и правдиво отобразить народные мысли и мечты о будущем, за блестящую способность передать психологию трудового человека сказки высоко ценил В. И. Ленин. Он часто обращался к образам русских народных сказок, отмечал в них высокий полет фантазии. В 1918 году, после ознакомления со сборниками произведений народного творчества, в числе которых был том сказок, собранных Н. Е. Ончуковым, В. И. Ленин сказал: «Какой интересный материал... Ведь на этом материале можно было бы написать прекрасное исследование о чаяниях и ожиданиях народных... Вот на что нам нужно было бы обратить внимание наших историков литературы. Это доподлинное народное творчество, такое нужное и важное для изучения народной психологии в наши дни»[1].

Сказка – это исторически сложившееся устойчивое эпическое художественное произведение фольклорной прозы необычного, а иногда и глубоко фантастического содержания, повествующее о многих событиях разных, нередко очень отдаленных, а следовательно, сильно искаженных в процессе устной передачи эпох, рассказываемое в познавательных, дидактических и идейно-эстетических целях.

Исследователи-фольклористы убедительно доказали, что отдельные жанровые разновидности сказок прочно связаны с трудовой деятельностью человека и в той или иной мере отражают историческую действительность разных эпох. На эту связь указывал в свое время В. И. Ленин, отмечая, что «во всякой сказке есть элементы действительности»[2].

«Элементы действительности», подмеченные В. И. Лениным, предполагают и основные идеи, заложенные в ткань фольклорного произведения, и содержание сказочного повествования, и его образную систему, и все те художественные приемы и средства, которыми пользуется сказочник.

Вместе с тем связь с действительностью ни в коей мере не противоречит положению о вымысле как одной из ведущих особенностей сказки. Ведь вымысел, или, как говорил А. М. Горький, «выдумка», не только содержит в себе материал дидактики, поучения, но и связана с реальными фактами, помогает заглядывать вперед, видеть будущее. Во вступительной статье к книге «Тысяча и одна ночь» Горький писал: «В сказках прежде всего поучительна «выдумка» – изумительная способность нашей мысли заглядывать далеко вперед факта. О «коврах-самолетах» фантазия сказочников знала за десятки веков до изобретения аэроплана, о чудесных скоростях передвижения в пространстве предвещала задолго до паровоза, до газо- и электромотора.

Я думаю, что именно фантазия, «выдумка» создала и воспитала тоже одно из удивительных качеств человека – интуицию, то есть «домысел», который приходит на помощь исследователю природы...»[3]. Эта мысль пролетарского художника получила дальнейшее развитие в докладе на Первом Всесоюзном съезде советских писателей, где Горький подробно остановился на связи вымысла, мечты и действительности, а также в статье «Равнодушие не должно иметь места» (1932), где он подчеркнул, что «реализм отнюдь не стесняет воображения»[4].

Фантазия в сказках строится, как правило, на совершенно определенной, связанной с действительностью основе. Каждая сказка, каким бы фантастическим содержанием она ни наполнялась, о каких бы волшебных героях ни повествовала, рисует картины труда и быта простого человека, показывает взаимоотношения между людьми и выражает народное мировоззрение. В предисловии к книге «Сказки и предания Северного края», подготовленной И. В. Карнауховой, Ю. М. Соколов пишет: «Сказка только на первый взгляд уводит слушателя из реального повседневного современного мира в мир фантастический, в каждой

---

[1] *Бонч-Бруевич Вл.* Ленин о поэзии. – В кн.: В. И. Ленин о литературе и искусстве. М., 1960, с. 691.

[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Изд. 5, т. 36, с. 19

[3] *Горький М.* Собр. соч. в 30-ти т., т. 25, с. 86.

[4] *Горький М.* Собр. соч. в 30-ти т., т. 26, с. 245

сказке, как и в любом литературном произведении, нельзя не разглядеть за этим уводом в фантастический, сверхъестественный мир нитей, связывающих сказку с волнениями близкой, своей, земной жизни»[1].

Русский сказочный репертуар очень богат. Многообразие жанра еще в прошлом столетии потребовало от исследователей систематизации народных сказок. Одним из первых, кто в начале 30-х годов XIX века делает попытку установить состав сказочного эпоса и классифицировать его, был И. И. Срезневский. По высказанному им мнению, сказки следует делить на три раздела: мифические, былевые и фантастико-юмористические[2]. Основной сказочный репертуар ученый сосредоточивал в третьем разделе, куда он включил сказки о животных, волшебные и некоторые из текстов бытового содержания. В статье «О народных сказках» (1841) В. Г. Белинский отмечал необходимость классификации произведений сказочного жанра: «сказки разделяются на два рода -- богатырские и сатирические». Далее он писал, что если первые нередко бывают иностранного происхождения, то вторые – русские и представляют для каждого немалый интерес: «В них виден быт народа, его домашняя жизнь, его нравственные понятия, и этот лукавый русский ум, столь наклонный к иронии, столь простодушный в своем лукавстве»[3].

Во второй половине XIX и в начале XX века ряд собирателей, писателей и исследователей, прежде всего И. М. Снегирев, П. А. Бессонов, О. Ф. Миллер, Г. И. Успенский, М. Е. Халанский, В. Ф. Миллер, П. В. Владимиров, Б. М. и Ю. М. Соколовы, обращаются к вопросу, связанному с классификацией сказочного жанра. Каждый из них за основу деления брал или научные принципы той фольклористской школы, к которой он принадлежал, или выдвигал свою, нередко сугубо самостоятельную точку зрения.

После Великого Октября проблеме классификации богатейшего сказочного материала уделяется очень большое внимание. В 20-е годы вопросами систематизации и изучения русских народных сказок плодотворно занималась Сказочная комиссия Государственного Русского географического общества. По ее поручению Н. П. Андреев в 1927 году перевел и дополнил ссылками на русский сказочный материал «Указатель сказочных типов» финского фольклориста Антти Аарне. Согласно этой классификации все сказки были «подразделены на несколько больших групп, внутри которых происходит дальнейшее деление. Основных групп три: I. Животные сказки, II. Собственно сказки и III. Анекдоты. Группа II делится на А) Волшебные сказки, В) Легендарные, С) Новеллистические и Д) Сказки о глупом черте и т. п.»[4]. Несмотря на то, что это деление, как заметил сам Н. П. Андреев, является «чисто эмпирическим и далеко не безупречным», данная классификация позволяла в значительной степени упорядочить чрезвычайно обширный русский сказочный материал, именно поэтому она получила большое распространение в нашей стране. Кстати, с той поры было принято сопровождать каждый сказочный текст ссылкой на «Указатель» Н. П. Андреева.

В 30–40-е годы наряду со схемой Андреева – Аарне применяется классификация Ю. М. Соколова. В сказочном репертуаре ученый выделяет: сказки о животных, чудесные сказки, бытовые сказки, сказки-анекдоты и поясняет, что «обычной классификацией конкретных сказочных записей является их разделение по сюжетам, а внутри сюжетов – по мотивам»[5].

Основные принципы классификации сказок, предложенные в свое время Ю. М. Соколовым, были приняты многими советскими фольклористами, в том числе В. И. Чичеровым[6]. Обращаясь к вопросам классификации произведений сказочного жанра, он, как и Ю. М. Соколов, в качестве главных признаков берет своеобразие содержания и формы. В сказочном репертуаре В. И. Чичеров выде-

---

1 «Сказки и предания Северного края». М.–Л., 1934, с. IX.

2 *Срезневский И. И.* Взгляд на памятники украинской народной словесности. Письмо к проф. И. М. Снегиреву.– «Уч. записки Московского университета», ч. VI, 1834, октябрь, с. 146.

3 *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч., т. 5. М., 1954, с. 660 и 668.

4 *Андреев Н. П.* Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. Л., 1929, с. 7.

5 *Соколов Ю. М.* Русский фольклор, с. 319.

6 См.: *Чичеров В. И.* Русское народное творчество, с. 276–277.

ляет сказки о животных (так называемый животный эпос), волшебные или чудесные сказки, сказки-легенды, авантюрно-новеллистические, бытовые, сатирические сказки и анекдоты.

Исследователи фольклора 50—70-х годов, систематизируя сказочный жанр, все чаще и чаще сводят число групп, на которые они делят весь репертуар сказок, к трем-четырем. Так, В. П. Аникин в книге «Русская народная сказка» (1959) и в главе «Прозаические жанры» учебного пособия «Русское народное поэтическое творчество» (1971) дает классификационную схему из трех групп. Это — сказки о животных, волшебные сказки и сказки бытовые, или новеллистические. Вскрывая «общий» для всех «систем классификации сказок недостаток, состоящий в отсутствии «единого принципа деления», Э. В. Померанцева в книге «Русская народная сказка», заметив, что «в конце концов важна не классификация сама по себе», выделяет «четыре основные группы сказок: сказки о животных, волшебные сказки, авантюрные и бытовые»[1].

Вскоре после выхода названной книги со своей системой классификации сказки на страницах журнала «Русская литература» выступил В. Я. Пропп. Отнеся сказку «к области народной прозы», В. Я. Пропп называет ее не привычным термином «жанр», а «одним из видов» прозы; далее он определяет сказку «по совершенно четкой композиции», по ее «структурным признакам». В результате «один из видов» народной прозы «распадается на сказки волшебные, кумулятивные, о животных, о людях и т. д. Это жанры». В качестве более узкого термина он предлагает слово «тип», «типы распадаются на сюжеты, сюжеты на версии и варианты»[2]. Введя новую терминологию, но не сохранив до конца единый принцип классификации, В. Я. Пропп не решает поставленную перед собой проблему.

В книге «Эстетика фольклора» В. Е. Гусев отмечает, что наиболее распространенный тип классификации строится на одной из особенностей произведений сказочного жанра, и предлагает положить в основу систематизации сказки два неразрывно связанных свойства ее — «отражение социального или бытового конфликта и фантастический вымысел»[3]. Касаясь собственно классификации, он пишет, что «в сущности общепринятым является деление сказок на: а) сказки о животных, б) волшебные сказки (чудесные, фантастические) и в) бытовые (или новеллистические, реалистические)»[4].

Данный принцип остается общепринятым в наши дни. Об этом говорится в работах Н. И. Кравцова. Полностью исключив из употребления применявшееся В. Я. Проппом понятие вида, Н. И. Кравцов принимает литературоведческую классификацию, т. е. четко делит произведения на роды, жанры и жанровые разновидности. Он разъясняет: «Под родом мы понимаем способ изображения действительности (эпический, лирический, драматический), под жанром — тип художественной формы (былина, сказка, песня, пословица и проч.), под жанровой разновидностью — тематическую группу произведений (сказки волшебные, сказки о животных, сказки социально-бытовые)»[5]. Эта же классификация сказок проводится Н. И. Кравцовым и в одной из недавно изданных работ[6]. Подобное деление сказочного репертуара представляется наиболее удачным и вполне применимым к существующему ныне материалу, который включает в себя как традиционные, так и активно бытующие в наши дни тексты.

Одну из древнейших жанровых разновидностей составляют с к а з к и о ж и в о т н ы х. Возникнув на очень ранней стадии развития человеческого общества, произведения данной тематической группы имели для человека чисто практическое, жизненно важное значение. Они представляли собой рассказы древних

---

[1] *Померанцева Э. В.* Русская народная сказка. М., 1963, с. 24.

[2] *Пропп В. Я.* Жанровый состав русского фольклора. — В кн.: Хрестоматия по истории русской фольклористики. М., 1973, с. 301.

[3] *Гусев В. Е.* Эстетика фольклора. Л., 1967, с. 125

[4] *Там же.*

[5] *Кравцов Н. И.* Проблемы славянского фольклора, с. 85.

[6] *Кравцов Н. И.* Сказка как фольклорный жанр. — В кн.: Специфика фольклорных жанров. М., 1973, с 82 .

охотников, звероловов, рыбаков о действительных событиях, происшедших когда-то с ними, и были незамысловатыми повествованиями о наиболее примечательных повадках зверей, птиц и рыб. Наряду с реальными чертами эти рассказы несли на себе отпечаток связи с древними формами сознания людей далекого прошлого — одушевлением природы (анимизмом), убежденностью в происхождении того или иного человеческого рода от какого-либо животного или даже растения (тотемизмом) и, наконец, верой в возможность волшебного (магического) воздействия на различные явления окружающего мира. На первых порах эти рассказы не были иносказательными, их герои представали перед слушателями как обычные животные с присущими им атрибутами и наиболее характерными внешними чертами. Постепенно, в результате трудовой деятельности, в ходе укрощения и приручения диких животных знания людей об окружающем их мире расширялись, вера в сверхъестественные силы терялась, а власть над природой росла.

С утратой наивного отношения к природе, преклонения перед животными в этой жанровой группе все чаще проявляется новый, нескрываемо иронический подход к персонажам давних повествований. Образы многих животных нередко изображаются рассказчиком не только страшными, но и смешными. Вероятно, именно с этого времени сохранились в сказках, ставших традиционными, описания неблаговидных поступков некоторых диких обитателей леса и отдельных домашних животных. С той поры образы зверей, птиц, рыб используют как иносказания для обличения изъянов и слабостей человека классового общества. Рассказы о животных, постепенно приобретая социально-классовые черты, становятся, в полном смысле этого слова, сказками.

В средневековой Руси животные в сказках данной жанровой разновидности рисовались как носители положительных или отрицательных качеств, присущих тем или иным людям. Многие сказки о животных были остросатирическими иносказательными, или аллегорическими, произведениями, бичевавшими пороки человеческого общества. В более позднее время сказки о животных высмеивают представителей господствующих классов — злоупотреблявших служебными делами чиновников, самодуров-помещиков, лицемеров и подхалимов — безропотных служителей эксплуататорам.

Каждый из персонажей сказок о животных воспроизводил какие-то строго определенные и, безусловно, реальные свойства, присущие отдельным людям. Так, например, самый сильный лесной зверь центральной России — медведь был воплощением хищного, не ограниченного властью человека; волк символизировал ханжество и жестокость в сочетании с умственной ограниченностью; лиса олицетворяла обман, изворотливость и вероломство; заяц и мышь — слабость и боязливость; петух — доверчивость и храбрость; сокол — смелость и нравственное величие; коршун — жадность и свирепость; щука — мстительность и беспощадность; ерш — находчивость и изворотливость и т. д. Обнажая, говоря словами А. М. Горького, «социальные отношения людей»[1], произведения этой группы сказок о животных осуждали отрицательные явления российской действительности и были популярны как во взрослой, так и в детской аудитории.

В наши дни названная жанровая разновидность составляет довольно богатый репертуар животного эпоса для детей. Как и прежде, сказки о животных имеют большое познавательное и назидательное значение, они не только знакомят с особенностями поведения и характерными повадками различных зверей, птиц и рыб, но и несут большую воспитательную нагрузку. Популярная сказка о репке, например, говорит о роли коллектива в решении трудных задач, сказка о коте, петухе и лисе — о силе дружбы, помогающей преодолеть хитрого противника. В произведениях данной жанровой разновидности высмеиваются как бытовые, так и общесоциальные недостатки: в сказках «Курочка-ряба», «Лиса-повитуха», «Мужик, медведь и лиса» и других — излишняя словоохотливость, несообразительность, граничащая с глупостью, абсурдность поведения отдельных персонажей, а в сказках «Старая хлеб-соль забывается», «Собака и дятел», «Лиса и кот», «О Ерше Ершовиче» отчетливо проступает сатира на представителей господствующих классов царской России.

[1] Цит. по кн.: *Максимов П.* Горские сказки. М., 1937, с. 4.

Отличаясь известной ограниченностью сюжетов и образов, русские сказки о животных довольно несложны по построению, часто невелики по объему. Отдельные из них — сказки-миниатюры («Лиса и журавль», «Лиса и тетерев» и др.), в композиции которых нередко используется прием воспроизведения одного и того же действия («Терем мухи», «Колобок») или мотив встречи персонажей («Лисичка-сестричка и волк», «Скрипи, нога, скрипи, липовая» и др.). По композиционному построению некоторые из произведений этой жанровой группы принадлежат к числу цепевидных или комулятивных сказок, в которых, наряду с повторением, действие из эпизода в эпизод наращивается («Коза с орехами», «За лапоток — курочку, за курочку — гусочку» и др.). Для многих сказок о животных характерен диалогический вид повествования, нередко передаваемый в четкой и предельно лаконичной прозаической или стихотворно-песенной форме. («Кот, петух и лиса», «Волк и коза», «Про старика и серого волка» и др.). Удачное сочетание стилевого своеобразия сказок о животных со специфическими приемами их исполнения, включающими звукоподражание, исполнение песен, широкое использование жестов и мимики, позволяют исследователям отнести произведения данной жанровой разновидности к разряду «сказово-драматических» [1].

С далеких, еще доклассовых времен живут в народе волшебные, или чудесные, сказки. Они создавались на основе поэтического переосмысления очень древних рассказов, повествовавших о разных сторонах жизни и быта человека той поры. Возникнув в период разложения родового строя, волшебные сказки сохранили отдельные реальные детали, которые соответствовали формам сознания и представления людей тех эпох. Давние матриархальные отношения, благоговейное почитание предков, соблюдение системы всевозможных запретов и жертвоприношений, магические действия и многое другое, почерпнутое из древнего быта, можно встретить в сказках рассматриваемой жанровой разновидности и в наши дни.

Своим появлением волшебные сказки обязаны трудовой деятельности человека далекого прошлого. Преодолевая силы природы, люди не просто хотели познать окружающий их мир, они мечтали об облегчении своего труда, о превращении безлесных пространств в цветущие сады, о чудесных помощниках из числа известных им и воображаемых животных и растений, о фантастических скоростях передвижения и о многом другом. Эти добрые мечты стали первоэлементом значительного числа волшебных сказок, которые создавались в виде незамысловатых рассказов о том, что видел и воспринимал, а главное — чего желал, о чем думал наш далекий предок. И уже тогда неизменное устремление в светлое будущее было одной из замечательных черт давних предшественников волшебных сказок. Окончательное формирование произведений этой жанровой группы относится к эпохе феодализма, когда было осуществлено богатейшее словесное оформление волшебной сказки; в этом огромная заслуга профессиональных сказочников бахарей.

Феодальные отношения наложили свой отпечаток на содержание, изображаемую обстановку и систему образов волшебной сказки. Чудесные события и невероятные приключения, воспроизводимые в них, нередко развертываются в фантастических государствах, в дворцах невиданной красоты, а главными героями, наряду с Иваном-крестьянским сыном, выводятся представители далеких от трудового народа классов. Сообщаемые факты и персонажи волшебных сказок малоисторичны и с полным основанием считаются как сказочниками, так и слушателями, вымышленными. Поэтому образы царей и царевичей, королей и королевичей, будучи такими же фантастическими, как, например, Морозко или Василиса Премудрая, нередко предстают в несомненно положительном виде и вызывают сочувствие аудитории.

Пришедшая на смену феодализму капиталистическая формация внесла в волшебную сказку характерные черты и дала ей ряд малозаметных ранее персонажей: богатого купца, купеческого сына, изворотливого приказчика, хитрого, а нередко и довольно глупого священника. Действия в сказках переместились из чудесных тридевятых царств-тридесятых государств в большой торговый город, шумный морской порт или фешенебельную гостиницу. Но и в этой, очень близкой

[1] *Соколов Ю. М.* Русский фольклор, с. 335.

к современной, обстановке волшебная сказка сберегла своих замечательных героев и чудесных помощников в виде диковинных зверей и птиц, фантастических существ и предметов, способных изъясняться на человеческом языке.

Главные персонажи произведений данной жанровой разновидности: Иван — крестьянский или солдатский сын, царевич или королевич, Бессчастный или богатырь, бурлак или Медвежье ушко; Булат-молодец, Андрей-стрелец, Ясен Сокол, Покатигорошек, Емеля-дурак, Незнаюшка и другие — как правило, наделяются прекрасной внешностью, замечательными внутренними качествами, незаурядными способностями. Однако нередко для большей рельефности образа сказочники в начале рассказа стремятся не только не показать всего этого, но и представить своего героя существом глупым, беззащитным, с отталкивающей внешностью, нелестными поступками. За это его не любят родные братья и незнакомые люди. Но наступает момент, когда главный персонаж, на удивление другим героям сказки и слушателям ее, коренным образом меняется: он легко решает самые сложные задачи, без труда побеждает многих врагов, справляется с любым делом и, как вознаграждение за все доброе, получает несметные богатства да еще девицу-красавицу в жены. По справедливому замечанию А. М. Горького, сказочный герой, «презираемый даже отцом и братьями, всегда оказывается умнее их, всегда — победитель всех житейских невзгод...»[1].

Важное место в волшебных сказках занимают близкие к главному персонажу женские образы — это, прежде всего, Василиса Премудрая, Елена Прекрасная, Лебедь Захарьевна, Настасья-золотая коса, Ненаглядная Красота, Марья Моревна, богатырка Синеглазка. Действия большинства из них прочно связаны с явлениями, имевшими место в далекие времена матриархата. Именно поэтому героини волшебных сказок выступают в роли не только «красавиц писанных», но и бесстрашных богатырей, девиц-воинов, мудрых дев, умеющих справляться с труднейшими заданиями и выходить победителями из любых положений. Каждой из них, наряду с характерной для представителей слабого пола женственностью, присущи неиссякаемая активность, творческая энергия, жизнелюбие, незаурядная смекалка и невиданная сила. Вместе с ними в произведениях данной жанровой разновидности представлены и нежные образы терпеливых, скромных, необоснованно преследуемых, но позднее по заслугам вознаграждаемых женщин типа падчерицы, сестрицы Аленушки, Снегурочки, Золушки и других. Чем-то близкие по своей судьбе к образу гонимого всеми Ивана, эти героини вызывают глубокое сочувствие слушателей. К женским образам волшебных сказок с полным основанием применимы слова А. М. Горького о «духовных данных» Василисы Премудрой: «...величественная простота, презрение к позе, мягкая гордость собою, недюжинный ум и глубокое, полное неиссякаемой любви сердце, спокойная готовность жертвовать собою ради торжества своей мечты...»[2]. Героям волшебных сказок в успешном решении задач большую помощь оказывают реальные и фантастические животные (Сивка-бурка, свинка-золотая щетинка, кот-баюн, серый волк, Ногай-птица, утка, орел, щука и др.), а также, существа и предметы, наделенные сверхъестественными качествами («дядьки», «старушки задворенки», кое-когда и баба-яга, всевозможные богатыри — Объедало, Опивало, Слухач, Усыня, Дубыня, Горокат, печка, речка-молочные берега, яблоня и т. п.). Большое значение в сказках имеют чудесные предметы и диковинки, которые выступают в роли обычных персонажей, нередко выполняющих очень ответственные задачи. Таковы многочисленные «самодействующие» вещи, вроде «ковра-самолета», «сапог-скороходов», «гуслей-самогудов», «топора-саморуба», «меча-самосека», «дубинки». Их с полным основанием можно назвать прообразами ряда современных машин и сооружений. Примечательны и различные «неисчерпаемые» предметы, такие, как «скатерть-самобранка», «кошелек-самотряс», «шапка-платилка», «сумочка-котомочка», а также волшебные: «шапка-невидимка», кольцо, цветок, гребень, полотенце, «молодильные яблоки», «сонные капли», «живая и мертвая вода».

Чудесными вещами и диковинками в сказках бывает очень трудно завладеть, и на своем пути к ним герой, преодолевая немалые опасности и лишения, вступает

[1] *Горький М.* Собр. соч. в 30-ти т., т. 27, с. 306.
[2] *Горький М.* Собр. соч. в 30-ти т., т. 24, с. 72.

в конфликт с теми, кто олицетворяет в волшебных сказках темные, враждебные силы. Среди них – завистливые и хитрые братья и сестры, несправедливые и жадные цари и купцы, целая вереница таких коварных и злых чудовищ, как Баба-яга, Кощей Бессмертный, Лихо одноглазое, Змей Горыныч, Идолище поганое, Чудо морское и Горе. Все они наделены сугубо отрицательными качествами и являются воплощением бесчеловечности, вероломства, свирепости, силы, уничтожающей все хорошее и светлое в жизни.

Но враги героя, несмотря на их чудовищную силу и фантастическую живучесть, в конце концов оказываются побежденными, в финале сказки добро торжествует над злом.

По сравнению с другими жанровыми разновидностями волшебные сказки отличаются богатством традиционного словесного оформления, характерной стилистикой и последовательным, почти всегда строго выдержанным композиционным построением. В них широко используются устоявшиеся и ставшие типичными словесные формулы, которые находят применение как в речи персонажей, так и в описании отдельных сказочных ситуаций и внешности героев.

Одной из примечательных сторон стиля волшебной сказки является прием повторения, или ретардации (замедленное развитие действия). Чаще всего встречаются троекратные повторения, сопровождаемые наращиваемой количественной и качественной градацией. Она повышает ценность чудесных атрибутов или явлений и значительно усиливает сюжетную напряженность повествования («Три царства – медное, серебряное и золотое», «Морской царь и Василиса Премудрая» и др.). Замедленности развития действия способствует также детализация описаний поступков и внешности персонажей, той обстановки, в которой они оказываются. Большое значение в художественной структуре произведений данной жанровой разновидности имеют постоянные эпитеты, простые и развернутые сравнения, сросшиеся синонимы, метафоры, а также специфические композиционные средства. Так, если традиционно построенная присказка вводит читателя и слушателя в особый фантастический мир, то зачины «жил-был» или «в некотором царстве, в некотором государстве» настораживают, ориентируют их на неопределенность места и времени, повышают интерес к рассказываемому. Главные события изображаются в основной, эпической части сказки и носят довольно активный характер. Особую роль играет волшебство, с помощью которого обычно аргументируются основные сказочные эпизоды и поступки героев. Оптимистическая по содержанию, ритмическая, а иногда рифмованная по форме концовка: «стали жить-поживать и добра наживать» или «и я там был, мед-пиво пил...» – вытекает из благополучной развязки и служит для переключения внимания слушателя от фантастики к окружающей его реальности.

Рисуя волшебный мир мечты, отдельные сказки впитали в себя социальные мотивы, изображая правдивые картины непосильного гнета и беспросветной жизни трудового народа в прошлом. Это нередко звучит не только в содержании сказок, но и в их названиях («Марко Богатый и Василий Бессчастный», «Сказка о бессчастном стрелке» и др.).

Наряду с рассмотренными жанровыми разновидностями в наши дни широкое распространение получили так называемые социально-бытовые, или, как их называют некоторые исследователи, новеллистические, сказки. Они появились значительно позже волшебных сказок и сказок о животных и были прочно связаны с повседневной жизнью трудового народа. В социально-бытовых сказках почти не встречается ни фантастических условий, в которых действуют персонажи, ни чудесных дел героев, ни сверхъестественных помощников. В этих произведениях все происходит в обыденной, нередко деревенской, обстановке, главными персонажами преимущественно являются землепашцы, плотники, сапожники, солдаты, попы, работники и просто мужики.

Уходя корнями во времена упадка феодализма, в ряде случаев еще не порвав с волшебным вымыслом, социально-бытовая сказка уже в момент своего появления значительно пополнила арсенал народной сатиры. Ограниченный сатирическими сказками о животных, он к той поре был не в состоянии охватить многие, ранее не известные явления российской действительности. Появление новых общественных групп, глубокие сдвиги в сознании людей, неизменный рост внутренних социальных противоречий – все это и было не только главной

причиной возникновения социально-бытовых сказок, но и явилось основой их содержания.

В довольно обширном репертуаре данной жанровой разновидности можно выделить ряд тем, связанных с показом личных и семейных отношений, с рассказом о делах мудрых и находчивых людей, с осуждением представителей господствующих классов, с выявлением пороков духовенства. В сказках о семейно-личных отношениях ведущее место нередко отводится освещению частной жизни главного персонажа. Здесь, прежде всего, речь идет о женитьбе или выходе замуж основных героев повествования, о супружеских взаимоотношениях, о перевоспитании мужьями нерадивых и непокорных жен, о неумении, а нередко и о нежелании жен работать и вести домашнее хозяйство («Жена-спорщица», «Горшок», «Наговорная водица» и др.). В сказках этой группы высмеиваются супружеская неверность, измена, обман и другие явления, порожденные феодально-крепостнической эпохой, когда простой человек был лишен возможности самостоятельно решать свою судьбу. К данным сказкам примыкают и такие произведения рассматриваемой жанровой разновидности, в которых народ, бичуя пороки, присущие отдельным людям: лень, упрямство, неряшливость, жадность и глупость, — вместе с тем показывает то лучшее, что характерно для человека труда: блестящий практический ум, незаурядную смекалку, умение хорошо выполнять любую работу.

В группе сказок о мудрых и находчивых людях особое место занимают многочисленные варианты произведений о поражающих своим умом девочке или девушке, о не теряющихся в любой обстановке простом солдате или бедном крестьянине. Зародившиеся на Руси в XII—XIV веках эти сказки («Семилетка», «Мудрая дева» и др.), как правило, не только показывают социальную и экономическую зависимость героинь от представителей класса имущих, но и очень ярко раскрывают их внутреннее благородство, умственное превосходство над господами. Большой интерес представляют сказки, в которых повествуется о недюжинных способностях, находчивости и сноровке простого человека («Как мужик гусей делил», «Горшеня», «Елевы шашки», «Воевода и мужик», «Кашица из топора», «Солилка», «Солдатская загадка»). Перед читателем и слушателем проходят запоминающиеся персонажи бывалых, простых людей, которые могут решить нелегкую задачу и выйти из любого затруднительного положения. Все они — от смекалистого, не лишенного хитрости крестьянина до прошедшего, как говорится в одной из сказок, огонь, воду и медные трубы солдата — способны выполнить такие задания и ответить на такие вопросы, которые оказываются не под силу богачу. И вместе с тем эти герои готовы от души посмеяться над глупым хозяином, плутоватой старушкой, весьма недалеким генералом. Изображая в сказках все то положительное, что присуще обычным труженикам, сказочники с нескрываемым удовлетворением показывают их превосходство над господами. Оно неизменно проявляется в торжестве разума, справедливости, умелом преодолении героем любых враждебных сил.

Сказки о ловких ворах («Шибарша», «Петр I и вор», «Шут», «Хам-вор» и др.) привлекали внимание людей как одно из проявлений протеста против тех порядков, которые господствовали на Руси. В их содержании ярко проступали чувство независимости по отношению к властям и нескрываемая неприязнь к миру собственников, которая проявлялась в том, что воры нападали на богатых и знатных, а бедняков не только не беспокоили, но и нередко награждали целым состоянием.

Наряду с рассмотренными группами большой интерес представляют социально-бытовые сказки о барах, чиновничестве и духовенстве. Эти сказки, говоря словами В. И. Ленина, своим содержанием выражали те «горы злобы и ненависти», которые были накоплены людьми труда в «века крепостного права, чиновничьего произвола и грабежа, церковного иезуитизма, обмана и мошенничества» [1].

Повествуя о взаимоотношениях трудового народа с представителями класса имущих, сказочники нередко выдают желаемое за действительное. Забитый, бес-

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Изд. 5, т. 20, с. 20

правный и нещадно угнетаемый крестьянин в сказках названной группы неизменно выходит победителем. Он прекрасно видит и умело использует каждый из недостатков своего барина. Мужик не просто зло смеется над пороками господ («Барин и мужик», «Солдат и барин», «Барыня и цыплятки», «Шемякин суд»), но и различными способами карает своих классовых врагов («Сердитая барыня», «Барин и плотник», «Про нужду»). В этих и ряде других социально-бытовых сказок мечта народа о справедливом возмездии господам воплощается в жизнь. Лютый помещик и сердитая барыня, алчный купец и жестокосердный судья попадают не только в комические, но часто и в унизительные положения, они физически и морально наказаны. Крестьянин действует против барина не с помощью чудесных «сонных капель», а самым реальным способом — трижды избивает барина, угоняет его тройку лошадей, забирает у барыни деньги да еще свинью с поросятами. Как справедливо отмечал Ю. М. Соколов, сказки данной группы «передают», и при этом с большой долей непосредственности, характерное отношение подневольных крестьянских масс к своему классу-антагонисту — помещикам, дворянам, — специфическую направленность классовых тенденций, которые «были присущи в дореформенной России крестьянству в сфере его отношений к помещичьему классу» [1].

Подобная же картина наблюдается и в отношении трудовых слоев общества к церковникам. Еще в 1847 году В. Г. Белинский в письме к Гоголю, имея в виду сатирические сказки о попах, отмечал, что «наше духовенство находится во всеобщем презрении у русского общества и русского народа», и добавлял: «Не есть ли поп на Руси, для всех русских, представитель обжорства, скупости, низкопоклонничества, бесстыдства?» [2].

Социально-бытовые сказки о служителях религиозного культа решительно обнажали всю фальшь церковных заповедей и рельефно изображали подлинное лицо представителей духовенства («Как поп работников морил», «Поп и работник», «Похороны козла» и многие др.). Сказочники беспощадно вскрывали такие пороки духовенства, как зависть, невежество, глупость, лицемерие, жадность, корыстолюбие, взяточничество, предательство, похотливость. Неизменно подчеркивая полнейший разлад между религиозной моралью и делами служителей культа, сказки рисуют все те неблаговидные поступки, которые были присущи как низшему, так и высшему духовенству. Во всех церковнослужителях трудовой народ видит своих непримиримых врагов. Поэтому образ попа содержит в себе много черт, присущих господам (барам). Барин и поп, олицетворяя основных антагонистов человека труда, выступают в социально-бытовых сказках как постоянные носители сугубо отрицательных начал.

Характерной особенностью социально-бытовых сказок является стремление к занимательности и динамичности сюжета, а также к лаконичности изложения событий. В этих сказках широко используется прием комического, даже подчеркнуто гротескного, нарочито утрированного показа героев. Почти не обращаясь к фантастике, черпая материал из реальной действительности, рассказчики нередко прибегают к общепринятым в сказочном эпосе приемам композиции и поэтики. В таких фольклорных произведениях иногда можно видеть и устоявшийся зачин «жили-были...», и характерную концовку «я там был, мед-пиво пил...», и традиционную форму троекратности в действиях и численности персонажей («Шемякин суд»). Но в большинстве случаев подобные сказки сразу же начинаются с динамического повествования о событиях и краткой характеристики главных персонажей; само действие развивается довольно быстро. Финал же сказки нередко неожидан и бывает весьма остроумным.

В отличие от сказок других жанровых разновидностей в социально-бытовых не всегда применяются традиционные сказочные эпитеты, сравнения и метафоры, почти не используются ретардации и постоянные формулы. Один из наиболее употребительных стилистических приемов этих сказок — ритмическая, а в отдельных случаях и рифмованная речь. Большое место в сказках социально-бытового содержания отводится диалогу, который, как правило, отличается крат-

---

1 Барин и мужик. Ред. и пред. *Ю. М. Соколова.* М.—Л., 1932, с. 8.
2 *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч., т. 10. М., 1956, с. 215.

костью и меткостью. Речь персонажей, хотя и не всегда индивидуализирована, но в ней ощущается своеобразие языка героев, широко используются народные слова и обороты. Языку произведения этой жанровой разновидности присущи простота и точность.

Своей классовой злободневностью и политической актуальностью эти сказки привлекали особое внимание рассказчиков и слушателей. Высокая идейность, меткость языка, остроумие, глубокое проникновение во многие явления безвозвратно ушедшего прошлого и сегодня вызывают неизменный интерес большой аудитории любителей фольклора.

Велико и воспитательное значение русских народных сказок. Впитав в себя многовековой трудовой и жизненный опыт человека, отразив его мысли и надежды, сказки учили и наставляли людей, будили их сознание, заставляли серьезно задуматься над важными проблемами российской действительности. Решительно высмеивая пороки человеческого общества, русская сказка славила доброе и светлое, что было в ту пору на земле. Сказочные образы борцов за правое дело были ярким примером для людей многих поколений.

Замечательные качества русской народной сказки еще в далеком прошлом привлекали к себе пристальное внимание не только исполнителей, но и собирателей произведений устнопоэтического творчества [1].

К произведениям сказочного жанра, его героям часто обращается художественная литература. С момента своего зарождения и до наших дней она черпает из сказок как из неиссякаемого источника идеи и образы, учится у сказочников умелому использованию сочного, меткого народного языка.

---

[1] В данном пособии ряд сказок дан с учетом современной орфографии (например, «Беспечальный монастырь», «Наговорная водица» и др.).

1. Лисичка-сестричка и волк

Жил себе дед да баба. Дед говорит бабе: «Ты, баба, пеки пироги, а я поеду за рыбой». Наловил рыбы и везет домой целый воз. Вот едет он и видит: лисичка свернулась калачиком и лежит на дороге. Дед слез с воза, подошел к лисичке, а она не ворохнется, лежит себе как мертвая. «Вот будет подарок жене», — сказал дед, взял лисичку и положил на воз, а сам пошел впереди. А лисичка улучила время и стала выбрасывать полегоньку из воза все по рыбке да по рыбке, все по рыбке да по рыбке. Повыбросила всю рыбу, и сама ушла.

«Ну, старуха, — говорит дед, — какой воротник привез я тебе на шубу». — «Где?» — «Там, на возу, — и рыба и воротник». Подошла баба к возу: ни воротника, ни рыбы — и начала ругать мужа: «Ах ты, старый хрен! Такой-сякой! Ты еще вздумал обманывать!» Тут дед смекнул, что лисичка-то была не мертвая; погоревал, погоревал, да делать-то нечего.

А лисичка собрала всю разбросанную по дороге рыбу в кучку, села и ест себе. Навстречу ей идет волк: «Здравствуй, кумушка!» — «Здравствуй, куманек!» — «Дай мне рыбки!» — «Налови сам, да и ешь». — «Я не умею». — «Эка, ведь я же наловила; ты, куманек, ступай на реку, опусти хвост в прорубь — рыба сама на хвост нацепляется, да смотри, сиди подольше, а то не наловишь».

Волк пошел на реку, опустил хвост в прорубь; дело-то было зимою. Уж он сидел, сидел, целую ночь просидел, хвост его и приморозило; попробовал было приподняться: не тут-то было. «Эка, сколько рыбы привалило, и не вытащишь!» — думает он. Смотрит, а бабы идут за водой и кричат, завидя серого: «Волк, волк! Бейте его! Бейте его!» Прибежали и начали колотить волка — кто коромыслом, кто ведром, чем кто попало. Волк прыгал, прыгал, оторвал себе хвост и пустился без оглядки бежать. «Хорошо же, — думает, — уж я тебе отплачу, кумушка!» А лисичка-сестричка, покушамши рыбки, захотела попробовать, не удастся ли еще что-нибудь стянуть; забралась в одну избу, где бабы пекли блины, да попала головой в кадку с тестом, вымазалась и бежит. А волк ей навстречу: «Так-то учишь ты? Меня всего поколотили!» — «Эх, куманек, — говорит лисичка-сестричка, — у тебя хоть кровь выступила, а у меня мозг, меня больней твоего прибили; я насилу плетусь». — «И то правда, — говорит волк, — где тебе, кумушка, уж идти; садись на меня, я тебя довезу». Лисичка села

ему на спину, он ее и понес. Вот лисичка-сестричка сидит, да потихоньку и говорит: «Битый небитого везет, битый небитого везет». – «Что ты, кумушка, говоришь?» – «Я, куманек, говорю: битый битого везет». – «Так, кумушка, так!».

«Давай, куманек, построим себе хатки». – «Давай, кумушка!» – «Я себе построю лубяную, а ты себе ледяную». Принялись за работу, сделали себе хатки: лисичке – лубяную, а волку – ледяную, и живут в них. Пришла весна, волчья хатка и растаяла. «А, кумушка! – говорит волк. – Ты меня опять обманула, надо тебя за это съесть». – «Пойдем, куманек, еще поконаемся, кому-то кого достанется есть». Вот лисичка-сестричка привела его в лес к глубокой яме и говорит: «Прыгай! Если ты перепрыгнешь через яму – тебе меня есть, а не перепрыгнешь – мне тебя есть». Волк прыгнул и попал в яму. «Ну, – говорит лисичка, – сиди же тут!» – и сама ушла.

Идет она, несет скалочку в лапках и просится к мужичку в избу: «Пусти лисичку-сестричку переночевать». – «У нас и без тебя тесно». – «Я не потесню вас; сама лягу на лавочку, хвостик под лавочку, скалочку под печку». Ее пустили. Она легла сама на лавочку, хвостик под лавочку, скалочку под печку. Рано поутру лисичка встала, сожгла свою скалочку, а после спрашивает: «Где же моя скалочка? Я за нее и гусочку не возьму!» Мужик – делать нечего – отдал ей за скалочку гусочку; взяла лисичка гусочку, идет и поет:

Ишла лисичка-сестричка по дорожке,
Несла скалочку;
За скалочку – гусочку!

Стук, стук, стук! – стучится она в избу к другому мужику. «Кто там?» – «Я – лисичка-сестричка, пустите переночевать». – «У нас и без тебя тесно». – «Я не потесню вас; сама лягу на лавочку, хвостик под лавочку, гусочку под печку». Ее пустили. Она легла сама на лавочку, хвостик под лавочку, гусочку под печку. Рано утром она вскочила, схватила гусочку, ощипала ее, съела и говорит: «Где же моя гусочка? Я за нее индюшечку не возьму!» Мужик – делать нечего – отдал ей за гусочку индюшечку; взяла лисичка индюшечку, идет и поет:

Ишла лисичка-сестричка по дорожке,
Несла скалочку;
За скалочку – гусочку,
За гусочку – индюшечку!

Стук, стук, стук! – стучится она в избу к третьему мужику. «Кто там?» – «Я – лисичка-сестричка, пустите переночевать». – «У нас и без тебя тесно». – «Я не потесню вас; сама лягу на лавочку, хвостик под лавочку, индюшечку под печку». Ее пустили. Вот она легла на лавочку, хвостик под лавочку, индюшечку под печку. Рано утром лисичка вскочила, схватила индюшечку, ощипала ее, съела и говорит: «Где же моя индюшечка?

Я за нее не возьму и невесточку!» Мужик — делать нечего — отдал ей за индюшечку невесточку; лисичка посадила ее в мешок, идет и поет:

Ишла лисичка-сестричка по дорожке,
Несла скалочку;
За скалочку — гусочку,
За гусочку — индюшечку,
За индюшечку — невесточку!

Стук, стук, стук! — стучится она в избу к четвертому мужику. «Кто там?» — «Я — лисичка-сестричка, пустите переночевать». — «У нас и без тебя тесно». — «Я не потесню вас; сама лягу на лавочку, хвостик под лавочку, а мешок под печку». Ее пустили. Она легла на лавочку, хвостик под лавочку, а мешок под печку. Мужик потихоньку выпустил из мешка невесточку, а впихал туда собаку. Вот поутру лисичка-сестричка собралась в дорогу, взяла мешок, идет и говорит: «Невесточка, пой песни!», а собака как зарычит. Лисичка испугалась, как шваркнет мешок с собакою да бежать.

Вот бежит лисичка и видит: на воротах сидит петушок. Она ему и говорит: «Петушок, петушок! Слезь сюда, я тебя исповедаю: у тебя семьдесят жен, ты завсегда грешон». Петух слез; она хвать его и скушала.

2. Лиса-повитуха

Жили-были кум с кумой — волк с лисой. Была у них кадочка медку. А лисица любит сладенькое; лежит кума с кумом в избушке да украдкою постукивает хвостиком. «Кума, кума, — говорит волк, — кто-то стучит», — «А, знать, меня на повой зовут!» — бормочет лиса. «Так поди сходи», — говорит волк. Вот кума из избы да прямехонько к меду, нализалась и вернулась назад. «Что бог дал?» — спрашивает волк. «Початочек», — отвечает лисица.

В другой раз опять лежит кума да постукивает хвостиком. «Кума! Кто-то стучится», — говорит волк. «На повой, знать, зовут!» — «Так сходи». Пошла лисица, да опять к меду, нализалась досыта: медку только на донышке осталось. Приходит к волку. «Что бог дал?» — спрашивает ее волк. — «Серёдышек».

В третий раз опять так же обманула лисица волка и долизала уж весь медок. «Что бог дал?» — спрашивает ее волк. — «Поскрёбышек».

Долго ли, коротко ли – прикинулась лисица хворою, просит кума медку принести. Пошел кум, а меду ни крошки. «Кума, кума, – кричит волк, – ведь мед съеден». – «Как съеден? Кто же съел? Кому окроме тебя!» – погоняет лисица. Волк и кстится и божится. «Ну, хорошо! – говорит лисица. – Давай ляжем на солнышке, у кого вытопится мед, тот и виноват».

Пошли, легли. Лисице не спится, а серый волк храпит во всю пасть. Глядь-поглядь, у кумы-то и показался медок; она ну-тко скорее перемазывать его на волка. «Кум, кум – толкает волка, – это что? Вот кто съел!» И волк, нечего делать, повинился.

Вот вам сказка, а мне кринка масла.

3. Лиса и журавль

Лиса с журавлем подружилась, даже покумилась с ним у кого-то на родинах.

Вот и вздумала однажды лиса угостить журавля, пошла звать его к себе в гости: «Приходи, куманек, приходи, дорогой! Уж я как тебя угощу!» Идет журавль на званый пир, а лиса наварила манной каши и размазала по тарелке. Подала и потчевает: «Покушай, мой голубчик-куманек! Сама стряпала». Журавль хлоп-хлоп носом, стучал, стучал, ничего не попадает! А лисица в это время лижет себе да лижет кашу, так всю сама и скушала.

Каша съедена; лисица говорит: «Не бессудь, любезный кум! больше потчевать нечем». – «Спасибо, кума, и на этом! Приходи ко мне в гости».

На другой день приходит лиса, а журавль приготовил окрошку, наклал в кувшин с малым горлышком, поставил на стол и говорит: «Кушай, кумушка! Право, больше нечем потчевать». Лиса начала вертеться вокруг кувшина: и так зайдет, и этак, и лизнет его, и понюхает-то, все ничего не достанет! Не лезет голова в кувшин. А журавль меж тем клюет себе да клюет, пока все поел. «Ну, не бессудь, кума! Больше угощать нечем». Взяла лису досада, думала, что наестся на целую неделю, а домой пошла, как несолоно хлебала. Как аукнулось, так и откликнулось! С тех пор и дружба у лисы с журавлем врозь.

4. Кот, петух и лиса

Жил-был старик, у него были кот да петух. Старик ушел в лес на работу, кот унес ему есть, а петуха оставили стеречь дом. На ту пору пришла лиса.

Кикереку-петушок,
Золотой гребешок!
Выгляни в окошко,
Дам тебе горошку.

Так лиса пела, сидя под окном. Петух выставил окошко, высунул головку и посмотрел: кто тут поет? Лиса схватила петуха в когти и понесла его в гости. Петух закричал: «Понесла меня лиса, понесла петуха за темные леса, в далекие страны, в чужие земли, за тридевять земель, в тридцатое царство, в тридесятое государство. Кот Котонаевич, отыми меня!» Кот в поле услыхал голос петуха, бросился в погоню, достиг лису, отбил петуха и принес домой. «Мотри ты, Петя-петушок, – говорит ему кот, – не выглядывай в окошко, не верь лисе; она съест тебя и косточек не оставит».

Старик опять ушел в лес на работу, а кот унес ему есть. Старик, уходя, заказывал петуху беречь дом и не выглядывать в окошко. Но лисица стерегла, ей больно хотелось скушать петушка; пришла она к избушке и запела:

Кикереку-петушок,
Золотой гребешок,
Выгляни в окошко,
Дам тебе горошку,
Дам и зернышков.

Петух ходил по избе да молчал. Лиса снова запела песенку и бросила в окно горошку. Петух съел горошек и говорит: «Нет, лиса, не обманешь меня! Ты хочешь меня съесть и косточек не оставишь». – «Полно ты, Петя-петушок! Стану ли я есть тебя! Мне хотелось, чтоб ты у меня погостил, моего житья-бытия посмотрел и на мое добро поглядел!» – и снова запела:

Кикереку-петушок,
Золотой гребешок,
Масляна головка!
Выгляни в окошко,
Я дала тебе горошку,
Дам и зернышков.

Петух лишь выглянул в окошко, как лиса его в когти. Петух лихим матом закричал: «Понесла меня лиса, понесла петуха за темные леса, за дремучие боры, по крутым бережкам, по высоким горам; хочет лиса меня съести и косточек не оставити!» Кот в поле услыхал, пустился в догоню, петуха отбил и домой принес: «Не говорил ли я тебе: не открывай окошка, не вглядывай в окошко, съест тебя лиса и косточек не оставит. Мотри, слушай меня! Мы завтра дальше пойдем».

Вот опять старик на работе, а кот ему хлеба унес. Лиса подкралась под окошко, ту же песенку запела; три раза пропела, а петух все молчит. Лиса говорит: «Что это, уж ныне Петя нем стал!» – «Нет, лиса, не обманешь меня, не выгляну в окошко». Лиса побросала в окошко горошку и пшенички и снова запела:

Кикереку-петушок,
Золотой гребешок,
Масляна головка!
Выгляни в окошко,
У меня-то хоромы большие,
В каждом углу
Пшенички по мерочке:
Ешь – сыт, не хочу!

Потом прибавила: «Да посмотрел бы ты, Петя, сколько у меня редкостей! Да покажись же ты, Петя! Полно, не верь коту. Если бы я съести хотела тебя, то давно бы съела; а то, вишь, я тебя люблю, хочу тебе свет показать, уму-разуму тебя наставить и научить, как нужно жить. Да покажись же ты, Петя, вот я за угол уйду!» – и к стене ближе притаилась. Петух на лавку скочил и смотрел издалека; хотелось ему узнать, ушла ли лиса. Вот он высунул головку в окошко, а лиса его в когти и была такова.

Петух ту же песню запел; но кот его не слыхал. Лиса унесла петуха и за ельничком съела, только хвост да перья ветром разнесло. Кот со стариком пришли домой и петуха не нашли; сколько ни горевали, а после сказали: «Вот каково не слушаться!».

5. Лиса и тетерев

Бежала лисица по лесу, увидала на дереве тетерева и говорит ему: «Терентий, Терентий! Я в городе была». – «Бу-бу-бу, бу-бу-бу! Была, так была». – «Терентий, Терентий! Я указ добыла». – «Бу-бу-бу, бу-бу-бу! Добыла, так добыла». – «Чтобы вам, тетеревам, не сидеть по деревам, а все бы гулять по зеленым

лугам». – «Бу-бу-бу, бу-бу-бу! Гулять, так гулять». – «Терентий, кто там едет?» – спрашивает лисица, услышав конский топот и собачий лай. – «Мужик». – «Кто за ним бежит?» – «Жеребенок». – «Как у него хвост-то?» – «Крючком». – «Ну, так прощай, Терентий! Мне дома недосуг».

6. Напуганные медведь и волки

Жил себе старик да старуха, у них был кот да баран. Старуха укоп копит [1], а кот проказит. «Старик, – говорит старуха, – у нас на погребе нездорово». – «Надо поглядеть, – говорит ей старик, – не со стороны ли кто блудит». Вот пошла старуха на погреб и усмотрела: кот сдвинул лапкой с горшка покрышку и слизывает себе сметанку; выгнала кота из погреба и пошла в избу, а кот наперед прибежал и запрятался на печи в углу. «Хозяин! – сказывает старуха. – Вот мы не верили, что кот блудит, а он самый и есть; давай его убьем!».

Кот услыхал эти речи, как бросится с печки да бегом к барану в хлев и начал его обманывать: «Брате баран! Меня хотят завтра убити, тебя зарезати». И сговорились они оба бежать ночью от хозяина. «Как же быть? – спрашивает баран. – Рад бы я с тобой лыжи навострить, да ведь хлев-то заперт!» – «Ничего!» Кот тотчас взобрался на дверь, скинул лапкой веревочку с гвоздя и выпустил барана.

Вот и пошли они путем-дорогою, нашли волчью голову и взяли с собой; шли, шли, увидели: далеко в лесу светится огонек, они и пустились прямо на огонь. Подходят, а вокруг огня греются двенадцать волков. «Бог помочь вам, волкам!» – «Добро жаловать, кот да баран!» – «Брате, – спрашивает баран у кота, – что нам вечерять будет?» – «А двенадцать-то волчьих голов! Поди выбери, которая пожирнее». Баран пошел в кусты, поднял повыше волчью голову, что дорогой-то нашли, и спрашивает: «Эта ли, брате кот?» – «Нет, не эта, выбери получше». Баран опять поднял ту же голову и опять спрашивает: «Эта ли?».

Волки так напугались, что рады бы убежать, да без спросу не смеют. Четверо волков и стали проситься у кота и барана: «Пустите нас за дровами! Мы вам принесем». И ушли. Остальные восемь волков еще пуще стали бояться кота да барана: коли двенадцать смогли поесть, а осьмерых и подавно поедят. Стало

[1] Собирает сметану и сливки на масло.

еще четверо проситься за водою. Кот отпустил: «Ступайте, да скорее ворочайтесь!» Последние четыре волка отправились сходить за прежними волками: отчего де не ворочаются? Кот отпустил, еще строже наказал поскорее приходить назад, а сам с бараном рад, что они ушли-то.

Волки собрались вместе и пустились дальше в лес. Попадается им медведь Михайло Иванович. «Слыхал ли ты, Михайло Иванович,— спрашивают волки,— чтобы кот да баран съели по двенадцати волков?» — «Нет, ребятушки, не слыхивал».— «А мы сами видели этого кота да барана».— «Как бы, ребятушки, и мне посмотреть, какова их храбрость?» — «Эх, Михайло Иванович, ведь больно кот-то ретив, нельзя к нему поддоброхотиться: того и гляди, что в клочки изорвет! Даром что мы прытки над собаками и зайцами, а тут ничего не возьмешь. Позовем-ка лучше их на обед».

Стали посылать лисицу: «Ступай, позови кота да барана». Лисица начала отговариваться: «Я хоть и прытка, да неувертлива; как бы они меня не съели!» — «Ступай!..» Делать нечего, побежала лисица за котом и бараном. Воротилась назад и сказывает: «Обещались быть; ах, Михайло Иванович, какой кот-то сердитый! Сидит на пне да ломает его когтями: это на нас точит он свои ножи! А глаза так и выпучил!..» Медведь струхнул, сейчас посадил одного волка в сторожа на высокий пень, дал ему в лапы утирку и наказал: «Коли увидишь кота с бараном, махай утиркою: мы пойдем — их повстречаем». Стали готовить обед; четыре волка притащили четыре коровы, а в повара медведь посадил сурка.

Вот идут в гости кот да баран; завидели караульного, смекнули дело и стакнулись меж собою. «Я,— говорит кот,— подползу тихонько по траве и сяду у самого пня супротив волчьей рожи, а ты, брат баран, разбежись и что есть силы ударь его лбом!» Баран разбежался, ударил со всей мочи и сшиб волка, а кот бросился ему прямо в морду, вцепился когтями и исцарапал до крови. Медведь и волки, как увидели то, зачали меж собою растабаривать: «Ну, ребятишки, вот какова рысь кота да барана! Евстифейка-волка умудрились сшибить и изувечить с какого высокого пня, а нам где уж на земле устоять! Им, знать, наше готовленье-то нипочем: они придут не угощаться, а нас пятнать. А, братцы, не лучше ли нам схорониться?»

Волки все разбежались по́ лесу, медведь вскарабкался на сосну, сурок спрятался в нору, а лиса забилась под колодину. Кот с бараном принялись за наготовленные кушанья. Кот ест, а сам мурлычет: «Мало, мало!», обернулся как-то назад, увидел, что из норы торчит сурков хвост, испугался да как прыснет на сосну. Медведь устрахался кота, да напрямик с сосны на землю и ринулся и чуть-чуть не задавил лисы под колодиной. Побежал медведь, побежала лиса. «Знать ты, куманек, ушибся?» — спрашивает лисица. «Нет, кумушка, если б я не спрыгнул,— кот бы давно меня съел!»

7. Мужик, медведь и лиса

Пахал мужик ниву, пришел к нему медведь и говорит ему: «Мужик, я тебя сломаю!» — «Нет, не замай (не трогай); я вот сею репу, себе возьму хоть корешки, а тебе отдам вершки». «Быть так, — сказал медведь, — а коли обманешь — так в лес по дрова ко мне хоть не езди!» Сказал и ушел в дуброву. Пришло время: мужик репу копает, а медведь из дубровы вылезает: «Ну, мужик, давай делить!» — «Ладно, медведюшка! Давай я привезу тебе вершки», — и отвез ему воз ботвы.

Медведь остался доволен честным разделом. Вот мужик наклал свою репу на воз и повез в город продавать, а навстречу ему медведь: «Мужик, куда ты едешь?» — «А вот, медведюшка, еду в город корешки продавать». — «Дай-ка попробовать, каков корешок!» Мужик дал ему репу. Медведь как съел — «а-а, — заревел, — ты меня обманул, мужик! Корешки твои сладеньки. Теперь не езжай ко мне по дрова, а то задеру!». Мужик воротился из города и боится ехать в лес: пожег и полочки, и лавочки, и кадочки, наконец делать нечего — надо в лес ехать.

Въезжает потихонечку; откуда ни возьмись бежит лисица. «Что ты, мужичок, — спрашивает она, — так тихо бредешь?» — «Боюсь медведя, сердит на меня, обещал задрать». — «Небось медведя, руби дрова, а я стану порска́ть; коли спросит медведь: что такое? скажи: ловят волков и медведей». Мужик принялся рубить; глядь — ан медведь бежит и мужику кричит: «Эй, старик! Что это за крик?» Мужик говорит: «Волков ловят да медведей». — «Ох, мужичок, положи меня в сани, закидай дровами да увяжи веревкой; авось подумают, что колода лежит». Мужик положил его в сани, увязал веревкою и давай обухом гвоздить его в голову, пока медведь совсем окочурился.

Прибежала лиса и говорит: «Где медведь?» — «А вот, околел!» — «Ну что ж, мужичок, теперь нужно меня угостить». — «Изволь, лисонька! Поедем ко мне, я тебя угощу». Мужик едет, а лиса вперед бежит; стал мужик подъезжать к дому, свистнул своим собакам и притравил лисицу. Лиса пустилась к лесу и юрк в нору; спряталась в норе и спрашивает: «Ох вы, мои глазоньки, что вы смотрели, когда я бежала?» — «Ох, лисонька, мы смотрели, чтоб ты не спотыкнулась». — «А вы, ушки, что делали?» — «А мы все слушали, далеко ли псы гонят». — «А ты, хвост, что делал?» — «Я-то, — сказал хвост, — все мотался под ногами, чтоб ты запуталась, да упала, да к собакам в зубы попала». «А-а,

каналья! Так пусть же тебя собаки едят». И, высунув из норы свой хвост, лиса закричала: «Ешьте, собаки, лисий хвост!». Собаки за хвост потащили и лисицу закамшили. Так часто бывает: от хвоста и голова пропадает.

8. Коза

Сидит козел да плачет: он послал козу за
орехами; она пошла и пропала.
Вот козел и запел:
Нет козы с орехами,
Нет козы с калеными!
Добро же, коза! Пошлю на тя волки.
Волки нейдут козы гнать:
Нет козы с орехами,
Нет козы с калеными!
Добро же, волки! Пошлю на вас медведя.
Медведь нейдет волков драть,
Волки нейдут козы гнать:
Нет козы с орехами,
Нет козы с калеными!
Добро же, медведь! Пошлю на тя люд.
Люди нейдут медведь стрелять,
Медведь нейдет волков драть,
Волки нейдут козы гнать:
Нет козы с орехами,
Нет козы с калеными!
Добро же, люди! Пошлю на вас дубье,
Дубье нейдет людей бить,
Люди нейдут медведь стрелять,
Медведь нейдет волков драть,
Волки нейдут козы гнать:
Нет козы с орехами,
Нет козы с калеными!
Добро же, дубье! Пошлю на тя топор.
Топор нейдет дубье рубить,
Дубье нейдет людей бить,
Люди нейдут медведь стрелять,
Медведь нейдет волков драть,
Волки нейдут козы гнать:

Нет козы с орехами,
Нет козы с калеными!
Добро же, топор! Пошлю на тя камень.
Камень нейдет топор тупить,
Топор нейдет дубье рубить,
Дубье нейдет людей бить,
Люди нейдут медведь стрелять,
Медведь нейдет волков драть,
Волки нейдут козы гнать:
Нет козы с орехами,
Нет козы с калеными!
Добро же, камень! Пошлю на тя огонь.
Огонь нейдет камень палить,
Камень нейдет топор тупить,
Топор нейдет дубье рубить,
Дубье нейдет людей бить,
Люди нейдут медведь стрелять,
Медведь нейдет волков драть,
Волки нейдут козы гнать:
Нет козы с орехами,
Нет козы с калеными!
Добро же, огонь! Пошлю на тя воду.
Вода нейдет огонь лить,
Огонь нейдет камень палить,
Камень нейдет топор тупить,
Топор нейдет дубье рубить,
Дубье нейдет людей бить,
Люди нейдут медведь стрелять,
Медведь нейдет волков драть,
Волки нейдут козы гнать:
Нет козы с орехами,
Нет козы с калеными!
Добро же, вода! Пошлю на тя бурю.
Буря пошла воду гнать,
Вода пошла огонь лить,
Огонь пошел камень палить,
Камень пошел топор тупить,
Топор пошел дубье рубить,
Дубье пошло людей бить,
Люди пошли медведь стрелять,
Медведь пошел волков драть,
Волки пошли козу гнать:
Вот коза с орехами,
Вот коза с калеными.

9. Старая хлеб-соль забывается

Попался было бирюк в капкан, да кое-как вырвался и стал пробираться в глухую сторону. Завидели его охотники и стали следить. Пришлось бирюку бежать через дорогу, а на ту пору шел по дороге с поля мужик с мешком и цепом. Бирюк к нему: «Сделай милость, мужичок, схорони меня в мешок! За мной охотники гонят». Мужик согласился, запрятал его в мешок, завязал и взвалил на плечи. Идет дальше, а навстречу ему охотники. «Не видал ли, мужичок, бирюка?» – спрашивают они. «Нет, не видал!» – отвечает мужик.

Охотники поскакали вперед и скрылись из виду. «Что, ушли мои злодеи?» – спросил бирюк. «Ушли». – «Ну, теперь выпусти меня на волю». Мужик развязал мешок и выпустил его на вольный свет. Бирюк сказал: «А что, мужик, я тебя съем!» – «Ах, бирюк, бирюк! Я тебя из какой неволи выручил, а ты меня съесть хочешь!» – «Старая хлеб-соль забывается», – отвечал бирюк. Мужик видит, что дело-то плохо, и говорит: «Ну коли так, пойдем дальше, и если первый, кто с нами встретится, скажет по-твоему, что старая хлеб-соль забывается, тогда делать нечего – съешь меня!»

Пошли они дальше. Повстречалась им старая кобыла. Мужик к ней с вопросом: «Сделай милость, кобылушка-матушка, рассуди нас! Вот я бирюка из большой неволи выручил, а он хочет меня съесть!» – и рассказал ей все, что было. Кобыла подумала-подумала и сказала: «Я жила у хозяина двенадцать лет, принесла ему двенадцать жеребят, изо всех сил на него работала, а как стала стара и пришло мне невмоготу работать – он взял да и стащил меня под яр; уж я лезла, лезла, насилу вылезла, и теперь вот плетусь, куда глаза глядят. Да, старая хлеб-соль забывается!» – «Видишь, моя правда!» – молвил бирюк.

Мужик опечалился и стал просить бирюка, чтоб подождал до другой встречи. Бирюк согласился и на это. Повстречалась им старая собака. Мужик к ней с тем же вопросом. Собака подумала-подумала и сказала: «Служила я хозяину двадцать лет, оберегала его дом и скотину, а как состарилась и перестала брехать, – он прогнал меня со двора, и вот плетусь я, куда глаза глядят. Да, старая хлеб-соль забывается!» – «Ну, видишь, моя правда!». Мужик еще пуще опечалился и упросил бирюка обождать до третьей встречи: «А там делай как знаешь, коли хлеба-соли моей не попомнишь».

В третий раз повстречалась им лиса. Мужик повторил ей свой вопрос. Лиса стала спорить: «Да как это можно, чтобы бирюк, этакая большая туша, мог поместиться в этаком малом мешке?» И бирюк и мужик побожились, что это истинная правда; но лиса все-таки не верила и сказала: «А ну-ка, мужичок, покажь, как ты сажал его в мешок-то!» Мужик расставил мешок, а бирюк всунул туда голову. Лиса закричала: «Да разве ты одну голову прятал в мешок?» Бирюк влез совсем. «Ну-ка, мужичок, – продолжала лиса, – покажи, как ты его завязывал?» Мужик завязал. «Ну-ка, мужичок, как ты в поле хлеб-то молотил?» Мужик начал молотить цепом по мешку. «Ну-ка, мужичок, как ты отворачивал?» Мужик стал отворачивать да задел лису по голове и убил ее до смерти, приговаривая: «Старая хлеб-соль забывается!»

10. Волк сера, смела...[1]

В невкотором царстве, в невкотором государстве, в том, в котором мы живем, под номером сядьмым, иде мы сядим, снег горел, соломой тушили, много народу покрушили, тем дела не ряшили.

Бегуть двянадцать волков, за двянадцатью волками бягуть старики с колами. Один волк сера, смела говорить:

«Старички, воротитеся, умилитеся, мой отец ядал у вас по сту овец, а я к вашаму стаду не прикоснусь». Те воротилися, умилилися, пошли домой.

Идеть волк сера, смела – ходить свинья с поросеночкям. Бяреть он свинью.

– Брось ты мяне, волк сера, смела, возьми ты у мяне куценькява, кургузенькява поросеночкя.

Взял он куценькява, кургузенькява поросеночкя за спинку, сдернул с него кожуринку и сидить яво исть.

Иде ни была лиса:

– Здравствуй, куманечек, миленький дружочек. Я к тебе пришла в гости глодать свининые кости.

– Што ты за тварь, читаешь мне такую букварь? Я сам учился в Рыги читать постовыи книги. Што было куценькяму, кургузенькяму поросеночкю, то и табе, тварь, будя!

Та лиса вытягиваеть ноги бяжать по дороге. Отправляется лиса в Брянские ляса. В Брянских лясах сидел пятух на дубу.

---

[1] Сказка приводится со всеми фонетическими особенностями.

— Здравствуй, петушочек, миленький дружочек. Я была в городе Ирусалиме, там тибе восхвалили: у тибе, — говорять, — петуха, шалко́вая борода, крылыщки-то рябенькии, сапожки-то красненькии. Я есть духовная ваша мать, хожу по курникам вас исповядать. Ты есть грешник, ты есть беззаконник, по семьдесят семь жен имеешь. Слезь ко мне, раскайси ты мне. На том свете есть пшаница яровая и озимова́я, я вас туды пускаю, хорошим кормом наслаждаю.

Тот петух спольстилси на лисиный дух, с сука на́ сук спускалси, с деревом проишалси, сел лисе на галаву. Взяла лиса пятуха сабе в уста́, понясла яво в густыи куста́, стала лиса пятуху голову вяртеть.

Съела она пятуха, отвисла у ней требуха, пошла она в реку свою жажду затушать. Иде ни был серый волк, взял лису за спину, сдернул с ней кожурину, съел яё до остатка и показалось волку сладко. На этом басне конец.

11. Про старика и серого волка

Жил старик со своею старухой у самого леса. У них было двое детей: паренек да девушка. В хозяйстве у них было пять овец, один жеребчик, телочка и бычок.

Прознал, проведал про это голодный серый волк и стал донимать старика, выпрашивать у него чего-нибудь поесть. Вот пришел волк однажды вечером и запел у старика под окном:

Жил жилец — на кустике дворец.
У него было пять овец.
Шестой жеребец,
Седьма телочка,
Восьмой бычок,
Паренек да девушка,
Старичок да бабушка...

— Старик-старик, дай мне овечку, а то старуху твою съем!
Испугался старик, что старуху его волк съест, и отдал ему овечку.
Съел волк овечку и опять пришел к старику и пропел:

Жил жилец — на кустике дворец.
У него было пять овец,
Шестой жеребец.
Седьма телочка,
Восьмой бычок,
Паренек да девушка,
Старичок да бабушка...

— Старик-старик, дай мне овечку, а то старуху съем!

Отдал старик волку и вторую овечку. Так волк пришел за третьей, четвертой и пятой овечкой. Успокоился старик, что волк уже больше не придет к нему ни за чем, раз пять овечек отдал.

Прошло немного время, волк проголодался, и снова старик слышит, что под окном поет волк:

Жил жилец – на кустике дворец,
У него было пять овец,
Шестой жеребец,
Седьма телочка,
Восьмой бычок,
Паренек, да девушка,
Старичок да бабушка...

– Старик-старик, отдай мне жеребца, а то старуху съем!

Отдал старик жеребчика и думал, что волк не придет больше. Съел волк жеребчика и снова идет к старику под окно и поет:

Жил жилец – на кустике дворец,
У него было пять овец,
Шестой жеребец,
Седьма телочка,
Восьмой бычок,
Паренек да девушка,
Старичок да бабушка...

– Старик-старик, отдай мне телочку, а то старуху съем!

Пожалел старик свою старуху и отдал телочку волку. Живет старик и думает, уж теперь-то, наверное, волк не придет. Но прошло три дня, а волк снова у старика под окном и поет ту же песню:

Жил жилец – на кустике дворец,
У него было пять овец,
Шестой жеребец,
Седьма телочка,
Восьмой бычок,
Паренек да девушка,
Старичок да бабушка...

– Старик-старик, отдай мне бычка, а то старуху съем!

Испугался старик пуще прежнего и отдал бычка волку, но успокоился, уж теперь-то волк больше не придет, все ему отдал.

Прошло немного время и слышит опять старик волчью песню под своим окошком:

Жил жилец – на кустике дворец,
У него было пять овец,
Шестой жеребец,
Седьма телочка,
Восьмой бычок,
Паренек да девушка,
Старичок да бабушка...

– Старик-старик, дай мне паренька, а то старуху твою съем.

Любил старик свою старуху очень и пришлось ему отдать волку паренька. Получил волк паренька и отправился в лес. Прошел день-другой, проголодался волк и опять пришел к старику просить у него девушку:

Жил жилец – на кустике дворец,
У него было пять овец,
Шестой жеребец,
Седьма телочка,
Восьмой бычок,
Паренек да девушка,
Старичок да бабушка...

— Старик-старик, отдай мне девушку, а то старуху съем!

Вцепился старик в свою старуху, не отдает ее серому волку, отдал девушку. Не насытился волк, голод пуще прежнего его пробирает и пришел он к старику за бабушкой. Снова под окном деда злая волчья песня:

Жил жилец – на кустике дворец,
У него было пять овец,
Шестой жеребец,
Седьма телочка,
Восьмой бычок,
Паренек да девушка,
Старичок да бабушка...

— Старик-старик, дай мне твою старуху, а то тебя съем! Отдал старик свою старуху волку и долго-долго плакал. Видно и ему не долго ждать, и за ним придет прожорливый волк. Недолго пришлось ждать старику, опять он слышит песню:

Жил жилец – на кустике дворец,
У него было пять овец,
Шестой жеребец,
Седьма телочка,
Восьмой бычок,
Паренек да девушка,
Старичок, да бабушка...

— Старик-старик, я тебя пришел съесть!

А старик со страху залез в кузов, который висел в сенях под потолком и дрожит, слова вымолвить не может.

Подождал волк, никто к нему не выходит, и решил посмотреть, дома ли старик. Вошел он в сени и встал под кузовом, в котором сидел старик. А старик решил, что волк знает, куда спрятался старик и стал вылезать из кузова. Вдруг кузов оборвался и вместе со стариком упал прямо на волка. Бросился волк бежать и бежал до тех пор, пока не забыл, где находится старикова избушка.

12. Журавль и цапля

Летала сова – веселая голова; вот она летала, летала и села, да хвостиком повертела, да по сторонам посмотрела, и опять

полетела; летала, летала и села, хвостиком повертела да по сторонам посмотрела... Это присказка, сказка вся впереди.

Жили-были на болоте журавль да цапля, построили себе по концам избушки. Журавлю показалось скучно жить одному, и задумал он жениться. «Дай пойду посватаюсь на цапле!»

Пошел журавль — тяп, тяп! Семь верст болото месил; приходит и говорит: «Дома ли цапля?» — «Дома». — «Выдь за меня замуж». — «Нет, журавль, нейду за тя замуж: у тебя ноги долги, платье коротко, сам худо летаешь, и кормить-то меня тебе нечем! Ступай прочь, долговязый!» Журавль как не солоно похлебал, ушел домой.

Цапля после раздумалась и сказала: «Чем жить одной, лучше пойду замуж за журавля». Приходит к журавлю и говорит: «Журавль, возьми меня замуж!» — «Нет, цапля, мне тебя не надо! Не хочу жениться, не беру тебя замуж. Убирайся!» — Цапля заплакала со стыда и воротилась назад. Журавль раздумался и сказал: «Напрасно не́ взял за себя цаплю; ведь одному-то скучно. Пойду теперь и возьму ее замуж». Приходит и говорит: «Цапля! Я вздумал на тебе жениться; поди за меня». — «Нет, журавль, нейду за тя замуж!» Пошел журавль домой.

Тут цапля раздумалась: «Зачем отказала? Что одной-то жить? Лучше за журавля пойду!» Приходит свататься, журавль не хочет. Вот так-то и ходят они по сю пору один на другом свататься, да никак не женятся.

13. Сказка об Ерше Ершовиче, сыне Щетинникове

Жил-был ершишка в барском домишке — брюханишка, ябедничишка! Проскудалось ершу, прибеднялось ему; поехал ершишка в Ростовское озеро на худеньких санишках об трех копылишках. Закричал ершишка своим громким голосишком: «Рыба севрюга, калуга, язи, головли, последняя рыбка плотичка-сиротичка! Пустите меня, ерша, в озеро погулять. Мне у вас не год годовать, а хотя один час попировать, хлеба-соли покушать да речей послушать». Согласилась вся рыба севрюга, калуга, все язи, головли, маленькая рыбка плотичка-сиротичка пустить ерша в озеро на один час погулять.

Ерш погулял один час и стал всю рыбу обижать, к тине-плотине прижимать. Живой рыбе в обиду то показалось, пошла на ерша просить к Петру-осетру праведному: «Петр-осетр праведный!

За что нас ерш обижает? Выпросился он на один час в наше озеро побывать, да всех нас с озера и стал выгонять. Разбери и рассуди, Петр-осетр праведный, верою и правдою». Петр-осетр праведный послал малую рыбу пескаря искать ерша. Пескарь искал ерша в озере, да и не мог сыскать. Петр-осетр праведный послал среднюю рыбу щуку искать ерша.

Щука в озеро нырнула, хвостом плеснула, ерша в коргах нашла: «Здоров, ершишка!» – «Здравствуй, щучишка! Зачем ты пришла?» – «К Петру-осетру праведному звать на честь, не посадит ли тебя на цепь; на тебя есть просители». – «Кто же там просит?» – «Вся рыба севрюга, калуга, все язи, головли и последняя рыба плотичка-сиротичка – и та на тебя просит, да еще сом, мужик простой, губы толстые и говорить не умеет, – и тот на тебя челобитную подал; пойдем-ка, ерш, разделаемся, что на суде по правде скажут». – «Нет, щучишка! Не лучше ли дело так будет: пойдем со мною, погуляем». Щука не соглашается с ершом гулять, а хочет ерша на суд праведный тащить, как бы поскорее его осудить. «Ну, щука, хоть ты с рыла и востра, да не возьмешь ерша с хвоста! А вот нынче суббота, у моего отца девишник – пир да веселье; пойдем лучше, попьем, погуляем вечерок, а завтра, хоть и воскресенье, пойдем – так и быть – на суд праведный; по крайней мере не голодные будем». Щука согласилась и пошла с ершом гулять; ерш напоил ее пьяною, за пелёду засадил, дверью затворил и кольем заколотил.

Долго ждали на суд щуку и не дождались. Петр-осетр праведный послал за ершом большую рыбу-сом. Сом в озеро нырнул, хвостом плеснул, ерша в коргах нашел. «Здравствуй, зятюшка!» – «Здоров, тестюшка!» – «Пойдем, ерш, на суд праведный; на тебя есть просители». – «Кто же просит?» – «Вся рыба севрюга, калуга, все язи, головли и маленькая рыбка плотичка-сиротичка!» Ерш-то сому зять: сумел его сом в руки взять и самолично привел на суд праведный. «Петр-осетр праведный, зачем меня требовал наскоро?» – спросил ерш. «Как тебя было не требовать? Ты в Ростовское озеро выпросился один час погулять, а потом всех с озера и стал выживать. Живой рыбе то за досаду показалося; вот собралась рыба севрюга, калуга, язи, головли и малая рыбка плотичка-сиротичка и самолично подала мне на тебя челобитную: разбери-де, Петр-осетр, это дело правдою!» – «Ну, послушай же, – отвечает ерш, – и мою челобитную: они сами обидчики, межи-борозды вытерлись, а берега водою подмывало, а я ехал тем берегом вечером поздно, торопился, резко гнал, да с берега в озеро попал, так и свалился с землею! Петр-осетр праведный, прикажи собрать государевых рыбаков да раскинуть неводы тонкие, погони рыбу в одно устье; тогда узнаешь, кто прав, а кто виноват: правый в неводе не останется, а все выскочит».

Петр-осетр праведный выслушал его челобитную, собрал государевых рыбаков и погнал всю рыбу в одно устье. На почине

ершишка попал в неводишка, шевельнулся, ворохнулся, глазенки вытаращил и с неводу вперед всех выскочил. «Видишь, Петр-осетр, кто прав, кто виноват?» — «Вижу, ерш, что ты прав; ступай в озеро да гуляй. Теперь никто тебя не обидит, разве озеро высохнет да ворона тебя из грязи вытащит». Пошел ершишка в озеро, при всех похваляется: «Добро же, рыба севрюга, калуга! Достанется вам и всем язям, головлям! Да не прощу и маленькую рыбку плотичку-сиротичку! да достанется и сому толстобрюхому: ишь, говорить не умеет, губы толсты, а знал, как челобитную подавать! Всем отплачу!» Шел Любим, ершовой похвалы не взлюбил; шел Сергей, нес охапку жердей; пришел бес, заколотил ез; пришел Перша, поставил на ерша вершу; пришел Богдан, ерша в вершу бог дал; пришел Устин, стал вершу тащить, да ерша упустил.

14. Терем мухи

Ехал мужик с горшками, потерял большой кувшин. Залетела в кувшин муха и стала в нем жить-поживать. День живет, другой живет. Прилетел комар и стучится: «Кто в хоромах, кто в высоких?» — «Я, муха-шумиха; а ты кто?» — «А я комар-пискун». — «Иди ко мне жить». Вот и стали вдвоем жить. Прибежала к ним мышь и стучится: «Кто в хоромах, кто в высоких?» — «Я, муха-шумиха, да комар-пискун, а ты кто?» — «Я из-за угла хмыстень» [1] — «Иди к нам жить». И стало их трое. Прискакала лягушка и стучится: «Кто в хоромах, кто в высоких?» — «Я, муха-шумиха, да комар-пискун, да из-за угла хмыстень; а ты кто?» — «Я на воде балагта». — «Иди к нам жить». Вот и стало их четверо.

Пришел заяц и стучится: «Кто в хоромах, кто в высоких?» — «Я, муха-шумиха, да комар-пискун, из-за угла хмыстень, на воде балагта; а ты кто?» — «Я на поле свертень». — «Иди к нам». Стало их теперь пятеро. Пришла еще лисица и стучится: «Кто в хоромах, кто в высоких?» — «Я, муха-шумиха, да комар-пискун, из-за угла хмыстень, на воде балагта, на поле свертень; а ты кто?» — «Я на поле краса». — «Ступай к нам». Прибрела собака и стучится: «Кто в хоромах, кто в высоких?» — «Я, муха-шумиха, да комар-пискун, из-за угла хмыстень, да на воде балагта, на поле свертень, да на поле краса; а ты кто?» — «А я гам-гам!» — «Иди к нам жить». Собака влезла.

---

[1] *Хмыстень* — шутливое прозвище мыши; может быть, от глагола *химистить* — красть, похищать.

Прибежал еще волк и стучится: «Кто в хоромах, кто в высоких?» — «Я, муха-шумиха, да комар-пискун, из-за угла хмыстень, на воде балагта, на поле свертень, на поле краса, да гам-гам; а ты кто?» — «Я из-за кустов хап». — «Иди к нам жить». Вот живут себе все вместе. Спознал про эти хоромы медведь, приходит и стучится — чуть хоромы живы: «Кто в хоромах, кто в высоких?» — «Я, муха-шумиха, да комар-пискун, из-за угла хмыстень, на воде балагта, на поле свертень, на поле краса, гам-гам, да из-за кустов хап; а ты кто?» — «А я лесной гнёт!» Сел на кувшин и всех раздавил.

15. Сказка о молодце-удальце, молодильных яблоках и живой воде

Жил царь, у этого царя было три сына; говорит царь детям своим: «Привиделось мне во сне, что в некотором царстве, за триста земель, в трехсотенном государстве, есть Елена Прекрасная, и есть у ней живая и мертвая вода и моложавые яблоки; не можете ли вы, детки, достать?» Старшие два сына и говорят: «Благослови нас, батюшка! Мы пойдем доставать». Он их и благословил, и пошли они; а третий сын, восьмилетний, остался дома. Через два года стал и последний сын проситься, что «и я поеду за своими братьями; что-нибудь и я им помогу». И говорит отец: «Где же тебе с молодых лет идти на чужую сторону?» Потом подумал царь и отпустил его, и стал ему сын говорить: «Батюшка! Пожалуйте мне лошадку». Царь говорит: «Ну, поди — выбирай: у меня в конюшне пятьсот лошадей». Он пошел; которую лошадь ударит по крестцу, так и с ног долой упадет; из пятисот лошадей не выбрал ни одной по себе лошади и сказывает своему отцу, что «я, батюшка, у тебя не выбрал ни одной лошади; теперь пойду в чистое поле, в зеленые луга — не выберу ль по себе лошади в табунах?».

Пошел в чистое поле; долго-долго шел, на пустом месте стоит изобка, а в изобке сидит старая старуха. Спрашивает ее Иван-царевич: «Что, бабушка, не знаешь ли ты где табунов и нет ли в табунах хороших лошадей?» Ответ держит старуха: «На что же лучше — у твоего батюшки пятьсот лошадей!» Говорит Иван-царевич, что «у моего отца нету по мне ни одной лошади».— «Коли так, поди же ты, Иван-царевич, вот здесь есть село, около села есть гора, на этой горе валяется богатырь заместо собаки; возьми ты спросись у попов: можно ли похоронить этого бога-

тыря? Есть у богатыря конь за двенадцатью замками медными, на двенадцати цепях; один меч у него четыре человека на носилках носят». Попы взялись и похоронили этого богатыря; а Иван-царевич собрал поминальный стол и накупил всякого припасу из харчевого, вин, водок, столов и стульев, ножей и ложек. И отобедал народ православный; говорит Иван-царевич: «Бери, народ православный, что кому надобно!»

Тотчас зачали тащить, что кому надобно, и разнесли по домам; остался один Иван-царевич на горé, и гласит ему мертвый богатырь: «Благодарю тебя, млад Иван-царевич, что похоронил меня в честности, и дарю тебе своего коня: стоит он в казенном погребе за двенадцатью дверьми железными, за двенадцатью замками медными, на двенадцати цепях; дарю тебе и меч и латы мои. Если сможешь, владей на здоровье!» Иван-царевич пошел в казенный погреб и начал двери ломать; он кулаком дверь проломит, а лошадь цепь перервет. Так Иван-царевич все двери переломал, а лошадь все цепи перервала. И хотела эта лошадь на волю уйтить; но Иван-царевич ухватил ее за гриву и говорит: «Стой, конь, волчье мясо, сорокаалтынная кляча! Кому же на вас и ездить, как не нам, добрым мóлодцам?» Надел на коня узду, оседлал его; на себя наложил латы богатырские, в правую руку меч взял и начал мечом помахивать, равно как гусиным пером.

Отправляется он в путь-дорогу; ехал много ли, мало ли время, все земли проехал и попал в трехсотенное государство, где только лес да вода. В лесу тропинка есть — только пешему пройти да верхом проехать; Иван-царевич пустился по той тропинке и приехал к избушке. Вошел в эту избушку; там живет красная девушка. Говорит ему девушка: «Куда тебя бог несет?» Отвечает Иван-царевич: «К твоей сестре, Елене Прекрасной, — достать живой и мертвой воды и моложавых яблоков да ее портрет». — «Садись же ты, добрый мóлодец, на моего летучего сокола; а своего коня у меня оставь». Сел он на сокола и полетел. Летел, летел, стоит еще избушка; вошел — в избушке сидит красная девушка. Спрашивает Иван-царевич: «Как бы мне проехать к твоей сестре, Елене Прекрасной?» Говорит девушка: «Садись на моего сокола, а своего у меня оставь, и прилетишь ты к ее дому; там стоят двенадцать церквей, и от всякой церкви всё шнуры натянуты. Постарайся ты, как можно, чтобы живо перелететь, за шнуры не зацепить».

Иван-царевич прилетел к дому Елены Прекрасной; вошел в одну горницу, потом в другую: в обеих девушки почивают — одна другой краше! Ступил в третью горницу, а там почивает сама Елена Прекрасная, и стоит у ней на столе живая и мертвая вода, и портрет тут же; а из этой горницы ход в сад, где моложавые яблоки. Иван-царевич взял живую и мертвую воду, и портрет Елены Прекрасной, самоё ее облюбил; потом вскочил в сад, сорвал пять яблоков, завязал в платок и вышел из дому; сел на сокола и полетел, да как стал перелетать через шнуры,

и говорит сам себе: «Что я за воин храбрый! Дай зацеплю за шнуры». Зацепил за шнуры, и во всех церквах колокола зазвонили, и проснулась Елена Прекрасная и говорит: «Что такой за невежа был, квашню раскрыл и две полушки на смех положил!» Сейчас крикнула: «Подавайте моего доброго коня, я его на дороге догоню».

А Иван-царевич прилетел в избушку к Елениной сестре, переменил одного сокола на другого и опять вперед полетел. Вслед за ним и Елена Прекрасная к своей сестре приехала и говорит ей: «Для чего вы приставлены? Ничего не видите! Какой-то невежа был, мою квашню раскрыл, на покрышке две полушки положил». Отвечает сестра: «Я сама в дороге была, своего сокола запарила и здесь никого не видала». Елена Прекрасная опять поехала догонять Ивана-царевича; а Иван-царевич приехал в другую изобку и переменил сокола на богатырского коня. Приезжает Елена Прекрасная к другой сестре и говорит: «Что вы смотрите! Для чего вы здесь приставлены? У меня какой-то невежа был, квашню раскрыл – не покрыл, на смех две полушки положил». Отвечает сестра: «Изволь посмотреть моего сокола, весь в поту! Я сама из дороги сейчас приехала».

Иван-царевич приехал в третью изобку, и дала ему старуха платочек: «Если за тобой будут гнаться, то брось этот платочек». Приезжает к старухе Елена Прекрасная и говорит: «Что вы смотрите, для чего вы приставлены? У меня какой-то невежа был, квашню раскрыл – не покрыл, на смех две полушки положил». Отвечает старуха: «Я сама сейчас из дороги приехала».

Елена Прекрасная опять погналась в погоню за Иваном-царевичем и как стала догонять его, Иван-царевич бросил платочек – и сделалось ужасное море, что нельзя ни пройтить, ни проехать. Подъехала Елена Прекрасная к берегу и закричала через море: «Кто такой в моем царстве был, царь-царевич или король-королевич?» Отвечает Иван-царевич: «Я ни царь, ни король, а малолетний царский сын». – «Дожидайся ж меня! – сказала Елена Прекрасная. – Через двенадцать лет я к тебе буду на двенадцати кораблях».

Иван-царевич повернул прочь от моря и попал другою дорогою – не там, где прежде ехал, и прискакал к большому дому; въехал на двор, на дворе стоит столб точеный, у столба прибито кольцо золоченое; привязал своего коня к золоченому кольцу, дал ему белоярой пшеницы и пошел в горницу. Сидит в горнице красная де́вица и говорит ему: «Неладно, православный, ты сюда попал! Здесь живет ведьма, летает она по дорогам на соколе и ловит крещеный народ к себе на мытарства. Я сама заполонена здесь двенадцатый год; если ты возьмешь меня с собою, то я тебя добру научу: как прилетит ведьма да станет класть тебя на кровать, то смотри, к стене не ложись!» Вот прилетела ведьма и стала его к стенке класть; а он к стенке не ложится. «Мне, – гово-

рит, — надо выходить к лошади». Ведьма сама легла к стенке, а Иван-царевич с краю, да тотчас отвинтил все три винта — ведьма и попала в погреб.

Взял он с собой красну де́вицу и поехал; много ли, мало ли места отъехал, видит — на дороге яма, и лежат около этой ямы два человека. Спрашивает Иван-царевич: «Что вы за люди и чего дожидаетесь?» — «Ах, Иван-царевич! Ведь мы твои братья». — «Что ж вы, братцы, высматривали?» — «Да вот здесь прекрасная девушка посажена». Сказал им Иван-царевич: «Возьмите-ка, братцы, у меня да подержите живую и мертвую воду и моложавые яблоки, а меня опустите в эту яму; я вам достану оттудова прекрасную девушку. Как скоро вы девушку вытащите, опущайте за мной веревку». Тотчас опустился Иван-царевич в яму, добыл там прекрасную девушку и привязал ее за веревку. Большие братья-царевичи начали тащить, вытащили девушку и говорят: «Не станем к нему опущать веревку; теперь у нас все есть: живая и мертвая вода, моложавые яблоки, и портрет Елены Прекрасной, и по невесте на каждого». Задумали они взять и коня Ивана-царевича; стали его ловить, а конь им не дается; так и не поймали!

Вот старшие братья пошли к своему отцу домой; а Иван-царевич в той яме так слезьми обливается. Ходил он там много ли, мало ли время и пришел на нижний свет. Усмотрел избушку, в той избушке сидит старая старуха, и говорит Иван-царевич: «Нельзя ли как-нибудь, бабушка, доставить меня на верхний свет?» Отвечает ему старуха: «Нет, батюшка Иван-царевич, нельзя никак! Разве вот как: у нашего царя есть три дочери, и берут его дочерей змеям на съедение; коли ты царю поможешь, он тебя тоже не оставит. Поезжай с богом; я тебе дам свою лошадь и латы, и меч».

Иван-царевич оседлал быстрого коня, надел на себя чугунные латы, взял в руки меч и поехал к тому месту, куда змей прилетает. Приехал, а там уж давно сидит царевна на камушке, и лютого змея дожидается. Спрашивает ее Иван-царевич: «Что ты, царевна, здесь дожидаешься?» Говорит она печально: «Уйди, добрый мо́лодец! Привезли меня сюда змею на съедение». — «А ну, поищи у меня в голове; а как только в море волны заколыхаются, сейчас меня разбуди». Лег к ней на колени и заснул. Волны в море заколыхалися, красная девица начала будить Ивана-царевича и никак не может его разбудить. С великого горя капнула у ней слеза из глаз и попала царевичу на щеку; он проснулся и говорит: «Ах, как ты меня своей слезой обожгла!».

Прилетел змей осьмиглавый поедать царскую дочь и говорит Ивану-царевичу: «Ты зачем здесь, блоха рубашная?» А Иван-царевич говорит змею: «А ты зачем, гнида головная? Крещеный народ поедаешь, а сыт не бываешь!» — «Я и тебя съем!» — «Нет, попробуй прежде с сильными, могучими плечьми побарахтаться». Говорит змей: «Делай мост по морю, и пойдем с тобой воевать». — «Экий! ведь я крещеный человек, а ты некрещеный; делай ты

мост». Змей только дунул, и сделался по морю ледяной мост. Поехали они воевать. Змей разъехался и ударил Ивана-царевича — только шапку ему с головы свалил; а Иван-царевич разъехался на своем богатырском коне и ударил змея — сразу его убил. Сейчас соскочил с своего коня и положил этого змея под камень; подъехал к красной девице прощаться, и дала ему царская дочь на память свое кольцо золотое. В то самое время был от царя послан Макарка плешивый, косорукий — убрать дочерние косточки, когда змей улетит. Макарка видел, как Иван-царевич змея убил; прибежал к царевне и говорит: «Скажи своему отцу, что я тебя от смерти спас; а не то — сейчас тебя убью!» Она испугалась и сказала: «Хорошо, будь по-твоему!» Приехали во дворец; говорит царю Макарка: «Я твою дочь спас, змея убил и под камень положил».

Спустя несколько времени присылает другой змей к царю приказ, чтобы привозил свою дочь к нему на съедение. Макарка говорит царю: «Дай мне саблю хорошую, я опять змея убью!» И повез он другую царскую дочь змею на съедение; привез и посадил ее на камень, а сам взлез на самую высокую сосну. Сидит она на камне да слезьми обливается; приезжает Иван-царевич, слез с коня, сел около девушки и говорит: «Поищи у меня в голове, а как только в море волны заколыхаются, сейчас меня разбуди!» Вот заколыхались в море волны, стала она будить его и не могла добудиться, покуда не капнула ему на щеку горячая слеза. Он проснулся и говорит: «Как ты меня долго не будила!» Прилетел змей десятиглавый и говорит Ивану-царевичу: «Что ты, блоха рубашная, поворачиваешься?» А Иван-царевич говорит змею: «А ты что, гнида головная, сюда приезжаешь да народ крещеный поедаешь?» — «Я и тебя съем!» — «Нет, попробуй сперва повоевать со мной!» — «Ну, делай мост по́ морю». — «Я человек крещеный, а ты некрещеный; делай ты!»

Змей только дунул, и сделался ледяной мост. Вот они поехали воевать. Змей разъехался и ударил Ивана-царевича — он только пошатнулся, сидя на лошади; а Иван-царевич как ударил змея своим мечом, так и снес ему пять голов долой; потом еще ударил — и убил змея до смерти. Дала ему царевна золотое кольцо; он взял и уехал домой к старушке. Тут Макарка плешивый, косорукий слез с сосны, взял свою саблю, об камень бил-бил, бил-бил, до самой ручки изломал; пришел к царевне и говорит: «Смотри ты, скажи своему отцу, что я тебя от смерти спас, а не то убью тебя!» Приехали они во дворец, и говорит Макарка царю: «Я твою дочку от смерти спас; вот как я постарался, всю саблю изломал!» Царь обещался отдать за него свою младшую дочь замуж.

Потом пишет двенадцатиглавый змей, требует царскую дочь на съедение. Макарка повез третью царевну змею на съедение, посадил ее на камень, а сам со страстей взлез выше прежнего на дерево. Царевна сидит да горько плачет; приезжает к ней Иван-

царевич и говорит: «Поищи у меня в голове, а как в море волны заколыхаются, сейчас меня разбуди!» Вот волны заколыхалися, стала она будить его; он вскочил и сел на своего доброго коня. Прилетел змей о двенадцати голов и говорит: «Ты что здесь, блоха рубашная, толкаешься?» – «А ты что, гнида головная, сюда прилетаешь, только народ поедаешь?» – «Я и тебя съем!» – «Нет, давай-ка могучими богатырскими плечьми побарахтаемся». Говорит змей: «Ты думаешь: моих братьев убил, так и меня убьешь? Нет, брат, не таковский я!».

Вышли они на́ поле и зачали воевать. Иван-царевич как разъехался на своем коне, так змею и снес шесть голов; змей и просит: «Дай мне отдохнуть!» А лошадь Ивана-царевича говорит: «Не давай ни одной минуты отдыхать!» Он еще мечом ударил и убил змея до смерти. Царевна подарила ему свое золотое кольцо; Иван-царевич взял змея, положил под камень, а сам к старухе поехал. Макарка мигом слез с дерева, взял царевну и повел к царю. Царь так возрадовался, что и сказать нельзя; благодарит Макарку, созывает к себе весь народ православный и с музыкою и говорит: «Кто будет играть, тому на радостях много пожалую».

Собрался весь народ и все музыканты; а Иван-царевич купил себе трехалтынную балалайку, пришел к царю в дом и так заиграл, что весь мир-народ удивился; его балалайка бренчит-выговаривает: «Девушка, девушка! Не забудь же меня на чужой стороне». Стали ему царские дочери водку подносить; он выпил у одной царевны и бросил в стакан золотое кольцо – то самое, что она подарила; выпил у другой – то же сделал; выпил у третьей, стал кольцо вынимать... Тут царевны его признали, в один голос закричали: «Вот кто нас избавил, а не Макарка плешивый!» Макарка заспорил, говорит, что «это я всех змеев убил; пойдемте, я вам покажу, куда змеиные тела поклал». Пошли смотреть. Макарка хотел камень поднять, силился, силился и не мог поднять. «Ах, – говорит, – как камень-то сел!» А Иван-царевич подошел, сейчас камень поднял и тела и головы змеиные показал. Царь приказал Макарку из пушек расстрелять.

Тогда Иван-царевич стал царя просить, чтобы доставить его на верхний свет; царь приказал позвать птицу-сокола и велел соколу Ивана-царевича на тот свет доставить. Сокол говорит царю: «Давай мне четыре дощана говядины, чтобы во всяком дощане было сто пудов». Царь заготовил говядины; сокол привязал к себе четыре дощана говядины, посадил на себя Ивана-царевича и полетел; летел, летел и зачал просить есть. Иван-царевич и начал ему кидать, всю говядину раскидал, а он опять просит; царевич зачал ему кидать пустые дощаны, покидал и те – он все просит; начал кидать свое платье, и то раскидал, нечего стало бросать больше, а сокол все-таки просит. «Не то, – говорит, – на низ опущусь!» Иван-царевич оторвал свои икры и бросил ему, сокол съел и вылетел с царевичем на верхний свет; тут сокол кашлянул и выкинул его икры и платье.

Вот Иван-царевич пришел к своему отцу, поздоровался; отец и говорит: «Что, сынок, я тебе говорил: не ходи! А вот старшие твои братья принесли мне всего: и живой воды, и мертвой, и моложавых яблоков, и портрет Елены Прекрасной». Иван-царевич отвечал своему отцу: «Что же делать? Их счастье!»

Прошло двенадцать лет, приезжает Елена Прекрасная по́ морю на двенадцати кораблях и два сына с собой привезла. Как только приплыла она, зачала в пушки палить и говорит: «Подайте мне виноватого!» Дунула Елена Прекрасная, и сделался от ее кораблей и до царского дворца хрустальный мост. Говорит царь своим большим сыновьям: «Ступайте, дети! Должно быть, вы виноваты». Вот они и пошли по хрустальному мосту; посмотрела Елена Прекрасная в подзорную трубку и говорит своим детям: «Подите, детушки, проводите вы своих дядюшек в два прутика железные». Они пошли, как зачали их прутьями пороть, только дай бог ноги унести! Насилу царевичи до своего дворца дошли.

Елена Прекрасная опять зачала из пушек бить. «Подавайте, — говорит, — виноватого!» Вот царь стал посылать меньшего сына: «Должно быть, это ты, Иван-царевич, начудил!» Иван-царевич пошел по хрустальному мосту; смотрит Елена Прекрасная в подзорную трубку и говорит: «Подите, детушки, возьмите своего батюшку под ручки и ведите сюда с честью». После того вышла Елена Прекрасная за Ивана-царевича замуж, и рассказал Иван-царевич своему отцу, как братья опустили его в яму и как взяли у него живую и мертвую воду, моложавые яблоки и портрет Елены Прекрасной. Царь приказал их сейчас из пушек убить; вывели их, рабов божиих, в чистое поле и казнили. А Иван-царевич стал жить с Еленой Прекрасною.

16. Три царства — медное, серебряное и золотое

Бывало да живало — жили-были старик да старушка; у них было три сына; первый — Егорушко Залёт, второй — Миша Косолапый, третий — Ивашко Запечник. Вот вздумали отец и мать их женить; послали большого сына присматривать невесту, он шел да шел — много времени; где ни посмотрит на девок, не может прибрать себе невесты, все не глянутся. Потом встретил на дороге змея о трех головах и испугался, а змей говорит ему: «Куда, добрый человек, направился?» Егорушко говорит: «Пошел свататься, да не могу невесты приискать». Змей говорит: «Пойдем со мной; я поведу тебя, можешь ли достать невесту?»

Вот шли да шли, дошли до большого камня. Змей говорит: «Отвороти камень; там чего желаешь, то и получишь». Егорушко старался отворотить, но ничего не мог сделать. Змей сказал ему: «Дак нет же тебе невесты!» И Егорушко воротился домой, сказал отцу и матери обо всем. Отец и мать опять думали-подумали, как жить да быть, послали среднего сына, Мишу Косолапого. С тем то же самое случилось. Вот старик и старушка думали-подумали, не знают, что делать: если послать Ивашка Запечного, тому ничего не сделать!

А Ивашко Запечный стал сам проситься посмотреть змея; отец и мать сперва не пускали его, но после пустили. И Ивашко тоже шел да шел, и встретил змея о трех головах. Спросил его змей: «Куда направился, добрый человек?» Он сказал: «Братья хотели жениться, да не смогли достать невесту; а теперь мне черед выпал». – «Пожалуй, пойдем, я покажу; сможешь ли ты достать невесту?»

Вот пошли змей с Ивашком, дошли до того же камня, и змей приказал камень отворотить с места. Ивашко хватил его, и камень как не бывал – с места слетел; тут оказалась дыра в землю, и близ нее утверждены ремни. Вот змей и говорит: «Ивашко! Садись на ремни; я тебя спущу, и ты там пойдешь и дойдешь до трех царств, а в каждом царстве увидишь по девице».

Ивашко спустился и пошел; шел да шел, и дошел до медного царства; тут зашел и увидел девицу, прекрасную из себя. Девица говорит: «Добро пожаловать, небывалый гость! Приходи и садись, где место просто видишь; да скажись, откуда идешь и куда?» – «Ах, девица красная! – сказал Ивашко. – Не накормила, не напоила, да стала вести спрашивать». Вот девица собрала на стол всякого кушанья и напитков; Ивашко выпил и поел и стал рассказывать, что иду-де искать себе невесты: «если милость твоя будет – прошу выйти за меня». – «Нет, добрый человек, – сказала девица, – ступай ты вперед, дойдешь до серебряного царства: там есть девица еще прекраснее меня!» – и подарила ему серебряный перстень.

Вот добрый молодец поблагодарил девицу за хлеб за соль, распростился и пошел; шел да шел, и дошел до серебряного царства; зашел и увидел: сидит девица прекраснее первой. Помолился он богу и бил челом: «Здорово, красная девица!» Она отвечала: «Добро пожаловать, прохожий молодец! Садись да хвастай: чей, да откуль, и какими делами сюда зашел?» – «Ах, прекрасная девица! – сказал Ивашко. – Не напоила, не накормила, да стала вести спрашивать». Вот собрала девица стол, принесла всякого кушанья и напитков; тогда Ивашко попил, поел, сколько хотел, и начал рассказывать, что он пошел искать невесты, и просил ее замуж за себя. Она сказала ему: «Ступай вперед, там есть еще золотое царство, и в том царстве есть еще прекраснее меня девица», – и подарила ему золотой перстень.

Ивашко распростился и пошел вперед, шел да шел, и дошел до золотого царства, зашел и увидел девицу прекраснее всех. Вот он богу помолился и, как следует, поздоровался с девицей. Девица стала спрашивать его: откуда и куда идет? «Ах, красная девица! – сказал он. – Не напоила, не накормила, да стала вести спрашивать». Вот она собрала на стол всякого кушанья и напитков, чего лучше требовать нельзя. Ивашко Запечник угостился всем хорошо и стал рассказывать: «Иду я, себе невесты ищу; если ты желаешь за меня замуж, то пойдем со мною». Девица согласилась и подарила ему золотой клубок, и пошли они вместе.

Шли да шли, и дошли до серебряного царства – тут взяли с собой девицу; опять шли да шли и дошли до медного царства – и тут взяли девицу, и все пошли до дыры, из которой надобно вылезать, и ремни тут висят; а старшие братья уже стоят у дыры, хотят лезть туда же искать Ивашку.

Вот Ивашко посадил на ремни девицу из медного царства и затряс за ремень; братья потащили и вытащили девицу, а ремни опять опустили. Ивашко посадил девицу из серебряного царства, и ту вытащили, а ремни опять опустили; потом посадил он девицу из золотого царства, и ту вытащили, а ремни опустили. Тогда и сам Ивашко сел: братья потащили его, тащили, тащили, да как увидели, что это – Ивашко, подумали: «Пожалуй, вытащим его, дак он не даст ни одной девицы!» – и обрезали ремни; Ивашко упал вниз. Вот, делать нечего, поплакал он, поплакал и пошел вперед; шел да шел, и увидел: сидит на пне старик – сам с четверть, а борода с локоть – и рассказал ему все, как и что с ним случилось. Старик научил его идти дальше: «Дойдешь до избушки, а в избушке лежит длинный мужчина из угла в угол, и ты спроси у него, как выйти на Русь».

Вот Ивашко шел да шел, и дошел до избушки, зашел туда и сказал: «Сильный Идолище! Не погуби меня: скажи, как на Русь попасть?» – «Фу, фу! – проговорил Идолище. – Русскую коску никто не звал, сама пришла. Ну, пойди же ты за тридцать озер; там стоит на куриной ножке избушка, а в избушке живет яга-баба; у ней есть орел-птица, и она тебя вынесет». Вот добрый молодец шел да шел, и дошел до избушки; зашел в избушку, яга-баба закричала: «Фу, фу, фу! Русская коска, зачем сюда пришла?» Тогда Ивашко сказал: «А вот, бабушка, пришел я по приказу сильного Идолища попросить у тебя могучей птицы орла, чтобы она вытащила меня на Русь». – «Иди же ты, – сказала яга-баба, – в садок; у дверей стоит караул, и ты возьми у него ключи и ступай за семь дверей; как будешь отпирать последние двери – тогда орел встрепенется крыльями, и если ты его не испугаешься, то сядь на него и лети; только возьми с собою говядины, и когда он станет оглядываться, ты давай ему по куску мяса.

Ивашко сделал все по приказанью ягой-бабки, сел на орла и полетел; летел, летел, орел оглянулся – Ивашко дал ему кусок мяса; летел, летел, и часто давал орлу мяса, уж скормил все,

а еще лететь не близко. Орел оглянулся, а мяса нет; вот орел выхватил у Ивашка из холки кусок мяса, съел и вытащил его в ту же дыру на Русь. Когда сошел Ивашка с орла, орел выхаркнул кусок мяса и велел ему приложить к холке. Ивашко приложил, и холка заросла. Пришел Ивашко домой, взял у братьев девицу из золотого царства, и стали они жить да быть, и теперь живут. Я там был, пиво пил; пиво-то по усу текло, да в рот не попало.

17. Кощей Бессмертный

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь; у этого царя было три сына, все они были на возрасте. Только мать их вдруг унес Кош Бессмертный. Старший сын и просит у отца благословенье искать мать. Отец благословил; он уехал и без вести пропал. Середний сын пождал-пождал, тоже выпросился у отца, уехал, – и тот без вести пропал. Малый сын, Иван-царевич, говорит отцу: «Батюшка! Благословляй меня искать матушку». Отец не отпускает, говорит: «Тех нет братовей, да и ты уедешь: я с кручины умру!» – «Нет, батюшка, благословишь – поеду, и не благословишь – поеду». Отец благословил.

Иван-царевич пошел выбирать себе коня: на которого руку положит, тот и падет; не мог выбрать себе коня, идет дорогой по городу, повесил голову. Неоткуда взялась старуха, спрашивает: «Что, Иван-царевич, повесил голову?» – «Уйди, старуха! На руку положу, другой пришлепну – мокренько будет». Старуха обежала другим переулком, идет опять навстречу, говорит: «Здравствуй, Иван-царевич! Что повесил голову?» Он и думает: «Что же старуха меня спрашивает? Не поможет ли мне она?» И говорит ей: «Вот, баушка, не могу найти себе доброго коня». – «Дурашка, мучишься, а старухе не кучишься! – отвечает старуха. – Пойдем со мной». Привела его к горе, указала место: «Скапывай эту землю». Иван-царевич скопал, видит чугунную доску на двенадцати замках; замки он тотчас же сорвал и двери отворил, вошел под землю; тут прикован на двенадцати цепях богатырский конь; он, видно, услышал ездока по себе, заржал, забился, все двенадцать цепей порвал. Иван-царевич надел на себя богатырские доспехи, надел на коня узду, черкасское седло, дал старухе денег и сказал: «Благословляй и прощай, баушка!» Сам сел и поехал.

Долго ездил, наконец доехал до горы; пребольшущая гора, крутая, взъехать на нее никак нельзя. Тут и братья его ездят возле

горы; поздоровались, поехали вместе; доезжают до чугунного камня пудов в полтораста, на камне надпись: кто этот камень бросит на гору, тому и ход будет. Старшие братовья не могли поднять камень, а Иван-царевич с одного маху забросил на гору – и тотчас в горе показалась лестница. Он оставил коня, наточил из мизинца в стакан крови, подает братьям и говорит: «Ежели в стакане кровь почернеет, не ждите меня: значит – я умру!» Простился и пошел. Зашел нá гору, чего он не насмотрелся! Всяки тут леса, всяки ягоды, всяки птицы!

Долго шел Иван-царевич, дошел до дому: огромный дом! В нем жила царска дочь, утащена Кошом Бессмертным. Иван-царевич кругом ограды ходит, а дверей не видит. Царская дочь увидела человека, вышла на балкон, кричит ему: «Тут, смотри, у ограды есть щель, потронь ее мизинцем, и будут двери». Так и сделалось. Иван-царевич вошел в дом. Девица его приняла, напоила-накормила и расспросила. Он ей рассказал, что пошел доставать мать от Коша Бессмертного. Девица говорит ему на это: «Трудно доступать мать, Иван-царевич! Он ведь бессмертный – убьет тебя. Ко мне он часто ездит... вон у него меч в пятьсот пудов, поднимешь ли его? Тогда ступай!» Иван-царевич не только поднял меч, еще бросил кверху; сам пошел дальше.

Приходит к другому дому; двери знает как искать; вошел в дом, а тут его мать, обнялись, поплакали. Он и здесь испытал свои силы, бросил какой-то шарик в полторы тысячи пудов. Время приходит быть Кошу Бессмертному; мать спрятала его. Вдруг Кош Бессмертный входит в дом и говорит: «Фу, фу! Русской коски слыхом не слыхать, видом не видать, а русская коска сама на двор пришла! Кто у тебя был? Не сын ли?» – «Что ты, бог с тобой! Сам летал по Руси, нахватался русского духу, тебе и мерещится», – ответила мать Ивана-царевича, а сама поближе с ласковыми словами к Кошу Бессмертному, выспрашивает то-другое и говорит: «Где же у тебя смерть, Кош Бессмертный?» – «У меня смерть, – говорит он, – в таком-то месте: там стоит дуб, под дубом ящик, в ящике заяц, в зайце утка, в утке яйцо, в яйце моя смерть». Сказал это Кош Бессмертный, побыл немного и улетел.

Пришло время – Иван-царевич благословился у матери, отправился по смерть Коша Бессмертного. Идет дорóгой много время, не пивал, не едал, хочет есть до смерти и думает, кто бы на это время попался! Вдруг – волчонок; он хочет его убить. Выскакивает из норы волчиха и говорит: «Не тронь моего детища; я тебе пригожусь». – «Быть так!» Иван-царевич отпустил волка; идет дальше, видит ворону. «Постой, – думает, – здесь я закушу!» Зарядил ружье, хочет стрелять; ворона и говорит: «Не тронь меня; я тебе пригожусь». Иван-царевич подумал и отпустил ворону; идет дальше, доходит до моря, остановился на берегу. В это время вдруг взметался щучонок и выпал на берег; он его схватил, есть хочет смертно – думает: «Вот теперь поем!»

Неоткуда взялась щука, говорит: «Не тронь, Иван-царевич, моего детища; я тебе пригожусь». Он и щучонка отпустил.

Как пройти море? Сидит на берегу да думает; щука ровно знала его думу, легла поперек моря. Иван-царевич прошел по ней как по мосту; доходит до дуба, где была смерть Коша Бессмертного, достал ящик, отворил – заяц выскочил и побежал. Где тут удержать зайца! Испугался Иван-царевич, что отпустил зайца, призадумался, а волк, которого не убил он, кинулся за зайцем, поймал и несет к Ивану-царевичу. Он обрадовался, схватил зайца, распорол его и как-то оробел: утка спорхнула и полетела. Он пострелял, пострелял – мимо! Задумался опять. Неоткуда взялась ворона с воронятами и ступай за уткой, поймала утку, принесла Ивану-царевичу. Царевич обрадел, достал яйцо; пошел, доходит до моря, стал мыть яичко, да и ронил в воду. Как достать из моря? Безмерна глубь! Закручинился опять царевич. Вдруг море встрепенулось – и щука принесла ему яйцо; потом легла поперек моря. Иван-царевич прошел по ней и отправился к матери; приходит, поздоровались, и она его опять спрятала. В то время прилетел Кош Бессмертный и говорит: «Фу, фу! Русской коски слыхом не слыхать, видом не видать, а здесь Русью несет!» – «Что ты, Кош? У меня никого нет», – отвечала мать Ивана-царевича. Кош опять и говорит: «Я что-то немогу!», а Иван-царевич пожимал яичко; Коша Бессмертного от того коробило. Наконец Иван-царевич вышел, кажет яйцо и говорит: «Вот, Кош Бессмертный, твоя смерть!» Тот на коленки против него и говорит: «Не бей меня, Иван-царевич, станем жить дружно; нам весь мир будет покорен». Иван-царевич не обольстился его словами, раздавил яичко – и Кош Бессмертный умер.

Взяли они, Иван-царевич с матерью, что было нужно, пошли на родиму сторону: по пути зашли за царской дочерью, к которой Иван-царевич заходил вперед, взяли и ее с собой; пошли дальше, доходят до горы, где братья Ивана-царевича все ждут. Девица говорит: «Иван-царевич! Воротись ко мне в дом; я забыла подвенечно платье, брильянтовый перстень и нешитые башмаки». Между тем он спустил мать и царску дочь, с коей они условились дома обвенчаться; братья приняли их, да взяли спуск и перерезали, чтобы Ивану-царевичу нельзя было спуститься, мать и девицу как-то угрозами уговорили, чтобы дома про Ивана-царевича не сказывали. Прибыли в свое царство; отец обрадовался детям и жене, только печалился об одном Иване-царевиче.

А Иван-царевич воротился в дом своей невесты, взял обручальный перстень, подвенечно платье и нешитые башмаки; приходит на́ гору, метнул с руки на́ руку перстень. Явилось двенадцать молодцов, спрашивают: «Что прикажете?» – «Перенесите меня вот с этой горы». Молодцы тотчас его спустили. Иван-царевич надел перстень – их не стало; пошел в свое царство, приходит в тот город, где жил его отец и братья, остановился у одной старушки и спрашивает: «Что, баушка, нового в вашем

царстве?» — «Да чего, дитятко! Вот наша царица была в плену у Коша Бессмертного; ее искали три сына, двое нашли и воротились, а третьего, Ивана-царевича, нет, и не знают, где. Царь кручинится об нем. А эти царевичи с матерью привезли какую-то царску дочь, большак жениться на ней хочет, да она посылает наперед куда-то за обручальным перстнем или велит сделать такое же кольцо, какое ей надо; колдася[1] уж кличут клич, да никто не выискивается». — «Ступай, баушка, скажи царю, что ты сделаешь; а я пособлю», — говорит Иван-царевич.

Старуха в кою пору скрутилась, побежала к царю и говорит: «Ваше царско величество! Обручальный перстень я сделаю». — «Сделай, сделай, баушка! Мы таким людям рады, — говорит царь, — а если не сделаешь, то голову на плаху». Старуха перепугалась, пришла домой, заставляет Ивана-царевича делать перстень, а Иван-царевич спит, мало думает; перстень готов. Он шутит над старухой, а старуха трясется вся, плачет, ругает его: «Вот ты, — говорит, — сам-то в стороне, а меня, дуру, подвел под смерть». Плакала, плакала старуха и уснула. Иван-царевич встал поутру рано, будит старуху: «Вставай, баушка, да ступай понеси перстень, да смотри: больше одного червонца за него не бери. Если спросят, кто сделал перстень, скажи: сама; на меня не сказывай!» Старуха обрадовалась, снесла перстень; невесте понравился: «Такой, — говорит, — и надо!» Вынесла ей полно блюдо золота; она взяла один только червонец. Царь говорит: «Что, баушка, мало берешь?» — «На что мне много-то, ваше царско величество! После понадобятся — ты же мне дашь». Пробаяла это старуха и ушла.

Прошло там сколько время — вести носятся, что невеста посылает жениха за подвенечным платьем или велит сшить такое же, како ей надо. Старуха и тут успела (Иван-царевич помог), снесла подвенечное платье. После снесла нешитые башмаки, а червонцев брала по одному и сказывала: эти вещи сама делает. Слышат люди, что у царя в такой-то день свадьба; дождались и того дня. А Иван-царевич старухе заказал: «Смотри, баушка, как невесту привезут под венец, ты скажи мне». Старуха время не пропустила. Иван-царевич тотчас оделся в царское платье, выходит: «Вот, баушка, я какой!» Старуха в ноги ему. «Батюшка, прости, я тебя ругала!» — «Бог простит». Приходит в церковь. Брата его еще не было. Он стал в ряд с невестой; их обвенчали и повели во дворец. На дороге попадается навстречу жених, большой брат, увидал, что невесту ведут с Иваном-царевичем, ступай-ка со стыдом обратно. Отец обрадовался Ивану-царевичу, узнал о лукавстве братьев и, как отпировали свадьбу, больших сыновей разослал в ссылку, а Ивана-царевича сделал наследником.

---

[1] *Колдася* — когда.

18. Морской царь и Василиса Премудрая

Жил-был царь с царицею. Любил он ходить на охоту и стрелять дичь. Вот один раз пошел царь на охоту и увидел: сидит на дубу молодой орел; только хотел его застрелить, орел и просит: «Не стреляй меня, царь-государь! Возьми лучше к себе, в некое время я тебе пригожусь». Царь подумал-подумал и говорит: «Зачем ты мне нужен!» – и хочет опять стрелять. Говорит ему орел в другой раз: «Не стреляй меня, царь-государь! Возьми лучше к себе, в некое время я тебе пригожусь». Царь думал, думал и опять-таки не придумал, на что бы такое пригодился ему орел, и хочет уж совсем застрелить его. Орел и в третий раз провещал: «Не стреляй меня, царь-государь! Возьми лучше к себе да прокорми три года; в некое время я пригожусь тебе!»

Царь смиловался, взял орла к себе и кормил его год и два: орел так много поедал, что всю скотину приел; не стало у царя ни овцы, ни коровы. Говорит ему орел: «Пусти-ка меня на волю!» Царь выпустил его на волю; попробовал орел свои крылья – нет, не сможет еще летать! – и просит: «Ну, царь-государь, кормил ты меня два года; уж как хочешь, а прокорми еще год; хоть займи, да прокорми: в накладе не будешь!» Царь то и сделал: везде занимал скотину и целый год кормил орла, а после выпустил его на волю вольную. Орел поднялся высоко-высоко, летал, летал, спустился на землю, и говорит: «Ну, царь-государь, садись теперь на меня; полетим вместе». Царь сел на птицу.

Вот и полетели они; ни много, ни мало прошло времени, прилетели на край моря синего. Тут орел скинул с себя царя, и упал он в море – по колени намок; только орел не дал ему потонуть, подхватил его на крыло и спрашивает: «Что, царь-государь, небось испужался?» – «Испужался, – говорит царь, – думал, что совсем потону!» Опять летели, летели, прилетели к другому морю. Орел скинул с себя царя как раз посеред моря – ажно царь по пояс намок. Подхватил его орел на крыло и спрашивает: «Что, царь-государь, небось испужался?» – «Испужался, – говорит он, – да все думал: авось, бог даст, ты меня вытащишь». Опять-таки летели, летели и прилетели к третьему морю. Скинул орел царя в великую глубь – ажно намок он по самую шею. И в третий раз подхватил его орел на крыло и спрашивает: «Что, царь-государь, небось испужался?» – «Испужался, – говорит царь, – да все думалось: авось ты меня вытащишь». – «Ну, царь-государь, – теперь ты изведал, каков смертный страх! Это тебе за

старое, за прошлое: помнишь ли, как сидел я на дубу, а ты хотел меня застрелить; три раза принимался стрелять, а я все просил тебя да на мысли держал: авось не загубишь, авось смилуешься – к себе возьмешь!»

После полетели они за тридевять земель; долго-долго летели. Сказывает орел: «Посмотри-ка, царь-государь, что над нами и что под нами?» Посмотрел царь. «Над нами, – говорит, – небо, под нами земля». – «Посмотри-ка еще, что по правую сторону и что по левую?» – «По правую сторону поле чистое, по левую дом стоит». – «Полетим туда, – сказал орел, там живет моя меньшáя сестра». Опустились прямо на двор; сестра выступила навстречу, принимает своего брата, сажает его за дубовый стол, а на царя и смотреть не хочет; оставила его на дворе, спустила борзых собак и давай травить. Крепко осерчал орел, выскочил из-за стола, подхватил царя и полетел с ним дальше.

Вот летели они, летели; говорит орел царю: «Погляди, что позади нас?» Обернулся царь, посмотрел: «Позади нас дом красный». А орел ему: «То горит дом меньшой моей сестры – зачем тебя не примала да борзыми собаками травила». Летели, летели, орел опять спрашивает: «Посмотри, царь-государь, что над нами и что под нами?» – «Над нами небо, под нами земля». – «Посмотри-ка, что будет по правую сторону и что по левую?» – «По правую сторону поле чистое, по левую дом стоит». – «Там живет моя середняя сестра; полетим к ней в гости». Опустились на широкий двор; середняя сестра примает своего брата, сажает его за дубовый стол, а царь на дворе остался; выпустила она борзых собак и притравила его. Орел осерчал, выскочил из-за стола, подхватил царя и улетел с ним еще дальше.

Летели они, летели; говорит орел: «Царь-государь! Посмотри, что позади нас?» Царь обернулся: «Стоит позади красный дом». – «То горит дом моей середней сестры! – сказал орел. – Теперь полетим туда, где живут моя мать и старшáя сестра». Вот прилетели туда; мать и старшáя сестра куда как им обрадовались и примали царя с честью, с ласкою. «Ну, царь-государь, – сказал орел, – отдохни у нас, а после дам тебе корабль, расплачусь с тобой за все, что поел у тебя, и ступай с богом домой». Дал он царю корабль и два сундучка: один – красный, другой – зеленый, и сказывает: «Смотри же, не отпирай сундучков, пока домой не приедешь; красный сундучок отопри на заднем дворе, а зеленый сундучок на переднем дворе».

Взял царь сундучки, распростился с орлом и поехал по синему морю, доехал до какого-то острова, там его корабль остановился. Вышел он нá берег, вспомянул про сундучки, стал придумывать, что бы такое в них было и зачем орел не велел открывать их; думал, думал, не утерпел – больно узнать ему захотелось: взял он красный сундучок, поставил наземь и открыл, а оттудова столько разного скота вышло, что глазом не окинешь, – едва на острове поместились.

Как увидал это царь, взгоревался, зачал плакать и приговаривать: «Что же мне теперь делать? Как опять соберу все стадо в такой маленький сундучок?» И видит он — вышел из воды человек, подходит к нему и спрашивает: «Чего ты, царь-государь, так горько плачешь?» — «Как же мне не плакать! — отвечает царь. — Как мне будет собрать все это стадо великое в такой маленький сундучок?» — «Пожалуй, я помогу твоему горю, соберу тебе все стадо, только с уговором: отдай мне — чего дома не знаешь». Задумался царь: «Чего бы это я дома не знал? Кажись, все знаю». Подумал и согласился. «Собери, — говорит, — отдам тебе — чего дома не знаю». Вот тот человек собрал ему в сундучок всю скотину; царь сел на корабль и поплыл восвояси.

Как приехал домой, тут только уведал, что родился у него сын-царевич; стал он его целовать, миловать, а сам так слезами и разливается. «Царь-государь, — спрашивает царица, — скажи, о чем горьки слезы ронишь?» — «С радости», — говорит; побоялся-то сказать ей правду, что надо отдавать царевича. Вышел он после на задний двор, открыл красный сундучок — и полезли оттуда быки да коровы, овцы да бараны, много-много набралось всякого скота, все сараи и варки стали полны. Вышел на передний двор, открыл зеленый сундучок — и появился перед ним большой да славный сад: каких-каких деревьев тут не было! Царь так обрадовался, что и забыл отдавать сына.

Прошло много лет. Раз как-то захотелось царю погулять, подошел он к реке; на ту пору показался из воды прежний человек и говорит: «Скоро же ты, царь-государь, забывчив стал! Вспомни, ведь ты должен мне!» Воротился царь домой с тоскою-кручиною и рассказал царице и царевичу всю правду истинную. Погоревали, поплакали все вместе и решили, что делать-то нечего, надо отдавать церевича; отвезли его на взморье и оставили одного.

Огляделся царевич кругом, увидал тропинку и пошел по ней; авось куда бог приведет. Шел, шел и очутился в дремучем лесу; стоит в лесу избушка, в избушке живет баба-яга. «Дай, зайду», — подумал царевич и вошел в избушку. «Здравствуй, царевич! — молвила баба-яга. — Дело пытаешь или от дела лытаешь?» — «Эх, бабушка! Напой, накорми, да потом расспроси». Она его напоила-накормила, и царевич рассказал про все без утайки, куда и зачем идет. Говорит ему баба-яга: «Иди, дитятко, на́ море; прилетят туда двенадцать колпиц, обернутся красными девицами и станут купаться; ты подкрадься потихоньку и захвати у старшей девицы сорочку. Как поладишь с нею, ступай к морскому царю, и попадутся тебе навстречу Объедало да Опивало, попадется еще Мороз-Трескун — всех возьми с собою; они тебе к добру пригодятся».

Простился царевич с ягою, пошел на сказанное место на́ море и спрятался за кусты. Тут прилетели двенадцать колпиц, ударились о сырую землю, обернулись красными девицами и стали

купаться. Царевич скрал у старшей сорочку, сидит за кустом — не ворохнется. Девицы выкупались и вышли на берег, одиннадцать подхватили свои сорочки, обернулись птицами и полетели домой; оставалась одна старшая, Василиса Премудрая. Стала молить, стала просить добра молодца. «Отдай, — говорит, — мою сорочку; придешь к батюшке, водяному царю, в то времечко я тебе сама пригожусь». Царевич отдал ей сорочку, она сейчас обернулась колпицею и улетела вслед за подружками. Пустился царевич дальше; повстречались ему на пути три богатыря: Объедало, Опивало да Мороз-Трескун; взял их с собою и пришел к водяному царю.

Увидал его водяной царь и говорит: «Здорово, дружок! Что так долго ко мне не бывал? Я устал, тебя дожидаючи. Примайся-ка теперь за работу; вот тебе первая задача: построй за одну ночь большой хрустальный мост, чтоб к утру готов был! Не построишь — голова долой!» Идет царевич от водяного, сам слезами заливается. Василиса Премудрая отворила окошечко в своем терему и спрашивает: «О чем, царевич, слезы ронишь?» — «Ах, Василиса Премудрая! Как же мне не плакать? Приказал твой батюшка за единую ночь построить хрустальный мост, а я топора не умею в руки взять». — «Ничего! Ложись-ка спать; утро вечера мудренее».

Уложила его спать, а сама вышла на крылечко, гаркнула-свистнула молодецким посвистом; со всех сторон сбежались плотники-работники: кто место ровняет, кто кирпичи таскает; скоро поставили хрустальный мост, вывели на нем узоры хитрые и разошлись по домам. Поутру рано будит Василиса Премудрая царевича: «Вставай, царевич! Мост готов, сейчас батюшка смотреть придет». Встал царевич, взял метлу; стоит себе на мосту — где подметет, где почистит. Похвалил его водяной царь. «Спасибо, — говорит, — сослужил мне единую службу, сослужи и другую; вот тебе задача: насади к завтрему зеленый сад — большой да ветвистый, в саду бы птицы певчие распевали, на деревьях бы цветы расцветали, груши-яблоки спелые висели». Идет царевич от водяного, сам слезами заливается. Василиса Премудрая отворила окошечко и спрашивает: «О чем плачешь, царевич?» — «Как же мне не плакать? Велел твой батюшка за единую ночь сад насадить». — «Ничего! Ложись спать; утро вечера мудренее».

Уложила его спать, а сама вышла на крылечко, гаркнула-свистнула молодецким посвистом; со всех сторон сбежались садовники-огородники и насадили зеленый сад, в саду птицы певчие распевают, на деревьях цветы расцветают, груши-яблоки спелые висят. Поутру рано будит Василиса Премудрая царевича: «Вставай, царевич! Сад готов, батюшка смотреть идет». Царевич сейчас за метлу да в сад: где дорожку подметет, где веточку поправит. Похвалил его водяной царь: «Спасибо, царевич! Сослужил ты мне службу верой-правдою; выбирай себе за то невесту из двенадцати моих дочерей. Все они лицо в лицо, волос в волос,

платье в платье; угадаешь до трех раз одну и ту же – будет она твоею женою, не угадаешь – велю тебя казнить». Узнала про то Василиса Премудрая, улучила время и говорит царевичу: «В первый раз я платком махну, в другой платье поправлю, в третий над моей головой станет муха летать». Так-то и угадал царевич Василису Премудрую до трех раз. Повенчали их и стали пир пировать.

Водяной царь наготовил много всякого кушанья – сотне человек не съесть! И велит зятю, чтоб все было поедено; коли что останется – худо будет. «Батюшка! – просит царевич. – Есть у нас старичок, дозволь и ему закусить с нами». – «Пускай придет!» Сейчас явился Объедало; все приел – еще мало стало. Водяной царь наставил всякого питья сорок бочек и велит зятю, чтоб дочиста было выпито. «Батюшка! – просит опять царевич. – Есть у нас другой старичок, дозволь и ему выпить про твое здоровье». – «Пускай придет!» Явился Опивало, зараз опростал все сорок бочек – еще опохмелиться просит.

Видит водяной царь, что ничто не берет, приказал истопить для молодых баню чугунную жарко-на́жарко; истопили баню чугунную, двадцать сажо́н дров сожгли, докрасна печь и стены раскалили – за пять верст подойти нельзя. «Батюшка, – говорит царевич, – дозволь наперед нашему старичку попариться, баню опробовать». – «Пускай попарится!» Пришел в баню Мороз-Трескун: в один угол дунул, в другой дунул – уж сосульки висят. Вслед за ним молодые в баню сходили, помылись-попарились и домой воротились. «Уйдем от батюшки водяного царя, – говорит царевичу Василиса Премудрая, – он на тебя больно сердит, не причинил бы зла какого!» – «Уйдем», – говорит царевич. Сейчас оседлали коней и поскакали в чистое поле.

Ехали, ехали; много прошло времени. «Слезь-ка, царевич, с коня да припади ухом к сырой земле, – сказала Василиса Премудрая, – не слыхать ли за нами погони?» Царевич припал ухом к сырой земле: ничего не слышно! Василиса Премудрая сошла сама с доброго коня, прилегла к сырой земле и говорит: «Ах, царевич! Слышу сильную за нами погоню». Оборотила она коней колодезем, себя – ковшиком, а царевича – старым старичком. Наехала погоня: «Эй, старик! Не видал ли добра молодца с красной девицей?» – «Видал, родимые! Только давно: они еще в те́ поры проехали, как я молод был». Погоня воротилась к водяному царю. «Нет, – говорит, – ни следов, ни вести, только и видели, что старика возле колодезя, по воде ковшик плавает». – «Что ж вы их не брали?» – закричал водяной царь и тут же предал гонцов лютой смерти, а за царевичем и Василисой Премудрою послал другую смену. А тем временем они далеко-далеко уехали.

Услыхала Василиса Премудрая новую погоню; оборотила царевича старым попом, а сама сделалась ветхой церковью: еле стены держатся, кругом мохом обросли. Наехала погоня: «Эй,

старичок! не видал ли добра молодца с красной девицей?» – «Видел, родимые! Только давным-давно; они еще в тѐ поры проехали, как я молод был, эту церковь строил». И вторая погоня воротилась к водяному царю: «Нет, ваше царское величество, ни следов, ни вести; только и видели, что старца-попа да церковь ветхую». – «Что же вы их не брали?» – закричал пуще прежнего водяной царь; предал гонцов лютой смерти, а за царевичем и Василисою Премудрою сам поскакал. На этот раз Василиса Премудрая оборотила коней рекою медовою, берегами кисельными, царевича – селезнем, себя – серой утицею. Водяной царь бросился на кисель и сыту, ел-ел, пил-пил – до того, что лопнул! Тут и дух испустил.

Царевич с Василисою Премудрою поехали дальше; стали они подъезжать домой, к отцу, к матери царевича. Василиса Премудрая и говорит: «Ступай, царевич, вперед, доложись отцу с матерью, а я тебя здесь на дороге обожду; только помни мое слово: со всеми целуйся, не целуй сестрицы; не то меня позабудешь». Приехал царевич домой, стал со всеми здороваться, поцеловал и сестрицу, и только поцеловал – как в ту ж минуту забыл про свою жену, словно и в мыслях не была.

Три дня ждала его Василиса Премудрая; на четвертый нарядилась нищенкой, пошла в стольный город и пристала у одной старушки. А царевич собрался жениться на богатой королевне, и велено было кликнуть клич по всему царству, чтоб сколько ни есть народу православного – все бы шли поздравлять жениха с невестою и несли в дар по пирогу пшеничному. Вот и старуха, у которой пристала Василиса Премудрая, принялась муку сеять да пирог готовить. «Для кого, бабушка, пирог готовишь?» – спрашивает ее Василиса Премудрая. «Как для кого? Разве ты не знаешь: наш царь сына женит на богатой королевне; надо во дворец идти, молодым на стол подавать». – «Дай и я испеку да во дворец снесу; может, меня царь чем пожалует». – «Пеки с богом!» Василиса Премудрая взяла муки, замесила тесто, положила творогу да голубя с голубкою и сделала пирог.

К самому обеду пошла старуха с Василисою Премудрою во дворец; а там пир идет на весь мир. Подали на стол пирог Василисы Премудрой, и только разрезали его пополам, как вылетели оттудова голубь и голубка. Голубка ухватила кусок творогу: а голубь говорит: «Голубушка, дай и мне творожку!» – «Не дам, – отвечает голубка, – а то ты меня позабудешь, как позабыл царевич свою Василису Премудрую!» Тут вспомнил царевич про свою жену, выскочил из-за стола, брал ее за белые руки и сажал возле себя рядышком. С тех пор стали они жить вместе во всяком добре и в счастии.

19. Ивашко и ведьма

Жил себе дед да баба, у них был один сыночек Ивашечко; они его так-то уж любили, что и сказать нельзя! Вот просит Ивашечко у отца и матери: «Пустите меня, я поеду рыбку ловить». – «Куда тебе! Ты еще мал, пожалуй, утонешь, чего доброго!» – «Нет, не утону; я буду вам рыбку ловить: пустите!» Баба надела на него белую рубашечку, красным поясом подпоясала и отпустила Ивашечка. Вот он сел в лодку и говорит:

Чóвник, чóвник, плыви дальшенько!
Чóвник, чóвник, плыви дальшенько!

Челнок поплыл далеко-далеко, а Ивашко стал ловить рыбку. Прошло мало ли, много ли времени, притащилась баба нá берег и зовет своего сынка:

Ивашечко, Ивашечко, мой сыночек!
Приплынь, приплынь на бережочек;
Я тебе есть и пить принесла.

А Ивашко говорит:

Чóвник, чóвник, плыви к бережку:
То меня матинька зовет:

Челнок приплыл к бережку; баба забрала рыбу, накормила-напоила своего сына, переменила ему рубашечку и поясок и отпустила опять ловить рыбку.

Вот он сел в лодочку и говорит:

Чóвник, чóвник, плыви дальшенько!
Чóвник, чóвник, плыви дальшенько!

Челнок поплыл далеко-далеко, а Ивашко стал ловить рыбку. Прошло мало ли, много ли времени, притащился дед на берег и зовет своего сынка:

Ивашечко, Ивашечко, мой сыночек!
Приплынь, приплынь на бережочек;
Я тебе есть и пить принес.

А Ивашко:

Чóвник, чóвник, плыви к бережку:
То меня батинька зовет.

Челнок приплыл к бережку; дед забрал рыбу, накормил-напоил сынка, переменил ему рубашечку и поясок и отпустил опять ловить рыбку.

Ведьма слышала, как дед и баба призывали Ивашку, и захотелось ей овладать мальчиком. Вот приходит она на́ берег и кричит хриплым голосом:

Ивашечко, Ивашечко, мой сыночек!
Приплынь, приплынь на бережочек;
Я тебе есть и пить принесла.

Ивашко слышит, что это голос не его матери, а голос ведьмы, и поет:

Чо́вник, чо́вник, плыви дальшенько,
Чо́вник, чо́вник, плыви дальшенько:
То меня не мать зовет, то меня ведьма зовет.

Ведьма увидела, что надобно звать Ивашку тем же голосом, каким его мать зовет, побежала к кузнецу и просит его: «Ковалику, ковалику! Скуй мне такой тонюсенький голосок, как у Ивашкиной матери; а то я тебя съем!» Коваль сковал ей такой голосок, как у Ивашкиной матери. Вот ведьма пришла ночью на бережок и поет:

Ивашечко, Ивашечко, мой сыночек!
Приплынь, приплынь на бережочек,
Я тебе есть и пить принесла.

Ивашко приплыл; она рыбу забрала, его самого схватила и унесла к себе. Пришла домой и заставляет свою дочь Аленку: «Истопи печь пожарче да сжарь хорошенько Ивашку, а я пойду соберу гостей — моих приятелей». Вот Аленка истопила печь жарко-жарко и говорит Ивашке: «Ступай, садись на лопату!» — «Я еще мал и глуп, — отвечает Ивашко, — я ничего еще не умею — не разумею; поучи меня, как надо сесть на лопату». — «Хорошо, — говорит Аленка, — поучить недолго!» — и только села она на лопату, Ивашко так и барахнул ее в печь и закрыл заслонкой, а сам вышел из хаты, запер двери и влез на высокий-высокий дуб.

Ведьма приходит с гостями и стучится в хату; никто не отворяет ей дверей. «Ах, проклятая Аленка! Верно, ушла куда-нибудь играть». Влезла ведьма в окно, отворила двери и впустила гостей; все уселись за стол, а ведьма открыла заслонку, достала жареную Аленку — и на стол: ели-ели, пили-пили и вышли на двор и стали валяться на траве. «Покатюся, повалюся, Ивашкина мясца наевшись! — кричит ведьма.— Покатюся, повалюся, Ивашкина мясца наевшись!». А Ивашко переговаривает ее сверху дуба: «Покатайся, поваляйся, Аленкина мясца наевшись!» — «Мне что-то послышалось», — говорит ведьма. «Это листья шумят!» Опять ведьма говорит: «Покатюся, повалюся, Ивашкина мясца наевшись!», а Ивашко свое: «Покатися, повалися, Аленкина мясца наевшись!» Ведьма посмотрела вверх и увидела Ивашку; бросилась она грызть дуб — тот самый, где сидел Ивашко, грызла, грызла, грызла — два передних зуба выломала и побежала в кузню. Прибежала и говорит: «Ковалику, ковалику! Скуй мне

железные зубы, а не то я тебя съем!» Коваль сковал ей два железных зуба.

Воротилась ведьма и стала опять грызть дуб; грызла, грызла, и только что перегрызла, как Ивашко взял да и перескочил на другой, соседний дуб, а тот, что ведьма перегрызла, рухнул наземь. Ведьма видит, что Ивашко сидит уже на другом дубе, заскрипела от злости зубами и принялась снова грызть дерево; грызла, грызла, грызла – два нижних зуба выломала и побежала в кузню. Прибежала и говорит: «Ковалику, ковалику! Скуй мне железные зубы, а не то я тебя съем!» Коваль сковал ей еще два железных зуба. Воротилась ведьма и стала опять грызть дуб. Ивашко не знает, что ему и делать теперь; смотрит: летят гуси-лебеди; он и просит их:

Гуси мои, лебедята,
Возьмите меня на крылята,
Понесите меня до батиньки, до матиньки;
У батиньки, у матиньки
Пити-ести, хорошо ходити!

«Пущай тебя середние во́зьмут», – говорят птицы. Ивашко ждет; летит другое стадо, он опять просит:

Гуси мои, лебедята,
Возьмите меня на крылята,
Понесите меня до батиньки, до матиньки;
У батиньки, у матиньки
Пити-ести, хорошо ходити!

«Пущай тебя задние возьмут». Ивашко опять ждет; летит третье стадо, он просит:

Гуси мои, лебедята,
Возьмите меня на крылята,
Понесите меня до батиньки, до матиньки;
У батиньки, у матиньки
Пити-ести, хорошо ходити!

Гуси-лебеди подхватили его и понесли домой, прилетели к хате и посадили Ивашку на чердак.

Рано поутру баба собралась печь блины, печет, а сама вспоминает сынка: «Где-то мой Ивашечко? Хоть бы во сне его увидать!» А дед и говорит: «Мне снилось, будто гуси-лебеди принесли нашего Ивашку на своих крыльях». Напекла баба блинов и говорит: «Ну, старик, давай делить блины: это – тебе, дед, это – мне; это – тебе, дед, это – мне...» – «А мне нема!» – отзывается Ивашко. «Это – тебе, дед, это – мне...» – «А мне нема!» – «А ну, старик, – говорит баба, – посмотри, щось там таке́?» Дед полез на чердак и достал оттуда Ивашку. Дед и баба обрадовались, расспросили сына обо всем, обо всем и стали вместе жить да поживать да добра наживать.

20. Царевна-лягушка

В стары годы, в старопрежни, у одного царя было три сына — все они на возрасте. Царь и говорит: «Дети! Сделайте себе по самострелу и стреляйте: кака женщина принесет стрелу, та и невеста; ежели никто не принесет, тому, значит, не жениться». Большой сын стрелил, принесла стрелу княжеская дочь; средний стрелил, стрелу принесла генеральска дочь; а малому Ивану-царевичу принесла стрелу из болота лягуша в зубах. Те братья были веселы и радостны, а Иван-царевич призадумался, заплакал: «Как я стану жить с лягушей? Век жить — не реку перебрести или не поле перейти!» Поплакал-поплакал, да нечего делать — взял в жены лягушу. Их всех обвенчали по ихнему там обряду; лягушу держали на блюде.

Вот живут они. Царь захотел одиножды посмотреть от невесток дары, котора из них лучше мастерица. Отдал приказ. Иван-царевич опять призадумался, плачет: «Чего у меня сделат лягуша! Все станут смеяться». Лягуша ползат по полу, только квакат. Как уснул Иван-царевич, она вышла на улицу, сбросила кожух, сделалась красной де́вицей и крикнула: «Няньки-маньки! Сделайте то-то!» Няньки-маньки тотчас принесли рубашку самой лучшей работы. Она взяла ее, свернула и положила возле Ивана-царевича, а сама обернулась опять лягушей, будто ни в чем не бывала! Иван-царевич проснулся, обрадовался, взял рубашку и понес к царю. Царь принял ее, посмотрел: «Ну, вот это рубашка — во Христов день надевать!» Середний брат принес рубашку; царь сказал: «Только в баню в ней ходить!» А у большого брата взял рубашку и сказал: «В черной избе ее носить!» Разошлись царски дети; двое-то и судят между собой: «Нет, видно мы напрасно смеялись над женой Ивана-царевича, она не лягушка, а кака-нибудь хитра (чародейка)!».

Царь дает опять приказанье, чтоб снохи состряпали хлебы и принесли ему напоказ, котора лучше стряпат? Те невестки сперва смеялись над лягушей; а теперь, как пришло время, они и послали горнишну подсматривать, как она станет стряпать. Лягуша смекнула это, взяла, замесила квашню, скатала, печь сверху выдолбила, да прямо туда квашню и опрокинула. Горнишна увидела, побежала, сказала своим барыням, царским невесткам, и те так же сделали. А лягуша хитрая только их провела, тотчас тесто из печи выгребла, все очистила, замазала, будто ни в чем не бывала, а сама вышла на крыльцо, вывернулась из кожуха и крикнула: «Няньки-маньки! Состряпайте сейчас же мне хлебов таких,

каки мой батюшка по воскресеньям да по праздникам только ел». Няньки-маньки тотчас притащили хлеба. Она взяла его, положила возле Ивана-царевича, а сама сделалась лягушей. Иван-царевич проснулся, взял хлеб и понес к отцу. Отец в то время принимал хлебы от больших братовей; их жены как поспускали в печь хлебы так же, как лягуша, — у них и вышло кули-мули. Царь наперво принял хлеб от большого сына, посмотрел и отослал на кухню; от середнего принял, туда же послал. Дошла очередь до Ивана-царевича; он подал свой хлеб. Отец принял, посмотрел и говорит: «Вот это хлеб — во Христов день есть! Не такой, как у бо́льших снох, с закалой!»

После того вздумалось царю сделать бал, посмотреть своих сношек, котора лучше пляшет? Собрались все гости и снохи, кроме Ивана-царевича; он задумался: «Куда я с лягушей поеду?» И заплакал назрыд наш Иван-царевич. Лягуша и говорит ему: «Не плачь, Иван-царевич! Ступай на бал. Я через час буду». Иван-царевич немного обрадовался, как услыхал, что́ лягуша бает; уехал, а лягуша пошла, сбросила с себя кожух, оделась чудо как! Приезжает на бал; Иван-царевич обрадовался, и все руками схлопали: кака красавица! Начали закусывать; царевна огложет коску, да и в рукав, выпьет чего — остатки в другой рукав. Те снохи видят, чего она делат, и они тоже кости кладут к себе в рукава, пьют чего — остатки льют в рукава. Дошла очередь танцевать; царь посылает бо́льших снох, а они ссылаются на лягушу. Та тотчас подхватила Ивана-царевича и пошла; уж она плясала-плясала, вертелась-вертелась — всем на диво! Махнула правой рукой — стали леса и воды, махнула левой — стали летать разные птицы. Все изумились. Отплясала — ничего не стало. Други снохи пошли плясать, так же хотели: котора правой рукой ни махнет, у той кости-та и полетят, да в людей, из левого рукава вода разбрызжет — тоже в людей. Царю не понравилось, закричал: «Будет, будет!» Снохи перестали.

Бал был на отходе. Иван-царевич поехал наперед, нашел там где-то женин кожух, взял его да и сжег. Та приезжает, хватилась кожуха: нет! — сожжен. Легла спать с Иваном-царевичем: перед утром и говорит ему: «Ну, Иван-царевич, немного ты не потерпел; твоя бы я была, а теперь бог знат. Прощай! Ищи меня за тридевять земель, в тридесятом царстве». И не стало царевны.

Вот год прошел, Иван-царевич тоскует о жене; на другой год собрался, выпросил у отца, у матери благословенье и пошел. Идет долго уж, вдруг попадается ему избушка — к лесу передом, к нему задом. Он и говорит: «Избушка, избушка! Стань по-старому, как мать поставила, — к лесу задом, а ко мне передом». Избушка перевернулась. Вошел в избу; сидит старуха и говорит: «Фу, фу! Руской коски слыхом было не слыхать, видом не видать, нынче руска коска сама на двор пришла! Куда ты, Иван-царевич, пошел?» — «Прежде, старуха, напой-накорми, потом вести расспроси». Старуха напоила-накормила и спать положила. Иван-

царевич говорит ей: «Баушка! Вот я пошел доставать Елену Прекрасну». – «Ой, дитятко, как ты долго (не бывал)! Она с первых-то годов часто тебя поминала, а теперь уж не помнит, да и у меня давно не бывала. Ступай вперед к середней сестре, та больше знат».

Иван-царевич поутру отправился, дошел до избушки и говорит: «Избушка, избушка! Стань по-старому, как мать поставила,– к лесу задом, а ко мне передом». Избушка перевернулась. Он вошел в нее, видит – сидит старуха и говорит: «Фу, фу! Русской коски слыхом было не слыхать и видом не видать, а нынче русска коска сама на двор пришла! Куда, Иван-царевич, пошел?» – «Да вот, баушка, доступать Елену Прекрасну». – «Ой, Иван-царевич,– сказала старуха,– как ты долго! Она уж стала забывать тебя, выходит замуж за другого: скоро свадьба! Живет теперь у большой сестры, ступай туда да смотри ты: как станешь подходить – у нее узнают, Елена обернется веретешком, а платье на ней будет золотом. Моя сестра золото станет вить; как совьет веретешко, и положит в ящик, и ящик запрет, ты найди ключ, отвори ящик, веретешко переломи, кончик брось назад, а корешок перед себя: она и очутилась перед тобой».

Пошел Иван-царевич, дошел до этой старухи, зашел в избу; та вьет золото, свила его в веретешко и положила в ящик, заперла и ключ куда-то положила. Он взял ключ, отворил ящик, вынул веретешко и переломил по сказанному, как по писаному, кончик бросил за себя, а корешок перед себя. Вдруг и очутилась Елена Прекрасная, начала здороваться: «Ой, да как ты долго, Иван-царевич? Я чуть за другого не ушла». А тому жениху надо скоро быть. Елена Прекрасна взяла ковер-самолет у старухи, села на него, и понеслись, как птица полетели. Жених-от за ними вдруг и приехал, узнал, что они уехали; был тоже хитрый! Он ступай-ка за ними в погоню, гнал, гнал, только сажо́н десять не догнал: они на ковре влетели в Русь, а ему нельзя как-то в Русь-то, воротился; а те прилетели домой, все обрадовались, стали жить да быть да животы наживать – на славу всем людям.

21. Белая уточка

Один князь женился на прекрасной княжне и не успел еще на нее наглядеться, не успел с нею наговориться, не успел ее наслушаться, а уж надо было им расставаться, надо было ехать в дальний путь, покидать жену на чужих руках. Что делать! Говорят,

век обнявшись не просидеть. Много плакала княгиня, много князь ее уговаривал, заповедовал не покидать высока терема, не ходить на беседу, с дурными людьми не ватажиться, худых речей не слушаться. Княгиня обещала все исполнить. Князь уехал; она заперлась в своем покое и не выходит.

Долго ли, коротко ли, пришла к ней женщинка, казалось — такая простая, сердечная! «Что, — говорит, — ты скучаешь? хоть бы на божий свет поглядела, хоть бы по саду прошлась, тоску размыкала, голову простудила» (освежила чистым воздухом). Долго княгиня отговаривалась, не хотела, наконец, подумала: по саду походить не беда, и пошла. В саду разливалась ключевая хрустальная вода. «Что,— говорит женщинка,— день такой жаркий, солнце палит, а водица студеная — так и плещет, не искупаться ли нам здесь?» — «Нет, нет, не хочу!» — а там подумала: ведь искупаться не беда! Скинула сарафанчик и прыгнула в воду. Только окунулась, женщинка ударила ее по спине: «Плыви ты,— говорит,— белою уточкой!» И поплыла княгиня белою уточкой. Ведьма тотчас нарядилась в ее платье, убралась, намалевалась и села ожидать князя. Только щенок вякнул, колокольчик звякнул, она уже бежит навстречу, бросилась к князю, целует, милует. Он обрадовался, сам руки протянул и не распознал ее.

А белая уточка нанесла яичек, вывела деточек, двух хороших, а третьего заморышка, и деточки ее вышли — ребяточки; она их вырастила, стали они по реченьке ходить, злату рыбку ловить, лоскутики собирать, кафтаники сшивать, да выскакивать на бережок, да поглядывать на лужок. «Ох, не ходите туда, дети!» — говорила мать. Дети не слушали; нынче поиграют на травке, завтра побегают по муравке, дальше, дальше, и забрались на княжий двор. Ведьма чутьем их узнала, зубами заскрипела; вот она позвала деточек, накормила-напоила и спать уложила, а там велела разложить огня, навесить котлы, наточить ножи. Легли два братца и заснули, — а заморышка, чтоб не застудить, приказала (им) мать в пазушке носить — заморышек-то и не спит, все слышит, все видит. Ночью пришла ведьма под дверь и спрашивает: «Спите вы, детки, иль нет?» Заморышек отвечает: «Мы спим — не спим, думу думаем, что хотят нас всех порезати; огни кладут калиновые, котлы висят кипучие, ножи точат булатные!» — «Не спят!»

Ведьма ушла, походила-походила, опять под дверь: «Спите, детки, или нет?» Заморышек опять говорит то же: «Мы спим — не спим, думу думаем, что хотят нас всех порезати; огни кладут калиновые. котлы висят кипучие, ножи точат булатные!» — «Что же это все один голос?» — подумала ведьма, отворила потихоньку дверь, видит: оба брата спят крепким сном, тотчас обвела их мертвой рукой — и они померли.

Поутру белая уточка зовет деток; детки нейдут. Зачуяло ее сердце, встрепенулась она и полетела на княжий двор. На княжьем дворе, белы как платочки, холодные как пласточки, лежали братцы рядышком. Кинулась она к ним, бросилась, крылышки распустила,

деточек обхватила и материнским голосом завопила:

Кря, кря, мои деточки!
Кря, кря, голубяточки!
Я нуждой вас выхаживала,
Я слезой вас выпаивала,
Темну ночь не досыпала,
Сладок кус не доедала!

«Жена, слышь небывалое? Утка приговаривает». – «Это тебе чудится! Велите утку со двора прогнать!» Ее прогонят, она облетит да опять к деткам:

Кря, кря, мои деточки!
Кря, кря, голубяточки!
Погубила вас ведьма старая,
Ведьма старая, змея лютая,
Змея лютая, подколодная;
Отняла у вас отца родного,
Отца родного – моего мужа,
Потопила нас в быстрой реченьке,
Обратила нас в белых уточек,
А сама живет – величается!

«Эге!» – подумал князь и закричал: «Поймайте мне белую уточку!» Бросились все, а белая уточка летает и никому не дается; выбежал князь сам, она к нему на руки пала. Взял он ее за крылышко и говорит: «Стань, белая береза, у меня позади, а, красная девица, впереди!» Белая береза вытянулася у него позади, а красная девица стала впереди, и в красной девице князь узнал свою молодую княгиню. Тотчас поймали сороку, подвязали ей два пузырька, велели в один набрать воды живящей, в другой говорящей. Сорока слетала, принесла воды. Сбрызнули деток живящею водою – они встрепенулись, сбрызнули говорящею – они заговорили. И стала у князя целая семья, и стали все жить-поживать, добро наживать, худо забывать. А ведьму привязали к лошадиному хвосту, размыкали по полю: где оторвалась нога – там стала кочерга, где рука – там грабли, где голова – там куст да колода; налетели птицы – мясо поклевали, поднялися ветры – кости разметали, и не осталось от ней ни следа, ни памяти!

22. Сноха

Жил-был старик, у него было три дочери. Собирали в деревне сходку, бросали жеребий. Досталось старику по жеребию в солдаты идти. Пришел он домой, сказывает: «Дочки, досталось мне в сол-

даты идти!» Большая дочь и говорит: «Батюшка, дай мне за тебя в солдаты идти!» – «И, дочка, куда тебе? Разве ты можешь в солдатах служить?» – «И, батюшка, ничего!» Взяла она ружье, ранец, шинель, пошла. Идет, навстречу ей заяц. Она испугалась, воротилась домой. Другая дочь и говорит: «Батюшка! Дай-ка я за тебя пойду служить!» Эта тоже обулась, оделась, ранец подвязала. Встретился с ней волк. Она испугалась, вернулась назад.

Потом меньшая дочь говорит: «Батюшка! Дай я за тебя пойду служить!» – «Две старшие ходили, испугались, а ты и вовсе испугаешься!» – «Ничего, батюшка, может, и не испугаюсь!» Взяла ружье, ранец, шинель, пошла. Идет ей навстречу медведь. Она ружье зарядила, выстрелила, пальчик отшибла, завязала в платочек, положила в карман. Пошла за отца служить.

Сколько годов она служила, очень ладно с товарищами жила, никто не узнал, что она женщина. Ну вот пригнали их в деревню, поставили на квартиру. Там хозяйка и говорит: «Служивый! Это с тобой, должно быть, женщина служит!» – «Нет, говорит, это мужчина». – «Испытаем, говорит, возьми ты сена: под женщиной сено почернеет, а под вами зеленое остается». Так и сделали, легли спать. Поутру она рано встала, сено свое переворотила. Солдат говорит: «Нет, хозяйка! Трава все равно, что подо мной, что под ней!» – «Ну, погоди! Мы баню истопим. Ступайте в баню мыться вместе!» Посылает она их в баню. Пошли они. Только солдат разобрался, она и говорит: «Ах, мыло-то мы с тобой забыли! Беги за мылом!» Солдат пошел на квартиру за мылом, приходит, а она уж выпарилась. «Э, брат, я тебя ждал, да уж и выпарился!» Пришел солдат. «Ах, говорит, хозяйка, покуда я пробегал, он выпарился!» Получили они отставку, пошла она домой.

Приходит она домой. Отец встречает ее, очень ей рад. «Эх, матушка! Как ты служила?» – «Слава богу, батюшка!». – «Как же ты пошла в полк?» – говорит. «Да, так, говорит, пошла: иду – навстречу мне медведь идет, я ему пальчик отшибла. Вот и пальчик!» Отец и говорит: «Это мой пальчик!» Значит, отец оборачивался медведем, стращал ее. Вот она сидит, гутарит (разговаривает) с отцом, рассказывает, а товарищ ее, который вместе с ней служил, оборотился кошкой, стоит под окошком, кричит. Отец и говорит: «Открой, матушка, окошко, пусти кошку!» Вот она окошко отворила, кошка эта схватила эту девку (что была в солдатах), посадила на себя и понесла. Вот через реку Оку несет, она с себя перстень сняла, в реку кинула. «Когда, говорит, мой перстень зарастет травой-муравой, тогда я буду свекра с свекровью звать, а тебя мужем нарекать».

Женился он на ней, пришел к отцу своему. Свекровь и свекор ходят за ней, она и не смотрит. Вот свекровь и начала на нее нападать: «Ступай, говорит, серых овец брей!» А у ней серые овцы – волки. Вот она пошла в лес, а муж и говорит: «Друг мой

милый! Она тебя не овец посылает брить, а волков!» Она пошла в лес, села на дуб и кричит: «Уж вы волушки, уж вы серушки! Сходитеся, собирайтеся, в одно лукошко стригитеся!» Волки собрались, в одно лукошко постриглись. Принесла она шерсть свекрови. «Ах, негодная, ее и волки не едят!»

«Ступай, шельма, ступай, негодная! На коровник тебя, моих бурых коров дой!». Муж опять ей говорит: «Друг мой милый! Она тебя не коров посылает доить, а медведей». Вот она пошла, села на дуб, кричит: «Вы, медюшки, вы, батюшки! Сходитеся, собирайтеся, в один дойник дойтеся!». Они пришли, полный ей дойник надоили. Она пришла, поставила на лавку. Свекровь опять говорит: «Ах, шельма, эх, негодная! Ее и медведи не едят!».

«Поди, говорит, к моей сестре, попроси у ней бердечка!»[1]. Муж опять ей говорит: «Друг мой милый! Она тебя не к сестре посылает, а к яге-бабе! На́ тебе ком масла, гребенку, щетку, камышек! Ты коту ком масла дай, он тебе бердечко отдаст». Вот она шла, шла, стоит избушка середь поля на куриных лапках, на веретенных пятках. Она подошла, стучит у окошка. Баба-яга спрашивает: «Кто тут?» – «Тетушка! Дай матушке бердочка!» – «Поди, племянница, посиди, а я пойду бердочко принесу!» А сама побежала зубы точить. Она бросила коту ком масла. Кот и говорит ей: «Ты плюнь под порог, твои слюни и будут откликаться!» Она плюнула под порог, взяла у бабы-яги бердочко и ушла. А баба-яга поточит, поточит зубы. «Племянница! ты тут?». Слюни-то и откликаются: «Тут, тетушка, тут!».

Вот баба-яга наточила зубы, в избу вошла, ее нету. «Где же племянница?» – спрашивает у кота. Кот говорит: «Я не знаю». Вот баба-яга на железную ступу села, железным толкачом погоняет и в погоню!.. Почти догоняет ее баба-яга. Она щетку и кинула, и откуда сделался тростник! Баба-яга давай зубами тростник косить, весь его покосила. Опять догоняет. Она бросила гребенку, и откуда взялся березник! Баба-яга весь березник зубами порубила. Села на железную ступу, железным толкачом погоняет. Опять догоняет.Она кинула камушек. Откуда взялась река. Вот баба-яга кинулась в реку пить, пила, пила, ее разорвало, эту ягу-бабу.

Вот она принесла бердо, положила на лавку. Свекровь и говорит: «Ах, шельма, ах, негодная! Ее ни волки не едят, ни медведи не едят, ни баба-яга не ест. Ступай, шельма, ступай, негодная, с мужем рыбу ловить!» Только влезли в пруд, стали рыбу ловить, она перстень и выудила. «Ах, говорит, я перстень свой поймала: оброс весь травой-муравой!» Пришли домой. Стали жить да поживать.

---

[1] *Бердо* – принадлежность ткацкого станка.

23. Перышко Финиста ясна сокола

Был-жил старик со старухою. У них было три дочери; меньшая была такая красавица, что ни в сказке сказать, ни пером написать. Раз собрался старик в город на ярмарку и говорит: «Дочери мои любезные! Что вам надобно, приказывайте, – все искуплю на ярмарке». Старшая просит: «Купи мне, батюшка, новое платье». Средняя: «Купи мне, батюшка, шалевой платочек». А меньшая говорит: «Купи мне аленький цветочек». Засмеялся старик над меньшою дочкою: «Ну что тебе, глупенькая, в аленьком цветочке? Много ли в нем корысти! Я тебе лучше нарядов накуплю». Только что ни говорил, никак не мог уговорить ее: купи аленький цветочек – да и только.

Поехал старик на ярмарку, купил старшей дочери платье, середней – шалевой платок, а цветочка аленького во всем городе не нашел. Уж на самом выезде попадается ему незнакомый старичок – несет в руках аленький цветочек. «Продай мне, старинушка, твой цветок!» – «Он у меня не продажный, а заветный; буде младшая дочь твоя пойдет за моего сына – Финиста ясна сокола, так отдам тебе цветок даром». Призадумался отец: не взять цветочка – дочку огорчить, а взять, надо будет замуж ее выдать, и бог знает за кого. Подумал-подумал, да таки взял аленький цветочек. «Что за беда! – думает. – После присватается, да коли нехорош, так и отказать можно!»

Приехал домой, отдал старшей дочери платье, середней шаль, а меньшухе отдает цветочек и говорит: «Не люб мне твой цветочек, дочь моя любезная, больно не люб!» А сам шепчет ей потихоньку на ухо: «Ведь цветочек-то заветный был, а не продажный; взял я его у незнакомого старика с условием отдать тебя замуж за его сына Финиста ясна сокола». – «Не печалься, батюшка, – отвечает дочка, – ведь он такой добрый да ласковый; ясным соколом летает по поднебесью, а как ударится о сырую землю – так и станет молодец молодцом!» – «Да ты разве его знаешь?» «Знаю, знаю, батюшка! В прошлое воскресенье он у обедни был, все на меня смотрел; я и говорила с ним... ведь он любит меня, батюшка!» Старик покачал головой, посмотрел на дочь таково пристально, перекрестил ее и говорит: «Поди в светелку, дочка моя милая! Уж спать пора; утро вечера мудренее – после рассудим!» А дочка заперлась в светелке, опустила аленький цветочек в воду, отворила окошко, да и смотрит в синюю даль.

Откуда ни возьмись – взвился перед ней Финист ясен сокол, цветные перышки, впорхнул в окошечко, ударился об пол и стал

мóлодцем. Девушка было испугалась; а потом, как заговорил он с нею, и невесть как стало весело и хорошо на сердце. До зари они разговаривали – уж не ведаю о чем; знаю только, что как начало светать, Финист ясен сокол, цветные перышки, поцеловал ее, да и говорит: «Каждую ночь, как только поставишь ты аленький цветочек на окно, стану прилетать к тебе, моя милая! Да вот тебе перышко из моего крыла; если понадобятся тебе какие наряды, выйди на крылечко да только махни им в правую сторону – и вмиг перед тобой явится все, что душе угодно!» Поцеловал ее еще раз, обернулся ясным соколом и улетел за темный лес. Девушка посмотрела вслед своему суженому, затворила окно и легла почивать. С той поры каждую ночь, лишь поставит она аленький цветочек на растворенное окошечко, прилетает к ней добрый мóлодец Финист ясен сокол.

Вот наступило воскресенье. Старшие сестры стали к обедне наряжаться. «А ты что наденешь? У тебя и обновок-то нету!» – говорят младшей. Она отвечает: «Ничего, я и дома помолюсь!» Старшие сестры ушли к обедне, а меньшуха сидит у окна вся запачканная да смотрит на православный народ, что идет к церкви божией. Выждала время, вышла на крылечко, махнула цветным перышком в правую сторону, и откуда ни возьмись – явились перед ней и карета хрустальная, и кони заводские, и прислуга в золоте, и платья, и всякие уборы из дорогих самоцветных каменьев.

В минуту оделась красная девица, села в карету и понеслась в церковь. Народ смотрит да красоте ее дивуется. «Видно, какая-нибудь царевна приехала!» – говорят промеж себя люди. Как запели «Достойно», она тотчас вышла из церкви, села в карету и укатила назад. Люд православный вышел было поглазеть, куда она поедет; да не тут-то было! Давно и след простыл. А наша красавица лишь подъехала к своему крылечку, тотчас махнула цветным перышком в левую сторону: вмиг прислуга ее раздела, и карета из глаз пропала. Сидит она по-прежнему как ни в чем не бывало да смотрит в окошечко, как православные из церкви по домам расходятся. Пришли и сестры домой. «Ну, сестрица, – говорят, – какая красавица была нонче у обедни! Просто загляденье, ни в сказке сказать, ни пером написать! Должно быть, царевна, из иных земель приезжала – такая пышная, разодетая!»

Наступает другое и третье воскресенье; красная девица знай морочит народ православный, и сестер своих, и отца с матерью. Да в последний раз стала раздеваться и позабыла вынуть из косы бриллиантовую булавку. Приходят из церкви старшие сестры, рассказывают ей про царевну-красавицу да как взглянут на сестру-меньшуху, а бриллиант так и горит у нее в косе. «Ах, сестрица! Что это у тебя? – закричали девушки. – Ведь точь-в-точь этакая булавка была сегодня на голове у царевны. Откуда ты достала ее?» Красная девица ахнула и убежала в свою светелку. Расспро-

сам, догадкам, перешептываньям конца не было; а меньшая сестра молчит себе да потихоньку смеется.

Вот большие сестры стали замечать за нею, стали по ночам у светелки подслушивать, и подслушали один раз разговор ее с Финистом ясным соколом, а на заре своими глазами увидели, как выпорхнул он из окна и полетел за темный лес. Злые, видно, были девушки — большие сестрицы: уговорились они поставить на́ вечер потаенные ножи на окне сестриной светелки, чтобы Финист ясен сокол подрезал свои цветные крылышки. Вздумали — сделали, а меньшая сестра и не догадалась, поставила свой аленький цветочек на окно, прилегла на постель и крепко заснула. Прилетел Финист ясен сокол да как порхнет в окошко и обрезал свою левую ножку, а красная девица ничего не ведает, спит так сладко, так спокойно. Сердито взвился ясен сокол в поднебесье и улетел за темный лес.

Поутру проснулась красавица, глядит во все стороны, — уж светло, а добра молодца нет как нет! Как взглянет на окно, а на окне крест-накрест торчат ножи острые, и каплет с них алая кровь на цветок. Долго девица заливалась горькими слезами, много бессонных ночей провела у окна своей светелки, пробовала махать цветным перышком — все напрасно! Не летит ни Финист ясен сокол, ни слуг не шлет! Наконец со слезами на глазах пошла она к отцу, выпросила благословение. «Пойду, — говорит, — куда глаза глядят!» Приказала себе сковать три пары железных башмаков, три костыля железные, три колпака железные и три просвиры железные: пару башмаков на ноги, колпак на голову, костыль в руки, и пошла в ту сторону, откуда прилетел к ней Финист ясен сокол.

Идет лесом дремучим, идет через пни-колоды, уж железные башмаки истаптываются, железный колпак изнашивается, костыль ломается, просвира изглодана, а красная девица все идет да идет: а лес все чернее, все чаще. Вдруг видит: стоит перед ней чугунная избушка на курьих ножках и беспрестанно повертывается. Девица говорит: «Избушка, избушка! Стань к лесу задом, ко мне передом». Избушка повернулась к ней передом. Вошла в избушку, а в ней лежит баба-яга — из угла в угол, губы на грядке, нос в потолок. «Фу-фу-фу! Прежде русского духу видом было не видать, слыхом не слыхать, а нынче русский дух по вольному свету ходит, воочью является, в нос бросается! Куда путь, красная девица, держишь? От дела лытаешь али дела пытаешь?» — «Был у меня, бабуся, Финист ясен сокол, цветные перышки; сестры мои ему зло сделали. Ищу теперь Финиста ясна сокола». — «Далеко ж тебе идти, малютка! Надо пройти еще тридевять земель. Финист ясен сокол, цветные перышки, живет в пятидесятом царстве, в осьмидесятом государстве и уж сосватался на царевне».

Баба-яга накормила-напоила девицу чем бог послал и спать уложила, а наутро, только свет начал брезжиться, разбудила ее,

дала дорогой подарок — золотой молоточек да десять бриллиантовых гвоздиков — и наказывает: «Как придешь к синему морю, невеста Финиста ясна сокола выйдет на берег погулять, а ты возьми золотой молоточек в ручки и поколачивай бриллиантовые гвоздики; станет она их покупать у тебя, ты, красная девица, ничего не бери, только проси посмотреть Финиста ясна сокола. Ну, теперь ступай с богом к моей середней сестре!»

Опять идет красная девица темным лесом — все дальше и дальше, а лес все чернее и гуще, верхушками в небо вьется. Уж другие башмаки истаптываются, другой колпак изнашивается, железный костыль ломается и железная просвира изгрызена — и вот стоит перед девицей чугунная избушка на курьих ножках и беспрестанно повертывается. «Избушка, избушка! Стань к лесу задом, ко мне передом; мне в тебя лезти — хлеба ести». Избушка повернулась к лесу задом, к девице передом. Входит туда, а в избушке лежит баба-яга — из угла в угол, губы на грядке, нос в потолок. «Фу-фу-фу! Прежде русского духу видом было не видать, слыхом не слыхать, а нынче русский дух по вольному свету стал ходить! Куда, красная девица, путь держишь?» — «Ищу, бабуся, Финиста ясна сокола». — «Уж он жениться хочет. Нонче у них девишник», — сказала баба-яга, накормила-напоила и спать уложила девицу, а наутро чуть свет будит ее, дает золотое блюдечко с бриллиантовым шариком и крепко-накрепко наказывает: «Как придешь на берег синя моря да станешь катать бриллиантовый шарик по золотому блюдечку, выйдет к тебе невеста Финиста ясна сокола, станет покупать блюдечко с шариком; а ты ничего не бери, только проси посмотреть Финиста ясна сокола, цветные перышки. Теперь ступай с богом к моей старшей сестре!»

Опять идет красна девица темным лесом — все дальше и дальше, а лес все чернее и гуще. Уж третьи башмаки истаптываются, третий колпак изнашивается, последний костыль ломается, и последняя просвира изглодана. Стоит чугунная избушка на курьих ножках — то и дело поворачивается. «Избушка, избушка! Повернись к лесу задом, ко мне передом; мне в тебя лезти — хлеба ести». Избушка повернулась. В избушке опять баба-яга, лежит из угла в угол, губы на грядке, нос в потолок. «Фу-фу-фу! Прежде русского духу видом было не видать, слыхом было не слыхать, а нынче русский дух по вольному свету ходит! Куда, красна девица, путь держишь?» — «Ищу, бабуся, Финиста ясна сокола». — «Ах, красна девица, уж он на царевне женился! Вот тебе мой быстрый конь, садись и поезжай с богом!» Девица села на коня и помчалась дальше, а лес все реже да реже.

Вот и сине море — широкое и раздольное — разлилось перед нею, а там вдали как жар горят золотые маковки на высоких теремах белокаменных. «Знать, это царство Финиста ясна сокола!» — подумала девица, села на сыпучий песок и поколачивает золотым молоточком бриллиантовые гвоздики. Вдруг идет по

берегу царевна с мамками, с няньками, с верными служанками, остановилась и ну торговать бриллиантовые гвоздики с золотым молоточком. «Дай мне, царевна, только посмотреть на Финиста ясна сокола, я тебе их даром уступлю», – отвечает девушка. «Да Финист ясен сокол теперь спит, никого не велел пускать к себе; ну, да отдай мне свои прекрасные гвоздики с молоточком – уж я, так и быть, покажу его тебе».

Взяла молоточек и гвоздики, побежала во дворец, воткнула в платье Финиста ясна сокола волшебную булавку, чтобы он покрепче спал да побольше от сна не вставал; после приказала мамкам проводить красну девицу во дворец к своему мужу, ясну соколу, а сама гулять пошла. Долго девица убивалась, долго плакала над милым; никак не могла разбудить его... Нагулявшись вдоволь, царевна воротилась домой, прогнала ее и вынула булавку. Финист ясен сокол проснулся. «Уж, как я долго спал! Здесь, – говорит, – кто-то был, все надо мной плакал да причитывал; только я никак не мог глаз открыть – так тяжело мне было!» – «Это тебе во сне привиделось, – отвечает царевна, – здесь никто не бывал».

На другой день красная девица опять сидит на берегу синего моря и катает бриллиантовый шарик по золотому блюдечку. Вышла царевна гулять, увидала и просит: «Продай мне!» – «Позволь только посмотреть на Финиста ясна сокола, я тебе и даром уступлю!» Царевна согласилась и опять приколола платье Финиста ясна сокола булавкою. Опять красна девица горько плачет над милым и не может разбудить его. На третий день она сидит на берегу синего моря такая печальная, грустная и кормит своего коня калеными угольями. Увидала царевна, что конь жаром кормится, и стала торговать его. «Позволь только посмотреть на Финиста ясна сокола, я тебе его и даром отдам!» Царевна согласилась, прибежала во дворец и говорит: «Финист ясен сокол! Дай я тебе в голове поищу». Села в голове искать и воткнула в его волосы булавку – он тотчас заснул крепким сном; после посылает своих мамок за красной девицей.

Та пришла, будит своего милого, обнимает, целует, а сама горько-горько плачет; нет, не просыпается! Стала ему в голове искать и выронила нечаянно волшебную булавку, – Финист ясен сокол, цветные перышки, тотчас проснулся, увидел красну девицу и так-то обрадовался! Она ему рассказала все как было: как позавидовали ей злые сестры, как она странствовала и как торговалась с царевною. Он полюбил ее больше прежнего, поцеловал в уста сахарные и велел, не мешкая, созвать бояр и князей и всякого чину людей. Стал у них спрашивать: «Как вы рассудите, с которой женою мне век коротать – с этой ли, что меня продавала, или с этой, что меня выкупала?» Все бояре и князья и всякого чину люди в один голос решили: взять ему ту, которая выкупала, а ту, что его продавала, повесить на воротах и расстрелять. Так и сделал Финист ясен сокол, цветные перышки!

24. Марко Богатый и Василий Бессчастный

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был богатейший купец; у него была одна дочь Анастасия Прекрасная, и было ей всего лет пять от роду. Купца звали Марко, по прозванию Богатый. Марко терпеть не мог нищих; только подойдут к окошку, сейчас велит слугам своим гнать их и травить собаками.

В одно время подходят к окошку два седеньких старичка. Марко увидал и велел их травить собаками. Услыхала то Анастасия Прекрасная и стала просить: «Родимый мой батюшка! Хоть для меня пусти их в скотную избу». Отец согласился и велел пустить нищих в скотную избу. Вот как все в доме заснули, Анастасия встала и пошла в скотную, залезла на полати и глядит на нищих. Пришло время быть заутрене, у икон сама свеча затеплилась; старички встали, вынули из мешочков ризы, надели и стали служить заутреню. Прилетает ангел божий: «Господи! В таком-то селе у такого-то крестьянина родился сын: как ему велишь наречи имя и каким наделить его счастием?» Один старичок сказал: «Имя нарицаю ему — Василий, прозвание — Бессчастный, а награждаю его богатством Марка Богатого, у которого мы ночуем». Анастасия все это слышала. Рассвело. Старички снарядились в дорогу и вышли из избы. Анастасия пришла к отцу и сказывает ему все, что в скотной видела и слышала.

Отец усумнился, как бы не сбылось сказанное, и захотел испытать, точно ли родился на селе младенец; велел запрячь карету и поехал туда; приехал прямо к священнику и спросил: «Родился ли у вас такого-то дня младенец?» — «Родился, — сказал священник, — у самого бедного крестьянина; я ему нарек имя Василий и прозвал Бессчастным, да еще не крестил, потому что к бедняку никто в кумовья нейдет». Марко вызвался быть крестным, попадью попросил быть кумою и велел изготовить богатый стол; принесли младенца, окрестили и пировали, как им было угодно. На другой день Марко Богатый призвал к себе бедняка-крестьянина, обласкал его и стал ему говорить: «Куманек! Ты человек бедный, воспитать сына не сможешь; отдай-ка мне его, я его выведу в люди, а тебе на прожитие дам тысячу рублей». Старик подумал-подумал и согласился. Марко наградил кума, взял ребенка, окутал его в лисьи шубы, положил в карету и поехал. Дело было зимою. Проехав несколько верст, Марко Богатый велел остановиться, отдал крестника своему приказчику и приказал: «Возьми его за ноги и выбрось в овраг!» Приказчик взял и бросил

его в крутой овраг. А Марко сказал: «Вот там и владей моим имением!»

На третий день по той же дороге, где проехал Марко, случилось ехать купцам: везли они Марку Богатому двенадцать тысяч рублей долгу; поравнялись купцы против оврага, и послышался им детский плач. Остановились, стали вслушиваться и послали приказчика узнать, что там такое? Приказчик сошел в овраг, видит там зеленый луг, а на том лугу сидит ребенок и играет цветами. Приказчик рассказал про все хозяину; хозяин вышел сам, взял ребенка, завернул в шубу, сел в повозку, и поехали. Приезжают к Марку Богатому. Вот Марко их и спрашивает, где они взяли этого ребенка. Купцы рассказали, и он тотчас догадался, что это Василий Бессчастный, его крестник; взял его на руки, подержал и отдал дочери: «Вот тебе, дочка, нянчай!» – а сам стал угощать купцов разными напитками и просит, чтоб они отдали ему мальчика. Купцы было не соглашались, да как Марко сказал: «Я вас прощаю всем долгом!», то отдали ему ребенка и уехали. Анастасия так была этому рада, что сейчас нашла люльку, повесила занавесы, и стала ухаживать за мальчиком, и не расставалась с ним ни день, ни ночь. Прошел день и другой; на третий Марко воротился домой попозже, когда Анастасия спала, взял младенца, посадил его в бочонок, засмолил и бросил с пристани в воду.

Бочонок плыл да плыл и приплыл к монастырю. На ту пору вышел монах за водою. Послышался ему детский крик; осмотрелся он и увидал бочонок; тотчас сел в лодку, поймал бочонок, разбил его, а в бочонке – дитя; взял его и принес в монастырь к игумну. Игумен назвал ребенка Васильем и прозвал Бессчастным; с тех пор Василий Бессчастный жил в монастыре шестнадцать лет и выучился грамоте – читать и писать. Игумен его полюбил и сделал ключарем.

Марку Богатому случилось ехать в иное государство за получением долгов – на годичное время, и заехал он по пути в монастырь. Здесь его встретили как человека богатого. Игумен велел ключарю идти в церковь; ключарь идет, зажигает свечи, поет и читает. Марко Богатый спрашивает игумна: «Давно ли он поступил к вам в монастырь?» Игумен рассказал все, как вынули его из бочонка и сколько тому лет назад. Марко рассчел и узнал, что это его крестник. Вот он и говорит игумну: «Как бы у меня был такой расторопный человек, как ваш ключарь, я бы сделал его главным приказчиком и всю казну поручил бы ему под смотренье; нельзя ли вам отдать его мне?» Игумен долго отговаривался. Марко посулил за него монастырю двадцать пять тысяч рублей. Игумен посоветовался с братией; удумали и согласились отпустить Василья Бессчастного.

Марко послал Василья домой и написал с ним к жене такое письмо: «Жена! Как получишь мое письмо, сейчас же отправься с этим посланным на мыльный завод и как пойдешь, возле большого кипучего котла, толкни его туда; да непременно исполни!

А не исполнишь, я на тебе взыщу строго: этот малый – мне злодей!» Василий получил письмо и пошел путем-дорогою; попадается ему навстречу старичок и сказал: «Куда ты, Василий Бессчастный, идешь?» Василий сказал: «В дом Марка Богатого к жене с письмом». – «Покажи письмо». Василий вынул письмо и дал старичку; старичок сломил печать, дал Василию прочитать. Василий прочитал и прослезился: «Что я этому человеку сделал, что послал меня на погубление!» Старичок сказал ему: «Не печалься, бог тебя не оставит!», дунул на письмо, печать и письмо сделались такие же, как и были. «Ступай теперь и отдай письмо жене Марка Богатого».

Василий пришел в дом Марка Богатого, отдал письмо его жене. Жена прочитала, задумалась, позвала свою дочь Анастасию и прочитала отцово письмо, а в письме написано: «Жена! Как получишь мое письмо, на другой же день обвенчай Анастасию с этим посланным; да непременно исполни! А не исполнишь, будешь мне отвечать». У богатых людей не пиво варить, не вино курить – все готово, веселым пирком, да и за свадебку. Василья нарядили в хорошее платье, показали Анастасии, и Василий ей полюбился. Вот и обвенчали их.

В один день жене Марка Богатого повестили, что прибыл к пристани ее муж, и она с зятем и дочерью отправилась встречать его. Марко увидел зятя, рассердился и говорит своей жене: «Как ты осмелилась обвенчать с ним дочь нашу?» – «По твоему приказанию», – отвечала жена. Марко спросил свое письмо, прочитал и уверился, что точно он сам то написал.

Пожил Марко с зятем месяц, другой и третий; в один день позвал он зятя к себе и говорит ему: «Вот тебе письмо, иди с ним за тридевять земель, в тридесятое государство, к другу моему царю Змию, получи от него дань за двенадцать лет за то, что построил он дворец на моей земле, и узнай там о двенадцати моих кораблях, что пропадают целые три года. Завтра же поутру отправляйся!» Василий взял письмо, пошел к жене своей и рассказал все, что ему Марко приказывал. Анастасия горько заплакала, а упрашивать отца не посмела.

Василий поутру рано, помолясь богу, взял с собой в котомочку сухариков и пошел. Шел он путем-дорогою, долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли, только слышит в стороне голос: «Василий Бессчастный, куда ты идешь?» Он оглядывается на все стороны и говорит: «Кто меня кличет?» – «Я – дуб, тебя спрашиваю, куда ты идешь?» – «Я иду к царю Змию за двенадцать лет взять с него дань». Дуб сказал: «Как будешь во времени – обо мне вспомни: что стоит дуб триста лет, долго ли еще ему стоять?» Василий выслушал и отправился в путь-дорогу. Пришел Василий к реке, на которой перевозит перевозчик. Василий сел на паром, перевозчик его спрашивает: «Куда ты, мой друг, идешь?» Василий ему отвечал то же, что и дубу. И перевозчик просит его напомянуть царю, что перевозит он тридцать лет; долго ли еще ему

перевозить? «Хорошо, — сказал Василий, — скажу!» — и пошел. Приходит к морю, через море лежит кит-рыба, по ней идут и едут. Как пошел по ней Василий, кит-рыба заговорила: «Василий Бессчастный, куда ты идешь?» Василий сказал ей то же, что и перевозчику, и кит его просит: «Когда будешь во времени, обо мне вспомяни: что лежит кит-рыба через море, конные и пешие пробили у нее тело до ребер; долго ли ей еще лежать?»

Василий обещался и пошел. Приходит он на зеленый луг; на лугу стоит большой дворец. Василий взошел во дворец, ходит по комнатам; комната комнаты лучше убрана. Приходит он в последнюю и видит: на постели сидит девица-красавица и горько плачет. Как увидала Василья, встала она, подошла к нему и спрашивает: «Что ты за человек и как зашел в этакое проклятое место?» Василий показал ей письмо и сказал, что Марко Богатый велел взять с царя Змия дань за двенадцать лет. Девица бросила письмо в печь, а Василью сказала: «Ты не за данью сюда прислан, а Змию на съедение. Да какими путями ты шел? Не случилось ли тебе дорогою что видеть и слышать?» Василий рассказал ей про дуб, перевозчика и кит-рыбу. Только успели они переговорить, затряслась земля и дворец; девица тотчас заперла Василья в сундук под кроватью и сказала ему: «Слушай же, что мы с Змием будем говорить».

А сама стала встречать Змия. Как взошел он в комнату, сказал: «Что здесь русским духом пахнет?» Девица отвечала: «Как сюда может зайти русский дух? Ты по Руси летал, русского духу наймался[1]!» Змий сказал: «Я сильно устал, поищи-ка у меня в голове!» — и лег на постелю. Девица сказала ему: «Царь, какой я без тебя сон видела! Будто я иду по дороге, кричит мне дуб: «Скажи царю-та, долго ли мне еще стоять?» — «Ему стоять до тех пор, — сказал царь, — как подойдет к нему кто да толкнет его ногою, тогда он выворотится с корнем и упадет, а под ним злата и серебра многое множество — столько нет у Марка Богатого!» — «А еще пришла я к реке, на которой перевозит перевозчик; он спрашивал, долго ли ему перевозить?» — «Пусть он первого, кто придет к нему, посадит на паром и толкнет паром от берега — тот и будет вечно перевозить, а он пойдет домой». — «Еще будто я шла по морю через кит-рыбу, и она мне говорила, долго ли ей лежать?» — «Ей лежать до тех пор, покуда вырыгнет двенадцать кораблей Марка Богатого: тогда пойдет в воду, и тело ее нарастет». Сказал царь Змий и заснул крепким сном.

Девица выпустила из сундука Василья Бессчастного и дала ему наставление: «По эту сторону кит-рыбе не сказывай, чтобы она вырыгнула двенадцать кораблей Марка Богатого, а перейди на ту сторону и скажи. Равно́ придешь к перевозчику, на этой стороне не говори ему, того, что слышал; а к дубу придешь — толкни

[1] Набрался.

его ногою на восход, и тут увидишь несчетное богатство». Василий Бессчастный поблагодарил девицу и пошел.

Приходит к киту-рыбе; она его спрашивает: «Говорил ли обо мне?» – «Говорил; вот перейду и скажу». Как перешел, и сказал: «Вырыгни двенадцать кораблей Марка Богатого». Кит-рыба рыгнула, и корабли пошли на парусах – ни в чем невредимы; а Василий Бессчастный очутился от того в воде по колена. Пришел Василий к перевозчику. Перевозчик спрашивает: «Говорил ли царю Змию обо мне?» – «Говорил, – сказал ему Василий. – Наперед перевези меня». Как переехал на другой берег, и сказал перевозчику: «Кто к тебе придет первый, посади его на паром и толкни паром от берегу; тот вечно и будет перевозить, а ты отправляйся в свой дом». Пришел Василий Бессчастный к дубу, толкнул его ногою, дуб свалился; под ним злата и серебра и каменья драгоценного что ни есть числа! Оглянулся Василий назад, видит – плывут прямо к берегу двенадцать кораблей, что вырыгнула кит-рыба. Кораблями управляет тот самый старичок, что попался Василью навстречу, когда он шел к жене Марка Богатого с письмом. Старичок сказал Василью: «Вот, Василий, чем тебя господь благословил!», а сам сошел с корабля и пошел своей дорогою.

Матросы перенесли злато и серебро на корабли и как совсем исправились – пустились в путь, а с ними и Василий Бессчастный. Дали знать Марку Богатому, что плывет его зять с двенадцатью кораблями и что наградил его царь Змий несчетным богатством.

Марко рассердился, что не сбылось по его желанию, велел запрячь повозку и поехал сам к царю Змию попенять ему. Приехал к перевозчику, сел на паром; перевозчик отпихнул паром – и Марко остался вечно перевозить. А Василий Бессчастный прибыл к жене и теще, стал жить да поживать да добра наживать, бедным помогать; нищих награждать, поить и кормить, и завладел всем имением Марка Богатого.

25. Сказка о злой мачехе

Жил-был крестьянин, и жена у него умерла, а хозяйством и всем в доме заведывала дочь. Вдруг на старости лет вздумал крестьянин жениться; сколько дочь его ни просила и сколько соседи ни отговаривали – нет-таки, не послушался, женился. Да и женился-то еще на злой вдове, у которой была такая же злая дочь. Скоро увидел старик, что новая жена его и падчерица были и глупые и злые. Крестьянину и его дочери житья не стало, сколько

бедная Аннушка ни работала, не могла угодить мачехе. Недалеко от деревни был лес, о котором рассказывали множество страшных рассказов, и крестьяне боялись рубить в нем дрова и без крайней надобности даже и не ходили туда. Раз как-то крестьянин Пахом похвастался, что он нарубит в лесу дров. Вот поехал за дровами, нарубил воз дров, и уж хотел ехать домой, как вдруг откуда ни возьмись – старик, старый-престарый, борода седая до колен, глаза так и светятся, как угли, и закричал на Пахома: «Как ты смел рубить дрова в моем заповедном лесу?» Бедный Пахом испугался, упал старику в ноги, стал просить прощенья и кое-как умилостивил его. «Так и быть, – сказал старик, – на первый раз тебя прощаю, а вперед смотри! Скажи всем мужикам, что если кто осмелится заехать ко мне рубить дрова, то я до тех пор молодца не отпущу, пока не сроет он – вон, видишь? – этой горы и не засыплет оврага, что́ под горой; а землю будет он возить на волках и на медведях. Ведь в моем лесу их довольно, они получше ваших кляч. Поезжай домой да не забудь, что я говорил». Пахом ударил по лошаденке да без оглядки из лесу погоняет и уж только, когда подъехал к деревне, оглянулся посмотреть: не гонится ли за ним старик? Добравшись до́ дому, забился он на печь и со страху трои суток пролежал на печи. Как рассказал он потом мужикам – полно с тех пор ездить в лес за дровами, а бабы перестали ходить за грибами и за ягодами в лес: все боялись, что старик заставит копать гору да возить землю на волках и медведях, а может – еще и самих будет запрягать. Другие говорили, будто старик лесной с рогами, а на пальцах у него когти. Молодые ребята не верили и смеялись, а все-таки в лес не ходили.

Мачеха осердилась однажды на Аннушку и говорит мужу: «Федот! Отвези ее в лес, а уж я с ней более жить не хочу!» Федот прикрикнул на жену, но та схватила помело, а падчерица кочергу и бросились на него. Он испугался и согласился отвезти в лес Аннушку. Она и сама сказала отцу: «Отвези меня, батюшка! Здесь житье мое такое горькое, что уж и в лесу будет мне лучше!» Поплакал старик, запряг лошадку, посадил дочь в телегу и повез в лес. На дорогу Аннушке мачеха дала краюшку хлеба. Приехавши в лес, Федот простился с дочерью, благословил ее и сказал: «Ну, дитятко, оставайся с богом! Может тебе здесь будет лучше, и ты будешь жива и здорова, а через три дня я тебя проведаю!» Старик сел в тележку и поехал домой, а Аннушка пошла по тропинке в лес, стала брать ягоды, долго ходила по лесу и видит – стоит избушка. Аннушка подошла к дверям, постучалась – нет ни ответа, ни привета. Благословясь, отворила она дверь и вошла в избушку. Вошедши в избушку, осмотрелась она – нет никого. В одном углу стоял стол и кругом лавки, а в другом углу стояла самопрялка и лежала куча льна. Аннушка села на лавку. На дворе уже смеркалось; поела она хлебца, легла – не спится бедняжке; и вот она засветила лучину и сидит, подгорюнясь. В полночь дверь отворилась, и в избушку вошел

старик – седенький, старенький, опирается на костыль, и – и сказал Аннушке: «Здравствуй, красная девица!» – «Здравствуй, дедушка!» – отвечала Аннушка. «Как ты зашла сюда, волею или неволею?» Аннушка рассказала ему, что мачеха велела ее отвезти в лес. «Ну, красная девица, дам тебе работу. Вот видишь кучу льна? Так напряди мне ниток, вытки холст и сшей рубашку, а завтра я к тебе приду. Если рубашка не будет готова, так тебе будет худо, а теперь прощай». Старик ушел. Залилась Аннушка горькими слезами и думает: «Где мне в одни сутки напрясть ниток, выткать холст и сшить рубашку! Посмотрю, однако ж – пусть по крайней мере старик увидит, что я не ленилась». Вот Аннушка взяла самопрялку, навязала льна и начала прясть. Веретенцы так и вертятся, только-то успевай нитки поправлять. К утру Аннушка испряла весь лен и задумалась: как ей ткать холст, у нее нет станка? Подумала-подумала – ну, что будет, то будет – и задремала. Когда Аннушка проснулась, солнышко было уже высоко, перед ней на столе стояло разное кушанье, а возле окошка стояли стан и красна совсем готовые – садись да тки. Аннушка пошла сначала к ручейку, который протекал близ избушки, умылась, помолилась богу, отобедала, собрала со стола и села ткать. Вот челнок у нее так и прыгает взад и вперед, и к вечеру холст был готов. Соткала она холст, скроила рубашку и принялась шить. Аннушка шьет, а время идет, ночь уже давно наступила, и вот она того и ждет, что дверь отворится и старик войдет в избушку. Только что Аннушка успела закрепить последний стежок, старик вошел. «Ну, что? Сшила рубашку?» – спросил старик. Аннушка подала ему рубашку. «Спасибо, красная девица, а за твою службу хочу я тебя наградить. Ты говорила мне, что у тебя мачеха злая? Хочешь ли, пошлю я своих волков и медведей, они съедят ее и с дочерью?» – «Нет, дедушка, не трогай их, а когда батюшка приедет проведать меня, то я попрошу его отпустить меня жить в люди: ведь я умею все делать, служить буду хорошо, и мне житье будет хорошее». – «Если так, пусть будет по-твоему. Завтра ты получишь от меня подарки – возьми их и будь всегда рукодельна да добра, как была до сих пор, а теперь прощай!» Старик ушел. Аннушка была так весела. Взошло солнышко. Она пошла гулять в лес и вышла посмотреть на дорогу: не едет ли отец проведать ее, а вечером легла она на лавочку и уснула спокойно. Проснувшись, видит Аннушка, что стоят на столе три ларчика – один другого меньше, и при каждом ларчике по серебряному ключу. Аннушка отперла большой ларчик – в нем были разные уборы; отперла другой ларчик – он был полон серебряных денег; отперла третий – полон золотых денег. Прошло три дня, как старик отвез Аннушку в лес. Мачеха и говорит ему: «Поезжай, проведай дочь!» Старик горюет и думает: «Где уж ей живой быть – верно ее давно волки съели!» Старик запряг лошадь и поехал, а мачеха с дочерью смеются и говорят: «Привезет домой косточки! Где ей живой быть! Надобно пиво варить

да поминки справить». У Аннушки была собачка, и когда старик уехал в лес дочь проведать, она начала бегать по двору и радоваться. Вдруг она залаяла: «Тяв, тяв, тяв! Хозяин едет, золото да серебро стучит да гремит!» — «Что ты, негодная, — вот я тебя! Какое там золото и серебро, — сказала мачеха, — косточки в лукошечке стучат да гремят!» — и сама с дочерью все поглядывает в окошко. Вот дочь ее кричит: «Матушка, матушка! Вотчим едет, да, кажись, и Анна-то с ним!» Мачеха подбежала к окну, смотрит — едет старик и дочь везет! «Видишь, какое зелье! — говорит мачеха. — Нескоро избудешь!» Въехали на двор Федот с Аннушкой, идут в избу, несут ларцы, а как Аннушка их отперла, так мачеха с дочерью не надивуются. Мачеха притворилась, будто она рада, что Аннушка возвратилась жива и здорова. «Я тебе говорила, дитятко, что ты будешь жива и здорова», — сказала она Аннушке. Прошло несколько дней, вот мачеха и говорит Федоту: «Муж! Отвези-ка ты теперь мою дочь в лес». Федот заложил лошадь, посадил на телегу падчерицу и повез, а сам думает: «Давно бы пора отвезти тебя, злую и упрямую девку!». Падчерица не хотела было ехать, да мать насильно ее послала, говорит: «Ты навезешь золота и серебра, так тебя богатый жених возьмет». Федот привез падчерицу прямо к избушке и спустил с телеги. Мать навязала ей узел пирогов и ватрушек — такой, что в неделю не съешь. Наелась падчерица и проспала до самой ночи, только поворачивается с боку на бок. Потом зажгла она лучину и сидит. В полночь пришел старик и говорит ей: «Здравствуй, красная девица!». Падчерица молчит. «Какая ты сердитая! — сказал старик. — Вот тебе работа: напряди шерсти, свяжи мне чулки и варяги да вытки кушак, а завтра в такую же пору я приду — смотри, чтобы все было готово, а не то тебе худо будет!» Старик ушел. «Видишь, какой! — сказала падчерица. — Что еще выдумал, старый хрыч! Нашел себе работницу, да я и на себя-то у матушки не работаю, а стану я вязать ему варяги да чулки — и так проходит!» Наелась падчерица пирогов и легла спать, а на другой день встала и опять ничего не делала. Пришла полночь. Дверь в избушку отворилась. Вошел старик. «Что, готова ли моя работа?» Падчерица отворотилась и молчит. «А, когда так, если ты не послушалась меня, не хотела связать мне чулки да варяги — убирайся вон из моей избушки!» Старик выгнал падчерицу, и она пошла бродить по лесу; и вот напали на нее волки и съели ее, косточки в кучу сложили. Прошло три дня. Аннушкина мачеха говорит мужу: «Поезжай, старик, и привези мою дочь». Старик поехал, а жена его то и дело подбегает к окну да смотрит: не везет ли старик дочь ее? И вот затопила она печь — стряпать пироги и печь блины. Собачонка бегает и лает: «Тяв, тяв, тяв! Хозяин едет, косточки в лукошке стучат да гремят!» Мачеха Аннушкина начала собачонку бить сковородником. «Что ты брешешь, негодная! Говори: золото и серебро стучит да гремит!» Въехал Федот на двор, и жена его выскочила встречать дочь свою.

«Где же моя дочка?» – спрашивает она у старика. «Да вот, привез я только ее косточки – волки съели». Старуха завыла голосом, да делать нечего – ведь что было, того не воротишь. Аннушка вышла замуж за богатого крестьянина, взяла к себе отца и жила достаточно, а старик нянчил своих внучат. Мачеха Аннушкина горевала да горевала о своей дочери да так и умерла, и никто не пожалел об ней.

26. Гуси-лебеди

Жили старичок со старушкою; у них была дочка да сынок маленький. «Дочка, дочка! – говорила мать. – Мы пойдем на работу, принесем тебе булочку, сошьем платьице, купим платочек; будь умна, береги братца, не ходи со двора». Старшие ушли, а дочка забыла, что ей приказывали; посадила братца на травке под окошком, а сама побежала на улицу, заигралась, загулялась. Налетели гуси-лебеди, подхватили мальчика, унесли на крылышках.

Пришла девочка, глядь – братца нету! Ахнула, кинулась туда-сюда – нету! Кликала, заливалась слезами, причитывала, что худо будет от отца и матери, – братец не откликнулся! Выбежала в чистое поле; метнулись вдалеке гуси-лебеди и пропали за темным лесом. Гуси-лебеди давно себе дурную славу нажили, много шкодили и маленьких детей крадывали; девочка угадала, что они унесли ее братца, бросилась их догонять. Бежала, бежала, стоит печка. «Печка, печка, скажи, куда гуси полетели?» – «Съешь моего ржаного пирожка, скажу». – «О, у моего батюшки пшеничные не едятся!» Печь не сказала. Побежала дальше, стоит яблонь. «Яблонь, яблонь, скажи, куда гуси полетели?» – «Съешь моего лесного яблока, скажу». – «О, у моего батюшки и садовые не едятся!» Побежала дальше, стоит молочная речка, кисельные берега. «Молочная речка, кисельные берега, куда гуси полетели?» – «Съешь моего простого киселика с молоком, скажу». – «О, у моего батюшки и сливочки не едятся!»

И долго бы ей бегать по полям да бродить по́ лесу, да, к счастью, попался еж; хотела она его толкнуть, побоялась наколоться и спрашивает: «Ежик, ежик, не видал ли, куда гуси полетели?» – «Вон туда-то!» – указал. Побежала – стоит избушка на курьих ножках, стоит-поворачивается. В избушке сидит баба-яга, морда жилиная, нога глиняная; сидит и братец на лавочке, играет золотыми яблочками. Увидела его сестра, подкралась, схватила

и унесла; а гуси за нею в погоню летят; нагонят злодеи, куда деваться? Бежит молочная речка, кисельные берега. «Речка-матушка, спрячь меня!» – «Съешь моего киселика!» Нечего делать, съела. Речка ее посадила под бережок, гуси пролетели. Вышла она, сказала: «Спасибо!» и опять бежит с братцем; а гуси воротились, летят навстречу. Что делать? Беда! Стоит яблонь. «Яблонь, яблонь-матушка, спрячь меня!» – «Съешь мое лесное яблочко!» Поскорей съела. Яблонь ее заслонила веточками, прикрыла листиками; гуси пролетели. Вышла и опять бежит с братцем, а гуси увидели – да за ней; совсем налетают, уж крыльями бьют, того и гляди – из рук вырвут! К счастью, на дороге печка. «Сударыня печка, спрячь меня!» – «Съешь моего ржаного пирожка!» Девушка поскорей пирожок в рот, а сама в печь, села в устьецо. Гуси полетали-полетали, покричали-покричали и ни с чем улетели. А она прибежала домой, да хорошо еще, что успела прибежать, а тут и отец и мать пришли.

27. Василиса Прекрасная

В некотором царстве жил-был купец. Двенадцать лет жил он в супружестве и прижил только одну дочь, Василису Прекрасную. Когда мать скончалась, девочке было восемь лет. Умирая, купчиха призвала к себе дочку, вынула из-под одеяла куклу, отдала ей и сказала: «Слушай, Василисушка! Помни и исполни последние мои слова. Я умираю и вместе с родительским благословением оставляю тебе вот эту куклу; береги ее всегда при себе и никому не показывай; а когда приключится тебе какое горе, дай ей поесть и спроси у нее совета. Покушает она и скажет тебе, чем помочь несчастью». Затем мать поцеловала дочку и померла.

После смерти жены купец потужил, как следовало, а потом стал думать, как бы опять жениться. Он был человек хороший; за невестами дело не стало, но больше всех по нраву пришлась ему одна вдовушка. Она была уже в летах, имела своих двух дочерей, почти однолеток Василисе, – стало быть, и хозяйка и мать опытная. Купец женился на вдовушке, но обманулся и не нашел в ней доброй матери для своей Василисы. Василиса была первая на все село красавица; мачеха и сестры завидовали ее красоте, мучили ее всевозможными работами, чтоб она от трудов похудела, а от ветру и солнца почернела; совсем житья не было!

Василиса все переносила безропотно и с каждым днем все хорошела и полнела, а между тем мачеха с дочками своими худела

и дурнела от злости, несмотря на то, что они всегда сидели сложа руки, как барыни. Как же это так делалось? Василисе помогала ее куколка. Без этого где бы девочке сладить со всею работою! Зато Василиса сама, бывало, не съест, а уж куколке оставит самый лакомый кусочек, и вечером, как все улягутся, она запрется в чуланчике, где жила, и потчевает ее приговаривая: «На, куколка, покушай, моего горя послушай! Живу я в доме у батюшки, не вижу себе никакой радости; злая мачеха гонит меня с белого света. Научи ты меня, как мне быть и жить и что делать?» Куколка покушает, да потом и дает ей советы и утешает в горе, а наутро всякую работу справляет за Василису; та только отдыхает в холодочке да рвет цветочки, а у нее уж и гряды выполоты, и капуста полита, и вода наношена, и печь вытоплена. Куколка еще укажет Василисе и травку от загару. Хорошо было жить ей с куколкой.

Прошло несколько лет; Василиса выросла и стала невестой. Все женихи в городе присватываются к Василисе; на мачехиных дочерей никто и не посмотрит. Мачеха злится пуще прежнего и всем женихам отвечает: «Не выдам меньшой прежде старших!», а проводя женихов, побоями вымещает зло на Василисе.

Вот однажды купцу понадобилось уехать из дому на долгое время по торговым делам. Мачеха и перешла на житье в другой дом, а возле этого дома был дремучий лес, а в лесу на поляне стояла избушка, а в избушке жила баба-яга: никого она к себе не подпускала и ела людей, как цыплят. Перебравшись на новоселье, купчиха то и дело посылала за чем-нибудь в лес ненавистную ей Василису, но эта завсегда возвращалась домой благополучно: куколка указывала ей дорогу и не подпускала к избушке бабы-яги.

Пришла осень. Мачеха раздала всем трем девушкам вечерние работы: одну заставила кружева плести, другую чулки вязать, а Василису прясть, и всем по урокам. Погасила огонь во всем доме, оставила только одну свечку там, где работали девушки, и сама легла спать. Девушки работали. Вот нагорело на свечке; одна из мачехиных дочерей взяла щипцы, чтоб поправить светильню, да вместо того, по приказу матери, как будто нечаянно и потушила свечку. «Что теперь нам делать? — говорили девушки. — Огня нет в целом доме, а уроки наши не кончены. Надо сбегать за огнем к бабе-яге!» — «Мне от булавок светло! — сказала та, что плела кружево. — Я не пойду». — «И я не пойду, — сказала та, что вязала чулок. — Мне от спиц светло!» — «Тебе за огнем идти, — закричали обе. — Ступай к бабе-яге!» — и вытолкали Василису из горницы.

Василиса пошла в свой чуланчик, поставила перед куклою приготовленный ужин и сказала: «На́, куколка, покушай да моего горя послушай: меня посылают за огнем к бабе-яге; баба-яга съест меня!» Куколка поела, и глаза ее заблестели как две свечки. «Не бойся, Василисушка! — сказала она. — Ступай, куда посылают,

только меня держи всегда при себе. При мне ничего не станется с тобой у бабы-яги». Василиса собралась, положила куколку свою в карман, и, перекрестившись, пошла в дремучий лес.

Идет одна и дрожит. Вдруг скачет мимо ее всадник: сам белый, одет в белом, конь под ним белый, и сбруя на коне белая,— на дворе стало рассветать.

Идет она дальше, как скачет другой всадник: сам красный, одет в красном и на красном коне,— стало всходить солнце.

Василиса прошла всю ночь и весь день, только к следующему вечеру вышла на полянку, где стояла избушка яги-бабы; забор вокруг избы из человечьих костей, на заборе торчат черепа людские, с глазами; вместо верей у ворот — ноги человечьи, вместо запоров — руки, вместо замка́ — рот с острыми зубами. Василиса обомлела от ужаса и стала как вкопанная. Вдруг едет опять всадник: сам черный, одет во всем черном и на черном коне; подскакал к воротам бабы-яги и исчез, как сквозь землю провалился,— настала ночь. Но темнота продолжалась недолго: у всех черепов на заборе засветились глаза, и на всей поляне стало светло, как середи дня. Василиса дрожала со страху, не зная куда бежать, оставалась на месте.

Скоро послышался в лесу страшный шум: деревья трещали, сухие листья хрустели; выехала из лесу баба-яга — в ступе едет, пестом погоняет, помелом след заметает. Подъехала к воротам, остановилась и, обнюхав вокруг себя, закричала: «Фу, фу! Русским духом пахнет! Кто здесь?» Василиса подошла к старухе со страхом и, низко поклонясь, сказала: «Это я, бабушка! Мачехины дочери прислали меня за огнем к тебе».— «Хорошо,— сказала яга-баба,— знаю я их, поживи ты наперед да поработай у меня, тогда и дам тебе огня, а коли нет, так я тебя съем!» Потом обратилась к воротам и вскрикнула: «Эй, запоры мои крепкие, отомкнитесь; ворота мои широкие, отворитесь!» Ворота отворились, и баба-яга въехала, посвистывая, за нею вошла Василиса, а потом опять все заперлось. Войдя в горницу, баба-яга растянулась и говорит Василисе: «Подавай-ка сюда, что там есть в печи: я есть хочу».

Василиса зажгла лучину от тех черепов, что на заборе, и начала таскать из печки да подавать яге кушанье, а кушанья настряпано было человек на десять; из погреба принесла она квасу, меду, пива и вина. Все съела, все выпила старуха; Василисе оставила только щец немножко, краюшку хлеба да кусочек поросятины. Стала яга-баба спать ложиться и говорит: «Когда завтра я уеду, ты смотри — двор вычисти, избу вымети, обед состряпай, белье приготовь, да пойди в закром, возьми четверть пшеницы и очисть ее от чернушки. Да чтоб все было сделано, а не то — съем тебя!» После такого наказу баба-яга захрапела; а Василиса поставила старухины объедки перед куклою, залилась слезами и говорила: «На, куколка, покушай, моего горя послушай! Тяжелую дала мне яга-баба работу и грозится съесть меня, коли всего не исполню; помоги мне!» Кукла ответила: «Не бойся, Василиса Прекрас-

ная! Поужинай, помолися да спать ложися; утро мудреней вечера!»

Ранешенько проснулась Василиса, а баба-яга уже встала, выглянула в окно: у черепов глаза потухают; вот мелькнул белый всадник – и совсем рассвело. Баба-яга вышла на двор, свистнула – перед ней явилась ступа с пестом и помелом. Промелькнул красный всадник – взошло солнце. Баба-яга села в ступу и выехала со двора, пестом погоняет, помелом след заметает. Осталась Василиса одна, осмотрела дом бабы-яги, подивилась изобилью во всем и остановилась в раздумье: за какую работу ей прежде всего приняться. Глядит, а вся работа уже сделана; куколка выбирала из пшеницы последние зерна чернушки. «Ах ты, избавительница моя! – сказала Василиса куколке. – Ты от беды меня спасла». – «Тебе осталось только обед состряпать, – отвечала куколка, влезая в карман Василисы. – Состряпай с богом, да и отдыхай на здоровье!»

К вечеру Василиса собрала на стол и ждет бабу-ягу. Начало смеркаться, мелькнул за воротами черный всадник – и совсем стемнело; только светились глаза у черепов. Затрещали деревья, захрустели листья – едет баба-яга. Василиса встретила ее. «Все ли сделано?» – спрашивает яга. «Изволь посмотреть сама, бабушка!» – молвила Василиса. Баба-яга все осмотрела, подосадовала, что не за что рассердиться, и сказала: «Ну, хорошо!». Потом крикнула: «Верные мои слуги, сердечные други, смелите мою пшеницу!». Явились три пары рук, схватили пшеницу и унесли вон из глаз. Баба-яга наелась, стала ложиться спать и опять дала приказ Василисе: «Завтра сделай ты то же, что и нынче, да сверх того возьми из закрома мак да очисти его от земли по зернышку, вишь, кто-то по злобе земли в него намешал!» Сказала старуха, повернулась к стене и захрапела, а Василиса принялась кормить свою куколку. Куколка поела и сказала ей по-вчерашнему: «Молись богу да ложись спать; утро вечера мудренее, все будет сделано, Василисушка!»

Наутро баба-яга опять уехала в ступе со двора, а Василиса с куколкой всю работу тотчас исправили. Старуха воротилась, оглядела все и крикнула: «Верные мои слуги, сердечные други, выжмите из маку масло!» Явились три пары рук, схватили мак и унесли из глаз. Баба-яга села обедать; она ест, а Василиса стоит молча. «Что ж ты ничего не говоришь со мною? – сказала баба-яга. – Стоишь как немая?» – «Не смела, – отвечала Василиса, – а если позволишь, то мне хотелось бы спросить тебя кой о чем». – «Спрашивай; только не всякий вопрос к добру ведет: много будешь знать, скоро состареешься!» – «Я хочу спросить тебя, бабушка, только о том, что видела: когда я шла к тебе, меня обогнал всадник на белом коне, сам белый и в белой одежде; кто он такой?» – «Это день мой ясный», – отвечала баба-яга. «Потом обогнал меня другой всадник на красном коне, сам красный и весь в красном одет; это кто такой?» – «Это мое солнышко

красное!» — отвечала баба-яга. «А что значит черный всадник, который обогнал меня у самых твоих ворот, бабушка?» — «Это ночь моя темная — все мои слуги верные!»

Василиса вспомнила о трех парах рук и молчала. «Что ж ты еще не спрашиваешь?» — молвила баба-яга. «Будет с меня и этого; сама ж ты, бабушка, сказала, что много узнаешь — состареешься». — «Хорошо, — сказала баба-яга, — что ты спрашиваешь только о том, что видала за двором, а не на дворе! Я не люблю, чтоб у меня сор из избы выносили, и слишком любопытных ем! Теперь я тебя спрошу: как успеваешь ты исполнять работу, которую я задаю тебе?» — «Мне помогает благословение моей матери», — отвечала Василиса. «Так вот что! Убирайся же ты от меня, благословенная дочка! Не нужно мне благословенных». Вытащила она Василису из горницы и вытолкала за ворота, сняла с забора один череп с горящими глазами и, наткнув на палку, отдала ей и сказала: «Вот тебе огонь для мачехиных дочек, возьми его; они ведь за этим тебя сюда и прислали».

Бегом пустилась домой Василиса при свете черепа, который погас только с наступлением утра, и, наконец, к вечеру другого дня добралась до своего дома. Подходя к воротам, она хотела было бросить череп: «Верно, дома, — думает себе, — уж больше в огне не нуждаются». Но вдруг послышался глухой голос из черепа: «Не бросай меня, неси к мачехе!».

Она взглянула на дом мачехи и, не видя ни в одном окне огонька, решилась идти туда с черепом. Впервые встретили ее ласково и рассказали, что с той поры, как она ушла, у них не было в доме огня: сами высечь никак не могли, а который огонь приносили от соседей — тот погасал, как только входили с ним в горницу. «Авось твой огонь будет держаться!» — сказала мачеха. Внесли череп в горницу; а глаза из черепа так и глядят на мачеху и ее дочерей, так и жгут! Те было прятаться, но куда ни бросятся — глаза всюду за ними так и следят; к утру совсем сожгло их в уголь; одной Василисы не тронуло.

Поутру Василиса зарыла череп в землю, заперла дом на замок, пошла в город и попросилась на житье к одной безродной старушке; живет себе и поджидает отца. Вот как-то говорит она старушке: «Скучно мне сидеть без дела, бабушка! Сходи, купи мне льну самого лучшего; я хоть прясть буду». Старушка купила льну хорошего; Василиса села за дело, работа так и горит у нее, и пряжа выходит ровная и тонкая, как волосок. Набралось пряжи много; пора бы и за тканье приниматься, да таких берд не найдут, чтобы годились на Василисину пряжу; никто не берется и сделать-то. Василиса стала просить свою куколку, та и говорит: «Принеси-ка мне какое-нибудь старое бердо, да старый челнок, да лошадиной гривы; я все тебе смастерю».

Василиса добыла все, что надо, и легла спать, а кукла за ночь приготовила славный стан. К концу зимы и полотно выткано, да такое тонкое, что сквозь иглу вместо нитки продеть можно.

Весною полотно выбелили, и Василиса говорит старухе: «Продай, бабушка, это полотно, а деньги возьми себе». Старуха взглянула на товар и ахнула: «Нет, дитятко! Такого полотна, кроме царя, носить некому; понесу во дворец». Пошла старуха к царским палатам да все мимо окон похаживает. Царь увидал и спросил: «Что тебе, старушка, надобно?» «Ваше царское величество, — отвечает старуха, — я принесла диковинный товар; никому, окроме тебя, показать не хочу». Царь приказал впустить к себе старуху и как увидел полотно — вздивовался. «Что хочешь за него?» — спросил царь. «Ему цены нет, царь-батюшка! Я тебе в дар его принесла». Поблагодарил царь и отпустил старуху с подарками.

Стали царю из того полотна сорочки шить; вскроили, да нигде не могли найти швеи, которая взялась бы их работать. Долго искали; наконец царь позвал старуху и сказал: «Умела ты напрясть и соткать такое полотно, умей из него и сорочки сшить». — «Не я, государь, пряла и соткала полотно, — сказала старуха, — это работа приемыша моего — девушки». — «Ну так пусть и сошьет она!» Воротилась старушка домой и рассказала обо всем Василисе. «Я знала, — говорит ей Василиса, — что эта работа моих рук не минует». Заперлась в свою горницу, принялась за работу; шила она не покладаючи рук, и скоро дюжина сорочек была готова.

Старуха понесла к царю сорочки, а Василиса умылась, причесалась, оделась и села под окном. Сидит себе и ждет, что будет. Видит: на двор к старухе идет царский слуга; вошел в горницу и говорит: «Царь-государь хочет видеть искусницу, что работала ему сорочки, и наградить ее из своих царских рук». Пошла Василиса и явилась пред очи царские. Как увидел царь Василису Прекрасную, так и влюбился в нее без памяти. «Нет, — говорит он, — красавица моя! Не расстанусь я с тобою; ты будешь моей женою». Тут взял царь Василису за белые руки, посадил ее подле себя, а там и свадебку сыграли. Скоро воротился и отец Василисы, порадовался об ее судьбе и остался жить при дочери. Старушку Василиса взяла к себе, а куколку по конец жизни своей всегда носила в кармане.

28. Удивительный мужичок

Жил-был царь, у него был сын Иван-царевич и дядюшка. Царь был охоч на охоту ездить. Один раз они поехали на охоту и заблудились в лесу. День, два там жили, царь вышел на край, и увидал на поле удивительного мужичка, и стал трубить в рожок,

своих охотников собирать. Они собрались, взяли этого мужичка, поехали домой. Царь велел его положить в кладовую, велел обед готовить и пригласить гостей. Собрались, покушали. «Ну, теперь, господа, – царь говорит, – я вам предлагаю удивительного мужичка посмотреть!» Пошел туда в кладовую, а его там нету.

Пришел этот царь, своей жене хочет голову срубить, а мужичка выпустил сын. Этот сын пожалел мать. «Папенька! Виноват, я выпустил!» Он замахнулся на сына, хочет голову срубить. Гости ухватили руки, говорят: «Как это можно? Вы прикажите лучше вашего сына выслать из вашего царства!» Выгнал царь сына с дядькой вместе.

Идут они день, два, три, и захотелось этому Ивану-царевичу напиться. Дядька-то и говорит: «Вот тут колодец есть!» Пришли к колодезю. Дядька говорит: «Ну, ступай, я тебя отпущу!» Иван-царевич говорит: «Нет, дай я тебя спущу». Дядька говорит: «Я пить не хочу». Спустил дядька Иван-царевича, он там напился, кричит: «Ну, вытаскивай, дядька!» – «Нет, говорит, я тебя не вытащу». Он говорит: «Отчего же?». Дядька и говорит: «Дай я буду Иван-царевич, а ты будешь дядька!». – «Ну, хорошо!». Дядька и говорит: «На, горсть земли съешь (символ клятвы)!». Съел он горсть земли. Вытащил его оттуда дядька. Иван-царевич надел дядькино платье, стал дядькой, а дядька надел Иван-царевича платье, стал Иван-царевич.

Пошли они, идут, приходят к царству. Царь выслал свою прислугу, велит позвать их к себе. Пошли они к нему, угощали их там и оставили их там жить, и этот царь хочет за Ивана-царевича (дядьку) свою дочь отдать.

У этого царя был табун лошадей, и никто не может его лошадей вылечить. Иван-царевич и говорит: «Мой человек может вылечить». Призвали его. Царь и спрашивает: «Можешь ли лошадей моих вылечить?» Он отказывается. «Как хочешь, поезжай, вылечи!» Вот он оседлал лошадь, приезжает к табуну лошадей. Расседлал свою лошадь, пустил ее, сам сел на седло, горько заплакал. «Из-за какого я удивительного мужичка пропадаю?» Не успел он слово сказать, а удивительный мужичок тут и явился. Поздоровались они с ним, удивительный мужичок позвал его к себе. Встречают его две дочери этого старика, говорят: «Благодарим мы вас, что вы нашего батюшку выпустили оттуда». Этот удивительный мужичок говорит своим дочкам: «Вы бы его чем подарили!» Вот одна дочь принесла ему розовый платочек, говорит: «Если вам не будут есть давать, вы и скажите: «Розовый платочек! Развернись, раскатись, напой, накорми меня, доброго молодца!». Другая ему принесла пузырь воды и говорит: «Вот этой водой взбрызните этих лошадей, оне все будут хорошие!». Он поблагодарил их, пошел, взбрызнул лошадей, оне стали хорошие, погнал он их.

Пригоняет к царю, царь увидал. Иван-царевич и говорит царю: «Вы ему (дядьке) ничего не давайте, только дайте ломоть хлеба!»

Царь велел хлеба ломоть отрезать, отнести. Принесли ему, отдали. Он горько заплакал, взял разломил его надвое, отдал собакам. А сам пошел в конюшню, пришел туда, сказал: «Розовый платочек! Развернись, раскатись, напой, накорми меня, доброго молодца!». Вот ему явились кушанья, музыка, все... Вот он часто в конюшню ходит. Царская дочь заметила, что он часто туда ходит. Пошел он в конюшню, она послала за ним девку. Он пришел в конюшню, говорит: «Розовый платочек! Развернись, раскатись, напой, накорми меня, доброго молодца!» Все и явилось. Приходит девка, увидала все, она прибежала, царской дочери рассказала все. Дочь сама и побежала туда. Пришла, а там уж и нет ничего. Она и говорит: «Ах, я какая несчастная!». Он говорит: «Что вам надо? Все вам явится». Он сказал: «Розовый платочек! Развернись, раскатись!». Вот явились два кресла и все. Покушала она, пошла, своему государю и говорит: «Ах, папенька! Иван-царевича прислуга-то что делает!» Иван-царевич говорит: «Посадите его в темницу!». Посадили его в темницу.

А между тем явился трехглавый змей, говорит: «Вывозите мне на день по три человека, а если не согласитесь, вывозите царскую дочь!» Царь согласился дочь свою отдать, отвезли ее туда. Этот дядька услыхал, что царь вывез дочь свою, ударился о пол и сделался мухой. Вылетел в луг, свистнул, крикнул, явилась перед ним лошадь: «Что вам нужно, Иван-царевич?». А это тот самый удивительный мужичок сделался лошадью. Оседлал он его, сел на него верхом, поскакал.

Приезжает туда, где царская дочь вывезена, в карете сидит. Он спрашивает: «Можно ли сюда взойти?». – «Можно-то можно, да скоро придет трехглавый змей, нас обоих съест». – «Авось, одним подавится». Взошел он туда. Он лег спать и говорит царской дочери: «Поищите у меня в голове!» Она стала искать, а он уснул крепко. Приходит пора змею выходить. Она его будила, будила и булавками его колола, все не может разбудить. Заплакала, слеза и упала ему на щеку, загорелась, он проснулся, сейчас бросился сражаться и говорит: «Ах, поздно встал, надо бы еще пораньше! Ну да ничего!» Змей и говорит: «Ты зачем сюда? Царскую дочь привезли на съеденье, а ты сам пришел, ну, так обоих вас съем!» – «Авось, одним подавишься!». Стали, только змей подошел к Иван-царевичу, Иван-царевич как его своим мечом ударит, так все головы сразу сшиб. Царская дочь и говорит: «Позвольте узнать, кто вы такой?». – «После узнаете!». Полетел, как вихрем его понесло. Царь и говорит кучеру: «Поезжай за каретой, теперь моей дочери в живых нет!». Приезжает кучер, смотрит: она в карете сидит, обрадовался, сейчас карету запрег и полетел. Приезжает, царь и спрашивает: «Что?». – «Жива!». И царь обрадовался!

Только опять шестиглавый змей пишет: «Давайте мне по шести человек в день, а не согласны, дайте царскую дочь! Моего

брата победили, а меня не победите!» А дядька снова сидел в тюрьме, услыхал, что царскую дочь повезли, оборотился мухой, вылетел в луга, явился конь и говорит: «Что вам, Иван-царевич, надо?». Он рассказал. Сел на лошадь, поехал, как вихрем его понесло. Приезжает, царская дочь сидит в карете. Вот он и спрашивает: «Что, можно ли сюда взойти?» – «Можно-то можно, да змей прилетит, он нас обоих съест». – «Авось, одним подавится!». Взошел он туда, лег спать и говорит царской дочери: «Поищите у меня в голове!». Она стала искать, а он уснул крепко. Приходит пора змею выходить. Царская дочь Ивана-царевича будила, будила, булавками колола, все не может разбудить. Заплакала, слеза упала ему на щеку, загорелась, он проснулся. «Ах, говорит, поздно встал, надо бы пораньше! Ну да ничего!» Змей и говорит: «Ты зачем сюда? Моего брата убил, меня не придется, я вас обоих съем!». – «Авось, одним подавишься!». Побил Иван-царевич и этого змия. Царская дочь и спрашивает: «Позвольте узнать, кто вы такой?». – «После узнаете!». Опять царь посылает кучера за каретой. Кучер приезжает, видит: жива. Он ее тотчас домой привез.

Только опять двенадцатиглавый змей пишет: «Посылайте мне по двенадцати человек в день, а если не согласны, то высылайте мне дочь царскую. Моих братьев победили, а меня не победят!» Царь выслал дочь свою. Иван-царевич узнал об этом, обратился мухой, вылетел в луга, свистнул. Явился перед ним конь. Оседлал он его, поехал. Конь и говорит: «Ну, Иван-царевич! Теперь змей вам сделает маленькую рану, а мне по груди попадет, вы спешите, убейте его, вырежьте у него желчь и прикладывайте ко мне». Вот он полетел, как вихрем его понесло.

Приезжает, спрашивает: «Можно взойти?». – «Можно-то можно, да скоро сюда прилетит двенадцатиглавый змей, он нас обоих съест!». – «Авось, одним подавится!». Взошел он, лег спать. Опять ветры зашумели, река заволновалась, приходит время выходить змею. Вот она будила Ивана-царевича, будила, булавками колола, не могла разбудить. Заплакала, ее слеза ему пала на щеку, загорелась, он и проснулся. «Ах, говорит, поздно встал, надо бы пораньше! Ну да это ничего!». Выходит двенадцатиглавый змей. «Ты зачем сюда? Царскую дочь привезли на съеденье, а ты сам пришел, ну, так обоих съем». – «Авось, одним подавишься!». Вот двенадцатиглавый змей взвился кверху, а Иван-царевич еще выше его. Вот этот змей фыркнул, так коню по груди песком занесло. А как конь фыркнул, так в чистых полях стали золотые поля. Вот Иван-царевич змею три головы сшиб, потом еще три, а змей ему руку ранил немножко, а коню грудь. Змей и говорит: «Иван-царевич! Есть отдых?» А конь зашумел: «Иван-царевич! Оба погибаем!». Иван-царевич ободрился, последние три головы ссек, взял вынул желчь и приложил коню к груди. Конь и говорит: «А если бы еще две минуточки, совсем бы я погиб!»

Этот Иван-царевич пришел к царской дочери, отдохнул. Она оторвала край от своего платья, перевязала ему руку. Он поскакал, снова прилетел в темницу, лег, двенадцать дней он там спал. А царь посылает кучера за каретой: «Теперь, говорит, моей дочери живой нет!» Кучер приехал, посмотрел в карету: она там, обрадовался, запрег лошадей, полетел домой.

Докладывают царю, что она жива. Царь очень рад, а жених-то и вовсе обрадовался. Спрашивает царь у дочери: «Кто тебя спас?». Она рассказала ему все. Пришли в темницу, Иван-царевич спит, развязывают ему руку, прикладывают к платью, точно, что так. Приставили сторожей, чтоб, как проснется, доложить царю. Проснулся, доложили царю. Испугался этот Иван-царевич. Призывают его к царю, и женили его на царской дочери. А этого Иван-царевича (дядьку-то) велел стравить собаками. И стали жить, поживать, добро наживать, а худо проживать; я там был, мне дали блин, три года гнил, мне дали пирог, а я его под порог.

29. Жар-птица

В некотором царстве, да не в нашем государстве жил-был царь. У этого царя было три сына: Петр-царевич, Димитрий-царевич и Иван-царевич. И был у них сад; в этом саду росла яблонь, а на ней золотые яблоки. Только стал царь примечать: каждую ночь пропадает по яблочку. И прошло несколько времени, яблоков уж очень много нету. Вот он собрал своих сыновей и говорит: «Любезные мои дети! Ежели вы меня любите, то подкараульте этого вора. Ежели из вас кто поймает этого вора, то отдам тому полцарства».

В первую ночь пошел большой брат; сидел он до двенадцати часов, после двенадцати часов и заснул. Когда он утром проснулся, посмотрел: яблочка одного нет. Пришел к отцу и рассказал все подробно. На другую ночь пошел середний брат. То же и с ним случилось самое.

На третью ночь стал меньший брат проситься, но отец на это не соглашался: что «ты очень мал», что «может тебя что-нибудь испугать». Но он убедительно просил отпустить. Отец согласился и отпустил, ну он и пошел в сад и сел под яблоньку. Только сидел несколько времени, и вдруг сад осветило. Видит Иван-царевич: летит Жар-птица; он притаился под дерево, птица подлетела и села на сук. Только хотела яблочко склевать, как меньшой брат подкрался и ухватил за хвост. Она вырвалась и улетела, а у него

одно перо осталось в руке. Он сейчас перо в платок завернул и остался здесь до утра. Утром приходит к отцу своему, отец спрашивает: «Что ты, сын мой любезный, видел ли вора?».— «Видел»,— говорит, и развернул Иван-царевич платок: это перо так и осияло всю комнату. «Ах, говорит, сын мой любезный! Что же это такая была за птица?».

После того отец и призвал тех двух сыновей. «Ну, говорит, дети вы мои милые, вора видели, но не поймали. Но я вас теперь прошу: поезжайте вы в путь и найдите вы мне эту Жар-птицу. Ежели из вас кто найдет, тому отдам все царство». Двое поехали, а отец меньшого сына не отпускает. Тот стал проситься, отец долго не соглашался, наконец, согласился, благословил их всех, и поехали они в путь.

Ехали долго ли, коротко ли и подъезжают к столбу. От этого столба идут три дороги, и на столбе написано: «По правой стороне ехать — быть убитому; по левой стороне ехать — быть самому голодному; по середней дороге ехать — быть коню голодному». Они здесь подумали, где кому ехать. Меньшой брат по правой поехал, а те двое поехали по этим дорогам.

Наконец, меньшой брат ехал несколько времени, и на дороге стоит избушка на куриных лапках, сама повертывается. Иван-царевич и говорит: «Избушка, избушка! Поворотись ко мне передом, а к лесу задом!». Избушка оборотилась к нему передом. Взошел он в избушку; на печке лежит баба-яга, костяная нога, нос уперла в потолок и кричит оттуда: «Что здесь русским духом пахнет?» Он ей и кричит: «Вот, говорит, я тебя, старую чертовку, ссажу с печки!» Она сама соскочила с печки и стала его просить: «Добрый молодец, не бей меня, я тебе пригожусь». Он ей и говорит: «Чем ты на меня закричала, ты бы лучше накормила, напоила и спать положила». Она его стала спрашивать: «Кто ты такой?». Он говорит: «Я Иван-царевич». Она тут его накормила, напоила и спать положила.

Утром Иван-царевич проснулся, умылся, оделся, богу помолился, стал у ней спрашивать: «Не знаешь ли ты, где Жар-птица?». Она ему и говорит: «Я не знаю. Но ты поезжай дальше, там будет сестра моя средняя, она тебе скажет. Да на́ тебе клубочек, когда ты повезешь Жар-птицу, то за тобой погонят, ты и скажи: „Клубочек, клубочек, обратись в гору!“ и он оборотится в гору, а ты поедешь дальше». Тут он поблагодарил ее и поехал дальше к ее сестре.

Ехал несколько времени, и на дороге стоит избушка на куриных лапках, сама повертывается. Иван-царевич и говорит: «Избушка, избушка! Поворотись ко мне передом, а к лесу задом!». Избушка оборотилась к нему передом. Взошел он в избушку; на печке лежит баба-яга, середняя сестра, костяная нога, нос уперла в потолок и кричит оттуда: «Что здесь русским духом пахнет?». — «Вот, говорит, я тебя, старую чертовку, ссажу с печки!». Она сама соскочила с печки, Ивана-царевича накормила, напоила и спать

положила. Утром он встал и стал спрашивать бабу-ягу: «Где Жар-птица?». Она ему сказала: «Поезжай дальше к старшей сестре!». Она ему тут дала гребенку. «Когда, говорит, ты поедешь с Жар-птицей, за тобой погонят, ты и скажи: «Гребенка, гребенка! Оборотись ты в непроходимый лес!» Она и оборотится, а ты поедешь дальше». Тут он поблагодарил ее и поехал к старшей сестре.

Ехал он несколько времени; видит: опять избушка на куриных лапках. «Избушка, избушка! Поворотись ко мне передом, а к лесу задом!». Вошел он в избушку; на печке лежит баба-яга, костяная нога, нос уперла в потолок и кричит оттуда: «Что здесь русским духом пахнет?». – «Вот, говорит, я тебя, старую чертовку, ссажу с печки!». Она сама соскочила с печки, Ивана-царевича накормила, напоила и спать положила. Утром Иван-царевич встал, богу помолился, стал расспрашивать у ней о Жар-птице. Она дала ему щетку. «Когда, говорит, за тобой погонят, то ты скажи: «Щетка, щетка, обернись ты в огненную реку!». И она сделается огненной рекой, а ты поедешь дальше. И когда ты будешь подъезжать к такому-то царству, будет ограда и в этой ограде будут ворота, за этой оградой висят три клетки; в золотой клетке ворона сидит, в серебряной грач сидит, в медной – Жар-птица. Но ты помни, не бери серебряную и золотую и медную клетку тоже не бери, а отвори дверку, и вынь Жар-птицу, и завяжи ее в платок». Иван-царевич поблагодарил ее и поехал в путь.

Подъезжает он к царству и видит ограду каменную, никак нельзя через нее перелезть и в ворота нельзя проехать: львы стоят. Только он посмотрел и говорит: «Ах ты конь мой, лошадь верная моя! Перепрыгни ты через ограду и дай мне достать Жар-птицу!». Он отъехал назад, расскакался и перепрыгнул через ограду. Только он видит, что Жар-птица большая, в платок ее нельзя завязать. Подумал, взял эту медную клетку совсем, вдруг колокольчики зазвенели и львы разревелись. Он тут испугался, что его поймают, расскакался, перепрыгнул ограду и поскакал дальше с Жар-птицей. Только он отъехал несколько и видит, что за ним гонят в погоню; он тут взял клубочек. «Клубочек, обернись в гору!». Клубочек обернулся в гору, а он поехал дальше. Войско подскакало к горе и видит, что непроходимая гора, то они (войско) возвратились назад, взяли скребки, подъехали к горе и раскопали ее. Погнали опять за Иван-царевичем в погоню.

Только Иван-царевич видит, что за ним гонят в погоню; он взял гребенку и сказал: «Ты, гребенка, обернись ты в непроходимый лес!». Она обернулась. Войско подскакало к лесу и видит, что непроходимый лес. Они возвратились назад, взяли топоры и порубили себе дорогу. Они за ним дальше поскакали. Иван-царевич видит, что за ним гонят; он взял щетку и сказал: «Щетка, обернись ты в огненную реку!». Только войско подскакало и видят, что огненная река. Но Иван-царевич за рекой лег отдыхать. Только войско это, кто из людей ни кинется, то сейчас и ошпарится.

Делать им было нечего, и возвратились они назад. Иван-царевич отдохнул и поехал в путь.

Только ехал он несколько времени и подъезжает к этому самому столбу, и у этого столба раскинут шатер, а в этом шатре сидят два молодца. Подошел он к ним и узнал, что это его братья. Он очень этому случаю рад, поздоровался с ними, рассказал все подробно. Он тут лег с ними отдохнуть. Но братьям стало завидно, что он, меньшой брат, привезет к отцу Жар-птицу: «Но мы старшие приедем, не привезем ничего». Они согласились его кинуть в ров. Тогда они его сонного кинули в ров; в этом во рву всякие гады, звери, и даже оттуда не видать солнечного света. Но когда ему пить и есть было нечего, то он питался землей и вздумал копать и лезть кверху. Только он полез, сам руками копает и лезет все выше да выше. Наконец, он все выше да выше лез и увидал оттуда солнечный луч. Только он дальше полез и вылез наружу. Отдохнул несколько времени около рва и пошел он дальше.

Только подходит к одному городу и видит в этом городе, что толпа стоит народу. Подошел он к народу и спрашивает: «Что это такое значит – вы стоите около озера?». Они ему отвечают, что «мы ждем: отсюда выйдет змей шестиглавый, и должны мы ему кинуть девицу; но как он всех девиц переел, то теперь должны кинуть царскую дочь». Но он им сказал: «Ах, как мне это жалко! Но покажите, где царь и дочь?». Когда царь и дочь вышли, он к ним подошел. «Я вашу дочь, говорит, могу спасти!» Царь и говорит: «Теперь нельзя и думать от этакого змея». А Иван-царевич опять говорит: «Я вам спасу вашу дочь, но прикажите только связать три пучка жимостовых палочек!». Когда связали, принесли. Вдруг змей и плывет, на разные голоса свищет, ревет, только было рот разинул, а Иван-царевич одним пучком срубил ему две головы, другим пучком другие две, третьим еще две; все шесть голов отрубил. Тут сейчас царь обрадовался, кинулся его целовать и попросил к себе во дворец. Все жители обрадовались, что он так змея победил, так сейчас задали пир. А эта царевна-дочь такая была раскрасавица, что в свете мало было. Царь стал предлагать Ивану-царевичу жениться. Свадьбу сыграли. Отец, женивши стал спрашивать Иван-царевича: «Из какого ты царства?». Он отвечает, что «из такого-то царства, такого-то царя сын». Он стал его приглашать: «Не угодно ли к своему отцу повидаться? И когда вы рады к отцу ехать, дам вам два ворона, и садитесь на этих вороньев, и когда вы сядете, то скажите: в такое-то царство, – вас прямо и провезут». Вот царь дал им вороньев, они сели и полетели.

А старшие два брата как взяли Жар-птицу, привезли ее к отцу; отец так был рад Жар-птице. На другой день из этой Жар-птицы сделалась ворона; они так удивились, и отец удивился: «Отчего это такое значит?». Однако отец повесил ворону у себя в комнате; так она и висела вороной. Когда Иван-царевич стал подлетать

к отцу, то вдруг из вороны сделалась опять Жар-птица.Отец так этому удивился, что вдруг из вороны опять сделалась Жар-птица, и видит: прилетают два ворона, и на вороньях сидят мужчина и девица. Отец этому испугался, подумал, что не за Жар ли птицей прилетели и не перед своими ли она из вороны сделалась Жар-птицей. Но вдруг Иван-царевич входит с супругой и бросается на шею к отцу и просит прощенья, что без его позволенья он женился. Отец никак узнать его не мог. «Ах, ты сын мой! Что ты так долго не приезжал? Братья твои возвратились. Жар-птицу достали». — «Нет, говорит, не братья, а я Жар-птицу достал; с ними я выехал на дорогу, они меня сонного кинули в ров, а Жар-птицу от меня увезли». А потом он все подробно рассказал. Сейчас отец двух сыновей своих заставил пасти скотину, а ему отдал все царство свое. Потом они сделали такой пир; я там был, вино, пиво пил; по усам текло, да в рот не попало.

30. Марья Моревна

В некотором царстве, в некотором государстве, жил-был Иван-царевич; у него было три сестры: одна Марья-царевна, другая Ольга-царевна, третья Анна-царевна. Отец и мать у них померли; умирая, они сыну наказывали: «Кто первый за твоих сестер станет свататься, за того и отдавай — при себе не держи долго!». Царевич похоронил родителей и с горя пошел с сестрами во зеленый сад погулять. Вдруг находит на небо туча черная, встает гроза страшная. «Пойдемте, сестрицы, домой!» — говорит Иван-царевич. Только пришли во дворец — как грянул гром, раздвоился потолок, и влетел к ним в горницу ясен сокол, ударился сокол о́б пол, сделался добрым молодцем и говорит: «Здравствуй, Иван-царевич! Прежде я ходил гостем, а теперь пришел сватом; хочу у тебя сестрицу Марью-царевну посватать». «Коли люб ты сестрице, я ее не унимаю — пусть с богом идет!». Марья-царевна согласилась; сокол женился и унес ее в свое царство.

Дни идут за днями, часы бегут за часами — целого года как не бывало; пошел Иван-царевич с двумя сестрами во зеленый сад погулять. Опять встает туча с вихрем, с молнией. «Пойдемте, сестрицы домой!» — говорит царевич. Только пришли во дворец — как ударил гром, распалася крыша, раздвоился потолок, и влетел орел; ударился о́б пол и сделался добрым молодцем: «Здравствуй, Иван-царевич! Прежде я гостем ходил, а теперь пришел сватом». И посватал Ольгу-царевну. Отвечает Иван-царевич:

«Если ты люб Ольге-царевне, то пусть за тебя идет; я с нее воли не снимаю». Ольга-царевна согласилась и вышла за орла замуж; орел подхватил ее и унес в свое царство.

Прошел еще один год; говорит Иван-царевич своей младшей сестрице: «Пойдем, во зеленом саду погуляем!». Погуляли немножко; опять встает туча с вихрем, с молнией. «Вернемся, сестрица, домой!». Вернулись домой, не успели сесть — как ударил гром, раздвоился потолок и влетел ворон; ударился ворон óб пол и сделался добрым молодцем: прежние были хороши собой, а этот еще лучше. «Ну, Иван-царевич, прежде я гостем ходил, а теперь пришел сватом; отдай за меня Анну-царевну». — «Я с сестрицы воли не снимаю; коли ты полюбился ей, пусть идет за тебя». Вышла за ворона Анна-царевна, и унес он ее в свое государство.

Остался Иван-царевич один; целый год жил без сестер, и сделалось ему скучно. «Пойду, — говорит, — искать сестриц». Собрался в дорогу, шел, шел и видит — лежит в поле рать-сила побитая. Спрашивает Иван-царевич: «Коли есть тут жив человек — отзовися! Кто побил это войско великое?» Отозвался ему жив человек: «Все это войско великое побила Марья Моревна, прекрасная королевна». Пустился Иван-царевич дальше, наезжал на шатры белые, выходила к нему навстречу Марья Моревна, прекрасная королевна: «Здравствуй, царевич, куда тебя бог несет — по воле аль по неволе?». Отвечал ей Иван-царевич: «Добрые мóлодцы по неволе не ездят!» — «Ну, коли дело не к спеху, погости у меня в шатрах». Иван-царевич тому и рад, две ночи в шатрах ночевал, полюбился Марье Моревне и женился на ней.

Марья Моревна, прекрасная королевна, взяла его с собой в свое государство; пожили они вместе сколько-то времени, и вздумалось королевне на войну собираться; покидает она на Ивана-царевича все хозяйство и приказывает: «Везде ходи, за всем присматривай; только в этот чулан не моги заглядывать!». Он не вытерпел, как только Марья Моревна уехала, тотчас бросился в чулан, отворил дверь, глянул — а там висит Кощей Бессмертный, на двенадцати цепях прикован. Просит Кощей у Ивана-царевича: «Сжалься надо мной, дай мне напиться! Десять лет я здесь мучаюсь, не ел, не пил — совсем в горле пересохло!». Царевич подал ему целое ведро воды; он выпил и еще запросил: «Мне одним ведром не залить жажды; дай еще!». Царевич подал другое ведро; Кощей выпил и запросил третье, а как выпил и третье ведро — взял свою прежнюю силу, тряхнул цепями и сразу все двенадцать порвал. «Спасибо, Иван-царевич! — сказал Кощей Бессмертный. — Теперь тебе никогда не видать Марьи Моревны, как ушей своих!» — и страшным вихрем вылетел в окно, нагнал на дороге Марью Моревну, прекрасную королевну, подхватил ее и унес к себе. А Иван-царевич горько-горько заплакал, снарядился и пошел в путь-дорогу: «Что ни будет, а разыщу Марью Моревну!».

Идет день, идет другой, на рассвете третьего видит чудесный дворец, у дворца дуб стоит, на дубу ясен сокол сидит. Слетел сокол с дуба, ударился оземь, обернулся добрым молодцем и закричал: «Ах, шурин мой любезный! Как тебя господь милует?». Выбежала Марья-царевна, встрела Ивана-царевича радостно, стала про его здоровье расспрашивать, про свое житье-бытье рассказывать. Погостил у них царевич три дня и говорит: «Не могу у вас гостить долго; я иду искать жену мою, Марью Моревну, прекрасную королевну». – «Трудно тебе сыскать ее, – отвечает сокол. – Оставь здесь на всякий случай свою серебряную ложку: будем на нее смотреть, про тебя вспоминать». Иван-царевич оставил у сокола свою серебряную ложку и пошел в дорогу.

Шел он день; шел другой, на рассвете третьего видит дворец еще лучше первого, возле дворца дуб стоит, на дубу орел сидит. Слетел орел с дерева, ударился оземь, обернулся добрым молодцем и закричал: «Вставай, Ольга-царевна! Милый наш братец идет». Ольга-царевна тотчас прибежала навстречу, стала его целовать-обнимать, про здоровье расспрашивать, про свое житье-бытье рассказывать. Иван-царевич погостил у них три денька и говорит: «Дольше гостить мне некогда; я иду искать жену мою, Марью Моревну, прекрасную королевну». Отвечает орел: «Трудно тебе сыскать ее; оставь у нас серебряную вилку: будем на нее смотреть, тебя вспоминать». Он оставил серебряную вилку и пошел в дорогу.

День шел, другой шел, на рассвете третьего видит дворец лучше первых двух, возле дворца дуб стоит, на дубу ворон сидит. Слетел ворон с дуба, ударился оземь, обернулся добрым молодцем и закричал: «Анна-царевна! Поскорей выходи, наш братец идет». Выбежала Анна-царевна, встретила его радостно, стала целовать-обнимать, про здоровье расспрашивать, про свое житье-бытье рассказывать. Иван-царевич погостил у них три денька и говорит: «Прощайте! Пойду жену искать – Марью Моревну, прекрасную королевну». Отвечает ворон: «Трудно тебе сыскать ее; оставь-ка у нас серебряную табакерку: будем на нее смотреть, тебя вспоминать». Царевич отдал ему серебряную табакерку, попрощался и пошел в дорогу.

День шел, другой шел, а на третий добрался до Марьи Моревны. Увидала она своего милого, бросилась к нему на шею, залилась слезами и промолвила: «Ах, Иван-царевич! Зачем ты меня не послушался – посмотрел в чулан и выпустил Кощея Бессмертного?» – «Прости, Марья Моревна! Не поминай старого, лучше поедем со мной, пока не видать Кощея Бессмертного; авось не догонит!». Собрались и уехали. А Кощей на охоте был; к вечеру он домой ворочается, под ним добрый конь спотыкается. «Что ты, несытая кляча, спотыкаешься? Али чуешь какую невзгоду?». Отвечает конь: «Иван-царевич приходил, Марью Моревну увез». – «А можно ли их догнать?» – «Можно пшеницы насеять, дождаться, пока она вырастет, сжать ее, смолотить, в муку обратить, пять

печей хлеба наготовить, тот хлеб поесть, да тогда вдогонь ехать – и то поспеем!». Кощей поскакал, догнал Ивана-царевича: «Ну, – говорит, – первый раз тебя прощаю за твою доброту, что водой меня напоил; и в другой раз прощу, а в третий берегись – на куски изрублю!». Отнял у него Марью Моревну и увез; а Иван-царевич сел на камень и заплакал.

Поплакал-поплакал и опять воротился назад за Марьей Моревною; Кощея Бессмертного дома не случилося. «Поедем, Марья Моревна!» – «Ах, Иван-царевич! Он нас догонит». – «Пускай догонит; мы хоть часок-другой проведем вместе». Собрались и уехали. Кощей Бессмертный домой возвращается, под ним добрый конь спотыкается. «Что ты, несытая кляча, спотыкаешься? Али чуешь какую невзгоду?» – «Иван-царевич приходил, Марью Моревну с собой взял». – «А можно ли догнать их?» – «Можно ячменю насеять, подождать, пока он вырастет, сжать-смолотить, пива наварить, допьяна напиться, до отвала выспаться да тогда вдогонь ехать – и то поспеем!». Кощей поскакал, догнал Ивана-царевича: «Ведь я ж говорил, что тебе не видать Марьи Моревны, как ушей своих!». Отнял ее и увез к себе.

Оставался Иван-царевич один, поплакал-поплакал и опять воротился за Марьей Моревною; на ту пору Кощея дома не случилося. «Поедем, Марья Моревна!» – «Ах, Иван-царевич! Ведь он догонит, тебя в куски изрубит». – «Пускай изрубит! Я без тебя жить не могу». Собрались и поехали. Кощей Бессмертный домой возвращается, под ним добрый конь спотыкается. «Что ты спотыкаешься? Али чуешь какую невзгоду?» – «Иван-царевич приходил, Марью Моревну с собой взял». Кощей поскакал, догнал Ивана-царевича, изрубил его в мелкие куски и поклал в смоленую бочку; взял эту бочку, скрепил железными обручами и бросил в синее море, а Марью Моревну к себе увез.

В то самое время у зятьев Ивана-царевича серебро почернело. «Ах, – говорят они, – видно, беда приключилася!» Орел бросился на сине море, схватил и вытащил бочку на́ берег, сокол полетел за живой водою, а ворон за мертвою. Слетелись все трое в одно место, разбили бочку, вынули куски Ивана-царевича, перемыли и склали как надобно. Ворон брызнул мертвою водою – тело срослось, съединилося; сокол брызнул живой водою – Иван-царевич вздрогнул, встал и говорит: «Ах, как я долго спал!» – «Еще бы дольше проспал, если б не мы! – ответили зятья. – Пойдем теперь к нам в гости». – «Нет, братцы! Я пойду искать Марью Моревну».

Приходит к ней и просит: «Разузнай у Кощея Бессмертного, где он достал себе такого доброго коня». Вот Марья Моревна улучила добрую минуту и стала Кощея выспрашивать. Кощей сказал: «За тридевять земель, в тридесятом царстве, за огненной рекою живет баба-яга; у ней есть такая кобылица, на которой она каждый день вокруг света облетает. Много у ней и других славных кобылиц; я у ней три дня пастухом был, ни одной

кобылицы не упустил, и за то баба-яга дала мне одного жеребеночка». — «Как же ты через огненную реку переправился?» — «А у меня есть такой платок — как махну в правую сторону три раза, сделается высокий-высокий мост, и огонь его не достанет!». Марья Моревна выслушала, пересказала все Ивану-царевичу и платок унесла да ему отдала.

Иван-царевич переправился через огненную реку и пошел к бабе-яге. Долго шел он не пивши, не евши. Попалась ему навстречу заморская птица с малыми детками. Иван-царевич говорит: «Съем-ка я одного цыпленочка». — «Не ешь, Иван-царевич! — просит заморская птица. — В некоторое время я пригожусь тебе». Пошел он дальше; видит в лесу улей пчел. «Возьму-ка я, — говорит, — сколько-нибудь медку». Пчелиная матка отзывается: «Не тронь моего меду, Иван-царевич! В некоторое время я тебе пригожусь». Он не тронул и пошел дальше; попадает ему навстречу львица со львенком. «Съем я хоть этого львенка; есть так хочется, ажно тошно стало!» — «Не тронь, Иван-царевич, — просит львица. — В некоторое время я тебе пригожусь». — «Хорошо, пусть будет по-твоему!».

Побрел голодный, шел, шел — стоит дом бабы-яги, кругом дома двенадцать шестов, на одиннадцати шестах по человечьей голове, только один незанятый. «Здравствуй, бабушка!» — «Здравствуй, Иван-царевич! Почто пришел — по своей доброй воле аль по нужде?» — «Пришел заслужить у тебя богатырского коня». — «Изволь, царевич! У меня ведь не год служить, а всего-то три дня; если упасешь моих кобылиц — дам тебе богатырского коня, а если нет, то не гневайся — торчать твоей голове на последнем шесте». Иван-царевич согласился; баба-яга его накормила-напоила и велела за дело приниматься. Только что выгнал он кобылиц в поле, кобылицы задрали хвосты и все врозь по лугам разбежались; не успел царевич глазами вскинуть, как они совсем пропали. Тут он заплакал-запечалился, сел на камень и заснул. Солнышко уже на закате, прилетела заморская птица и будит его: «Вставай, Иван-царевич! Кобылицы теперь дома». Царевич встал, воротился домой; а баба-яга и шумит и кричит на своих кобылиц: «Зачем вы домой воротились?» — «Как же нам было не воротиться? Налетели птицы со всего света, чуть нам глаз не выклевали». — «Ну, вы завтра по лугам не бегайте, и рассыпьтесь по дремучим лесам».

Переспал ночь Иван-царевич; нау́тро баба-яга ему говорит: «Смотри, царевич, если не упасешь кобылиц, если хоть одну потеряешь — быть твоей буйной головушке на шесте!». Погнал он кобылиц в поле; они тотчас задрали хвосты и разбежались по дремучим лесам. Опять сел царевич на камень, плакал, плакал, да и уснул. Солнышко село за лес; прибежала львица: «Вставай, Иван-царевич! Кобылицы все собраны». Иван-царевич встал и пошел домой; баба-яга пуще прежнего и шумит и кричит на своих кобылиц: «Зачем домой воротились?» — «Как же нам

было не воротиться? Набежали лютые звери со всего света, чуть нас совсем не разорвали». – «Ну, вы завтра забегите в сине море».

Опять переспал ночь Иван-царевич; наутро посылает его баба-яга кобылиц пасти: «Если не упасешь – быть твоей буйной головушке на шесте». Он погнал кобылиц в поле; они тотчас задрали хвосты, скрылись с глаз и забежали в сине море; стоят в воде по шею. Иван-царевич сел на камень, заплакал и уснул. Солнышко за лес село, прилетела пчелка и говорит: «Вставай, царевич! Кобылицы все собраны; да как воротишься домой, бабе-яге на глаза не показывайся, пойди в конюшню и спрячься за яслями. Там есть паршивый жеребенок – в навозе валяется; ты украдь его и в глухую полночь уходи из дому».

Иван-царевич встал, пробрался в конюшню и улегся за яслями; баба-яга и шумит и кричит на своих кобылиц: «Зачем воротились?» – «Как же нам было не воротиться? Налетело пчел видимо-невидимо со всего света и давай нас со всех сторон жалить до крови!».

Баба-яга заснула, а в самую полночь Иван-царевич украл у нее паршивого жеребенка, оседлал его, сел и поскакал к огненной реке. Доехал до той реки, махнул три раза платком в правую сторону – и вдруг, откуда ни взялся, повис через реку высокий, славный мост. Царевич переехал по́ мосту и махнул платком на левую сторону только два раза – остался через реку мост тоненький-тоненький! Поутру пробудилась баба-яга – паршивого жеребенка видом не видать! Бросилась в погоню; во весь дух на железной ступе скачет, пестом погоняет, помелом след заметает. Прискакала к огненной реке, взглянула и думает: «Хорош мост!». Поехала по́ мосту, только добралась до середины – мост обломился, и баба-яга чубурах в реку; тут ей и лютая смерть приключилась! Иван-царевич откормил жеребенка в зеленых лугах; стал из него чудный конь.

Приезжает царевич к Марье Моревне; она выбежала, бросилась к нему на шею: «Как тебя бог воскресил?» – «Так и так, – говорит. – Поедем со мной». – «Боюсь, Иван-царевич! Если Кощей догонит, быть тебе опять изрублену». – «Нет, не догонит! Теперь у меня славный богатырский конь, словно птица летит». Сели они на коня и поехали. Кощей Бессмертный домой ворочается, под ним конь спотыкается. «Что ты, несытая кляча, спотыкаешься? Али чуешь какую невзгоду?» – «Иван-царевич приезжал, Марью Моревну увез». – «А можно ли их догнать?» – «Бог знает! Теперь у Ивана-царевича конь богатырский лучше меня». – «Нет, не утерплю, – говорит Кощей Бессмертный, – поеду в погоню». Долго ли, коротко ли – нагнал он Ивана-царевича, соскочил наземь и хотел было сечь его острой саблею; в те́ поры конь Ивана-царевича ударил со всего размаху копытом Кощея Бессмертного и размозжил ему голову, а царевич доконал его палицей. После того наклал царевич груду дров, развел огонь,

спалил Кощея Бессмертного на костре и самый пепел его пустил по ветру.

Марья Моревна села на Кощеева коня, а Иван-царевич на своего, и поехали они в гости сперва к ворону, потом к орлу, а там и к соколу. Куда ни приедут, всюду встречают их с радостью: «Ах, Иван-царевич, а уж мы не чаяли тебя видеть. Ну, да недаром же ты хлопотал: такой красавицы, как Марья Моревна, во всем свете поискать – другой не найти!». Погостили они, попировали и поехали в свое царство; приехали и стали себе жить-поживать, добра наживать да медок попивать.

31. Хрустальная гора

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь; у царя было три сына. Вот дети и говорят ему: «Милостивый государь батюшка! Благослови нас, мы на охоту поедем». Отец благословил, и они поехали в разные стороны. Малый сын ездил, ездил и заплутался; выезжает на поляну, на поляне лежит палая лошадь; около этой падали собралось много всякого зверя, птицы и гаду. Поднялся сокол, прилетел к царевичу, сел ему на плечо и говорит: «Иван-царевич, раздели нам эту лошадь; лежит она здесь тридцать три года, а мы всё спорим, а как поделить – не придумаем». Царевич слез с своего доброго коня и разделил падаль: зверям – кости, птицам – мясо, кожа – гадам, а голова – муравьям. «Спасибо, Иван-царевич! – сказал сокол. – За эту услугу можешь ты обращаться ясным соколом и муравьем всякий раз, как захочешь».

Иван-царевич ударился о сырую землю, сделался ясным соколом, взвился и полетел в тридесятое государство; а того государства больше чем наполовину втянуло в хрустальную гору. Прилетел прямо во дворец, оборотился добрым молодцем и спрашивает придворную стражу: «Не возьмет ли ваш государь меня на службу к себе?» – «Отчего не взять такого молодца?». Вот он поступил к тому царю на службу и живет у него неделю, другую и третью. Стала просить царевна: «Государь мой батюшка! Позволь мне с Иваном-царевичем на хрустальной горе погулять». Царь позволил. Сели они на добрых коней и поехали. Подъезжают к хрустальной горе, вдруг откуда ни возьмись – выскочила золотая коза. Царевич погнал за ней, скакал, скакал, козы не добыл, а воротился назад – и царевны нету! Что делать? Как к царю на глаза показаться?

Нарядился он таким древним старичком, что и признать нельзя; пришел во дворец и говорит царю: «Ваше величество! Найми меня стадо пасти». – «Хорошо, будь пастухом; коли прилетит змей о трех головах – дай ему три коровы, коли о шести головах – дай шесть коров, а коли о двенадцати головах – то отсчитывай двенадцать коров». Иван-царевич погнал стадо по горам, по долам; вдруг летит с озера змей о трех головах: «Эх, Иван-царевич, за какое ты дело взялся? Где бы сражаться доброму мо́лодцу, а он стадо пасет! Ну-ка, – говорит, – отгони мне трех коров». «Не жирно ли будет? – отвечает царевич. – Я сам в суточки ем по одной уточке; а ты трех коров захотел... Нет тебе ни одной!». Змей осерчал и вместо трех захватил шесть коров; Иван-царевич тотчас обернулся ясным соколом, снял у змея три головы и погнал стадо домой. «Что, дедушка? – спрашивает царь. – Прилетал ли трехглавый змей, дал ли ему трех коров?» – «Нет, ваше величество, ни одной не дал!».

На другой день гонит царевич стадо по горам, по долам; прилетает с озера змей о шести головах и требует шесть коров. «Ах ты, чудо-юдо обжорливое! Я сам в суточки ем по одной уточке, а ты чего захотел! Не дам тебе ни единой!» Змей осерчал, вместо шести захватил двенадцать коров; а царевич обратился ясным соколом, бросился на змея и снял у него шесть голов. Пригнал домой стадо; царь и спрашивает: «Что, дедушка, прилетал ли шестиглавый змей, много ли мое стадо поубавилось?» – «Прилетать-то прилетал, да ничего не́ взял!». Поздним вечером оборотился Иван-царевич в муравья и сквозь малую трещинку заполз в хрустальную гору; смотрит – в хрустальной горе сидит царевна. «Здравствуй, – говорит Иван-царевич, – как ты сюда попала?» – «Меня унес змей о двенадцати головах; живет он на батюшкином озере; в том змее сундук таится, в сундуке – заяц, в зайце – утка, в утке – яичко, в яичке – семечко; коли ты убьешь его да достанешь это семечко, в те́ поры можно хрустальную гору извести и меня избавить».

Иван-царевич вылез из той горы, снарядился пастухом и погнал стадо. Вдруг прилетает змей о двенадцати головах: «Эх, Иван-царевич! Не за свое ты дело взялся; чем бы тебе, доброму мо́лодцу, сражаться, а ты стадо пасешь... Ну-ка отсчитай мне двенадцать коров!» – «Жирно будет! Я сам в суточки ем по одной уточке; а ты чего захотел!». Начали они сражаться, и долго ли, коротко ли сражались – Иван-царевич победил змея о двенадцати головах, разрезал его туловище и на правой стороне нашел сундук; в сундуке – заяц, в зайце – утка, в утке – яйцо, в яйце – семечко. Взял он семечко, зажег и поднес к хрустальной горе – гора скоро растаяла. Иван-царевич вывел оттуда царевну и привез ее к отцу; отец возрадовался и говорит царевичу: «Будь ты моим зятем!» Тут их и обвенчали; на той свадьбе и я был, мед-пиво пил, по бороде текло, в рот не попало.

32. Жадная старуха

Жил старик со старухою; пошел в лес дрова рубить. Сыскал старое дерево, поднял топор и стал рубить. Говорит ему дерево: «Не руби меня, мужичок! Что тебе надо, все сделаю». – «Ну, сделай, чтобы я богат был». – «Ладно; ступай домой, всего у тебя вдоволь будет». Воротился старик домой – изба новая, словно чаша полная, денег куры не клюют, хлеба на десятки лет хватит, а что коров, лошадей, овец – в три дня не сосчитать! «Ах, старик, откуда все это?» – спрашивает старуха. «Да вот, жена, я такое дерево нашел – что ни пожелай, то и сделает».

Пожили с месяц; приелось старухе богатое житье, говорит старику: «Хоть живем мы богато, да что в этом толку, коли люди нас не почитают! Захочет бурмистр, и тебя и меня на работу погонит; а придерется, так и палками накажет. Ступай к дереву, проси, чтоб ты бурмистром был». Взял старик топор, пошел к дереву и хочет под самый корень рубить. «Что тебе надо?» – спрашивает дерево. «Сделай, чтобы я бурмистром был». – «Хорошо, ступай с богом!».

Воротился домой, а его уж давно солдаты дожидают: «Где ты, – закричали, – старый черт, шатаешься? Отводи скорей нам квартиру, да чтоб хорошая была. Ну-ну, поворачивайся!». А сами тесаками его по горбу да по горбу. Видит старуха, что и бурмистру не всегда честь, и говорит старику: «Что за корысть быть бурмистровой женою! Вот тебя солдаты прибили, а уж о барине и говорить нечего: что захочет, то и сделает. Ступай-ка ты к дереву да проси, чтоб сделало тебя барином, а меня барыней».

Взял старик топор, пошел к дереву, хочет опять рубить; дерево спрашивает: «Что тебе надо, старичок?» – «Сделай меня барином, а старуху барыней». – «Хорошо, ступай с богом!» Пожила старуха в барстве, захотелось ей большего, говорит старику: «Что за корысть, что я барыня! Вот кабы ты был полковником, а я полковницей – иное дело, все бы нам завидовали».

Погнала старика снова к дереву; взял он топор, пришел и собирается рубить. Спрашивает его дерево: «Что тебе надобно?» – «Сделай меня полковником, а старуху полковницей». – «Хорошо, ступай с богом!» Воротился старик домой, а его полковником пожаловали.

Прошло несколько времени, говорит ему старуха: «Велико ли дело – полковник! Генерал захочет, под арест посадит. Ступай к дереву, проси, чтобы сделал тебя генералом, а меня генеральшею». Пошел старик к дереву, хочет топором рубить. «Что тебе

надобно?» – спрашивает дерево. «Сделай меня генералом, а старуху генеральшею». – «Хорошо, иди с богом!» Воротился старик домой, а его в генералы произвели.

Опять прошло несколько времени, наскучило старухе быть генеральшею, говорит она старику: «Велико ли дело – генерал! Государь захочет, в Сибирь сошлет. Ступай к дереву, проси, чтобы сделало тебя царем, а меня царицею». Пришел старик к дереву, хочет топором рубить. «Что тебе надобно?» – спрашивает дерево. «Сделай меня царем, а старуху царицею». – «Хорошо, иди с богом!». Воротился старик домой, а за ним уж послы приехали: «Государь-де помер, тебя на его место выбрали».

Не много пришлось старику со старухой нацарствовать; показалось старухе мало быть царицею, позвала старика и говорит ему: «Велико ли дело – царь! Бог захочет, смерть нашлет, и запрячут тебя в сырую землю. Ступай-ка к дереву да проси, чтобы сделало нас богами».

Пошел старик к дереву. Как услыхало оно эти безумные речи, зашумело листьями и в ответ старику молвило: «Будь же ты медведем, а твоя жена медведицей». В ту же минуту старик обратился медведем, а старуха медведицей, и побежали в лес.

33. Правда и кривда

Вот, знашь, было какое дело, скажу твоему здоровью. Вот, не во гнев твоей милости, к речи сказать, как мы теперича с тобой, раскалякались промеж себя двое нашей братьи мужичков, беднеющие-пребеднеющие. Один-от жил кое-как, колотился всеми неправдами, горазд был, знашь, на обманы, и приворнуть его было дело, а другой-от, слышь, шел по правде, кабы трудами век прожить. Вот этим делом-то они и заспорили. Один-от говорит: лучше жить кривдой; а другой-от говорит: кривдой век прожить не сможешь, лучше жить как ни есть, да правдой. Вот спорили они, спорили, никто, знашь, не переспорил.

Вот и пошли они, братец мой, на дорогу. Пошли на дорогу и решили спросить до трех раз, кто им навстречу попадет и что на это скажет. Вот они шли, шли, братец мой, и увидали – барский мужичок пашет. Вот, знашь, и подошли к нему. Подошли и говорят: «Бог нá помочь тебе, знакомый. Разреши ты наш спор: как лучше жить на белом свете – правдой или кривдой?» – «Нет, слышь, братцы! Правдой век прожить не сможешь, кривдой жить вольготней. Вот и наше дело: бесперечь, слышь, у нас господа отнимают дни, работáть на себя некогда; из-за неволи прики-

нешься, будто что попритчилось – хворь, знашь, нашла; а сам меж этим временем-то в лесишко съездишь по дровицы, не днем, так ночью, коли есть запрет». – «Ну, слышь, моя правда», – говорит криводушный-от правдивому-то.

Вот пошли опять по дороге – что скажет им другой. Шли, шли и видают: едет на паре в повозке с кибиткой купец. Вот подошли они к нему. Подошли и спрашивают: «Остановись-ка, слышь, на часик, не во гнев твоей милости, о чем мы тебя спросим. Реши, слышь, наш спор: как лучше жить на свете – правдой али кривдой?» – «Нет, слышь, ребята! Правдой мудрено жить, лучше кривдой. Нас обманывают, и мы, слышь, обманываем». – «Ну, слышь, моя правда», – говорит опять криводушный-от правдивому-то.

Вот пошли они опять по дороге – что скажет третий. Шли, шли, вот и видят: едет поп навстречу. Вот они подошли к нему. Подошли, знашь, к нему и спрашивают: «Остановись-ка, батька, на часочек, реши ты наш спор: как лучше жить на свете – правдой али кривдой?» – «Вот нашли о чем спрашивать. Знамо дело, что кривдой. Какая нонче правда? За правду, слышь, в Сибирь угодишь, скажут – кляузник. Вот хоть к примеру, говорит, сказать вам не солгать: в приходе-то у меня разе десятая доля на духу-то бывает, а знамо дело, мы всех записываем. Зато и нам повольготнее; ин раз ладно и молебен заместо обедни». – «Ну, слышь, – говорит криводушный-от правдивому-то – вот все говорят, что кривдой лучше жить». – «Нет, слышь! Надо жить по божью, как бог велит. Что будет, то и будет, а кривдой, слышь, жить не хочу», – говорит правдивый-от криводушному-то.

Вот пошли опять дорогой вместе. Шли, шли – криводушный-от всяко сумеет ко всем прилаживаться, везде его кормят, и калачи у него есть, а правдивый-от где водицы изопьет, где поработает, его за это накормят, а тот, знашь, криводушный-от все смеется над ним. Вот раз правдивый-от попросил кусочек хлебца у криводушного-то: «Дай, слышь, мне кусочек хлебца!» – «А что за него мне дашь?» – говорит криводушный. «Если что хошь – возьми, что у меня есть», – говорит правдивый-от. «Дай глаз я тебе выколю!» – «Ну, выколи», – он ему говорит. Вот этим делом-то криводушный-от и выколол правдивому-то глаз. Выколол и дал ему маленько хлебца. Тот, слышь, стерпел, взял кусочек хлебца, съел, и пошли опять по дороге.

Шли, шли, – опять правдивый-от у криводушного-то стал просить хлебца кусочек. Вот, знашь, тот опять разно стал над ним насмехаться. «Дай, слышь, другой глаз я тебе выколю, ну, дам тогда кусочек». – «Ах, братец, пожалей, я слепой буду», – правдивый-от упрашивал его. «Нет, слышь, зато ты правдивый, а я живу кривдой», – криводушный-от ему говорил. Что делать? Ну, так тому делу и быть. «На, выколи и другой, коли греха не боишься», – правдивый-от говорит криводушному-то. Вот, братец мой, выколол ему и другой-от глаз. Выколол и дал ему маленько

хлебца. Дал хлебца и оставил его, слышь, на дороге: «Вот, стану я тебя водить?» Ну что делать, слепой съел, знашь, кусочек хлебца и пошел потихоньку ощупью с палочкой.

Шел, шел кое-как и сбился, слышь, с дороги и не знает, куды ему идти. Вот и начал он просить бога: «Господи! Не оставь меня, грешного раба твоего!». Молился, слышь, молился, вот и услыхал он голос; кто-то ему говорит: «Иди ты направо. Как пойдешь направо, придешь к лесу; придешь к лесу – найди ты ощупью тропинку. Найдешь, слышь, тропинку, поди ты по той тропинке. Пойдешь по тропинке, придешь на гремячий ключ. Как придешь ты к гремячему ключу, умойся из него водой, испей той воды и намочи ею глаза. Как намочишь глаза, ты, слышь, прозреешь! Как прозреешь, поди ты вверх по ключу тому и увидишь большой дуб. Увидишь дуб, подойди к нему и залезь на него. Как залезешь на него, дождись ночи. Дождешься, слышь, ты ночи, слушай, что будут говорить под этим дубом нечистые духи. Они, слышь, тут слетаются на токовище».

Вот он кое-как добрел до леса. Добрел до леса, полазил-полазил по нем, напал кое-как на тропинку. Пошел по той тропинке, дошел до гремячего ключа. Дошел до ключа, знашь, умылся водою. Умылся водою, испил и примочил глаза. Примочил глаза и вдруг увидел опять свет божий – прозрел. Вот так прозрел – и пошел, слышь, вверх по тому ключу. Шел, шел по нем вот и видит большой дуб. Под ним все утоптано. Вот он влез на тот дуб. Влез и дождался ночи.

Вот, слышь, начали под тот дуб слетаться со всех сторон бесы. Слетались, слетались, вот и начали рассказывать, где кто был. Вот один бес и говорит: «Я, слышь, был у такой-то царевны. Вот, десять годов ее мучаю. Всяко меня выгоняют из нее, никто меня не сможет выгнать, а выгонит, слышь, тот, кто вот у такого-то богатого купца достанет образ смоленской божьей матери, что у него на воротах в киоте вделан».

Вот наутро, знашь, как все бесы разлетелись, правдивый-от слез с дуба. Слез с дуба и пошел искать того купца. Искал, искал, кое-как нашел его. Нашел и просится работать на него. «Хоть год, слышь, проработаю, ничего мне не надо, только дай мне образ божьей матери с ворот». Купец, знашь, согласился, принял его к себе в работники. Вот работал он у него что ни есть мочи круглый год. Проработавши год, он и просит тут, знашь, образ. Вот купец, слышь: «Ну, братец, доволен я твоей работой, только жаль мне образа, возьми лучше деньги». – «Нет, слышь, не надо денег, а дай мне его по уговору». – «Нет, слышь, не дам образ. Проработай еще год, ну, так и быть, тогда отдам тебе его». Вот этим делом-то, знашь, правдивый-от мужичок работал еще год. Ни дня, ни ночи не знал, все работал, такой, слышь, старательный был.

Вот проработал год, опять, знашь, стал просить образ божьей матери с ворот. Купцу, слышь, опять жаль и его отпустить

и образ-от отдать. «Нет, слышь, лучше я тебя казною награжу, а коли хочешь, то поработай еще год, ну, так отдам тебе образ». Вот так тому делу и быть, опять стал работать год. Работал еще пуще того, знашь, всем на диво, какой был работящий! Вот проработал и третий год. Проработал и опять, знашь, просит образ. Вот купец, делать нечего, снял образ с ворот и отдал ему. «На, возьми образ и ступай с богом». Напоил-накормил его и деньгами, слышь, наградил малую толику.

Вот этим делом-то, знашь, взял он образ смоленской божьей матери. Взял его и повесил на себя. Повесил на себя и пошел, слышь, к тому царю царевну лечить, у которой бес-от мучитель сидит. Шел, шел и пришел к тому царю. Пришел к царю и говорит: «Я-де вашу царевну излечить, слышь, смогу». Вот этим делом-то впустили его в хоромы царские. Впустили и показали ему ту скорбящую царевну. Показали царевну, вот он спросил, знашь, воды. Подали воды, вот он перекрестился. Перекрестился и три земных поклона положил — знашь, помолился богу. Помолился, слышь, богу, вот и снял с себя образ божьей матери. Снял его и с молитвою три раза в воду опустил. Опустил, знашь, и надел это на царевну. Надел на царевну и велел ей тою водою умываться. Вот этим делом-то, как она, матушка, надела на себя тот образ и, знашь, умылась тою водою, вдруг из нее недуг-от, вражья-то нечистая сила, клубом вылетел вон. Вылетел вон, и она, слышь, стала здорова по-прежнему.

Вот этим делом-то невесть как все обрадовались. Обрадовались и не знали, чем наградить этого мужичка. И землю, слышь, давали, и вотчину сулили, и жалованье большое клали. «Нет, слышь, ничего не надо!». Вот царевна-то и говорит царю: «Я замуж за него иду». — «Ладно», — царь-от сказал.

Вот этим делом-то, слышь, и повенчались. Повенчались, и стал наш мужичок ходить в одеже царской, жить в царских хоромах, пить и есть всё на всё заодно с ними. Жил, жил, и пронаторел к ним. Вот как принаторел он к ним, и говорит: «Пустите меня на родину; у меня, слышь, есть мать, старушка бедная». — «Ладно, — царевна, знашь, жена-то его, сказала. — Поедем вместе».

Вот и поехали они вместе, вдвоем с царевной. Лошади-то, одежа, коляска, сбруя — все царское. Ехали, ехали и подъезжают они, слышь, к его родине. Подъезжают к родине, вот и попадается навстречу им тот криводушный, что, знашь, спорил-то с ним, что лучше жить кривдой, чем правдой. Идет, слышь, навстречу; вот правдивый-от царский сын и говорит: «Здравствуй, братец мой», — называет его, слышь, по имени! Тому, знашь, в диковину, что в коляске такой знатный барин его знает, и не узнал его. «Помнишь, ты спорил со мною, что лучше жить кривдой, чем правдой, и выколол мне глаза? Это я самый!».

Вот, знашь, он оробел и не знал, что делать. «Нет, не бойся, я на тебя, слышь, и не сержусь, а желаю и тебе такого ж счастья. Вот поди ты в такой-то лес, — знашь, научает его, как его бог

научил. – В том лесе увидишь ты тропинку. Поди по той тропинке, придешь ты к гремячему ключу. Напейся, слышь, из того ключа воды и умойся. Как умоешься, поди ты вверх по ключу. Увидишь там большой дуб, влезь на него и просиди всю ночь на нем. Под ним, слышь, токовище нечистых духов, и ты слушай и услышишь свое счастье».

Вот, знашь, криводушный-от по его слову, как по-писаному, все это сделал. Нашел лес и ту тропинку. Пошел по тропинке и пришел, слышь, к гремячему ключу. Напился, знашь, и умылся. Умылся и пошел вверх по нем. Пошел вверх и увидел большой дуб, под ним все утоптано. Вот он залез на этот дуб. Залез на дуб, знашь, и дождался ночи. Дождался ночи и слышит, как со всех сторон слетались на токовище нечистые духи. Вот как слетелись – и услыхали по духу его на дубу. Услыхали, знашь, по духу и растерзали его на мелкие части.

Так тем, слышь, это и покончилось, что правдивый-от стал царским сыном, а криводушного-то загрызли черти.

34. Сказка о Ивашке-медвежьем ушке

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был крестьянин, у него родился сын, у которого было медвежье ухо, почему и назван он был Ивашкой-медвежьим ушком. Но как Ивашка-медвежье ушко начал приходить в совершенный возраст, то стал ходить на улицу рогатицу с робятами играть: и кого ухватит за руку, то оторвет руку прочь, кого за голову, то оторвет голову. Крестьяне, не стерпя таковых обид, начали говорить Ивашкину отцу, чтобы он унимал своего сына или бы не пускал со двора на улице играть с робятами. Отец долгое время бился с Ивашкою, но, видя, что сын его не унимается, наконец, решил его сослать со двора, сказав ему: «Поди от меня куда хочешь, а я тебя держать в доме своем не стану, я опасаюсь, чтобы мне не нажить от тебя какой себе беды». И так Ивашка-медвежье ушко, простясь с своим отцом и матерью, пошел путем-дорогой. Шел он долгое время, потом подошел к лесу, увидел человека, копающего дубовые пенья. Он, подошед к нему, спросил: «Добрый человек, как тебя зовут?» – «Дубынею», – отвечал сей, и они с ним побратались, и пошли далее. Подходя же к каменной горе, увидели человека, копающего каменную гору, которому сказали: «Бог на помочь тебе, добрый молодец! Как тебя зовут?» – спросили они. «Имя мое Горыня», – отвечал сей. Они также назвали

его своим братом и предложили ему, чтобы он, оставя рыть гору, согласился идти с ними вместе; он согласился на их предложение, и пошли все трое вместе путем-дорогой, и шли несколько времени. Идучи по берегу реки, увидели человека, сидящего и имеющего превеликие усы, которыми он ловил рыбу для своей пищи. Они все трое сказали ему: «Бог на помочь тебе, брат, ловить рыбу». – «Спасибо, братцы», – отвечал он. «Как тебя зовут?» – спросили они. «Усыня», – отвечал он. Они и сего назвали своим братом и звали Усыню с собою, который не отказался.

И таким образом они все четверо шли, долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли, скоро сказка сказывается, а не скоро дело делается. Напоследок, подойдя к лесу, увидели избушку на курьих ножках, которая туда и сюда повертывается. Они, подошед к ней, сказали: «Избушка, стань к лесу задом, а к нам передом». Избушка им повиновалась, и, взошед в оную, стали советовать, как бы им жить да быть. Потом пошли все в лес, набили дичи и настряпали для себя кушаньи. На другой день оставили Дубыню для стряпни, а сами пошли в лес для промыслу. Дубыня, приготовя кушанья, сел под окошко и дожидался своих братьев. В то самое время приехала Баба-Яга на железной ступе, пестом погоняет, а языком след заметает и, взошед в избушку, говорила: «Доселева русского духу слыхом не слыхивала и видом не видывала, а ныне и слышу, и вижу». Оборотясь же к Дубыне, спросила: «Зачем ты сюда, Дубыня, пришел?». Потом зачала его бить и била до полусмерти, по сем приготовленную пищу всю поела, а сама уехала. Как пришли товарищи Дубынины с охоты своей, то требовали от него кушанья, и он им, не объявляя, что его прибила Яга-Баба, сказал, что занемог, а потому и ничего не стряпал. Таким же образом поступила Баба-Яга с Горынею и Усынею [1]. Напоследок досталось сидеть дома Ивашке-медвежьему ушку; он остался, а товарищи его пошли на добычу. Ивашка всего наварил и нажарил и, нашедши у Бабы-Яги кринку меду, сделал у печи столб, сверху воткнул клин и мед пустил по столбу, а сам сел на печи, спрятался за оный столб, приготовя три прута железные. Несколько спустя приехала Баба-Яга и закричала: «Доселева русского духу слыхом не слыхивала и видом не видывала, а ныне и слышу, и вижу. Зачем ты, Ивашка-медвежье ушко, сюда пришел да еще наругаешься моим добром?». И начала по столбу лизать языком мед, а как стала доставать языком по трещине, то Ивашка вынул из столба клин, и, прищемя ей язык, вскочил с печи, и до тех пор ее сек теми железными прутьями, пока начала она просить, чтобы он ее отпустил, и обещалась с ним жить мирно, и к нему более не ездить. Ивашка согласился исполнить ее просьбу, освободил язык и, положа Ягу-Бабу под угол, сам сел под окошко, дожидаяся своих товарищей, которые вскоре пришли

---

[1] В издании 1795 г. вместо «Усынею» напечатано «Дубынею» – примечание составителя сборника (из которого взят текст) Н. В. Новикова.

и думали, что и с ним так же поступила Яга-Баба. Но, увидя, что у него кушанье все приготовлено, весьма сему удивились. После обеда рассказал им, как он поступил с Ягой-Бабою, и смеялся им, как они сладить не могли с нею. Напоследок, желая им показать избитую Ягу-Бабу, повел их под угол, но уже ее не было, почему вознамерились за нею идти следом, и пришли к камню, который подняв, усмотрели глубокую яму, и они вздумали туда опуститься. Но как никто из его товарищей не осмеливался сего учинить, то согласился Ивашка-медвежье ушко, и начали вить веревки, сделали люльку и опустили его в яму. Между тем Ивашка приказывал им дожидаться себя целую неделю, и если в сие время не получат от него никакого известия, то бы более не ждали. «Когда же я буду жив и потрясу за веревку, то вытащите люльку, если будет легко, а когда тяжело, то отрубите, дабы вместо меня не вытащить Яги-Бабы». И, простясь с ними, опустился в ту глубокую подземную пропасть.

Он ходил там долгое время, наконец, пришел к одной избушке, в которую взошед, увидел трех прекрасных девиц, сидящих за пяльцами и вышивающих золотом, и оные были дочери Яги-Бабы. И как они увидели Ивашку-медвежье ушко, то спросили: «Добрый молодец, зачем ты сюда зашел, здесь живет наша мать Яга-Баба, и как скоро она сюда придет, то уже теперь не быть живому, она тебя умертвит, но если ты нас освободишь из сего жилища, то мы тебе дадим наставление, как спасти свою жизнь». Он обещался их вывести из сей пропасти, и они сказали ему, что «как скоро мать наша приедет, то бросится на тебя и станет с тобой драться, но она потом устанет и побежит в погреб, в котором у ней стоят два кувшина с водою, в синем кувшине сильная вода, а в белом — бессильная». Лишь только дочери Яги-Бабы окончили свой разговор, то услышали, что мать их едет на железной ступе, пестом погоняет, а языком след заметает, и сказали о сем Ивашке. Приехав же, Баба-Яга закричала: «Доселе русского духу слыхом не слыхала и видом не видала, а ныне и слышу, и вижу. Зачем ты, Ивашка-медвежье ушко, пришел сюда? Ты и здесь уже вздумал меня беспокоить?». Бросилась вдруг на него, и начали драться; долгое время дрались оба, и напоследок упала на землю. Баба-Яга, полежав несколько, вскочила и побежала в погреб, куда за ней следом бросился Ивашка, и она, не рассмотря, ухватила белый кувшин, а Ивашка синий, и пили. После сего вышли из погреба и начали опять драться: Ивашка ее одолел и, схватя за волосы, бил Бабу-Ягу ее же пестом. Она стала просить Ивашку, чтобы он ее помиловал, обещаяся с ним жить мирно, и что сей же час выйдет из сего места. Ивашка-медвежье ушко на сие согласился и перестал бить Бабу-Ягу.

Как скоро она уехала, то он, подошед к ее дочерям, благодарил их за наставление и сказал им, чтобы они приготовлялись к выходу из сего места. Как они собрались, то он, подошед к веревке, и потряс за оную, тотчас его товарищи опустили люльку, он

посадил большую сестру и с нею приказал, чтобы их всех вытаскали. Товарищи Ивашкины, вытаща девицу, удивились, но, известясь от нее обо всем, и прочих сестер ее перетаскали. Напоследок опустили люльку за Ивашкою, и как он в то время наклал в люльку много платья и денег, к тому же сел и сам, то товарищи его, почувствуя тяжесть, думали, что это села Яга-Баба, отрубили веревку и там Ивашку оставили. Между тем согласились на тех девицах жениться, что исполнить не замедлили.

Между тем Ивашка-медвежье ушко долгое время ходил по сей пропасти и искал выхода, наконец, к счастью нашел в темном месте железную дверь, которую отломав, шел долгое время по оной темноте; потом вдали увидел свет и, шедши прямо на оный, вышел из пропасти. По сем вознамерился искать своих товарищей, которых вскоре нашел, и они уже все трое поженились. Увидя их, стал им говорить, для чего они его оставили в пропасти. Но товарищи, испужавшись, говорили Ивашке, что Усыня отрубил веревку, которого Ивашка убил, а жену его взял за себя, и стали все вместе жить-быть да добра наживать.

35. Батрак

Жил-был мужик; у него было три сына. Пошел старший сын в батраки наниматься; пришел в город и нанялся к купцу, а тот купец куда был скуп и суров! Только одну речь и держал: как запоет петух, так и вставай, батрак, да принимайся за работу. Трудно, тяжело показалось парню; прожил он с неделю и воротился домой. Пошел средний сын, прожил у купца с неделю, не выдержал и взял расчет. «Батюшка, – говорит меньшой сын, – позволь, я пойду в батраки к купцу». – «Куда тебе дураку! Знал бы сидел на печи! Получше тебя ходили, да ни с чем ворочались». – «Ну как хочешь, а я пойду!». Сказал и пошел к купцу: «Здравствуй, купец!» – «Здравствуй, молодец! Что хорошего скажешь?» – «Найми меня в батраки». – «Изволь; только у меня, брат, как петух запоет – так и ступай на работу на весь день». – «Знамое дело: нанялся, что продался!» – «А что возьмешь?» – «Да что с тебя взять? Год проживу – тебе щелчок да купчихе щипок; больше ничего не надо». – «Ладно, молодец! – отвечает хозяин, а сам думает: – Экая благодать! Вот когда дешево нанял, так дешево!».

Ввечеру батрак изловчился, поймал петуха, завернул ему голову под крыло и завалился спать. Уж полночь давно прошла,

дело к утру идет – пора бы батрака будить, да петух не поет! Поднялось солнышко на небо – батрак и сам проснулся. «Ну, хозяин, давай завтракать, время работáть идти». Позавтракал и проработал день до вечера; в сумерки опять изловил петуха, завернул ему голову за крыло и завалился спать до утра. На третью ночь опять то же. Дался диву купец, что за притча такая с петухом: совсем перестал горло драть! «Пойду-ка я, – думает, – на деревню, поищу иного петуха». Пошел купец петуха искать и батрака с собою взял.

Вот идут они дорогою, а навстречу им четверо мужиков быка ведут, да и бык же – большой да злющий! Еле-еле на веревках удержат! «Куда, братцы?» – спрашивает батрак. «Да быка на бойню ведем». – «Эх, вы! Четверо быка ведете, а тут и одному делать нечего!». Подошел к быку, дал ему в лоб щелчок и убил до смерти; опосля ухватил щипком за шкуру – вся шкура долой! Купец увидел, каковы у батрака щелчки да щипки, больно пригорюнился; совсем забыл о петухе, вернулся домой и стал с купчихой совет держать, как им беду-горе отбывать? «А вот что, – говорит купчиха, – пошлем-ка мы батрака поздно вечером в лес, скажем, что корова со стада не пришла; пускай его лютые звери съедят!» – «Ладно!». Дождались вечера, поужинали; вышла купчиха на двор, постояла у крылечка, входит в избу и говорит батраку: «Что ж ты коров в сарай не загнал? Ведь одной-то, комолой, нету!» – «Да, кажись, они все были...» – «То-то все! Ступай скорей в лес да поищи хорошенько».

Батрак оделся, взял дубинку и побрел в дремучий лес; сколько ни ходил по лесу – не видать ни одной коровы; стал присматриваться да приглядываться – лежит медведь в берлоге, а батрак думает – то корова. «Эхма, куда затесалась, проклятая! А я тебя всю ночь ищу». И давай осаживать медведя дубинкою; зверь бросился наутек, а батрак ухватил его за шею, приволок домой и кричит: «Отворяйворотá, принимай живота!» Пустил медведя в сарай и запер вместе с коровами. Медведь сейчас принялся коров душить да ломать; за ночь всех до одной так и порешил. Наутро говорит батрак купцу с купчихою: «Ведь корову-то я нашел». – «Пойдем, жена, посмотрим, какую корову он нашел в лесу?». Пошли в сарай, отворили двери, глядь – коровы задушены, а в углу медведь сидит. «Что, ты, дурак, наделал? Зачем медведя в сарай притащил? Он всех коров у нас порешил!» – «Постой же, – говорит батрак, – не миновать ему за то смерти!». Кинулся в сарай, дал медведю щелчок – из него и дух вон! «Плохо дело, – думает купец, – лютые звери ему нипочем. Разве один черт с ним сладит! Поезжай, – говорит батраку, – на чертову мельницу да сослужи мне службу великую: собери с нечистых деньги; в долг у меня забрали, а отдавать не отдают!» – «Изволь, – отвечает батрак, – для чего не сослужить такой безделицы?»

Запряг лошадь в телегу и поехал на чертову мельницу; приехал, сел на плотине и стал веревку вить. Вдруг выпрыгнул из воды

бес: «Батрак! Что ты делаешь?» – «Чай, сам видишь: веревку вью». – «На что тебе веревка?» – «Хочу вас, чертей, таскать да на солнышке сушить; а то вы, окаянные, совсем перемокли!» – «Что ты, что ты, батрак! Мы тебе ничего худого не сделали». – «А зачем моему хозяину долгов не платите? Занимать небось умели!» – «Постой немножко, я пойду спрошу старшо́го», – сказал черт и нырнул в воду. Батрак сейчас за лопату, вырыл глубокую яму, прикрыл ее сверху хворостом, посередке свой шлык уставил, а в шлыке-то загодя дыру прорезал.

Черт выскочил и говорит батраку: «Старшо́й спрашивает: как же будешь ты чертей таскать? Ведь наши омуты бездонные». – «Великая важность! У меня на то есть веревка такая: сколько хочешь меряй, все конца не доберешься». – «Ну-ка покажи!». Батрак связал оба конца своей веревки и подал черту; уж тот мерил-мерил, мерил-мерил, все конца нету. «А много ль долго́в платить?» – «Да вот насыпь этот шлык серебром, как раз будет». Черт нырнул в воду, рассказал про все старшо́му; жаль стало старому с деньгами расставаться; а делать нечего, пришлось раскошеливаться. Насыпал батрак полон воз серебра и привез к купцу. «Вот она беда-то! И черт его не берет!».

Стал купец с купчихой уговариваться бежать из дому; купчиха напекла пирогов да хлебов, наклала два мешка и легла отдохнуть, чтоб к ночи с силами собраться да от батрака уйти. А батрак вывалил из мешка пироги и хлебы да заместо того в один положил жернова, а в другой сам залез; сидит – не ворохнется, и дух притаил! Ночью разбудил купец купчиху, взвалили себе по мешку на плеча и побежали со двора. А батрак из мешка подает голос: «Эй, хозяин с хозяйкою! Погодите, меня с собой возьмите». – «Узнал, проклятый! Гонит за нами», – говорят купец с купчихою и побежали еще шибче; во как уморились! Увидал купец озеро, остановился, сбросил мешок с плеч: «Отдохнем, – говорит, – хоть немножко!». А батрак отзывается: «Тише бросай, хозяин! Все бока переломаешь». – «Ах, батрак, да ты здесь!» – «Здесь!».

Ну, хорошо; решились заночевать на берегу и легли все рядышком. «Смотри, жена, – говорит купец, – как только заснет батрак, мы его бросим в воду». Батрак не спит, ворочается, с боку на бок переваливается. Купец да купчиха ждали, ждали и уснули; батрак тотчас снял с себя тулуп да шапку, надел на купчиху, а сам нарядился в ее шубейку и будит хозяина: «Вставай, бросим батрака в озеро!». Купец встал; подхватили они вдвоем сонную купчиху и кинули в воду. «Что ты, хозяин, сделал? – закричал батрак. – За что утопил купчиху?». Делать нечего купцу, воротился домой с батраком; а батрак прослужил у него целый год да дал ему щелчок в лоб – только и жил купец! Батрак взял себе его имение и стал себе жить-поживать, добра припасать, лиха избывать.

36. Емеля-дурак

В некоторой было деревне: жил мужик, и у него было три сына, два было умных, а третий дурак, которого звали Емельяном. И как жил их отец долгое время, то и пришел в глубокую старость, призвал к себе сыновьев и говорил им: «Любезные дети! Я чувствую, что вам со мною недолго жить; оставлю вам дом и скотину, которые вы разделите на части ровно; также оставлю вам денег на каждого по сту рублев». После того вскоре отец их умер, и дети, похороня его честно, жили благополучно. Потом вздумали Емельяновы братья ехать в город торговать на те триста рублев, которые им отказаны были их отцом, и говорили они дураку Емельяну: «Послушай, дурак, мы поедем в город, возьмем с собой и твои сто рублев, а когда выторгуем, то барыш пополам, и купим тебе красный кафтан, красную шапку и красные сапоги. А ты останься дома; ежели что тебя заставят сделать наши жены, а твои невестки (ибо они были женаты), то ты сделай». Дурак, желая получить обещанные красный кафтан, красную шапку и красные сапоги, отвечал братьям, что он будет делать все, что его заставят. После того братья его поехали в город, а дурак остался дома и жил со своими невестками.

Потом спустя несколько времени в один день, когда было зимнее время и был жестокий мороз, тогда говорили ему невестки, чтоб он сходил за водою. Но дурак, лежа на печи, сказал: «Да, а вы-то что?». Невестки закричали на него: «Как, дурак, мы-то что? Ведь ты видишь, какой мороз, что и мужчине в пору идти!». Но он говорил: «Я ленюсь!». Невестки опять на него закричали: «Как, ты ленишься? Ведь ты захочешь же есть, а когда не будет воды, то и сварить ничего нельзя». Притом сказали: «Добро ж, мы скажем своим мужьям, когда они приедут, что хотя и купят они красный кафтан и все, но чтоб тебе ничего не давали», — что слыша дурак и желая получить красный кафтан и шапку принужден был идтить, слез с печи и начал обуваться, и одеваться. И как совсем оделся, взял с собою ведра и топор, пошел на́ реку, ибо их деревня была подле самой реки, и как пришел на реку, то и начал прорубать прорубь, и прорубил чрезвычайно большую. Потом почерпнул в ведра воды и поставил их на льду, а сам стоял подле проруби и смотрел в воду.

В то самое время увидел дурак, что плавала в той проруби пребольшая щука; а Емеля, сколько ни был глуп, однако ж пожелал ту щуку поймать, и для того стал он понемножку подходить; подошел к ней близко, ухватил вдруг ее рукою, вытащил из воды

и, положив за пазуху, хотел идти домой. Но щука говорила ему: «Что ты, дурак! На что ты меня поймал?» – «Как на что? – говорил он. – Я тебя отнесу домой и велю невесткам сварить». – «Нет, дурак, не носи ты меня домой; отпусти ты меня опять в воду; я тебя за то сделаю человеком богатым». Но дурак ей не верил и хотел идти домой. Щука, видя, что дурак ее не отпускает, говорила: «Слушай, дурак, пусти ж ты меня в воду; я тебе сделаю то: чего ты ни пожелаешь, то все по твоему желанию исполнится». Дурак слыша сие, весьма обрадовался, ибо он был чрезвычайно ленив, и думал сам себе: «Когда щука сделает так, что чего я ни пожелаю – все будет готово, то я уже работать ничего не буду!». Говорил он щуке: «Я тебя отпущу, только ты сделай то, что обещаешь!» – на что отвечала щука: «Ты прежде пусти меня в воду, а я обещание свое исполню». Но дурак говорил ей, чтоб она прежде свое обещание исполнила, а потом он ее отпустит.

Щука, видя, что он не хочет ее пускать в воду, говорила: «Ежели ты желаешь, чтоб я тебе сказала, как сделать, чего ни пожелаешь, то надобно, чтобы ты теперь же сказал, чего хочешь». Дурак говорил ей: «Я хочу, чтоб мои ведра с водою сами пошли на́ гору (ибо деревня та была на горе) и чтоб вода не расплескалась». Щука тотчас ему говорила: «Ничего, не расплещется! Только помни слова, которые я стану сказывать; вот в чем те слова состоят: по щучьему веленью, а по моему прошенью, ступайте, ведра, сами на́ гору!». Дурак после ее говорил: «По щучьему веленью, а по моему прошенью ступайте, ведра, сами на́ гору!» – и тотчас ведра и с коромыслом пошли сами на́ гору. Емеля, видя сие, весьма удивился; потом говорил щуке: «Все ли так будет?». На что щука отвечала, что «все то будет, чего только пожелаешь; не забудь только те слова, которые я тебе сказывала». После того пустил он щуку в воду, а сам пошел за ведрами. Соседи его, видя то, удивлялись и говорили меж собою: «Что это дурак делает? Ведра с водою идут сами, а он идет за ними». Но Емеля, не говоря ничего с ними, пришел домой; ведра взошли в избу и стали на лавку; а дурак влез на печь.

Потом спустя несколько времени говорили ему опять невестки: «Емеля, что ты лежишь? Ты бы пошел дров нарубил». Но дурак говорил: «Да, а вы-то что?» – «Как мы что? – вскричали на него невестки. – Ведь теперь зима, и ежели ты не пойдешь рубить дров, так тебе ж будет холодно». – «Я ленюсь!» – говорил дурак. «Как ленишься? – говорили ему невестки. – Ведь ты же озябнешь». Притом они говорили: «Ежели ты не пойдешь рубить дров, так мы скажем своим мужьям, чтоб они тебе не давали ни красного кафтана, ни красной шапки, ни красных сапогов». Дурак, желая получить красный кафтан, шапку и сапоги, принужден был нарубить дров; но как он был чрезвычайно ленив и не хотелось ему слезть с печи, то говорил потихоньку, на печи лежа, сии слова: «По щучьему веленью, а по моему прошенью ну-ка, топор, поди наруби дров, а вы, дрова, сами в избу идите и в печь кладитесь».

Топор откуда ни взялся – выскочил на двор и начал рубить; а дрова сами в избу шли и в печь клались, что видя, его невестки весьма удивились Емельяновой хитрости. И так каждый день, когда только дураку велят нарубить дров, то топор и нарубит.

И жил он с невестками несколько времени, потом невестки говорили ему: «Емеля, таперича нету дров у нас; съезди в лес и наруби». Дурак им говорит: «Да, а вы-то что?» – «Как мы что? – отвечали невестки. – Ведь лес далече, и теперь зима, так холодно ехать нам в лес за дровами». Но дурак им говорил: «Я ленюсь!» – «Как ленишься? – говорили ему невестки. – Ведь тебе же будет холодно; а ежели ты не пойдешь, то когда приедут твои братья, а наши мужья, то мы велим им ничего тебе не давать: ни кафтана красного, ни шапки красной, ни сапог красных». Дурак, желая получить красный кафтан, красную шапку и красные сапоги, принужден был ехать в лес за дровами и, встав, слез с печи и начал скорее обуваться и одеваться.

И как совсем оделся, то вышел на двор и вытащил из-под навесу сани, взял с собою веревку и топор, сел в сани и говорил своим невесткам отворить ворота. Невестки, видя, что он едет в санях, да без лошади, ибо дурак лошади не запрягал, говорили ему: «Что ты, Емеля, сел в сани, а лошадь не запряг?» Но он говорил, что лошади ему не надо, а только чтоб отворили ему ворота. Невестки отворили ворота, а дурак, сидя в санях, говорил: «По щучьему веленью, а по моему прошенью ну-тка, сани, ступайте в лес!» После сих слов сани тотчас поехали со двора, чтó видя, живущие в той деревне мужики удивлялись, что Емеля ехал в санях и без лошади, и так шибко: хотя бы пара лошадей была запряжена, то нельзя бы шибче ехать! И как надобно было дураку ехать в лес через город, то и поехал он по оному городу; но как не знал, что надобно кричать для того, чтобы не передавить народу, то он ехал и не кричал, чтоб посторонились, и передавил множество народу, и хотя за ним гнались, однако догнать его не могли.

Емеля уехал из города, а приехав к лесу, остановился и вылез из своих саней и говорил: «По щучьему веленью, а по моему прошенью ну-тка, топор, руби-ка дрова, а вы, поленья, сами кладитесь в сани и вяжитесь!» Лишь только сказал дурак сии слова, топор начал рубить дрова, а поленья сами клались в сани и веревкой вязались. После того как нарубил он дров, велел еще топору вырубить одну дубинку. Как топор вырубил, то он сел на воз и говорил: «Ну-ка, по щучьему веленью, а по моему прошенью поезжайте, сани, домой сами». Тотчас и поехали они весьма шибко, и как подъехал он к тому городу, в котором он уже передавил много народу, там уже дожидались его, чтоб поймать; и как въехал в город, то его поймали и стали тащить с возу долой; притом начали его бить. Дурак, видя, что его тащат и бьют, потихоньку сказал сии слова: «По щучьему веленью, а по моему прошенью ну-ка, дубинка, отломай-ка им руки и ноги!»

В тот час выскочила дубинка и начала всех бить. И как народ бросился бежать, дурак поехал из городу домой, а дубинка когда всех перебила, то покатилась вслед за ним же. И как приехал Емеля домой, то влез на печь.

После того, как он уехал из города, стали поговаривать об нем везде — не столько о том, что он передавил множество народу, сколько удивлялись тому, что он ехал в санях без лошади. Мало-помалу речи сии дошли до самого короля. Как король услышал, то чрезвычайно захотел его видеть и для того послал одного офицера и дал ему несколько солдат, чтоб его сыскать. Посланный от короля офицер поехал немедленно из города и напал на ту дорогу, по которой ездил дурак в лес. И как приехал офицер в ту деревню, где жил Емеля, то призвал к себе старосту и сказал ему: «Я прислан от короля за вашим дураком, чтоб взять его и привезти к королю». Староста тотчас показал тот двор, где жил Емеля, и офицер взошел в избу и спрашивал: «Где дурак?», а он, лежа на печи, отвечал: «На что тебе?» — «Как на что? Одевайся скорей; я повезу тебя к королю». Но Емеля говорил: «А что мне там делать?» Офицер на него рассердился за неучтивые слова и ударил его по щеке. Дурак, видя, что его бьют, сказал потихоньку: «По щучьему веленью, а по моему прошенью ну-ка, дубинка, отломай-ка им руки и ноги!» Дубинка тотчас выскочила и начала их бить и перебила всех — как офицера, так и солдат. Офицер принужден был ехать назад; и как приехал в город, то и доложил королю, что дурак всех перебил. Король весьма удивился и не верил тому, чтобы мог он всех перебить; однако выбрал король умного человека, которого послал с тем, чтобы, как только возможно, привез дурака — хоть обманом.

Посланный от короля поехал и как приехал в ту деревню, где жил Емеля, то призвал к себе старосту и говорил ему: «Я прислан от короля за вашим дураком, чтоб его привезть; а ты призови мне тех, с кем он живет». Староста тотчас побежал и привел его невесток. Посланный от короля спрашивал их: «Что дурак любит?» Невестки ему отвечали: «Милостивый государь наш, дурак любит — ежели станешь просить неотступно о чем, он откажет раз и другой, а в третий уже не откажет и сделает; не любит он того, кто с ним грубо поступает». Посланный от короля отпустил их и не велел сказывать Емеле, что он призывал их к себе. После того накупил изюму, черносливу и винных ягод, пошел к дураку и как пришел в избу, то, подойдя к печи, говорил: «Что ты, Емеля, лежишь на печи?» — и дает ему изюму, черносливу и винных ягод и просит: «Поедем, Емеля, к королю со мною, я тебя отвезу». Но дурак говорил: «Мне и тут тепло!» — ибо он ничего, кроме тепла, не любил. А посланный начал его просить: «Пожалуйста, Емеля, поедем; там тебе будет хорошо!» Дурак говорил: «Я ленюсь!» Посланный стал просить его: «Пожалуйста, поедем; там тебе король велит сшить красный кафтан, красную шапку и красные сапоги».

Дурак, услыша, что красный кафтан велят ему сшить, ежели поедет, говорил: «Поезжай же ты вперед, а я за тобой буду». Посланный не стал ему более докучать, отошел от него и спрашивал тихонько у его невесток: «Не обманывает ли меня дурак?» Но они уверяли, что он не обманывает. Посланный поехал назад, а дурак после его полежал еще на печи и говорил: «Ох, как мне не хочется к королю ехать; но так уж и быть!» Потом говорил: «Ну-ка, по щучьему веленью, а по моему прошенью поезжай-ка, печь, прямо в город!» Тотчас изба затрещала, и печь вон пошла из избы и как сошла со двора, то и поехала печь столь шибко, что и догнать нельзя; и он догнал еще на дороге того посланного, который за ним ездил, а во дворец с ним приехал.

Как король увидел, что приехал дурак, то и вышел со всеми своими министрами его смотреть и, видя, что Емеля приехал на печи, ничего не говорил; потом спрашивал его король: «Для чего ты столько передавил народу, как ездил за дровами в лес?» Но Емеля говорил: «Я чем виноват! Для чего они не посторонились?» И в то время подошла к окошку королевская дочь и смотрела на дурака, а Емеля нечаянно взглянул на то окошко, в которое она смотрела и видя дурак ее весьма прекрасною – говорил тихонько: «Кабы по щучьему веленью, а по моему прошенью влюбилась этакая красавица в меня!». Лишь только сии слова выговорил, королевская дочь посмотрела на него и влюбилась. А дурак после того сказал: «Ну-ка, по щучьему веленью, а по моему прошенью ступай-ка, печь, домой!» Тотчас поехала печь домой, а приехавши – опять стала на прежнем месте.

Емеля жил после того несколько времени благополучно; но в городе у короля происходило другое, ибо по дураковым словам королевская дочь влюбилась и стала просить отца своего, чтоб выдал ее за дурака замуж. Король за то весьма рассердился на дурака и не знал, как его взять. В то время доложили королю министры, чтоб послать того офицера, который прежде ездил за Емелей и не умел его взять; за вину его король, по их совету, приказал представить того офицера. Как офицер перед ним предстал, тогда король говорил ему: «Слушай, друг мой, я тебя прежде посылал за дураком, но ты его не привез; за вину твою посылаю тебя в другой раз, чтобы ты привез непременно его; ежели привезешь, то будешь награжден, а ежели не привезешь, то будешь наказан». Офицер выслушал короля и поехал немедленно за дураком, а как приехал в ту деревню, то призвал опять старосту и говорил ему: «Вот тебе деньги; купи все, что надобно, завтра к обеду и позови Емелю, и как будет он к тебе обедать, то пой его до́пьяна, пока спать ляжет».

Староста знал, что он приехал от короля, принужден был его послушаться и скупил все то и позвал дурака. Как Емеля сказал, что будет, то офицер его дожидался с великою радостию. На другой день пришел дурак; староста начал его поить и напоил его допьяна, так что Емеля лег спать. Офицер, видя, что он спит,

тотчас связал его и приказал подать кибитку, и как подали, то и положили дурака; потом сел и офицер в кибитку и повез его в город. И как подъехал он к городу, то и повез его прямо во дворец. Министры доложили королю о приезде того офицера. И как скоро король услышал, то немедленно приказал принести большую бочку и чтоб набиты были на ней железные обручи. Тотчас была сделана и принесена оная бочка к королю. Король, видя, что все готово, приказал посадить в ту бочку свою дочь и дурака и велел их засмолить; а как их посадили в бочку и засмолили, то король при себе ж велел пустить ту бочку в море. И по его приказанию немедленно ее пустили, и король возвратился в свой город.

А бочка, пущенная пó морю, плыла несколько часов; дурак все то время спал, а как проснулся и видя, что темно, спрашивал сам у себя: «Где я?» – ибо думал, что он один. Принцесса ему говорила: «Ты, Емеля, в бочке, да и я с тобою посажена». – «А ты кто?» – спросил дурак. «Я – королевская дочь», – отвечала она и рассказала ему, за что она посажена с ним вместе в бочку; потом просила его, чтоб он освободил себя и ее из бочки. Но он говорил: «Мне и тут тепло!» – «Сделай милость, – говорила принцесса, – сжалься на мои слезы; избавь меня и себя из этой бочки». – «Как же не так, – говорил Емеля, – я ленюсь!» Принцесса опять начала его просить: «Сделай милость, Емеля, избавь меня из этой бочки и не дай мне умереть». Дурак, будучи тронут ее просьбою и слезами, сказал ей: «Хорошо, я для тебя это сделаю». После того говорил потихоньку: «По щучьему веленью, а по моему прошенью выкинь-ка ты, море, эту бочку, в которой мы сидим, на берег – на сухое место, только чтоб поближе к нашему государству; а ты, бочка, как на сухом месте будешь, то сама расшибися!».

Только успел дурак выговорить эти слова, как море начало волноваться и в тот час выкинуло бочку на берег – на сухое место, а бочка сама рассыпалась. Емеля встал и пошел с принцессою по тому месту, куда их выкинуло, и увидел дурак, что они были на весьма прекрасном острове, на котором было премножество разных деревьев со всякими плодами. Принцесса, все то видя, весьма радовалась, что они на таком прекрасном острове; а после того говорила: «Что ж, Емеля, где мы будем жить? Ибо нет здесь и шалаша». Но дурак говорил: «Вот ты уж многого требуешь!» – «Сделай милость, Емеля, вели поставить какой-нибудь домик, – говорила принцесса, – чтобы можно было нам где во время дождя укрыться»; ибо принцесса знала, что он все может сделать, ежели захочет. Но дурак сказал: «Я ленюсь!» Она опять начала его просить, и Емеля, будучи тронут ее просьбой, принужден был для нее то сделать; он отошел от нее и говорил: «По щучьему веленью, а по моему прошенью будь среди этого острова дворец лучше королевского и чтоб от моего дворца и до королевского был хрустальный мост, а во дворце чтобы

были разного звания люди». И лишь успел выговорить сии слова, то в ту ж минуту и появился преогромный дворец и хрустальный мост. Дурак взошел с принцессою во дворец и увидел, что в покоях весьма богатое было убранство и множество людей как лакеев, так и всяких разносчиков, которые ожидали от дурака повеления. Дурак, видя, что все люди как люди, а он один был нехорош и глуп, захотел сделаться получше и для того говорил: «По щучьему веленью, а по моему прошенью кабы я сделался такой молодец, чтоб мне не было подобного и чтоб был я чрезвычайно умен!» И лишь успел выговорить, то в ту ж минуту сделался так прекрасен, а притом и умен, что все удивлялись.

После того послал Емеля из своих слуг к королю, чтоб звать его к себе и со всеми министрами. Посланный от Емели поехал к королю по тому хрустальному мосту, который сделал дурак; и как приехал во дворец, то министры представили его пред короля, и посланный от Емели говорил: «Милостивый государь! Я прислан от моего господина с покорностию просить вас к нему кушать». Король спрашивал: «Кто таков твой господин?» Но посланный ему отвечал: «Я не могу вам сказать про него (ибо дурак ему сказывать не велел про себя, кто он таков); о моем господине ничего не известно; а когда вы будете кушать у него, в то время и скажет о себе». Любопытствуя знать, кто прислал звать его, король сказал посланному, что он непременно будет. Когда посланный ушел, король тотчас поехал вслед за ним со всеми министрами. Посланный, возвратясь назад, сказал, что король непременно будет, и только сказал – а король и едет к дураку по тому хрустальному мосту, и с принцами.

И как приехал король во дворец, то Емеля вышел навстречу, принимал его за белые руки, целовал во уста сахарные, ласково вводил его в свой белокаменный дворец, сажал его за столы дубовые, за скатерти браные, за кушанья сахарные, за питья медовые. За столом король и министры пили, ели и веселились; а как встали из-за стола и сели по местам, то дурак говорил королю: «Милостивый государь, узнаете ли вы меня, кто я таков?» И как Емеля был в то время в пребогатом платье, а притом лицом был весьма прекрасен, то и нельзя было узнать его, почему король и говорил, что он не знает. Но дурак говорил: «Помните ли, милостивый государь, как дурак к вам приезжал на печи во дворец и вы его и с дочерью, засмоля в бочку, пустили в море?» Итак, узнайте теперь меня, что я – тот самый Емеля!» Король, видя его пред собою, весьма испугался и не знал, что делать, а дурак в то время пошел за его дочерью и привел ее пред короля. Король, увидя дочь свою, весьма обрадовался и говорил дураку: «Я перед тобой весьма виноват и за то отдаю за тебя в замужество дочь мою». Дурак, слыша сие, с покорностию благодарил короля, и как у Емели все было готово к свадьбе, то в тот же день праздновали ее с великолепием. А на другой день дурак сделал великолепный пир для всех министров, а для простого народу выставлены были

чаны с разными напитками. И как веселье отошло, то король отдавал ему свое королевство; но он не захотел. После того король поехал в свое королевство, а дурак остался в своем дворце и жил благополучно.

37. Мальчик с пальчик

Жил себе старик со старухою. Раз старуха рубила капусту на пироги, задела нечаянно по руке и отрубила мизинный палец; отрубила и бросила за печку. Вдруг послышалось старухе, кто-то говорит за печкой человеческим голосом: «Матушка! Сними меня отсюда». Изумилась она, сотворила честной крест и спрашивает: «Ты кто таков?» – «Я твой сынок, народился из твоего мизинчика». Сняла его старуха, смотрит – мальчик крохотный-крохотный, еле от земли видно! И назвала его Мальчик с пальчик. «А где мой батюшка?» – спрашивает Мальчик с пальчик. «Поехал на пашню». – «Я к нему пойду, помогать стану». – «Ступай, дитятко».

Пришел он на пашню: «Бог в помочь, батюшка!» Осмотрелся старик кругом. «Что за чудо! – говорит. – Глас человеческий слышу, а никого не вижу. Кто таков говорит со мною?» – «Я – твой сынок». – «Да у меня и детей сроду не бывало!» – «Я только что народился на белый свет; рубила матушка капусту на пироги, отрубила себе мизинный палец с руки, бросила за печку – вот я и стал Мальчик с пальчик! Пришел тебе помогать – землю пахать. Садись, батюшка, закуси чем бог послал да отдохни маленько!» Обрадовался старик, сел обедать; а Мальчик с пальчик залез лошади в ухо и стал пахать землю; а наперед отцу наказал: «Коли кто будет торговать меня, продавай смело; небось – не пропаду, назад домой приду».

Вот едет мимо барин, смотрит и дивуется: конь идет, соха орет (пашет), а человека нет! «Этого, – говорит, – еще видом не видано, слыхом не слыхано, чтобы лошадь сама собой пахала!». – «Что ты, разве ослеп! – отозвался ему старик. – То у меня сын пашет». – «Продай его мне!» – «Нет, не продам; нам только и радости со старухой, только и утехи, что он!» – «Продай, дедушка!» – пристает барин. «Ну, давай тысячу рублев – твой будет!» – «Что так дорого?» – «Сам видишь: мальчик мал, да удал, на ногу скор, на посылку легок!» Барин заплатил тысячу, взял мальчика, посадил в карман и поехал домой. А Мальчик с пальчик напаскудил ему в карман, прогрыз дыру и ушел.

Шел, шел и пристигла его темная ночь; спрятался он под былинку подле самой дороги, лежит себе, спать собирается. Идут мимо три вора. «Здравствуйте, добрые мо́лодцы!» — говорит Мальчик с пальчик. «Здорово!» — «Куда идете?» — «К попу». — «Зачем?» — «Быков воровать». «Возьмите и меня с собой!» — «Куда ты годишься? Нам надо такого молодца, чтоб раз дал — и дух вон!» — «Пригожусь и я: в подворотню пролезу да вам ворота отопру». — «И то дело! Пойдем с нами».

Вот пришли вчетвером к богатому попу; Мальчик с пальчик пролез в подворотню, отворил ворота и говорит: «Вы, братцы, здесь на дворе постойте, а я заберусь в сарай да выберу быка получше и выведу к вам». — «Ладно!» Забрался он в сарай и кричит оттуда во всю глотку: «Какого быка тащить — бурого али черного?» — «Не шуми, — говорят ему воры, — тащи какой под руку попадется». Мальчик с пальчик вывел им быка что ни есть самого лучшего; воры пригнали быка в лес; зарезали, сняли шкуру и стали делить мясо. «Ну, братцы, — говорит Мальчик с пальчик, — я возьму себе требуху: с меня и того будет». Взял требуху и тут же залез в нее спать, ночь коротать; а воры поделили мясо и пошли по домам.

Набежал голодный волк и проглотил требуху вместе с мальчиком; сидит он в волчьем брюхе живой, и горя ему мало! Плохо пришлось серому! Увидит он стадо, овцы пасутся, пастух спит, и только что подкрадется овцу унести — как Мальчик с пальчик и закричит во все горло: «Пастух, пастух, овечий дух! Ты спишь, а волк овцу тащит!» Пастух проснется, бросится на волка с дубиною да притравит его собаками, а собаки ну его рвать — только клочья летят! Еле-еле уйдет сердешный!

Совсем отощал волк, пришлось пропадать с голоду. «Вылези!» — просит волк. «Довези меня домой к отцу, к матери, так вылезу», — говорит Мальчик с пальчик. Побежал волк в деревню, вскочил прямо к старику в избу; Мальчик с пальчик тотчас вылез из волчьего брюха задом, схватил волка за хвост и кричит: «Бейте волка, бейте серого!» Старик схватил дубинку, старуха другую и давай бить волка; тут его порешили, сняли кожу да сынку тулуп сделали. И стали они жить-поживать, век доживать.

38. Безручка

Жил-был брат с сестрой; брат охотник был за охотою ездить, зайцев ловить. А сестрица охотница была заячьи пупочки есть. Он поедет, говорит: «Прощай, сестрица!». А приедет: «Здорово,

сестрица!» Каждый раз так, и ничего она не едала, кроме заячьих пупочков. Вот жене и не любо стало, что брат с сестрой прощается и здоровается. В первый раз поехал, жена взяла на стойле коня и зарезала. Едет муж, она его и встречает. «Поди, мой друг милый, поди, мой друг любезный! Что твоя милая сестрица наделала: что ни лучшего коня на стойле зарезала!». А он и говорит: «Ну, не с конем жить, а с родимой сестрицей!». Пришел, опять говорит: «Здорово, сестрица» – да заячьи пупочки подает ей на ноже. И опять поехал за зайцами: «Прощай, говорит, сестрица!»

Жене опять пуще досадно стало. Во второй раз что ни лучшего вола на стойле зарезала. Вот идет опять муж; она опять встречает его: «Поди, мой друг милый, поди, мой друг любезный! Что твоя сестрица наделала: что ни лучшего вола на стойле зарезала». А он опять и говорит: «Ну, говорит, не с волом жить, а с родимой сестрицей». Пришел, опять говорит: «Здорово, сестрица!» – потом опять поехал за зайцами. «Прощай, говорит, сестрица!».

Она опять в третий-то раз детища своего в колыбели зарезала. Идет муж с охоты, она опять его встречает: «Поди, мой друг милый, поди, мой друг любезный! Посмотри, что твоя сестрица наделала. Ты все ей прощаешь!». Он спрашивает, говорит: «Что такое?» – «Твоего детища, говорит, в колыбели зарезала». Он рассердился на сестру, собрал сход и говорит: «Братцы мои! Что вы мне присоветуете с сестрой делать? И все беды и все вины ей прощал: во-первых, любого коня, во-вторых, любого вола, в-третьих, любого детища зарезала». Народ и присоветовал: «Дай ей, говорит, топор, коли она свои руки отрубит, то она твоего детища зарезала, коли она своих рук не отрубит, то не она твоего детища зарезала». Дали ей топор, она и говорит: «Нет, говорит, братец, родимый! Я своих рук не могу рубить, а коли хотите, рубите сами». Брат топор взял, руки ей отрубил, одел ее в шубеночку, подпоясал и послал со двора: «Ступай, куда хочешь».

Она ходила, ходила, ходила и пришла в царский сад, перелезла кой-как через плетень и стала жить в саду, захотелось ей поесть, она яблочки надкусывала: сорвать ей нельзя, рук нет. Царский сын гулял и видит, что у них яблочки надкусанные. Приходит, отцу-матери сказывает: «Батенька-маменька! Что это у нас в лесу за зверок такой? Яблочки не сорваны, а надкусаны. Знать, какой-нибудь зверок, говорит, есть. Батенька и маменька, говорит, позвольте мне, говорит, погулять с собачками». Отец позволил.

Пошел он гулять, ходил, ходил по саду с собачками и пришел к малине; тут так пристали собачки, брешут (лают). Он и говорит: «Скажи, кто есть христианин? Коли старая старушка, будь мне бабушка. Коли молодая молодушка, будь мне тетушка; коли красная девица, будь мне невеста. А коли не выйдешь, так я собачками

затравлю!». Вот она и вышла, и такая-то прекрасавица девушка, только без рук. Привел он ее к отцу, к матери; просит у отца-матери позволенья жениться. Они своего сына уговаривать: «Мы тебе возьмем с именьем, богатую, а эта безрукая!» Он и говорит: «Не вам с ней век вековать, а мне». Они позволили жениться, он на ней женился.

Сделалась она беременна, а он уезжает и отцу-матери приказывает: «Маменька-тятенька! Не бросьте мою хозяйку при этом случае». Вот она потом ему родила сына по локти ручки в золоте, по колено ножки в серебре, по бокам часты звезды, во лбу светел месяц, а на затылке красно солнце. Отец с матерью пишут к своему сыну письмо. «Дитятко наше милое, любезное! Родила твоя хозяйка детище, и мы отроду такого не видали; такого бог дал дитя, свету просвещенье». И послали человека с письмом к нему, к сыну. Вот человек пошел с письмом и, не знавши, зашел к снохе, которая дитятю-то зарезала. Она этого человека так приласкала, напоила, накормила и постель постлала. Он лег спать и уснул. Она, взяв это письмо, изорвала и написала к нему другое письмо: «Дитятко милое! Родила твоя хозяйка, а наша невестка такое детище, что мы отроду не видывали: волчиные лапы, медвежьи взгляды, собачья морда». Принес этот человек ему письмо, он оттуда письмо пишет: «Милые папенька-маменька! Не трожьте (трогайте) мою хозяйку до моего приезда». Он опять, человек этот, опять зашел к этой женщине. Она опять его припокоила и пар ему собрала, он полез париться. Она сейчас проглядела письмо и изорвала и написала письмо: «Милые мои папенька и маменька! Чтобы к приезду моему моей хозяйки не было, чтоб сослать ее». Вот человек, не знавши, приносит к отцу-матери письмо. Отец с матерью прочитали, слезно заплакали. «Ну, говорят, милая невестушка! Нельзя нам тебя держать». Взяли ее одели, за пазушку ребеночка положили и сослали ее со двора.

Она и пошла, ходила, ходила да к речке и пришла. Захотелось ей напиться, она принагнулася: ребеночек у ней упал в речку из пазухи. Идет старичок и говорит: «О чем ты, голубушка, плачешь?» — «Батюшка мой, у меня вот ребеночек в реку упал, а мне нечем достать его: у меня рук нету». Он и говорит: «Поди, вон стоят два колодезя. Налево колодезь стоит, ты поди посмотри в него, а направо-то колодезь стоит: правой кухтой (оставшейся частью руки) перекрестись да окуни в колодезь-то, а потом, говорит, левой кухтой перекрестись да окуни в колодезь». Она пошла, правой-то перекрестилась, окунула, ей бог дал руку, она другой перекрестилась, окунула, ей бог дал другую. Потом пошла, подходит к речке: ребеночек ее сидит, играет цветочками. Это уж господь бог его вынул. А старичок и спрашивает: «Что ж ты, милая, у этого колодезя видела, который на левой руке?». Она говорит: «Там, говорит, я видела ужи, змеи, всякая гадина». — «Тут-то, говорит, твоей снохе-то быть, а ты, говорит, ступай; спаси тебя бог!».

Она шла, шла и пришла к своеи снохе-то и попросилась ради Христа ночевать. А на то время ее брат и муж приехали из полка и добиваются, кто бы сказал сказочку хорошенькую. Она и говорит: «Коли угодно, господа, я вам скажу сказочку. Только я стану сказывать — не перебивать и из комнаты не выходить»...

39. Петух и жерновки

Жили да были старик со старухой, а у них хозяйство было: кочеток-золотой гребешок да жерновки. Нечего старикам есть, возьмут они жерновки и станут молоть: ан блинок да пирожок, блинок да пирожок.

Прослышал барин про жерновки и отнял. Загоревали старики. Жалко стало кочетку стариков. «Ку-ка-реку, ку-ка-реку! Не плачь дед, не плачь, баба!». Пропел да и улетел к барскому дому, сел на ворота и закричал: «Ку-ка-реку, я кочеток-золотой гребешок, требую жерновки!»

Приказал барин поймать кочетка и бросить в колодец.

Поймали кочетка, бросили в колодец, а он стал приговаривать: «Носик, носик, пей воду, носик, носик, пей воду!».

Выпил всю воду, сел на ворота и закричал: «Ку-ка-реку, я кочеток-золотой гребешок, требую жерновки!».

Приказал барин поймать кочетка и бросить в огонь.

Словили кочетка, бросили в огонь, а он стал приговаривать: «Носик, носик, вылей воду, носик, носик, вылей воду!». Вода залила огонь, кочеток вылетел из печи, сел на ворота и закричал: «Ку-ка-реку, я кочеток-золотой гребешок, требую жерновки!».

Позеленел барин, приказал кочетка поймать и бросить в подполье. А в подполье у барина была казна спрятана.

Поймали кочетка, бросили в подполье, он деньги поклевал и улетел.

Прилетел кочеток к старикам: «Ку-ка-реку, казну несу, подстилку подстилай, денежки считай!» Начал кочеток деньги сыпать, старики считать.

Отдал кочеток все деньги старикам, прилетел к барским хоромам, сел на ворота и закричал: «Ку-ка-реку, я кочеток-золотой гребешок, требую жерновки!»

Барин как узнал про казну, так тут ему и конец настал. Кочеток вернул жерновки старикам.

40. ⟨О калиновой дудке⟩

Жил-был старичок. У него было две дочки да сын. Стал он сряжаться в город, а дети говорят: «Батюшка, батюшка, что ты нам купишь?» — «Вам, девки, куплю по платочку, а тебе, сын, серебряное блюдечко да золотое яблочко. А вы мне за то наберите ягод по кувшинцу». И дал им по кувшинцу-то. И пошли они в лес. Мальчик-от набрал ягод, а девки все с молодцами проиграли. Вот они взяли да убили брата-то, схоронили под кочку у дороги, а ягоды его взяли к себе в кувшины и принесли домой. Приехал отец. «Вот, батюшка, — говорят, — мы набрали ягод». — «А где, — говорит, — парнишко-то?» «Да мы, — говорят, — кричали, кричали ему, не откликается». Он и отдал им все, и золотое яблочко с серебряным блюдечком.

Долго ли, коротко ли, на могилке-то у мальчика и вырос дягилек. Шел старичок дорогой, сломил этот дягилек, сделал дудочку и заиграл на ней. А она и стала высвистывать:

Ах ты, дедушка,
Ах ты, батюшка,
Ты не прытко свищи,
Потихохоньку,
Полегохоньку.
Уж не ты меня губил,
Уж не ты меня давил,
Как губили меня
Две милы сестры,
Две голубушки,
За блюдечко серебряное
За яблочко золотенькое.

Старик пришел в деревню, попросился ночевать у отца этого паренька. Его пустили. Вот он вошел, помолился богу, поклонился на все четыре стороны, разделся, разулся и полез на́ печь. «А сыграть ли вам, говорит, на дудочке?» — «Ох, нам не до дудочки», — говорит отец. «Нет, — говорит старик, — вы послушайте-ко!» Да и заиграл. А дудочка и засвистела опять:

Ах ты, дедушка,
Ах ты, батюшка,
Ты не прытко свищи,
Потихохоньку,
Полегохоньку,
Как не ты меня губил,
Как не ты меня давил.
Как губили меня
Две милы сестры,
Две голубушки,
За блюдечко серебряное,
За яблочко золотенькое.

И полюбилось отцу. И он взял дудочку и заиграла она и запела:

Ох ты, батюшка,
Ты родимой мой!
Ты не прытко свищи,
Потихохоньку,
Полегохоньку.
Ведь не ты меня губил,
Как не ты меня давил.
Как губили меня
Две милы сестры,
Две голубушки,
За блюдечко серебряное,
За яблочко золотенькое.

Вот отец велел и старшей дочери на этой дудочке заиграть. Дудочка-то и запела:

Ах ты, сестрица,
Ты родимая,
Ты попрытче свищи,
Ты погромче свищи,
Уж как ты меня губила,
Уж как ты меня давила
С меньшой сестрой,
Со голубушкой,
За блюдечко серебряное,
За яблочко золотенькое.

Отец заставил и меньшую-то дочь играть; и у ней тоже пропела. Взял их отец да на воротях и расстрелял.— Вот тебе сказка, а мне кринка масла.

41. Горшеня

Горшеня едет-дремлет с горшками. Догнал его государь Иван Васильевич. «Мир по дороге!» Горшеня оглянулся. «Благодарим, просим со смиреньем».—«Знать, вздремал?»—«Вздремал, великий осударь! Не бойся того, кто песни поет, а бойся того, кто дремлет».— «Экой ты смелый, горшеня! Люблю этаких. Ямщик, поезжай тише. А что, горшенюшка, давно ты этим ремеслом кормишься?» — «Сызмолоду, да вот и середовой стал». — «Кормишь детей?» — «Кормлю, ваше царское величество! И не пашу, и не кошу, и не жну, и морозом не бьет».— «Хорошо, горшеня, но все-таки на свете не без худа».— «Да, ваше царское величество! На свете есть три худа».— «А какие три худа, горшенюшка?» — «Первое худо — худой шабер, а второе худо — худая жена, третье худо — худой разум». — «А скажи мне, которое худо всех

хуже?» – «От худого шабра уйду, от худой жены тоже можно, как будет с детьми жить; а от худого разума не уйдешь – все с тобой». – «Так, верно, горшеня! Ты мозголов. Слушай! Ты для меня, а я для тебя. Прилетят гуси с Руси, перышки ошиплешь, а по-прави́льному покинешь!» – «Годится, так покину – как придет, а то и наголо». – «Ну, горшеня, постой на час! Я погляжу твою посуду».

Горшеня остановился, начал раскладывать товар. Государь стал глядеть, и показались ему три тарелочки глиняны. «Ты наделаешь мне эдаких?» – «Сколько угодно вашему царскому величеству?» – «Возов десяток надо». – «На много ли дашь время?» – «Месяц». – «Можно и в две недели представить, и в город. Я для тебя, ты для меня». – «Спасибо, горшенюшка!» – «А ты, государь, где будешь в то время, как я представлю товар в город?» – «Буду в дому у купца в гостях». Государь приехал в город и приказал, чтобы на всех угощениях не было посуды ни серебряной, ни оловянной, ни медной, ни деревянной, а была бы все глиняная.

Горшеня кончил заказ царский и привез товар в город. Один боярин выехал на торжище к горшене и говорит ему: – «Бог за товаром, горшеня!» – «Просим покорно». – «Продай мне весь товар». – «Нельзя, по заказу». – «А что тебе, ты бери деньги – не повинят из этого, коли не взял задатку под работу. Ну, что возьмешь?» – «А вот что: каждую посудину насыпать полну денег». – «Полно, горшенюшка, много!» – «Ну, хорошо, одну насыпать, а две отдать – хочешь?» И сладили. «Ты для меня, я для тебя». Насыпают да высыпают, сыпали, сыпали... денег не стало, а товару еще много. Боярин, видя худо, съездил домой, привез еще денег. Опять сыплют да сыплют – товару все много. «Как быть, горшенюшка?» – «Ну, что ни жадал [не ожидал]? Нечего делать, я тебя уважу, только знаешь что: свези меня на себе до этого двора, отдам и товар, и все деньги».

Боярин мялся, мялся: жаль и денег, жаль и себя; но делать нечего – сладили. Выпрягли лошадь – сел мужик, повез боярин; в споре́ дело. Горшеня запел песню, боярин везет да везет. «До коих же мест везти тебя?» – «Вот до этого двора и до этого дому». Весело поет горшеня, против дому он высоко поднял. Государь услыхал, выбег на крыльцо – признал горшеню. «Ба! Здравствуй, горшенюшка, с приездом». – «Благодарю, ваше царское величество». – «Да на чем ты едешь?» – «На худом-то разуме, государь». – «Ну, мозголов, горшеня, умел товар продать! Боярин! Скидай строевую одежду и сапоги, а ты, горшеня, кафтан и разувай лапти; ты их обувай, боярин, а ты, горшеня, надевай его строевую одежду. Умел товар продать! Немного послужил, да много услужил. А ты не умел владеть боярством. Ну, горшеня, прилетали гуси с Руси?» – «Прилетали». – «Перышки ощипал, а по-прави́льному покинул?» – «Нет, наголо, великий государь, – всего ощипал».

42. Беспечальный монастырь

На одном хорошем тракту́ стоял монастырь. Этот монастырь посещало очень много народу. Ни один не проезжал мимо этого монастыря. В одно прекрасное время, утром рано пришлось проехать одному крестьянину. Человек как религиозный, хотел он зайти и помолиться. И уж не тут-то было. Монастырские врата были очень крепко заперты. Давай стучаться в ворота. Подумал, что крепко спят в монастыре. Ну, никак не дождался никого он.

Только стал прислушиваться. Не то были гимны, не то сти́хи, или просто песни. «Так это что же, оказывается, гулянка?! Оказывается, беспечальный монастырь!» Вынимает крестьянин памятную книжку, отрывает листок, пишет крупным шрифтом: «Беспечальный монастырь». Скрывает [в] таком скрытом месте, залепил и уехал.

Не долго прошло это времени, пришлось проезжать этим трактом государю. И вот он тоже захотел помолиться в монастыре. Да только попалась ему эта самая бумажка на глаза. Что такое? С изумлением смотрит: «Беспечальный монастырь».— «Как же это печали нету у него? Когда я ведаю всем государством, и то печали и нужды у меня по горло!»

Заходит он в монастырь. Навстречу ему идет отец-игумен с крестом. Приложился ко кресту государь. «Да что же это, оказывается, у вас беспечальный монастырь?» Игумен несколько струсил.— «Что бы значили эти слова государя?» Остается в недоумении. Государь опять же ему повторяет: «У вас, оказывается, беспечальный монастырь?» — «Откудова вы это знаете?» — игумен спрашивает смиренно. «Да, вот, пойдемте посмотреть, на улице у вас есть какая-то вывеска: беспечальный монастырь».

Когда игумен увидел это, стал извиняться, что кто-то устроил такую подлость. Что мы в монастыре не можем быть беспечальны. Государь сказал, что это не зря, а наверно, кто-то знает вашу беспечальность. «Дак вот что, отец-игумен, я наложу на вас печаль!» — «А какую же вы хотите наложить печаль на нас?» — «Да вот даю вам недельный срок. Задам вам задачу, чтобы вы мне ее разъяснили. И так попечалились эту неделю все бы монахи. Первая задача будет: сосчитать на небе звезд; вторая задача — небеса выше или тот свет дальше, как называют? И потом, оцените меня: что сто́ю я?» Сейчас сел и уехал.

Игумен приносит такую печаль всем монахам: «Вот что, братья, государь заехал помолиться — вместо моления оставил нам печаль». Монахи все в недоумении. «Что такое отец-игумен

говорит такое непонятное? Так говори же, отец-игумен, правду ли ты, врешь ли?» – «Так, вот что, братие, кто-то насмеялся над нами, залепил бумажку. Написано жирным шрифтом: беспечальный монастырь. Он за эту-то вывеску и оставил нам печаль». – «А какую же?» – «Дал нам недельный срок. Чтобы сосчитать на небе звезды – первая задача; а вторая задача – узнать небеса выше или тот свет дальше, а третья задача – оценить самого царя, что он сто́ит». – «Вот так-так!» Все за́хнули. Где же это смертному человеку угадать такие задачи? – «Делать нечего, придумайте. Может, кто и угадает».

А время близко. Никто не думает угадывать. А только думают, что казнит всех. Один думает монах: «Так и так, жизнь не далеко, а уж лучше погулять и повеселиться. Дай, пойду в трактир, выпью порядком, чтоб скорее время только прошло, чем беспокоить себя».

И приходит он в трактир, заказывает огромный за́пас такой, трактирщик удивился, зачем же такой большой за́пас? «А с горя и с печали», – говорит монах. А тут как раз один трактирский пьяница. – «Что вы, отец, что вы, отец, какая вам печаль?» – «Да, не говори, брат, некогда мне с тобой растабарывать». – «Что ты, отец, может быть, я тебе помогу». – «Едва ли ты своим кабацким делом поможешь мне-ка. Вот что, брат, государь ныне проездом наложил на игумена и монахов печаль. Задали три задачи и никому они не выполнимы». – «А какие были задачи?» – спрашивает пьяница. А тот и стал ему шутя рассказывать. «Да, ведь, оказывается, совсем пустяки», – говорит пьяница: «Очень просто, могу отгадать я».

Монах даже оставил свое гулянье. И вот повел его к отцу-игумену, который щедро тебя наградит. Когда приходит к отцу-игумену, монах заявляет про этого пьяницу. «Вот что, отец-игумен, оказывается, человек находится нас выручить». – «Да, неужели?» – говорит отец-игумен. «А вот сами можете лично переговорить с ним».

Берет отец-игумен этого пьяницу, ведет в свою комнату. «Ну, так что, брат, говорил тебе послушник всю эту историю?» – «Да, очень хорошо запомнил». – «Ну так, брат, берись. Что будет стоить, заплотим». – «Так что тут плата – я не особенно в ней нуждаюсь. Прежде всего я должо́н надеть вашу игуменскую одежду и облачение. Ведь надо привыкнуть мне за это время ходить, как игумену, а то я, – ведь знаете – просто пьяница». – «Давай, сейчас и поменяемся одеждою оба».

Пьяница надевает одежду игумена, а свою подраную дает ему. Нечего делать – хотя и неприятно, приходится надевать. Когда они переоделись, пьяница и говорит ему: «Отец-игумен, представьте мне несколько десетей бумаги». – «А для чего это?» – спрашивает отец-игумен: «Это личное мое дело. Надо, ведь, счеты как-нибудь сводить, звезды представить, а время уж близко».

Отец-игумен заказал послушнику принести бумаги. Принесли несколько десетей бумаги, и вот он взял карандаш и начинает писать. Писать-то было что. Только заглавие поставил: подсчет звезд. А тут стал ставить цифры несложные такие. Где 20, где 30, а где и сотню, и 1000 поставил, а где и 2 и 3. И так закончил все эти бумаги в цифрах.

Когда приходит отец-игумен к нему. «Ну как, доканчиваешь ли нет?» – спрашивает его. «Да покончал», – говорит. «А остальное измерил как? Как до неба и до того свету?» – «Да это я давно знаю», – тот пьяница говорит. Ну-с ладно, значит, делать нечего было.

Приходит время – назначенный срок уже подоспел. Все монахи ждут с нетерпением царя. Только один игумен ни об чем не думает. Как будто бы не его дело. И вдруг появилась коляска. Приезжает государь со всей пышностью. Встречает его игумен с крестом. «Ну, как, отец-игумен, – спрашивает его государь, – угадал ли то, что я вам задал?» – «Так не знаю», – говорит пьяница.

Усадил государя в кресло, а сам приносит несколько десетей бумаг, подает государю. «Можете просмотреть, ваше императорское величество». Царь начинает рыться в этих бумагах. «Да что ты, отец-игумен, наврал тут много?» – «Что вы, ваше императорское величество, в чем вы узнали, что я тут наврал?» – «Конечно, наврал! Одни цифры да и цифры и больше ничего!» – «А вот я счет-то не могу вам сказать, каки там миллионы или легионы. Я вам и составил, а вот если вы не верите, то можете проверить сами».

Царю смешно показать, кто же может на небе звезды проверять? «Правда, говорят, что частями-то, верно, вы могли сосчитать. Ну, а как вторую задачу? Узнали ли нет вы, тот свет дальше или небеса выше?» – «Да уже узнал». – Ну, а как?» – «Да, вот я на небе слышу стукают-брякают, а до того свету должно быть далеко. Мой отец теперь же уехал на тот свет двадцать пять лет и до тепере его нет. Поэтому далеко дальше тот свет». – «Однако, неправда, – говорит государь, – ведь это все надо знать на деле». – «Узнайте сами, может быть и поверите мне-ка», – говорит отец-игумен.

Государю тоже так забавно показалось – нашел правильное разъяснение. «А ну-ка, как теперя третью задачу: поценили вы меня?» – «Да вы, ваше императорское величество, стоите двадцать девять рублей». – «Как так, что ты? Каким ты способом мог меня так оценить? Когда простой подёнщик берет тридцать рублей в месяц!» – «А очень просто», – говорит игумен этот. «Ну, а чем вы докажете?» – «А вот у нас небесный царь был продан за тридцать серебренников. А вы-то, ведь, земной – на рупь должны дешевле быть».

Царь рассмеялся и ничего не сказал. «Так вот угадайте, что я думаю на уме?» – государь говорит. «Да и это угадал». – «И

что же?» – «Так вы думаете: все ж-таки молодец игумен монастыря? А вот вы и ошиблись». – «Как так?» – «А это молодец – не игумен, а я – пьяница трактиров и кабака!».

Как так? Пошли спросы и допросы. Ну и выяснили, что сам-то игумен уклонился, и разъяснил все это дело игумен-пьяница. Тогда пьяницу оставили игуменом монастыря, а игумена отправили шляться по трактирам и кабакам.

43. Кирик

Жил бедный человек, старик со старухой. У старика жена умерла. Вот он пошел к попу:

– Батюшка, надо жену мою схоронить.

– Готовь денег.

Пошел Кирик, денег нету.

– Дай же я выкопаю ей могилку, схороню украдкой.

Вырыл ей могилу, вырыл все до дна.

Вырыл, стоит котелок с золотом. Ухватил Кирик деньги, рад дó смерти: «Теперь есть на что жену схоронить».

Приходит к батюшке:

– Батюшка, давай старуху схороним.

– А деньги есть?

– Есть, батюшка, есть!

– Собирайся с похоронами.

Тот Кирик купил доски на гроб, собрал копачей и гробачей, купил свечей, забрал иконы и попа выносить свою жену.

– Вот тебе, – удивляется попадья, – где же Кирик деньги взял? Говорит: Батюшка, он ходит к обедне, скажи-ка ему исповедаться.

Тот сказал ему исповедаться. Ну, отчасти и Кирик рад. Выходит поп с крестом исповедывать Кирика. Стал он исповедываться, раскаялся он в грехах. Он говорит:

– Кирик, где ты деньги взял?

– Батюшка, я стал копать могилу, хоронить, и в могиле вырыл котелок.

Вот тебе, приходит и матушке рассказывает:

– Он вырыл в могиле котелок.

– Ты знаешь, у нас-то бык есть ободратый, со всем, и с рогами и с хвостом. Вот вечер подойдет, а ты надень-ка кожу-то эту на себя да иди к нему.

Вот надел поп кожу да пошел к нему. Подходит под окошко:

– Кирик, Кирик, отдай мои деньги!

Тот Кирик запугался, влез на печку и ему не показался. В двенадцать часов кочета закричали, поп ушел.

На другой день одевается поп так же, подходит к окошку, опять говорит:

— Кирик, Кирик, отдай мои деньги!

Кирику нет терпенья, запугался, сам не свой — видит перед окошком черт с рогами. Стоит, богу молится. Вот тебе, в двенадцать часов закричали кочета, поп опять ушел.

На третий день поп опять одевается так же, идет. Кирик так испугался — нет ему терпенья. Подает котелок с деньгами — увидел шута с рогами. Так ему страшно было, что покою нет в избе. Приходит поп с деньгами, попадья его встревает. Подхватила на дворе котелок и тащит его в избу, в уголок. Поставили в избу на стол, руки их не отлипают. Они и так и сяк — руки не отлипают никак. Послала работника за Кириком.

— Кирик, прости!

Кирик взял котелок и простил их. А кожа с попа не слезает, присохла. Вот поп взобрался на печку, лежит день, лежит два, лежит уже шесть недель. А народ все попа требует. Они только отвечают, что он больной. Знакомые к нему идут прощаться, они не допускают. Ну, что делать, сколько ни скрывать, а попа надо объявлять. Вот его объявили и осудили на двенадцать лет: одному водить, другой под хвост подгонять. Проводили его шесть лет по миру, и поп издох. Деньги не нужны стали ему.

44. Мужик и черт

Жил-был мужик с женою, он ей и говорит: «Жена, вынеси мне завтракать, а я пойду пахать!». — «Да вот не понесу, кобель, не понесу!» — «Ну, не носи!». — «Да вот понесу, кобель, понесу». — «Если понесешь, пойдешь через жердочку, не трясись на этой жердочке». — «Да вот потрясусь, кобель, потрясусь!». Мужик пошел пахать, несет она ему завтракать, потряслась на этой жердочке и упала туда в ручеек. Вот он перекрестился: «Слава богу, говорит, избавился я от жены». Идет он домой, дома и нечего ему есть. Он и говорит: «Какая ни была жена, все было, что есть, а теперь и есть нечего. Пойду я ее вытащу».

Взял он веревку, навязал на нее камень большой, опустил в этот самый ручеек, в который она упала. Вот что-то село на камень, вот он и тащит, вытащил чертенка, хотел было его опять туда бросить, он и говорит: «Пожалуйста, старик, что хочешь

возьми, только не отпускай туда, к нам баба-яга пришла, нам житья от нее не стало!». — «А что ты мне за это дашь?». — «Что хочешь, то и бери!». — «Дашь мне шляпу золотых денег?». — «Изволь!» Вот он его оттуда вытащил.

«Ну, говорит, давай деньги!». — «Постой! Я вот пойду к богатому мужику, все буду у него ломать и бревна буду таскать из избы, и коров буду бить, и лошадей буду гонять. Станут искать доктора, ты вызовись, что, мол, я могу. Возьми у них голик, навяжи его на палку, возьми фонарь, да по стенам этим голиком мети да приговаривай: „Вон, вон, нечистый дух! Вон, вон, нечистый дух!“ Вот и получишь деньги».

Вот прошел слух, что у одного богатого мужика нечистая сила завелась. Ищут они доктора — этот мужик и вызвался. Попросил у них веник (голик), навязал на палку, взял фонарь, стал месть по стене да приговаривать: «Вон, вон, нечистый дух! Вон, вон, нечистый дух!». Выгнал нечистого духа и спрашивает: «Что, говорит, за это дадите?». — «Что хочешь, бери!». — «Сыпьте мне в шляпу денег!». Сам взял у шляпы дно прошиб да на бочку и поставил. Вот они сыпали, сыпали, сыпали, все шляпа его не полна, хотели только сказать, что «шапка твоя без дна», он и говорит: «Будет, добрые люди!».

Черт прибегает к нему. «Будет что ли с тебя денег-то?». «Нет, говорит, давай еще. Одна шляпа и та не наполнилась!». — «Ну, говорит, я еще пойду к старосте!». — «Ну, ступай, говорит». Пришел к старосте, ломает, все портит. Ищут опять, кто бы мог нечистого духа выгнать. Вот этот богатый мужик, у которого уж была нечистая сила, и говорит, что «вот такой-то мужик у меня выгнал!». — «Призови его, что хочет, дадим». — «Хорошо!». Позвали этого мужика. Приходит, и спрашивает его староста: «Можешь ли ты нечистого выгнать?». — «Могу, говорит». Взял он у них помело. «Дайте, говорит, мне фонарь». — Метет по стене. «Вон, вон, нечистый дух! Вон, вон, нечистый дух!». Выгнал опять и спрашивает: «Ну, что вы мне за это дадите?» — «Что хочешь, бери!». — «Дайте мне шляпу золота!». А шляпу опять поставил на ту же бочку, они опять стали сыпать в эту шляпу золота, тогда мужик да теперь этот староста ему половину бочки насыпали.

Опять прибегает к нему черт. «Будет что ли тебе?». — «Нет, мало. Когда полна будет шляпа золота, тогда и довольно». «Ну, я, говорит, пойду к барину!». Пришел к барину, ломает у него все. Вот барин посылает узнать: нет ли какого доктора, чтобы выгнать нечистую силу. Вот приходит этот богатый мужичок и староста и говорят: «Вот у нас такой-то мужик выгнал нечистую силу, взял с нас по шляпе золота!». — «Скажите ему: пускай, что хочет берет, лишь бы выгнал нечистую силу». Призвали его. Спрашивает барин: «Можешь ли ты выгнать?». — «Могу, говорит». Взял опять фонарь, помело, метет да приговаривает: «Вон, вон, нечистый дух! Вон, вон, нечистый дух!». Выгнал нечистую силу и спрашивает»: «Что же вы мне за это дадите?» — «Сколько

хочешь, бери». – «Дайте мне шляпу золота!». А сам поставил шляпу опять на ту же бочку. Барин ему всю остальную часть бочки досыпал.

Вот этот мужик рад, что столько денег нажил: можно пять жен купить, не только одну. Стал опять жить припеваючи. Приходит к нему черт, спрашивает: «Будет тебе что ли денег-то?» – «Будет, говорит». – «Ну, теперь не смей меня выгонять, а то я тебя тогда!». – «Нет, говорит, теперь больше не стану!».

Слышит, послышит барин, что в царских палатах нечистый дух завелся, призывает этого мужика, говорит: «Вот, говорит, ты у меня выгнал нечистого духа, ступай у царя выгоняй!». – «Я, говорит, не могу!». – «Коли не пойдешь, велю тебе ссечь голову долой!». Мужик подумал, подумал: «Все равно, говорит, погибать: что черт убьет, что голову ссекут!». Пошел к царю, приходит. Царь спрашивает: «Можешь ли ты выгнать нечистую силу?». – «Могу, говорит». Попросил он у них веник-голик, навязал на палку, взял фонарь. «Страшно, говорит, идти: он меня убьет!». Царю докладывают, что нейдет, говорит: «Страшно!». – «Ну, так голову долой, чтоб не вызывался, когда не умеет!». Сказали ему, что царь сказал. Вот он сел, думал, думал, встал и пошел: «Я, говорит, над ним (чертом) штуку сделаю!». Пошел, метет и кричит: «Вон, вон, нечистый дух! Вон, вон, нечистый дух!». Черт выбегает, прямо на него хочет броситься. А этот мужик и кричит: «Баба-яга! Вот он, вот он! Держи его! Вот он!». И он побежал от него, прямо в свою речку бух!... А там эта баба-то яга.

Царь этому мужику за это дал полцарства, стал он жить да поживать.

45. Горшок

В некотором царстве, в некотором государстве, на пригорке у реки собрались старики, разговоры развели. Вот была здесь хата от краю девята, в ней жили муж и жена. Уж такие они ленивые были, даже по месяцу руки не мыли.

Вот старуха однажды наварила горшок каши молочной, и они ее ели, ели, всю поели. Старуха видит, что каша к горшку дюже пригорела. Вот она и говорит:

– Старик, тебе горшок мыть.

– Ты что, старуха, бог знает что говоришь, я и так устал, я вчера со своего огорода свинью согнал, а ты еще заставляешь меня горшок мыть.

А старуха говорит:

— Я кашу варила, тебя накормила. Мой горшок!

И заварилась у них ссора. Ссорились-ссорились, старик и говорит:

— Хватит, старуха, нам ругаться. Давай замолчим, а кто первый заговорит, тому горшок мыть.

Ну, старуха согласилась. Вот они день молчат, два молчат, три молчат, приходит соседка.

— Здорово, старуха.

Она и так и сяк. Они молчат. Бабка лежит на задней лавке, а дед на конике, да помалкивают. Соседка послала своих девок к дедову брату:

— Скажи, что заболели старики — язык отнялся.

Прибегает стариков брат:

— Кум, кум! Кума, кума!

Они всё молчат. Поехали за попом. Привезли попа, он им глухую исповедь дал. Стали разбирать кое-чего, что после их остается. Брат сказал:

— Я коротай [1] возьму — поминать буду.

Полез в карман, а там кисет с табаком.

— Тут еще табачок,— говорит,— ступинский (самоделишный табак, в ступе толкли, так прозвали).

А деду захотелось закурить, как он вскочит с коника, вырвал коротай и кричит:

— Я без тебя коротай доношу и табачок докурю.

А старуха вскочила, заплакала, песню запела:

— Повздорила старуха с стариком,
Пропади твой кисет с табаком,
Заявись моя корова с молоком!

Старик! Тебе горшок мыть, а мне кашу варить.

46. Жена-спорщица

Была у одного мужа жена, да только такая задорная, что все ему наперекор говорила. Бывало, он скажет: «Бритое», а уж она непременно кричит: «Стриженое!». Всякий день бранились! Надоела жена мужу; вот он и стал думать, как бы от нее отделаться. Идут они раз к реке, а вместо моста на плотине лежит перекладинка. «Постой,— думает он,— вот теперь-то я ее изведу».

---

[1] Короткая верхняя одежда.

Как стала она переходить по перекладинке, он и говорит: «Смотри же, жена, не трясись, не то как раз утонешь!». – «Так вот же нарочно буду!» Тряслась, тряслась, да и бултых в воду. Жалко ему стало жены; вот он влез в воду, стал ее искать и идет по воде в гору [вверх, против течения]. «Что ты тут ищешь?» – говорят ему прохожие мужики. – «А вот жена утонула, вон с энтой перекладинки упала!» – «Дурак, дурак! Ты бы шел вниз по реке, а не в гору; ее теперь, чай, снесло». – «Эх, братцы, молчите. Она все делала наперекор, так уж и теперь, верно, пошла против воды».

47. Болтунья

Жил старик со старухой; у него старуха была ужасно на язык слаба, все болтала. Пошел он в лес; нашел там клад и боится старухе сказать: та разболтает всем. Наконец, сказал своей жене: «Жена, я нашел клад. Не говори только никому, а то мне и тебе от барина достанется!». – «Нет, – говорит, – я никому не скажу». Ночью взяли они заступ, пошли отрывать клад.

Вышли они в поле. Жена и поднимает блин. «Муж! Что это такое?» – «Молчи! Нынче блинные да пирожные тучи шли». Идут они дальше. Нужно было им переходить мост, идут они по мосту. В этой реке в сетях заяц ворочается. Она у него и спрашивает: «Муж! Что это такое?» – «Это барские рыболовы в реке зайца поймали!» Идут они дальше. В капкане в поле щука ворочается. «Муж! Что это такое?» – «Это барские охотники в капкане щуку поймали!» Идут они дальше; подходят к лесу, там козел закричал. «Муж, что это такое?» – «Это нашего барина в лесу черти бреют!» А это он все подделал, чтоб ее обмануть. Пришли к месту, откопали клад, принесли домой, поставили его под печку.

Стали они жить богато. Соседи стали спрашивать у нее: откуда у них такое богатство? Она и проговорилась, что клад нашли. Узнал об этом староста, сказал барину. Этот мужик узнал, что барин знает, что он нашел клад, взял клад из-под печки, спрятал в подпол. Вот барин призывает его, спрашивает: «Нашел ты клад? Твоя жена рассказывает, что ты нашел!» Он и говорит: «Она у меня полоумная, вы извольте ее призвать и спросить у ней». Барин приказал позвать его жену. Пришла она. Барин и спрашивает: «Правда ли, что твой муж клад нашел?» – «Правда, батюшка, истинная». – «Где ж он у него?» – «Сперва лежал под печкой в чашке, а теперь не знаю, где». – «Да когда же он нашел?» – «Да помните, сударь, когда блинные да пирожные тучи

шли!» Барин думает: «Не полоумная ли она в самом деле?». — «Да помните, как ваши рыболовы в реке зайца поймали?» Барин молчит, все смотрит на нее. «Да помните, когда ваши охотники в капкане рыбу поймали?» — «Что ты врешь?» — «Да невдомек ли вашей милости, когда вашу милость в лесу черти брили?» Барин рассердился на нее, велел ее высечь. И с тех пор муж стал доволен своей женой.

48. Наговорная водица

А что, желанные вы мои, в городу-то у вас на водицу-то шепчут? Слыхали про то али нет? Наговорной та водица прозывается, и вот как целебная та вода-матушка! Ото всего помогает. Да вот, постой-ка, погоди — не далеко ходить — про себя скажу, как мне-ка этака-то водица помогла... Да ведь как помогла-то... Лучше не надобно. Да вот послушайте-ко как дело-то было...

Это я со стариком-то со своим смолоду-то жизнь куда как ладно прожила... А вот под старость-ту и приключись с ним что-то неладное: такой поперешной старичишка стал — не приведи господи. Ты ему так, а он этак... Ты ему слово, а он те — два... Ну, да уж и я-то, родны вы мои, удала была: он два, а я пять... он пять, а я десять... Так и такой-то вихорь у нас, бывало, завьется — хоть святых вон выноси... А разбираться начнем — виноватого нет! — «Да с чего бы это у нас, старуха? А?» — «Да ведь все ты, неладный, поперешной... все ты!» — «Да полно-ко! Я ли?!! Не ты ли?... С долгим-то языком...» — «Не я, да ты...» — «Ты, да не я». Да и опять пошло-завилось, по всем углам шарахает. И до того дошло было, желанны вы мои, как это утречком старик с печи ноги-то спущает, и пошло... и пошло... хоть из избы вон беги.

Да спасибо — одна старушоночка надоумила... Так бобылочка, этак изобочки через три от нас жила... Слухала это она, слухала да и говорит: «Маремьянушка, что это у тебя со стариком-то все нелады, да нелады? Да сходила бы ты, матушка, к старцу-то на гору. На водицу старец шепчет... людям-то помогает... Бывает, и тебе поможет». — «А и впрямь, — думаю, — пойду-ка схожу, никто, как господь...»

Пошла это я к старцу-то. Гляжу — стоит келейка одноокненька. Я это в оконышко-то постукотала, и вышел старец-то. Низенький этакой... щупленькой, седа бородушка клинушком... — «Что, говорит, раба, надобно?» — «Да вот, — говорю, — батюшка,

помоги... Этак-то у нас нелады со стариком...» — «А пожди, говорит, маленько...» И вынес он, матушки вы мои, водицы в ковшичке, да при мне на эту водицу-то и пошептал... Вот с места не сойти, не лгу... Крест наложил, вылил водицу в стклянипу да и говорит: «Вот, раба, как домой-то придешь, да зашебаршит у тя старик-то, а ты водицы-то и хлебни, да не плюнь, не глотни, а с Иисусовой-то молитвой и держи в роту-то, пока он не угомонится... все ладно и будет...»

Поклонилась я старцу, стклянипу-то взяла да домой. Только эту ноженьку-то за порог занесла, а старик мой и себя не помнит... А он у меня, покойник, куды как охоч до чаю был... Уж не пропусти с самоваром ни минуточки... а я у старца-то и позапозднилась... Вот это он с печи-то: «Уж, эти мне бабы, стрекотухи проклятущие!.. Пойдут да и провалятся...» А я, матушки вы мои, водицы-то и хлебнула, да как старец-то сказывал, — не плюну, не глотну, с молитвой-то Иисусовой и держу ее в роту-то... Гляжу — замолчал мой старик-то! Это, слава тебе господи, — водица-то кака целебная. Это я стклянипу-то за божницу, а сама за самовар, да и загреми трубой. А у старика-то глаза на лоб полезли... себя не помнит: — «Эк неладная-то... не тем концом руки-то воткнуты...» А я опять за водицу... хлебнула... держу... замолчал, ведь, старик-то мой...

Да что ты скажешь, родимые вы мои, и пошла у нас тишь да гладь, да божья благодать!.. Он за ругань, а я за водицу... Да и слава те господи! Все пошло, как по писаному...

Так вот, желанные вы мои, что водица-то делает... А старик-то мой, покойник, коса сажень в плечах, росту страшенного... Вот эту притолочину лбом-то вышиб бы... И этаконький-то глоточек таку-то махинищу сдерживал... Вот оно, сила-то кака в водице-то этой самой, наговорной...

49. Про нужду

Вот как бедный мужичок, в худенькой своей одежонке, в дряненькой обувчонке и работает в мороз, и резко рубит — не нагреется; лицо его от морозу разгорается. И въезжает в селенье барин, и не больше, как двое, с кучером, и остановились. «Бог помочь тебе, мужичок!». — «А спасибо же, сударь!». — «В какую стужу ту рубишь!» — «Эх, сударь, Нужда рубит».

Барин этому делу изумился, спрашивает кучера: «А что, кучер, какая это Нужда? Знаешь ли ты ее?». — «Я только сейчас, сударь, слышу».

Спрашивает барин мужичка: «Какая же это, мужичок, Нужда? Охота бы мне ее поглядеть, где она у тебя». Мужичок и говорит: «На что тебе, сударь?». – «Да, охота мне ее поглядеть». И в то же время в чистом поле, на б у г р и н е, в зимнем в р е м е н и, как стояла со́ снегом былина. «А, – сказал мужик, – а вон, сударь, на бугре Нужда стоит! Вон она как от ветру шатается, и никто не догадается».

Барин и говорит: «Нет ли времечка тебе ее нам указать?» – «Пожалуй, можно, сударь». Сели на тройку лошадей и поехали в чисто поле Нужду глядеть. Выехали они на б у г р и н у и проехали эту былину, а другая-то дальше стоит. И указывает мужик рукой: «А вон, сударь, она в стороне – нам ехать нельзя: снег глубок». – «Покарауль-ка, – сказал барин, – наших тройку лошадей: я схожу, погляжу».

Барин слез да и пошел, а кучер-то говорит: «Да, сударь, возьмите и меня: и мне охота поглядеть». – «Пойдем, кучер!». И полезли по снегу два дурака. Эту былину пройдут, другую найдут, а еще Нужду не видят. Вот мужичок-то был не промах, в ы с т е г н у л их тройку лошадей, сел да и полетел. Только они его и видели. И не знают, куда уехал. Вот полазили по́ снегу два дурака, тут их постигла Нужда. Оборотились этим следом, на дорожку вышли, к повозочке подошли, а лошадушек след простыл. Думали, думали барин с кучером... Что́ делать? Лошадей-то нет и повозку-то бросить жалко. Говорит барин кучеру: «Впрягайся-ка, кучер, в корень, а я хоть на п р и с т ё ж к у».

Кучер говорит: «Нет, вы, барин, поисправне, немножко посильне, вы – в корень, а я – в пристёжку». Ну, нечего делать, запрягся барин в корень. Вот и везут да везут, повезут да привстанут. Этот же мужичок припрятал ихних лошадей, надел одёжу другу и пошел п о в с т р е ч у. И говорит мужик: «Что это вы, барин, повозку на себе везете?». Барин сердито говорит: «Уйди! это Нужда везет». – «Какая же это Нужда?» – «Ступай вон там в поле, на бугре!». А сам везет да везет.

До села доехал, лошадей нанял. Приехал домой на троечке, на чужих. Нужду увидал: тройку лошадей потерял.

50. Барин-кузнец

Барин один кузнецу позавидовал. «Живешь ты, – говорит, – живешь, еще когда-то урожай будет и денег дождешься, а кузнец молотком постучит и – с деньгами. Дай кузницу заведу!». Завел кузницу; лакею велел мехи́ раздувать. Стоит, ждет заказчи-

ков. Едет мужик мимо, шины заказать хочет на все четыре колеса (весь стан). «Эй, мужик, стой! Заезжай сюда!». Тот подъехал. «Тебе что?» — «Да вот, барин, шины надо на весь стан». — «Ладно, сейчас, подожди!» — «А сколько будет стоить?» — «Да полтораста рублей надо бы взять, ну ды чтобы народ привадить, сто всего возьму». — «Ладно». Стал барин огонь разводить, лакей — в мехи́ дуть; взял железо, давай его ковать, а ковать-то не умеет. Все сжег. «Ну, — говорит мужичок, — не выйдет тебе не то что весь станок, а разве один шинок»[1]. — «Ну, ладно, — говорит, — шино́к так шино́к. Ковал, ковал барин и говорит: «Ну, мужичок, не выйдет и один шино́к, а выйдет ли, нет ли сошничек». — «Ну, ладно, — говорит мужичок, — хоть сошничек».

Постучал барин молотком, еще железа испортил много и говорит: «Ну, мужичок, не выйдет и сошничек, а дай бог, чтобы вышел кочедычок». — «Ну, хоть кочедычок», — говорит мужик. Только у барина и на кочедычок железа не хватило: все сжег. Поработал, поработал и говорит: «Ну, мужичок, не выйдет и кочедычок, а выйдет один шичо́к». (Когда железо раскаленное в воду опустить, так оно шикнет). «Ладно, — говорит мужик, — сколько же вам?» «Да ведь я тебе, дурак, говорил, что сто». — «Со мной сейчас нет, я за деньгами пойду». И ушел. А барин и говорит лакею: «Ты, когда он придет с деньгами-то, стой да приговаривай: прибавь, мол, прибавь!» — «Хорошо», — говорит.

Вот мужик захватил дома плеть, пришел в кузницу и давай барина жарить, а лакей стоит да приговаривает: «Прибавь еще! Прибавь еще!». Отжарил и ушел. Барин накинулся на лакея: «Что ты, подлец? Я тебе приказывал, если он денег принесет, говорить это, а ты видишь, меня бьют, а орешь: «Прибавь еще!». Приколотил барин лакея, кузницу разломал и не стал больше браться за кузнечное ремесло, да завидовать кузнецу.

51. Барыня и цыплятки

Была богатая усадьба. Жил барин богатый. Барин помер. Осталась одна барыня жить.

Этой барыне в одно время пришли мысли: захотелось ей, чтобы курица высидела пятьдесят цыплят, все черненьких. Да и думает барыня: «Пожалуй, этого и невозможно; пожалуй, курица не согреет яйца».

---

[1] Шина.

А все-таки барыне нетерпимо хочется пятьдесят цыпленков, всех черненьких.

Прислуга заговорила:

— Да разве возможно этого?

А горничная и говорит:

— Невозможно, да хочется.

А ихний кучер и говорит:

— Скажи барыне, я могу высидеть.

Вот горничная доложила барыне, что ихний кучер может высидеть пятьдесят цыпленков. Барыня обрадовалась.

Барыня сейчас же позвала к себе кучера и говорит своему кучеру:

— Ну, что, Федор, можешь высидеть пятьдесят цыпленков, всех черных?

Федор говорит:

— Могу, барыня. Только это, барыня, дорого стоит высидеть.

А барыня и говорит:

— Куда расход пойдет?

— Да вот, барыня, мне надо особенную избушку. Ну, барыня, можно занять пока баню.

Барыня согласилась, чтобы баню занять на три недели.

— И сшейте мне полушубок дубленый, из двадцати овчин чтобы был, шарф теплый купите, кушак красный и теплые сапоги. И пищу мне нужно получать хорошую: каждый день четвертную вина, яичницу, да и какая мне пища по вкусу придет. Да жареной телятины вдоволь, а если не будет хватать, то прошу добавлять. И чтобы ко мне один человек пищу носил. Да за труды мне пятьдесят рублей, барыня. И чтобы эта одежда в мою пользу поступила. Да после этого месяц на отдых меня.

Барыня на все согласна. Барыня думает: «Во что бы ни стало, чтобы высидел пятьдесят цыпленков, всех черных». Еще думает наградить Федора.

Вот Федор и согласился. Свил себе в бане гнездышко Федор и положил пятьдесят яиц. Когда Федор все устроил, и барыню попросил посмотреть. Барыня пришла в баню, посмотрела на гнездышко, и очень рада барыня стала. А Федор не думал и сидеть, был в бане, винцо да чаек попивал, да телятину поедал, да своих товарищей угощал.

А Федор все-таки не тумак, знает, как барыню обмануть. Федор, в который день показывал гнездышко, посадил обыкновенную наседку на тринадцать яиц, да даже не одну, а бог даст какая-нибудь наседка хоть два, три высидит черненьких цыпленочка. А Федор все время продолжал: пил да попивал, да телятинку поедал, да своих товарищей угощал.

Вот Федору и порции водочки не стало хватать. Барыне доложили, что порции не хватает. Барыня приказала еще четвертную ему дать каждый день, — полведра уж ему.

Вот стали три недели проходить. А бог не без милости. На Федорово счастье первая наседка высидела двух черненьких цыпленочков. Вот Федор и посылает свою служанку к барыне:

– Пойди барыне покажи да поскорее мне принеси, а то долго терпеть не могу – сердце ломит.

Вот служанка двух цыпленков взяла и барыне принесла, а барыня увидела цыплят, на весь свет обрадовалась, что Федор стал выводить цыплят. Барыня на цыплят заинтересовалась, служанка и говорит:

– Барыня, на цыплят долго любоваться нельзя! Цыплячья мать наказывала: долго не держи, скорей приноси, а то сердце очень заломит, терпеть не могу, сказал.

Вот через несколько времени:

– Дело-то я начал, – Федор говорит, – надо суметь и кончить, – сам себе думает. – Ведь всем был хорош обед, а приходится одному делать ответ, чтобы не быть Федору перед барыней негодяем.

Вот Федор своим дружкам и говорит:

– Вот вы, ребята, пили, ели, теперь меня пожалейте и сберегите. Вот вы теперь, ночью баню зажгите, и меня с гнезда стащите, и из бани вытащите, хотя я буду и в огонь кидаться, но меня держите за шубу, а баня шибко загорится, барыне скорей доложите.

Вот ему дружки так и сделали. Баня шибко загорелась: барыне доложили, а уж Федора из бани вытащили. И Федор кричит, как наседка:

– Клу, клу, клу!

А его дружки-слуги крепко за шубу держат. А Федор так в пламя и кидается, так и кидается, а в бане там цыплятки чикают. И барыня это все слышит.

А барыня кричит:

– Боже мой, боже мой, держите, держите клушу! Видишь, как горячо материнское сердце, сама себя не жалеет, в пламя кидается.

А его друзья все держат, не пускают.

Баня сгорела, и Федорово гнездышко сгорело.

А барыня сильно горевала и тужила. Еще раз предлагала Федору высидеть пятьдесят черных цыпленочков, да Федор не взялся. И говорит Федор:

– Ведь, барыня, очень трудно высиживать.

Барыня Федору говорит:

– Да вот ты, Федор, не похудал?

Федор говорит:

– Да, не похудал, ведь я пищу хорошую получал.

А барыня все-таки в своем слове выстояла; за труды Федору пятьдесят рублей дала, и шубу теплую тоже отдала, и отдохнуть тоже целый месяц дала. А прислуга, дружки Федора благодарили, спасибо говорили за его ловкую выдумку и за его угощение.

52. Барин и плотник

Шел плотник между двумя деревнями – Райковой и Адковой. Встретился ему барин приезжий из другой губернии и спрашивает:

– Ты, мужик, из какой деревни идешь?

– Из Райковой.

– А я куда еду?

– В Адкову.

– Ах ты, дурак! Ты – мужик, да из Райкова, а я – барин, да в Адкову!.. Слуги, взять его и всыпать ему хорошенько!

Лакей соскочил, схватил плотника и давай его бить: били сильно, а потом уехали.

«Ладно, – думает плотник, – не пройдет это тебе даром!»

Узнал мужик, где барин живет, и идет к нему; приходит. А барин любил строиться и строит мызу. Барин не узнал плотника и подрядил его мызу строить. Зовет его плотник в лес бревна выбирать. Барин пошел. Пришли. Плотник ходит по лесу, да обухом по деревьям постукивает, да ухо прикладывает.

– Ты что же это, как узнаешь?

– А ты обойми дерево, приложь ухо, и ты услышишь.

– Да у меня руки не хватают.

– Ну я тебя привяжу.

Привязал плотник барина к дереву, взял вожжи и давай дуть. Дул, дул барина, еле тот жив остался. А мужик бил да приговаривал:

– Еще тебя, сукина сына, два раза взбучу: не обижай мастерового человека!

Взял барскую коляску и уехал. Барина еле живого нашли в лесу через три дня, уж при смерти был.

Хворает барин от мужицкого угощения, а плотник переоделся так, что не узнать, и приходит лечить барина. Докладывают барину, что пришел лекарь. Барин обрадовался, а лекарь велел истопить баню. Пошли в баню. Помыл, потер лекарь барина и говорит:

– Ну, теперь надо, барин, тебя попарить; только тебе не вытерпеть, надо тебя привязать к скамье.

Барин согласился, и опять [плотник] вздул барина, да еще по голому телу хуже пришлось.

– Ну еще раз от меня тебе битому быть: не обижай мастерового человека!

Сговорился плотник с братом: велел брату прогнать мимо барского дома на барских лошадях, которых плотник угнал из

лесу. Барин увидел в окно и послал всех своих слуг в погоню. Гнали, гнали слуги, вора не догнали, а пока ездили, барин был один дома, плотник пришел к барину и еще раз поколотил его:

– Ну, барин, помни смотри, что нельзя напрасно обижать мастерового человека!

На утро барин поехал в город, увидел плотника, спрашивает:

– Мужичок, ты ведь вчерашний?

– Никак нет, мне сорок пять лет, какой я вчерашний.

53. Солдат и барин

Вышел солдат в отпуск, нанялся служить к скупому барину: в год за сто рублей. Помещик велел ему и лошадей чистить, и навоз возить, и воду таскать, и дрова рубить, и сад мести, словом, не дает ему отдыху ни на минуту, совсем измучил работой. Отслужил солдат год и просит расчета. Помещику жалко отдавать деньги, стал доставать, а сам ревмя ревет.

– О чем вы, сударь, плачете?

– Да денег жалко!

– Экой ты, барин! Ведь я тебе целый год прослужил. Если б ты мне прослужил три дня, так я б тебе отдал сто рублей и слова не сказал.

«Три дня немного», – думает барин. Пошел советоваться с барыней. Она говорит:

– Что же, отслужи три дня!

А сама думает: «Ведь не мне служить, а мужу, ему – не мне плохо будет». Барин согласился.

Солдат поужинал, лег спать в сарае, разулся, один сапог забросил в один угол в сено, другой – в другой угол. Поутру проснулся, кричит: «Эй!». Помещик входит.

– Подавай сапоги, я хочу одеваться!

Помещик хвать – сапогов нету, и запорол горячку, спрашивает солдата:

– Где твои сапоги?

– Ах ты,.. каналья, ты у барина спрашиваешь о сапогах? Верно и не чистил их! – да хвать его по уху, да по другому.

Барин туда-сюда, насилу один сапог отыскал, а другого нет.

– Подайте палок! – закричал солдат и давай дуть помещика. До того промял, что он не рад и деньгам.

– Не хочу, – говорит, – тебе служить, возьми свои деньги, черт с тобой!

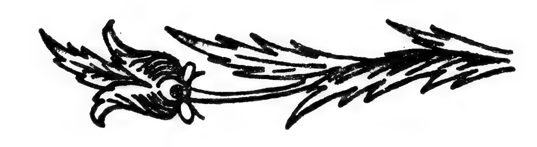

54. Солдат и черт

Стоял солдат на часах, и захотелось ему на родине побывать. «Хоть бы, – говорит, – черт меня туды снес!». А он и тут как тут. «Ты, – говорит, – меня звал?» – «Звал». «Изволь, – говорит, – давай в обмен душу!» – «А как же я службу брошу, как с часов сойду?» – «Да я за тебя постою».

Решили так, что солдат год на родине проживет, а черт все время прослужит на службе. «Ну, скидавай!». Солдат все с себя скинул и не успел опомниться, как дома очутился.

А черт на часах стоит. Подходит генерал и видит, что все у него по форме, одно нет: не крест-накрест ремни на груди, и все на одном плече. «Это что?». Черт – и так и сяк, не может надеть. Тот его в зубы, а после – порку. И пороли черта каждый день. Так – хороший солдат всем, а ремни все на одном плече. «Что с этим солдатом, – говорит начальство, – сделалось? Никуда теперь не годится, а прежде все бывало в исправности». Пороли черта весь год. Изошел год, приходит солдат сменять черта. Тот и про душу забыл: как завидел, все с себя долой. «Ну вас, – говорит, – с вашей и службой-то солдатской! Как это вы терпите?». И убежал.

55. Солдатская загадка

Шли солдаты прохожие, остановились у старушки на отдых. Попросили они попить да поесть, а старуха отзывается: «Детоньки, чем же я вас буду потчевать? У меня ничего нету». А у ней в печи был вареный петух – в горшке, под сковородой. Солдаты это дело смекнули; один – вороватый был! – вышел на двор, раздергал воз со снопами, воротился в избу и говорит: «Бабушка, а бабушка! Посмотри-ка, скот-ат у тебя хлеб ест». Старуха на двор, а солдаты тем времечком заглянули в печь, вынули из горшка петуха, наместо его положили туда ошмёток, а петуха в суму спрятали. Пришла старуха: «Детоньки, миленьки! Не вы ли скота-то пустили? Почто же, детоньки, пакостите? Не надо,

миленьки!» Солдаты помолчали-помолчали да опять попросили: «Дай же, бабушка, поесть нам!». – «Возьмите, детоньки, кваску да хлебца; будет с вас!».

И вздумала старуха похвалиться, что провела их, и загануда им загадку: «А что, детоньки, вы люди-то бывалые, всего видали; скажите-ка мне: ныне в Пенском, Черепенском, под Сковородным, здравствует ли Курухан Куруханович?» – «Нет, бабушка!» – «А кто же, детоньки, вместо его?» – «Да Липан Липанович». – «А где же Курухан Куруханович?» – «Да в Сумин город переведен, бабушка». После того ушли солдаты. Приезжает сын с поля, просит есть у старухи, а она ему: «Поди-ка, сынок! Были у меня солдаты да просили закусить, а я им, дитятко, заганула загадочку про петуха, что у меня в печи; они не сумели отгадать-то». «Да какую ты, матушка, заганула им загадку?» – «А вот какую: в Пенском, Черепенском, под Сковородным, здравствует ли Курухан Куруханович? Они не отганули. «Нет, бают, бабушка!» – «Где же он, родимые?» – «Да в Сумин город переведен». А того и не знают, курвины дети, что̀ у меня в горшке-то есть! Заглянула в печь, ан петух-то улетел; только лапоть вытащила. Ахти, дитятко, обманули меня проклятые!» – «То-то, матушка! Солдата не проведешь, он – человек бывалый».

56. ⟨Кашица из топора⟩

Пришел солдат с походу на квартиру и говорит хозяйке: «Здравствуй, божья старушка! Дай-ка мне чего-нибудь поесть». А старуха в ответ: «Вот там на гвоздике повесь». – «Аль ты совсем глуха, что не чуешь?» – «Где хошь, там и заночуешь». – «Ах ты, старая ведьма, я те глухоту-то вылечу!» И полез было с кулаками: «Подавай на стол!» – «Да нечего, родимый!» – «Вари кашицу!» – «Да не из чего, родимый!» – «Давай топор; я из топора сварю». – «Что за диво! – думает баба. – Дай посмотрю, как из топора солдат кашицу сварит». Принесла ему топор; солдат взял, положил его в горшок, налил воды и давай варить. Варил, варил, попробовал и говорит: «Всем бы кашица взяла, только б малую толику круп подсыпать!» Баба принесла ему круп. Опять варил, варил, попробовал и говорит: «Совсем бы готово, только б маслом сдобрить!» Баба принесла ему масла. Солдат сварил кашицу: «Ну, старуха, теперь подавай хлеба да соли, да принимайся за ложку; станем кашицу есть». Похлебали вдвоем кашицу. Старуха спрашивает: «Служивый! Когда же топор будем

есть?» – «Да вишь, он еще не уварился, – отвечал солдат, – где-нибудь на дороге доварю да позавтракаю». Тотчас припрятал топор в ранец, распростился с хозяйкою и пошел в иную деревню. Вот так-то солдат и кашицы поел и топор унес!

57. Мудрая дева

Помер старик со старухою, оставался у них сын сирота. Взял его к себе дядя и заставил овец пасти. Ни много, ни мало прошло времени, призывает дядя племянника, хочет попытать у него ума-разума и говорит ему: «Вот тебе сотня баранов, гони их на ярмонку да продай с барышом, чтобы и сам был сыт, и бараны были целы, и деньги сполна выручены». Что тут делать! Заплакал бедняга и погнал баранов в чистое поле; выгнал, сел на дороге и задумался о своем горе. Идет мимо де́вица: «О чем слезы льешь, добрый мо́лодец?» – «Как же мне не плакать? Нет у меня ни отца, ни матери; один дядя, и тот обижает!» – «Какую ж обиду он тебе делает?» – «Да вот послал на ярмонку, велел баранами торговать, да так, чтобы и сам был сыт, и бараны были целы, и деньги сполна выручены». – «Ну, это хитрость не великая! Найми-ка ты баб да остриги баранов, а волну отнеси на ярмонку и продай, после возьми всех баранов выложи (охолости) да яйца съешь; вот у тебя и деньги, и бараны в целости, и сам сыт будешь!». Парень так и сделал; продал волну, пригнал стадо домой и отдает дяде вырученные деньги. «Хорошо, – говорит дядя племяннику, – только ведь ты не своим разумом вздумал это? Чай, тебя научил кто-нибудь?» Парень признался: «Шла, – говорит, – мимо де́вица, она научила».

Дядя тотчас приказал закладывать лошадь: «Поедем, станем сватать ту де́вицу». Вот и поехали. Приезжают прямо на двор, спрашивают: куда лошадь девать? «Привяжите до зимы аль до лета!» – говорит им де́вица. Дядя с племянником думали, думали, не знают, за что привязать; стали у ней спрашивать: до какой зимы, до какого лета? «Эх вы, недогадливые! Привяжите к саням, а не то к телеге». Привязали они лошадь, вошли в избу, помолились богу и сели на лавочку. Спрашивает ее дядя: «Ты с кем живешь, де́вица?» – «С батюшкой». – «Где ж твой отец?» – «Уехал сто рублей на пятнадцать копеек менять». – «А когда назад воротится?» – «Если кругом поедет – к вечеру будет, а если прямо поедет – и через три дня не бывать!» – «Что ж это за диво такое? – спрашивает дядя. – Неужто и вправду отец твой поехал сто рублей на пятнадцать копеек менять?» – «А то нет? Он поехал

зайцев травить; зайца-то затравит – всего пятнадцать копеек заработает, а лошадь загонит – сто рублей потеряет». – «А что значит: ежели он прямо поедет – и в три дня не прибудет, а ежели кругом – к вечеру будет?» – «А то значит, что прямо болотом ехать, а кругом дорогою!» Удивился дядя уму-разуму дѐвицы и сосватал ее за своего племянника.

58. ⟨Как мужик гусей делил⟩

Жил-был бедный мужик; детей много, а добра – всего один гусь. Долго берег он этого гуся, да голод не тетка; до того дошло, что есть нечего: вот мужик и зарезал гуся; зарезал, зажарил и на стол поставил. Все бы хорошо, да хлеба нет, а соли не бывало. Говорит хозяин своей жене: «Как станем мы есть без хлеба, без соли? Лучше я отнесу гуся-то к барину на поклон да попрошу у него хлеба». «Ну что ж, с богом!». Приходит к барину: «Принес вашей милости гуска на поклон; чем богат, тем и рад. Не побрезгуй, родимый!» – «Спасибо, мужичок, спасибо! Раздели же ты гуся промеж нас без обиды!» А у того барина была жена, да два сына, да две дочери – всего было шестеро. Подали мужику нож; стал он кроить, гуся делить. Отрезал голову и дает барину: «Ты, – говорит, – всему в доме голова, так тебе голова и следует». Отрезал гузку, дает барыне: «Тебе дома сидеть, за домом смотреть; вот тебе гузка!» Отрезал ноги, дает сыновьям: «А вам по ножке, топтать отцовские дорожки!» Дочерям дал по крылышку: «Вам с отцом, с матерью недолго жить; вырастете – прочь улетите. А я, – говорит, – мужик глуп, мне глодать хлуп!» Так всего гуся и выгадал себе. Барин засмеялся, напоил мужика вином, наградил хлебом и отпустил домой.

Услыхал про то богатый мужик, позавидовал бедному, взял – зажарил целых пять гусей и понес к барину. «Что тебе, мужичок?» – спрашивает барин. «Да вот принес вашей милости на поклон пять гуськов». – «Спасибо, братец! Ну-ка раздели промеж нас без обиды». Мужик и так и сяк; нет, не разделишь поровну! Стоит да в затылке почесывает. Послал барин за бедным мужиком, велел ему делить. Тот взял одного гуся, отдал барину с барыней и говорит: «Вы теперь, сударь, сам-третей!» Отдал другого гуся двум сыновьям, а третьего – двум дочерям: «И вы теперь сам-третей!» Остальную пару гусей взял себе: «Вот и я сам-третей!» Барин говорит: «Вот молодец, так молодец! Сумел поровну разделить и себя не забыл». Тут наградил он бедного мужика своею казною, а богатого выгнал вон.

59. Шемякин суд

В некоторых палестинах два брата живяше: един богатый, а другой — убогий. Прииде убогий брат к богатому лошади просити, на чем бы ему в лес по дрова съездить. Богатый даде ему лошадь. Убогий же нача и хомута прошати; богатый же вознегодовал на брата и не даде ему хомута. Убогий же брат умысли себе привязать дровни лошади за хвост, и поехал в лес по дрова, и насек воз велик, елико сила лошади может везти, и приехал ко двору своему, и отворил вороты, а подворотню забыл выставить. Лошадь же бросилась чрез подворотню и оторвала у себя хвост. Брат же убогий к богатому приведе лошадь без хвоста; богатый же виде лошадь без хвоста, не принял у него лошади и поиде на убогого бити челом к Шемяке-судье. Убогий, ведая, что пришла беда его — будет по него посылка, а у голого давно смечено, что хоженого дать будет нечего, поиде вслед брата своего.

И придоша оба брата к богатому мужику на ночлег. Мужик нача с богатым братом пити и ясти и веселиться, а убогого пригласить не хотяху к себе. Убогий же вниде на полати, поглядывая на них, и внезапу упал с полатей и задавил ребенка в люльке до смерти. Мужик же поиде к Шемяке-судье на убогого бити челом.

Идущим им ко граду купно (богатый брат и оный мужик, убогий же за ними идяще), прилучися им идти высоким мостом. Убогий разуме, что не быть ему живому от судьи Шемяки, и бросился с мосту: хотел ушибиться до смерти. Под мостом сын вез отца хворого в баню, и он попал к нему в сани и задавил его до смерти. Сын же поиде бить челом к судье Шемяке, что отца его ушиб.

Богатый брат прииде к Шемяке-судье бити челом на брата, како у лошади хвост выдернул. Убогий же подня́ камень, и завязал в плат, и кажет позади брата, и то помышляет: аще судья не по мне станет судить, то я его ушибу до смерти. Судья же, чая — сто рублев дает от дела, приказал богатому отдать лошадь убогому, пока у нее хвост вырастет.

Потом прииде мужик, подаде челобитну в убийстве младенца и нача бити челом. Убогий вынув тот же камень и показа судье позади мужика. Судья же, чая — другое сто рублев дает от другого дела, приказал мужику отдать убогому жену по тех мест, пока у ней ребенок родится: «И ты в тѐ поры возьми к себе жену и с ребенком назад».

Прииде сын об отце бить челом, како задавил отца его до смерти, и подаде челобитну на убогого. Убогий же, вынув тот же камень, кажет судье. Судья, чая — сто рублев дает от дела, приказал сыну стать на мосту: А ты, убогий, стань под мостом, и ты, сын, так же соскочи с мосту на убогого и задави его до смерти».

Судья Шемяка выслал слугу к убогому прошать денег триста рублев. Убогий же показа камень и рече: «Аще бы судья не по мне судил, и я хотел его ушибить до смерти». Слуга же прииде к судье и сказа про убогого: «Аще бы ты не по нем судил, и он хотел тебя этим камнем ушибить до смерти». Судья нача́ креститися: «Слава богу, что я по нем судил!».

Прииде убогий брат к богатому по судейскому приказу лошади прошать без хвоста, пока у ней хвост вырастет. Богатый же не восхоте лошади дати, даде ему денег пять рублев да три четверти хлеба, да козу дойную, и помирися с ним вечно.

Прииде убогий брат к мужику и нача по судейскому приказу жену прошати по тех мест, пока ребенок родится. Мужик же нача́ с убогим мирится и даде убогому пятьдесят рублев, да корову с теленком, да кобылу с жеребенком, да четыре четверти хлеба, и помирися с ним вечно.

Прииде убогий к сыну за отцово убийство и нача ему говорить, что «по судейскому прика́зу тебе стать на мосту, а мне под мостом, и ты бросайся на меня и задави меня до смерти». Сын же нача́ помышляти себе: «Как скочу с мосту, его не задавишь, а сам ушибуся до смерти!» и нача с убогим миритися, даде ему денег двести рублев, да лошадь, да пять четвертей хлеба — и помирися с ним вечно.

60. Похороны козла

Жили старик со старухою; не было у них ни одного детища, только и было, что козел; тут все и животы! Старик никакого мастерства не знал, плел одни лапти — только тем и питался. Привык козел к старику; бывало, куда старик не пойдет из дому, козел бежит за ним из дому. Вот однажды случилось итти старику в лес за лыками, и козел за ним побежал. Пришли в лес; старик начал лыки драть, а козел бродит там и сям и травку щиплет; щипал, щипал, да вдруг передними ногами и провалился в рыхлую землю, зачал рыться и вырыл оттедова котелок с золотом. Видит старик, что козел гребет землю, подошел к нему и увидел золото;

несказанно возрадовался, побросал свои лыки, подобрал деньги — и домой. Рассказал об всем старухе.

— Ну, старик! — говорит старуха, — это нам бог дал такой клад на старость за то, что столько лет с тобой потрудились в бедности. А теперь поживем в свое удовольствие.

— Нет, старуха! — отвечал ей старик, — эти деньги нашлись не нашим счастьем, а козловым; теперича нам жалеть и беречь козла пуще себя!

С тех пор зачали они жалеть и беречь козла пуще себя, зачали за ним ухаживать, да и сами-то поправились — лучше быть нельзя. Старик позабыл, как и лапти-то плетут; живут себе — поживают, никакого горя не знают. Вот через некоторое время козел захворал и издох. Стал старик советоваться со старухою, что делать:

— Коли выбросить козла собакам, так нам за это будет перед богом и людьми грешно, потому что все счастье наше мы через козла получили. А лучше пойду я к попу и попрошу его похоронить козла по-христиански, как и других покойников хоронят.

Собрался старик, пришел к попу и кланяется:

— Здравствуй, батюшка!

— Здорово, свет! Что скажешь?

— А вот, батюшка, пришел к твоей милости с просьбою, у меня на дому случилось большое несчастье: козел помер. Пришел звать тебя на похороны.

Как услышал поп такие речи, крепко рассердился, схватил старика за бороду и ну таскать по избе.

— Ах ты, окаянный! Что выдумал! — вонючего козла хоронить.

— Так ведь этот козел, батюшка, был совсем-таки православный; он отказал тебе двести рублей.

— Послушай, старый хрен! — сказал поп, — я тебя не за то бью, что зовешь козла хоронить, а зачем ты по сю пору не дал мне знать о его кончине: может, он у тебя давно уж помер.

Взял поп с мужика двести рублей и говорит:

— Ну, ступай же скорее к отцу-дьякону, скажи, чтоб приготовлялся; сейчас пойдем козла хоронить.

Приходит старик к дьякону и просит:

— Потрудись, отец-дьякон, приходи ко мне в дом на вынос.

— А кто у тебя помер?

— Да вы знавали моего козла, он-то и помер!

Как зачал дьякон хлестать его с уха на ухо!

— Не бей меня, отец-дьякон! — говорит старик. — Ведь козел-то был, почитай, совсем православный; как умирал, тебе сто рублей отказал на погребение.

— Эка ты стар да глуп! — сказал дьякон, — что ж ты давно не известил меня о его православной кончине; ступай скорей к дьячку; пущай позвонит по козловой душе!

Прибегает старик к дьячку и просит:

— Ступай, прозвони по козловой душе.

И дьячок рассердился, начал старика за бороду трепать.

Старик кричит:

— Отпусти, пожалуй, ведь козел-то был православный, он тебе за похороны пятьдесят рублей отказал.

— Что же ты до этих пор копаешься! Надобно было пораньше сказать мне; следовало бы давно уж прозвонить!

Тотчас бросился дьячок на колокольню и начал валять во все колокола. Пришли к старику поп и дьякон и стали похороны отправлять; положили козла в гроб, отнесли на кладбище и закопали в могилу.

Вот стали про то дело говорить промеж себя прихожане, и дошло до архиерея, что-де поп козла похоронил по-христиански. Потребовал архиерей к себе на расправу старика с попом:

— Как вы смели похоронить козла? Ах вы безбожники!

— Да, ведь этот козел,— говорит старик,— совсем был не такой, как другие козлы; он перед смертью отказал вашему преосвященству тысячу рублей.

— Эка ты глупый старик! Я не за то сужу тебя, что козла похоронил, а зачем ты его заживо маслом не соборовал!..

Взял тысячу и отпустил старика и попа по домам.

61. Как поп работников морил

Вот в некотором царстве, в некотором государстве, именно в том, в каком живем мы, жил один мужик. У него было три сына — два умных, а третий дурак. Жили очень бедно. Отец посылает сыновей: — Идите хоть один в работники: дома делать нечего!

Сыновья собрались; ни тому, ни другому неохота итти в работники; вздумали жребий кинуть — кому итти в работники. Кинули жребий, досталось большаку-брату итти в работники. Большак-брат справился и отправился в путь-дорожку.

Поступил в работники к попу. Тот его почти ничем не кормил, проморил зиму. Ушел большак.

На другой год отправился к попу средний брат и тоже чуть с голоду не помер.

Настала очередь меньшому брату итти, Ивану-дураку. Вот он снарядился и отправился в путь-дорогу. Вышел — попадает поп стречу ему.

— Далеко ли, добрый человек, идешь? — спрашивает поп.
— Иду себе места искать, — говорит.
— Ну, наймись ко мне в работники.
— Найми, — говорит.
— Сколько дашь?
— Сто рублей дам, — говорит, — за зиму.
— Ну, а сто рублей дашь, я и жить буду, — говорит.
— Ну, станешь, дак садись в сани и поедем со мной.

Сели в сани и поехали к попу. Приехали к попу. Поп чаем напоил, ужином накормил.

— Ложись спать, — говорит. — Утром ехать за сеном.

Утром поп будит с полночи работника.

— Вставай, надо ехать!

Сам чаю напился, отзавтракал, а работника не кормит на дорогу. Работник запряг пару лошадей.

— Ну, садись, батька, поедем, — говорит.

Сели и поехали. Выехали на поле.

— Батька, — говорит, — я веревки забыл. Нечем сено завязать.
— Экой ты чудак! Еще хорошо — скоро вспомнил. Беги, я подожду.

Иван-дурак прибежал к попадье.

— Матка, давай скорей белорыбник и бутылку вина. Поп велел дать.

Попадья сейчас подала. Работник побежал.

— На веревки, батька. Теперь есть чем сено вязать!

Верст сорок проехали. Наклали они возы, завязали. Поехали домой — сумерилось, а еще верст сорок ехать домой. Иван-дурак выпивает на возу из бутылки и белорыбником закусывает. Поп и говорит Ивану-дураку:

— Ваня, гляди. Есть дорога направо, как бы туда лошадь не сбрела. А я дремлю.
— Ладно, батька, поезжай. Я усмотрю эту дорогу.

Ваня идет и смотрит эту дорогу. Увидал эту дорогу, скочил с воза и отвел лошадей в сторону по той дороге, по которой не надо было ехать. Проехали они по этой дороге верст пятнадцать. Потом поп проснулся. Осмотрел место. Видит, что в сторону едут неладно.

— Ваня, ведь мы неладно едем!
— А я, — говорит, — почем знаю, ладно или неладно. Ведь ты впереди едешь, а я за тобой.
— Экой, Ваня. Как я наказывал, что посмотри, дорога направо будет, а ты и заехал.
— Ишь, сам впереди, а я и заехал!
— Ну, стало быть, Ваня, делать нечего. Надо ехать по этой дороге. Должна тут быть деревня недалеко, нужно нам в ней ночевать.

Так поехали дальше продолжать. Приезжают они в одну деревню. Поп посылает работника:

— Пойди, просись ночевать вот у такого-то мужика.

Работник побежал к дверям. Видит, двери заперты. Сейчас же вышла большуха, двери отворила. Работник вошел и просит хозяина:

— Пусти нас с попом, пожалуйста, ночевать.

— Милости просим,— говорит,— ночуйте.

— Да, пожалуйста, я вас прошу, попа ужином не кормите: накормите, он еще больше ошалеет. Примолвите так, а садить — не садите более, а если посадите, так не взыщите, если ошалевать будет.

— Ну, ладно.

Работник лошадей выпряг, поставил к возам. Вошли в избу, разделись поп и работник.

— Поужинать не хотите ли, батюшка?

Поп на ответ ничего не подает, а работник свернулся, да и за стол. Работник отужинал, как ему надо, а попу сесть неловко: только примолвили, а больше не садят; а есть очень хочется. Так работник отужинал, полез на полати, и поп за ним. Работник захрапел, а попу не спится. Работника тычет под бока.

— Работник, ведь я есть хочу!

— Ох, мать твою, косматый леший! Садили тебя есть, не садился. Ведь не дома, где попадья за руки садит. Поди, я видел у большухи горшок каши стоит, пойди ешь.

Поп сошел с полатей, разыскал горшок в сошке.

— Работник,— говорит,— чем я кашу есть буду? Ложки мне не найти,— говорит.— А ты, черт косматый, навязался. Есть ему дал, и то спокою не дает. Засучи руки и ешь так!

Поп загнал туда руки и обжег,— а там не каша была, а вар. Вот он и забегал с горшком опять.

— Работник, ведь мне рук не вынуть.

Работник и говорит:

— Ишь, лешего косматого навязало на меня. Всю ночь спокоя не даешь со своей кашей.

Была месячная ночь значит.

— Вон,— говорит,— у порога точило лежит, бракни горшком об него и вынешь руки-то.

Поп разбежался, да как хряснет об это точило. А это лежало не точило, а хозяин лысый спал. Поп об его лысину и ударил. Хозяин завопил, а поп вскочил да из избы вон: испугался. Тогда все хозяева вскочили за огнем. Хозяин кричит чего-то, работник кричит:

— Куда поп девался?

Не знаю, что и делалось здесь!

Хозяева за работника:

— Зачем старика убили?

А работник за хозяев: — Куда попа дели? Давайте попа! А нет, сейчас схожу за десятским: деревню собери! Где хотите, давайте попа!

Потом хозяева одумались.

— Куда поп девался?

— Давайте, — говорит работник, — триста рублей, все дело замну, а нет — к десятскому пойду!

Хозяева мялись, мялись, дали триста рублей.

— Только не сказывай, что случилось.

Так работник запряг лошадей и поехал с сеном домой. Попа нет, значит. Проезжает деревню, стоит поп у пелевнюшки; стоит, из-за угла выглядывает, видит, что работник едет с сеном. Поп и спрашивает:

— Аль ты, Ваня, едешь-то!

— Я, — говорит, — косматый плут! Ужо в остроге будешь сидеть! Убил хозяина!

— Неужели его до смерти я, Ваня, убил?

— Да, быть, до смерти! Сейчас ладят за урядником ехать, протокол составлять.

— Не можешь ли, Ваня, как-нибудь это дело замять?

— Триста рублей давай, так замну, а нет, — так в остроге сидеть будешь.

Так поп согласился триста рублей работнику заплатить, только бы замял это дело. Работник вернулся в деревню, постоял за углом немножко и идет назад.

— Поезжай, батько. Теперь ничего не будет. Поедем назад.

Приехали домой. Поп сделался такой добрый, стал работников жалеть. Как сам садится чай пить, так и работника садит. Ваня прожил зиму, семьсот рублей денег получил, заместо сотни. Приходит домой к отцу и говорит:

— Вот, тятька, на деньги! Гляди, сколько заработал. Не как твои два умные сына!

После этого стали жить-поживать и добра наживать. И теперь живут хорошо.

ПРЕДАНИЯ, ЛЕГЕНДЫ, БЫЛИЧКИ.

Значительное место среди прозаических жанров народнопоэтического творчества занимают легенды, былички и предания. Возникавшие в разные исторические периоды, в той или иной мере связанные с жизнью человека минувших эпох, они издавна вызывали неослабный интерес широких народных масс.

Легенды и предания в яркой устнопоэтической форме рассказывают о больших и малых делах наших предков, дают возможность ощутить всю прелесть художественного творчества народа. В них нашли своеобразное отображение всевозможные факты чрезвычайно сложной истории Руси, различные стороны общественно-социальной жизни, психологии и многовекового бытия людей труда. Этим жанрам присуще не только сходство сюжетов и образов, но и неизменное стремление к достоверности. В отличие от сказки, ориентирующей читателя и слушателя на волшебное содержание, легенды, былички и предания выдают нередко фантастическое повествование за реальное.

При всей близости сюжетов и образов, что нередко является причиной смешения легенд и преданий в учебной и научной литературе, эти жанры народнопоэтического творчества следует разграничивать.

К **преданиям**[1] относятся сюжетные устнопоэтические эпические повествования в прозе, которые, с известной долей вымысла и смешением фактов и событий, рассказывают о давно минувших, но реальных делах и исторических лицах или объясняют происхождение географических и топонимических названий.

Истоки преданий часто уходят в глубь минувших столетий, в основе их нередко лежат рассказы свидетелей тех или иных событий, а также лиц, якобы слышавших о сообщаемом непосредственно от очевидцев. Именно поэтому факты, приводимые в преданиях, несмотря на явный художественный вымысел, встречающийся в отдельных произведениях, истолковываются рассказчиками как достоверные. Данное обстоятельство, очевидно, стало одной из причин того, что отдельные исследователи, вплоть до наших дней, считают определяющей для преданий познавательную функцию. Акцентируя внимание на познавательном значении произведений рассматриваемого жанра, эти фольклористы, как и ученые прошлого, недооценивают художественную сторону преданий, относясь к ней как к второстепенному источнику. Между тем эстетическая функция представляет собой одну из жанровых особенностей произведений данной фольклорной разновидности.

Наряду с неизменным стремлением к достоверности, следует отметить постоянное обращение преданий к историческому материалу (указания на факты и известных лиц, живших в прошлом), а также тяготение к объяснению событий, чем, по сути дела, и продиктовано появление того или иного произведения этого жанра, содержащего обычно разъяснения какого-либо факта, происшедшего с кем-то из исторических лиц или знакомящего с происхождением какого-то названия.

Непосредственное обращение преданий к социально-общественным и семейно-бытовым проблемам минувшего сближает их с такими жанрами народнопоэтического творчества, как легенды, былички, сказки, сказы, устные рассказы

---

[1] Из работ о преданиях, появившихся в последнее время, см.: *Аникин В. П.* Художественное творчество в жанрах несказочной прозы (к общей постановке проблемы). – «Русский фольклор», т. 13, 1972; *Азбелев С. Н.* Отношение предания, легенды и сказки к действительности (с точки зрения разграничения жанров). – В кн.: Славянский фольклор и историческая действительность. М., 1965; *Кругляшова В. П.* Жанры несказочной прозы уральского горнозаводского фольклора. Свердловск, 1974; *Лазарев А. И.* Предания уральских рабочих как художественное явление. Свердловск, 1970; *Соколова В. К.* О некоторых типах исторических преданий (к проблеме жанрового своеобразия). – В кн.: История, культура, фольклор и этнография славянских народов. VI Международный съезд славистов. М., 1968; *ее же.* Русские исторические предания. М., 1970; *ее же.* Типы восточнославянских топонимических преданий. – В кн.: Славянский фольклор. М., 1972; *Чистов К. В.* К вопросу о принципах классификации жанров устной народной прозы. М., 1964; *его же.* О сюжетном составе русских народных преданий и легенд. – В кн.: История, культура, фольклор и этнография славянских народов. VI Международный съезд славистов. М., 1968.

и исторические песни. Но в преданиях всегда четко выражена устоявшаяся ориентация на историзм и реальность изложения материала, чем они существенно отличаются от сказок, даже нередко встречающийся в них вымысел предназначен для объяснения событий, которые происходили в действительности. Как известно, назначение вымысла в сказке иное: он является художественной условностью, характерной только для произведений данного жанра. Отличие преданий от сказок состоит также и в том, что им присуще стремление к точному указанию времени, места действия, имен участников описываемого события. Персонажи преданий – реальные лица; в этих произведениях почти отсутствуют сверхъестественные существа и представители волшебного и животного мира. В отличие от сказок сюжеты преданий складываются не из ряда эпизодов, а всего из одного, обычно наиболее примечательного. Наконец, предания не имеют устойчивой формы композиционного построения, традиционных «общих мест», постоянных формулировок, зачинов, концовок и им не свойственна та особая манера изложения, которая столь характерна для сказочного жанра.

Так же, как сказы и устные рассказы, предания освещают наиболее яркие события минувшего, но, преимущественно обращаясь к далекому прошлому, они отражают его с точки зрения рассказчика эпохи, более близкой к нашей. А в сказах, особенно в устных рассказах, речь идет о сравнительно недавних фактах, их исполнитель нередко очевидец или непосредственный участник того, о чем он сообщает. Отличительная черта преданий и в том, что сюжеты их распространены в значительном количестве вариантов; сказы и устные рассказы имеют ограниченное число вариантов, причем отдельные мемораты живут лишь в устах очевидца-повествователя.

Разнообразная историческая тематика, а также постоянная тяга не только к локальной, но и к «хронологической и персональной приуроченности» [1] сближает предания с историческими песнями. Однако между ними есть и существенные различия. Основное из них в том, что предания являются прозаическим жанром фольклора, а исторические песни – стихотворным. Данное обстоятельство накладывает свой отпечаток как на форму изложения исторического материала, так и на степень отражения тех или иных событий.

Русские народные предания неоднородны как по тематике, так и по осмыслению основных событий и фактов прошлого. Впервые обратившийся к систематизации преданий еще в 20-х годах XX века, Н. П. Андреев все произведения несказочной прозы почти не разграничивает на отдельные жанры; в приложении к «Указателю сказочных сюжетов» он лишь особо выделяет «исторические и местные предания» [2]. Такой же классификации исследователь придерживался и в предвоенные годы [3].

Рассматривая предания в тот же период, А. И. Никифоров подразделял их на: мифические, повествовавшие о боге, святых, нечистой силе и т. п.; натуралистические, рассказывавшие о происхождении флоры и фауны, а также о фантастических животных; исторические, которые содержали материалы собственно исторического, топонимического и этнографического характера [4].

В 30-х годах Ю. М. Соколов делает попытки классифицировать предания в работе «Русский фольклор». Обращаясь к содержанию преданий, он выделяет произведения, связанные с: каким-нибудь местом, селением, урочищем, водоемом, ландшафтом; кладами, разбойниками, иноземными завоевателями, первооткрывателями новых земель; потонувшими городами, церквами, колоколами, таинственными явлениями и, наконец, с определенными историческими лицами [5].

---

[1] *Чистов К. В.* Прозаические жанры в системе фольклора. – В кн.: Прозаические жанры фольклора народов СССР. Минск, 1974, с. 23.

[2] *Андреев Н. П.* Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне, с. 117.

[3] См.: Русский фольклор. Хрестоматия. Составитель *Н. П. Андреев.* М. – Л., 1938, с. 131, 281.

[4] См.: *Никифоров А. И.* Предания. – «Литературная энциклопедия», т. 9. М., 1939, с. 238 – 239.

[5] См. в кн.: *Соколов Ю. М.* Русский фольклор, с. 343.

Позднее, в 40-е годы, Т. М. Акимова, как бы перекликаясь в своей классификации преданий с Н. П. Андреевым, подразделила произведения данного жанра на исторические и местные предания. Касаясь этих разновидностей, она писала: «В разряд исторических преданий следует отнести рассказы об исторически значительных событиях жизни народа. К местным преданиям... надо относить повествования о городах и селениях, их названии, их основании, их выдающихся героях»[1].

В 1960 году Л. Е. Элиасов, говоря о жанровой классификации преданий, писал о необходимости «сгруппировать их по своей художественной форме, в которую они облекаются, отражая различные стороны действительности»[2]. На основании этого он отмечал их близость к различным жанрам фольклора и выделял предания: со сказочными мотивами; с элементами мотивов из легенд; сходные по форме со сказами, устными рассказами или анекдотами; с использованием стилистических особенностей былин и исторических песен.

Придерживаясь тематического признака классификации преданий, С. Н. Азбелев[3] и В. Е. Гусев[4] в 60-х годах подразделяли произведения рассматриваемого жанра на такие виды, как исторические, топонимические, героические, бытовые и т. п. Причем В. Е. Гусев историческими считает предания о событиях, а героическими — предания о лицах.

Свое несогласие с подобным делением выразила В. К. Соколова. В книге «Русские исторические предания» она писала, что исторические и героические предания трудно разграничить: «...не понятно, почему историческими собственно считают только предания о событиях, а не о лицах, и отнюдь не всегда предания о лицах героические, тогда как предания о событиях часто также героические»[5]. Возражает она и против классификации Л. Е. Элиасова, который «распыляет предания по разным фольклорным жанровым категориям»[6]. В. К. Соколова, выделяя два вида преданий (исторические и легендарные), тоже допускает отмеченное ею «распыление». «Предания легендарные», по мысли В. К. Соколовой, — это «исторические легенды религиозного содержания» и «социально-утопические легенды»[7], что, как известно, полностью соответствует жанру легенды, а не предания. Классификация же собственно преданий, предложенная исследовательницей, представляет несомненный интерес благодаря всестороннему охвату произведений данного жанра. В. К. Соколова делит их на: предания, основой которых послужили действительные факты, т. е. исторические, и предания, связанные с определенными местами и объектами, т. е. топонимические. В состав первого раздела она включает предания об исторических лицах и событиях, происшедших где-то, а также о людях, принимавших участие в исторических событиях или встречавшихся с историческими деятелями. Второй раздел содержит предания о возникновении селений, церквей и о местах, связанных с историческими событиями, а вместе с тем — о происхождении их названий[8].

К. В. Чистов, «суммарно» назвав преданиями устные рассказы о давнем прошлом без участия сверхъестественной силы, предложил дифференцировать их «на разновидности при помощи эпитетов — исторические, космогонические, этнонимические, зоогонические, топонимические, «ландшафтогонические» (о происхождении ландшафта) и т. д.»[9]. При такой поистине всеобъемлющей классификации, безусловно, учитываются все разновидности преданий, но для практической

---

[1] *Акимова Т. М.* Семинарий по народному поэтическому творчеству. Саратов, 1959, с. 138.

[2] *Элиасов Л. Е.* Русский фольклор Восточной Сибири, ч. 2. Улан-Удэ, 1960, с. 27.

[3] См.: *Азбелев С. Н.* Отношение предания, легенды и сказки к действительности (с точки зрения разграничения жанров), с. 6.

[4] См.: *Гусев В. Е.* Эстетика фольклора, с. 122—123.

[5] *Соколова В. К.* Русские исторические предания, с. 249.

[6] Там же, с. 251.

[7] Там же, с. 273.

[8] См. там же.

[9] *Чистов К. В.* Прозаические жанры в системе фольклора, с. 23.

работы с произведениями этого жанра на современном этапе более приемлемо предложенное К. В. Соколовой деление преданий на «два раздела» – исторические и топонимические.

Как уже отмечалось, первую группу преданий составляют произведения о памятных событиях истории и исторических лицах. Подобно отдельным топонимическим преданиям, многие из них возникли еще до появления на Руси письменности и непосредственно связаны с исторической действительностью далекого прошлого. Именно поэтому на них, как на авторитетный и вполне надежный материал, нередко ссылались народные рассказчики и составители ранних русских летописей. В своих произведениях они широко использовали варианты устных преданий о былых событиях и деятельности ряда исторических лиц. Так, например, летописцы обращались к древним рассказам о наиболее памятных фактах из жизни славянских и русских племен, о возникновении и расселении их родов (предания о радимичах и вятичах), об основных занятиях людей и их взаимоотношениях с соседями (предания о полянах и обрах). Особый интерес представляет большая группа исторических повествований, включенных в «Повесть временных лет». Это были предания восточнославянских племен, «бережно сохраненные на протяжении почти полутысячелетия и записанные летописцем» [1].

Среди произведений одной из первых русских летописей – предания о киевских князьях, их мирных делах и ратных походах, о подвигах известных и безымянных героев, стойко сражавшихся с иноземными завоевателями на поле брани или пересиливавших злого и коварного врага незаурядным умом и смекалкой. В преданиях об исторических лицах прежде всего следует отметить имена: Олега («Предание о походе Олега» и «Предание о смерти Олега»), Ольги («Предание о смерти Игоря и мести Ольги»), Владимира («Предание о сватовстве Владимира к Рогнеде» и «Предание о походе Владимира и Добрыни на болгар»), юноши Кожемяки («Предание о единоборстве русского Кожемяки с печенежским воином и об основании города Переяславля»). Каждый из этих героев, воскрешающих своими деяниями историческое прошлое родной земли, наделяется рассказчиком рядом примечательных качеств, которые неизменно вызывают симпатию слушателя.

Устнопоэтический первоэлемент в преданиях той далекой поры рельефно проявляется в близкой связи повествования данного жанра с эпическим рассказом («Предание о смерти Олега»), былиной («Предание о единоборстве русского Кожемяки...») или другими жанрами [2]; в рассматриваемой группе исторических преданий изображение основных образов осуществляется с помощью тех же приемов, которые широко используются в эпических произведениях русского фольклора. Вместе с тем подобные предания нередко обращаются и к художественной форме соседствующих жанров.

Исторические предания последующих эпох отразили факты освобождения Руси от татаро-монгольского владычества и дальнейшего укрепления Московского централизованного государства. Особое место принадлежит циклу преданий, связанных с именем Ивана IV. Повествования этого цикла, при определенном тематическом многообразии их, акцентируют свое внимание на образе русского царя. Причем в одних преданиях (например, в новгородских) действия Ивана Грозного не одобряются, а сам он выступает в роли деспота, который не щадит никого; в других же, как писал А. М. Горький, «Грозный царь является царем мудрым, а главное – справедливым». Объясняя причину подобной оценки Ивана IV в фольклоре, пролетарский писатель справедливо замечал: «Жестокая, кровавая борьба Грозного с боярами была воспринята народом, как борьба героическая со стороны царя» [3]. Немалую роль в укреплении авторитета Ивана IV сыграли также мероприятия (среди которых важное место занимает освобождение Казани от татарского владычества), направленные на дальнейшую централизацию и упро-

---

[1] *Лихачев Д. С.* Повесть временных лет. – В кн.: Повесть временных лет, ч. 2. М. – Л., 1950, с. 11.

[2] Подробнее об этом см. в кн.: *Хрущов И. П.* О древнерусских исторических повестях и сказаниях XI–XII столетия. Киев, 1878, с. 108.

[3] *Горький М.* История русской литературы. М., 1939, с. 108.

чение Русского государства. Исторические предания уделяют большое внимание этим событиям. Это яркие эпизоды завоевания Казанского царства («Как Иван Грозный построил крепость Свияжск и взял Казань»), незабываемые случаи, якобы имевшие место во время борьбы Ивана IV с татарами («Девичьи горы»), факты, свидетельствовавшие об отношении царя как к боярам, так и к народу, об отношении к царю жителей поволжских селений, о героизме простых воинов. Повествования об Иване Грозном нередко перекликались сюжетами и идейным смыслом с преданиями о Петре I, содержащими в своей основе значительно больше исторических деталей, чем предшествовавшие произведения рассматриваемого жанра. Они сообщают о ряде крупных событий конца XVII – начала XVIII века, о настойчивом стремлении Петра I создать достойную России армию и флот, о полководческой деятельности царя, о военных операциях. Однако, в отличие от исторических песен о той поре, предания донесли до нас лишь отдельные, зачастую не самые главные эпизоды важнейших сражений петровской эпохи (под Нарвой, Шлиссельбургом, Выборгом, Ревелем и др.). Так, в предании «Петр Первый принимает совет пушечного мастера» совершенно не раскрыты боевые события, в нем лишь говорится о «поражении войск», потере «всей артиллерии и денежной казны», далее передаются размышления монарха о том, где достать медь, и его разговор с пушечным мастером. Многие произведения этого цикла строятся подобным образом. Они напоминают анекдоты об исторических лицах. Именно таким представляется современному читателю предание «Ванька-сержант и его бывший господин».

Значительное место среди прозаических повествований о Петре I занимают предания о его встречах с людьми различных профессий и званий, раскрывающие многие стороны этого чрезвычайно колоритного образа. Петр I изображается суровым и рачительным самодержцем, который при всей своей требовательности к представителям разных сословий, особенно к духовенству, обладает замечательной способностью ценить в любом человеке трудолюбие, смекалку, умение хорошо работать. Наиболее примечательно показано отношение Петра I к мастеровым людям, у которых русский царь нередко учится ремеслу. Народ неизменно утверждает в ряде преданий, что Петр I не только уважал людей, искусно владевших ремеслом, но и стремился перенять их мастерство («О Петре Первом») и померяться умением, сноровкой с каждым из мастеров. Особенно неравнодушен Петр I к кузнечному ремеслу, причем в отдельных преданиях (например, «Про уральское железо») даже утверждалась мысль, что он «сам кузнец был», вероятно, поэтому и нередки предания о встречах царя с такого рода мастеровыми («Предание о Демидовых и демидовских заводах», «Как строился крепостной Тагил» и др.). Сохранились предания и об отношении Петра I к военным всех рангов. В них говорится о суровой требовательности царя, приводятся факты, свидетельствующие о его справедливости, преимущественно в отношении к солдатам.

Особенно много произведений этой тематики связано с именем прославленного русского полководца А. В. Суворова. Рожденные в притихшей казарме или во время нелегких и многодневных походов, предания о Суворове воскрешали в памяти каждого образ замечательного военачальника. Они повествовали о блестящих победах, одержанных русской армией под предводительством этого талантливого командующего, о его личной отваге, умении своим примером вдохновлять воинов на ратные подвиги. В преданиях о Суворове подчеркивается близость полководца к солдатской массе; его образ подкупает своей непосредственностью, доступностью, неподдельной простотой и оптимизмом. Именно таким полководец изображен в преданиях «Суворов и солдаты» и «В альпийском походе». В первом предании представлена сцена взятия суворовскими войсками Измаила, красочно рассказывается о взаимоотношениях Суворова с солдатами, раскрываются качества этого остроумного, жизнерадостного человека. Во втором предании говорится о даре предвидения и исключительно добром отношении русского фельдмаршала к швейцарским охотникам. Следует отметить, что реальные черты характера Суворова и исторические факты тех времен иногда передаются с фантастическим налетом, полководец, например, наделяется сверхъестественными качествами. В предании «Однажды убийца...» спящий Суворов, подобно чародею, отводит от себя руку преступника – когда тот бросает оружие и становится на колени, проснувшийся фельдмаршал спокойно заявляет: «Встань,

я знаю, зачем ты пришел сюда и что случилось с тобою, иди отсюда скорее... не поразит меня ни пуля вражеская, ни яд злодея, ни нож убийцы...» О любви солдат к своему полководцу и доброй памяти о его славных делах рассказывается в записанном в годы Великой Отечественной войны предании «Суворов и мезенский солдат».

Наряду с преданиями об Иване Грозном, Петре I, А. В. Суворове большое место среди произведений данного жанра занимают прозаические повествования о героях Отечественной войны 1812 года фельдмаршале М. И. Кутузове и генерале М. И. Платове, о предводителях крестьянских восстаний Степане Разине и Емельяне Пугачеве. Первые предания разинского цикла возникли уже в ходе крестьянской войны и, несмотря на гонения со стороны царских властей и церкви, активно бытовали в народной среде. В этих фольклорных произведениях отражена деятельность «волжского атамана» Степана Разина, описаны события, связанные с широким народным движением второй половины XVII века на Волге и Дону. Так, в одном из преданий повествуется о том моменте, когда Разин, будучи «одним из есаулов» шайки разбойников, «наотрез отказался грабить бедноту», поссорился с атаманом Ураком и, убив его, «ушел со своей шайкой на новое место». Став во главе поднявшихся на борьбу угнетенных масс, Разин не жалеет сил для того, чтобы помочь обездоленным. В ряде преданий данного цикла приводятся многочисленные факты защиты атаманом обиженных, «беглых и бесправных». В предании «Волжский атаман» рассказывается о том, что Разин, встречая людей на дороге, «расспрашивает об их житье-бытье», внимательно выслушивает «жалобы на господ и начальников и обещает явиться грозным мстителем за народ». Такие обещания обычно приводятся им в исполнение: вождь волжской вольницы не дает спуска «ни царским судам, ни купеческим», ни «астраханским воеводам», ни «самому митрополиту» («О Степане Разине»). Он лишь «взмахнет кистенем – и от обидчиков, лихих кровопивцев мигом не останется и следа» («Бугор Степана Разина»). Во многих преданиях показано, с каким уважением относились к атаману казачья беднота, беглые крестьяне, «работные» люди, солдаты и бурлаки, «сбросившие с плеч опостылевшую лямку». В предании «Разин был из казаков» отмечается, что «вольный народ ходил к нему нарочи», люди труда, нередко на глазах своих хозяев, бросали работу и шли к разинцам.

Содержание многих преданий разинского цикла перекликается с такими историческими песнями, как «Разин и казачий круг», «Разинцы в персидском походе», «Наезд разинцев на Астрахань», «Сынок Степана Разина», «Расправа с астраханским воеводой» и др. Это объясняется тем, что в основу и того и другого жанров положены одни и те же героические события, которые настолько всколыхнули широкие народные массы, что не могли не отразиться в таких активно бытовавших в пору разинского движения видах фольклора, какими были песни и предания.

Весьма примечательным для преданий разинского цикла является также то, что, несмотря на известные реалистические тенденции в показе основных событий, во многих из них четко ощущается стремление к сказочной форме. Сказочно-фантастические элементы проявляются прежде всего в изображении главного персонажа повествований. Так, в преданиях нередко сообщается о том, что Разин «отводит глаза» врагам, обладает сверхъестественной силой, способной защитить его и «шайку» от вражеского оружия («Про Степана Разина»), что он чудесным образом «устраивает змея» и направляет его против мастера, устанавливавшего крест на храме («Разин и мастер»), что ему удается свободно «перелетать с Дона на Волгу, а с Волги на Дон», а когда его посадили в тюрьму, он «дотронулся до кандалов разрыв-травою – кандалы спали, потом Стенька нашел уголек, нарисовал на стене лодку и весла, и воду... сел в эту лодку и очутился на Волге» («О Степане Разине»). В легендарно-утопических преданиях о волжском атамане Разин не умер, а, согласно одним рассказам, мучается «за совершенные грехи», согласно другим – «бродит по городам и лесам» и помогает людям, согласно третьим – еще придет, когда «час настанет», и сполна воздаст угнетателям трудового люда[1]. Следует также отметить, что встречающиеся в преданиях о Разине

---

[1] Подробнее об этом см. в кн.: *Соколова В. К.* Русские исторические предания, с. 126–129.

легендарно-утопические мотивы почти не находят отражения в тематически близких им исторических песнях, для которых, как известно, характерна бо́льшая реалистическая направленность.

Несмотря на то, что в преданиях о Пугачеве нередко ставится знак равенства между образами Разина и Пугачева, произведения пугачевского цикла отразили совершенно другую эпоху, связанную с широким движением народных масс, развернувшимся в 70-х годах XVIII столетия. По справедливому замечанию В. Г. Короленко, часть преданий «ушла в глубь народной памяти, подальше от начальства и господ, облекаясь постепенно мглою суеверия и невежества» [1], тем не менее устные повествования о той примечательной поре донесли до наших дней яркие картины разных периодов крестьянской войны под предводительством не «благородного» разбойника, каким часто изображался Разин, а близкого и верного народу «мужицкого» царя. Пугачев – «справедливый» царь – один из ведущих мотивов целого ряда произведений рассматриваемого цикла («О Емельяне Пугачеве», «Пугачев в Саратове» и др.). Пугачев предстает перед читателями и слушателями преданий как ярый противник крепостничества, настойчиво и активно борющийся за права народа; и народные массы ничего не жалеют для того, чтобы помочь своему вождю. Именно поэтому в пугачевских отрядах рука об руку сражаются волжские крестьяне и уральские рабочие. Предания сообщают о том, что жители всех селений, через которые проходят войска Пугачева, снабжают восставших провиантом и одеждой («О Емельяне Пугачеве», «Пугачев в Авзяне», «Рельское озеро»), что на горнозаводском Урале изготовлялись для восставших пушки и снаряды. Определенное место в преданиях отводится рассказу о том, как Пугачев и его сподвижники сурово, но справедливо наказывали угнетателей-помещиков, заводчиков и управляющих за то, что они «крайне обижают и разоряют» народные массы. Сообщая о расправе восставших крестьян со своими хозяевами, предания обычно поясняют, что репрессиям подвергались не все без исключения, а лишь те, на которых укажет народ. «При одобрительных криках крепостных» был повешен пугачевцами приказчик с завода Демидова за то, что он «обижал, измывался» над народом («Пугачев в Авзяне»). В «Оленкином кусте» отмечается, что «бывало Пугачев... соберет сход: мол, старики, как барин с вами обращается? Хороших обходил. А Олена порола, взыскивала – таких он вешал». Примечательно предание «Пугач и Салтычиха». Схваченный царскими наймитами, закованный в кандалы и посаженный в железную клетку, Пугачев по-прежнему остается грозой для господ, поэтому-то помещица Салтычиха, пожелавшая посмотреть на своего непримиримого врага, оказалась так напугана, что ее «насилу успели живую домой довезти», где она «душу грешную богу отдала...». Несмотря на поражение крестьянской войны 1773–1775 годов, преследование властями всего, что было связано с именем Пугачева, после казни вождя народного движения появились прозаические произведения, утверждавшие, что Пугачев жив, что настанет день, когда он снова выступит против эксплуататоров [2].

Итак, исторические предания о Разине и Пугачеве отразили явления, связанные с событиями большой общественной значимости, пронесли через века народные повествования о фактах открытой борьбы трудящихся против произвола и насилия.

К преданиям разинского и пугачевского циклов примыкают, по тематике и идейному настрою, произведения несказочной фольклорной прозы, связанные с именем Салавата Юлаева. Предания о Салавате Юлаеве подробно рассказывают об активном участии башкирского народа (период крестьянской войны под предводительством Пугачева) в боевых операциях против царских войск, о той помощи, которую оказывали жители башкирских селений отрядам пугачевцев. В них раскрывается роль в крестьянской войне национального героя, предводителя восстания башкир Салавата Юлаева. В «Первых подвигах батыра» мы узнаем о детских годах будущего героя. Уже в то время он проявлял храбрость на охоте, блестяще выполнял условия «майдан-состязания» по стрельбе

---

[1] *Короленко В. Г.* Собр. соч., т. 8. М., 1955, с. 431.

[2] Подробнее об этом см.: *Чистов К. В.* Русские народные социально-утопические легенды XVII–XIX веков. М., 1967, с. 174–185.

из лука. В преданиях «Жизнь Салавата», «Рот кривой, слова — «правильные» рассказывается о глубокой ненависти Салавата Юлаева к помещикам, купцам, заводчикам, о справедливой войне «против богачей», «тамошних начальников и управителей», «против всей царской армии». Несомненный интерес представляют и предания о событиях, происходивших на башкирской земле после поражения пугачевского движения («Салават в пещере скрывался», «Как был пленен Салават» и др.). В них говорится об обдумывании батыром «плана нового удара по заводчикам», о его попытках «собрать силы для новых выступлений», о «расчете на поддержку местных жителей». Сообщая о том, как царские каратели поймали героя, предание отмечает, что «дорого им обошлось пленение батыра»: Салават Юлаев, как и Пугачев, до последних мгновений мстил ненавистным поработителям.

Предания об исторических лицах и событиях нередко близко соприкасаются с топонимическими преданиями, даже переходят в них. Более того, как отмечает К. В. Чистов, «исторические предания часто одновременно являются и топонимическими»[1], т. е. такими, которые содержат объяснение того, откуда произошли названия отдельных географических мест и селений. Немало подобных повествований уходят своими корнями в те далекие времена, когда еще были живы остатки мифологических представлений людей и многие явления действительности олицетворялись. Эпоха первобытного общества нашла свое отражение в топонимических преданиях, в которых олицетворялись и представлялись в виде живых существ растения и водоемы, а также сообщалось о действиях сказочных великанов-богатырей («Шат и Дон», «Волга и Кама», «Вазуза и Волга»). Рассказчики ведут речь о реках и озерах как о живых существах, способных проявлять «свои характеры», определенные «родственные отношения» — «спорят», «уговариваются», «решаются» на какие-то дела и т. п. Вот как, например, начинается одно из названных преданий: «У Ивана-озера было два сына — Шат и Дон, глупый и умный. Первый из них, т. е. Шат, — голова буйная! Не спросясь воли родительской, захотел погулять в чужих дальних сторонах...» В другом предании читаем: «Волга с Вазузой долго спорили, кто из них умнее, сильнее и достойнее большего почета. Спорили, спорили, друг друга не переспорили...»

Много общего у данных повествований с преданиями, которые объясняли не только истоки названий, но нередко и происхождение некоторых физико-географических компонентов рельефа той или иной местности (горы, овраги, урочища и т. п.). Так, в предании «Пряничная гора» рассказывается о том, что небольшие горы, которые тянутся «за Волгой... возле слободы Часовни», образовались в результате того, что это возвышение с вкусным названием «захотел скусить» великан. С именем огромных богатырей, якобы населявших в далеком прошлом землю, связывают топонимические предания и происхождение отдельных курганов. В более позднее время, относящееся уже к моменту становления первых княжеств на Руси, предания о курганах, могильниках, урочищах и селениях нередко связывались с определенными историческими лицами. Так, наряду с преданием об основателях Киева бытовали народные рассказы о местах, связанных с именами Рюрика (в Новгороде и Ладоге), Синеуса (в Белоозере), Трувора (в Изборске), Игоря (у Искоростеня), Олега (у Овруча), Ольги (по Днепру и Десне). «Местные по своему приурочению, эти предания говорили об общерусских деятелях, о событиях общерусской истории»[2]. Такие же мотивы лежат в основе местных по своему происхождению преданий, появившихся в период татаро-монгольского нашествия и в более близкую к нам пору. В «Преданиях о битвах с татарами», записанных на рязанской земле в 1900 г., приводится топонимический рассказ о неизвестном по имени «главном рязанском богатыре», который храбро сражался с «равным себе» татарским богатырем. Место, где был убит татарином чалый конь русского богатыря, стало называться Чалая могила[3]. К моменту укрепления Российского централизованного государства относятся предания о курганах, которые были насыпаны по приказанию царя или того, кто возглавлял

[1] *Чистов К. В.* Прозаические жанры в системе фольклора, с. 23.
[2] *Лихачев Д. С.* Повесть временных лет, с. 12.
[3] См.: «Уч. записки Рязанского гос. пед. института», т. 38. М., 1965, с. 103—104.

войска. Таковы повествования о курганах, появлявшихся на пути движения воинов Ивана Грозного во время его походов на Казань («Девичьи горы» и др.), а также на волжских берегах, где активно действовали отряды Степана Разина («Бугор Степана Разина», «Место, где жил Разин» и др.). В преданиях, рожденных в различные исторические эпохи, рассказывается о создании курганов, оборонительных валов и засечных черт для защиты родной земли от вражеских происков и набегов иноземных завоевателей. Именно такими являются топонимические предания о Симбирско-Карсунской засечной черте, строившейся в середине XVII столетия.

В XVIII веке репертуар топонимических преданий пополнился новыми произведениями, рассказывавшими о происхождении названий географических объектов и населенных пунктов, которые имели непосредственное отношение к крестьянской войне под руководством Емельяна Пугачева («Альян-гора», «Оленкин куст», «Юртовская гора», «Казачьи горы», «Рельское озеро» и др.). В них говорится о местах пребывания Пугачева и его боевых соратников и о неувядаемой славе, которой суждено было остаться в памяти людей на долгие века.

Наряду с рассмотренной группой топонимических преданий большой интерес представляют появлявшиеся в различные исторические периоды устнопоэтические повествования, связанные с именами первопроходцев, осваивавших те или иные места, основывавших селения. Это предания о древних славянских поселениях, об основании Киева, Переяславля, Касимова и многих других населенных пунктов. В одном из них сообщается о том, что начало столице Киевской Руси было положено тремя братьями – Кием, Щеком и Хоривом и их сестрой Лыбедью, которые якобы «построили город во имя старшего своего брата, и назвали его Киев». Другое связывает факт появления города Переяславля и место, где он возник, с победой войск князя Владимира над половцами, начало которой было положено успешным поединком «русского Кожемяки с печенежским воином». В предании говорится: «Владимир же обрадовался и заложил город у брода того, и назвал его Переяславлем, ибо перенял славу отрок тот». В третьем рассказывается о том, что город Касимов получил свое название от имени «родственника и сподвижника Батыя» Касима. «Не понравилась ему крутая и грозная политика хана, и он отошел от него.

Воспользовался раздором между ними Иван Грозный и привлек Касима на свою сторону.

За преданность Касима Иван Грозный наградил его городом и землями. И стал называться с тех пор город Касимовым» [1].

Повествуя о людях, давших название тому или иному месту, нередко объясняя происхождение какого-нибудь события, топонимические предания, как и исторические, используют элементы фантастики. Истоками этого явления исследователи считают не только господство мифологических представлений и олицетворение неживой природы в древнюю пору, но и тесную связь в течение веков преданий с произведениями сказочного жанра. Данное обстоятельство не могло не способствовать проникновению в предания отдельных мотивов и даже целых сказочных сюжетов. Именно поэтому в некоторых преданиях можно встретить изображение сверхъестественных фантастических образов, подобных чудесным персонажам из русских волшебных сказок. Наряду с отмеченным сказочным вымыслом многим преданиям, при всей их исторической основе и неизменном стремлении к правдивому изображению событий и лиц, присущи анахронизмы и смещения реальных фактов. Искаженный показ социально-бытовых и историко-хронологических явлений объясняется не только временной удаленностью от событий, но и характерной для фольклорных произведений устностью бытования, а также отсутствием в преданиях таких строго определенных композиционных рамок, как, например, в сказках. Говоря об анахронизмах и смещении реальных фактов в преданиях, следует отметить, что они отнюдь не случайны. Эти явления находятся в определенной зависимости как от перечисленных выше факторов, так и от идейных позиций и взглядов рассказчика на сообщаемые события. Для преданий, как и для произведений ряда других фольклорных жанров, вполне естественно, что

---

[1] «Уч. записки Рязанского гос. пед. института», т. 38, с. 102.

один и тот же сюжет в устах представителей разных социальных групп может звучать по-разному. Отсюда различный, порой даже строго полярный, показ в преданиях деятельности участников крестьянских выступлений XVII и XVIII столетий, противоречивое изображение образов рукодителей народной борьбы Разина и Пугачева. Однако та сугубо народная оценка явлений прошлого, о которой в свое время очень хорошо сказал А. М. Горький [1], является для фольклора вообще, а для преданий в частности, доминирующей. Она с неизменной полнотой выражает мировоззрение широких трудящихся масс, их взгляды на события, происходящие в разные исторические периоды.

Чрезвычайно богатое и исключительно разнообразное содержание преданий не могло не сказаться на их художественном своеобразии. Главное в художественной структуре произведений данного жанра — свободная и довольно неустойчивая композиция, которая отнюдь не свидетельствует об отсутствии органической связи отдельных частей произведения. Прочному соединению их способствуют прежде всего характерные для преданий одноэпизодность и концентрация фактов вокруг образа, стоящего в центре повествования, завершаемые обобщающим суждением. Герои преданий, несмотря на ограниченный объем произведений, обычно изображаются довольно рельефно. Рассказчики подробно останавливаются на характерных особенностях своих образов, тонко подмечают отдельные детали, присущие им, обращают внимание слушателя на их внешность, самобытность одежды и т. п. Это особенно присуще преданиям об исторических лицах и событиях. Еще менее стеснены формой топонимические предания, свободно излагающие происхождение определенного названия, неизменно связывающие его с какими-либо памятными событиями или природно-географическими явлениями. Для стилистической формы преданий характерна заложенная в их основу постоянная ориентация на достоверность сообщаемого материала, что усиливает конкретность, безапелляционность, четкость изложения и не позволяет рассказчику предания, подобно сказочнику, использовать большое количество традиционных формул, «общих мест», образных выражений.

К **легендам** [2] обычно относят эпические произведения фольклорной прозы поучительного характера, в которых широко используются фантастические, в том числе и религиозные (христианские и языческие), мотивы и в которых наряду с людьми выступают сверхъестественные существа — черти, святые, Христос, бог. Свое название данный жанр получил от латинского слова legenda, в буквальном переводе означающего текст, который следует прочесть. Возникнув в эпоху средневековья как название произведений житийной литературы, этот термин позднее был использован в устном народнопоэтическом творчестве для обозначения жанра, тексты которого по содержанию нередко были близки священным писаниям. Знакомство с легендами подтверждает, что некоторые из них книжного, а точнее библейского, происхождения. Однако преобладающее большинство легенд является продуктом народной фантазии, причем и рассказчик, и слушатель, как правило, верят в достоверность сообщаемого материала.

Содержание ряда легенд составляют библейские сюжеты, почерпнутые из Ветхого и Нового заветов. Вместе с тем, как отмечал более ста лет тому назад

---

[1] См.: *Горький М.* Собр. соч. в 30-ти т., т. 27, с. 312.

[2] См. работы о легендах: *Азбелев С. Н.* Отношение предания, легенды и сказки к действительности; *его же* Проблемы международной систематизации преданий и легенд.— «Русский фольклор», т. 10. М.—Л., 1966; *Аникин В. П.* Художественное творчество в жанрах несказочной прозы (к общей постановке проблемы); *Комарович В. Л.* Китежская легенда. Опыт изучения местных легенд. М.—Л., 1936; *Колесницкая И. М.* Русские предания и легенды в публикациях 1860—1870-х годов.— «Русский фольклор», т. 13. Л., 1972; *Пропп В. Я.* Легенда.— В кн.: Русское народное поэтическое творчество, т. 2, кн. 1. М.—Л., 1955; *его же.* Жанровый состав русского фольклора.— «Русская литература», 1964, № 4; *его же.* Фольклор и действительность.— «Русская литература», 1963, № 3; *Савушкина Н. И.* Легенда о граде Китеже в старых и новых записях.— «Русский фольклор», т. 13. Л., 1972; *Чистов К. В.* Русские народные социально-утопические легенды XVII—XIX веков. М., 1967; *его же.* Прозаические жанры в системе фольклора.

А. Н. Афанасьев, «обильным материалом для народной поэзии», и в частности для легенд, служила «языческая старина» [1]. Перекликающаяся с древними мифами языческая старина, которая нередко объясняла отдельные явления природы и происхождение определенных видов животных, стала первоэлементом ряда легенд. Наряду с рассказами, основанными на христианско-языческих фантастических домыслах народа, и религиозными – о боге и святых, о сотворении мира и предполагаемом конце его, в легендах много места отводилось всевозможным чудесам. Причем, как справедливо заметил С. Н. Азбелев, «чудесное могло иметь проявления самые разнообразные, начиная от деяний божественных сил и кончая, например, колдовской неуязвимостью народного заступника или проделками домашних духов» [2].

Многогранный по тематике и содержанию репертуар русских народных легенд принято классифицировать по группам. В качестве основы для подобной систематизации берется содержание произведений данного жанра. Классифицируя народные легенды, можно выделить ряд тематических групп.

Наиболее старыми считаются космогонические легенды, повествующие о миротворении. Это – по преимуществу народные толкования языческо-христианских рассказов о возникновении Вселенной. Здесь и легенды о сотворении земли, и легенды о происхождении неба, солнца и звезд. Характерно, что в них, вопреки библейским сказаниям, говорится, что в создании земли, например, непременно участвуют бог и сатана (см. легенду «О миротворении»).

К данной тематической группе близки легенды о происхождении животного и растительного мира. В этой группе легенд, именуемых зоогоническими, речь идет о возникновении тех или иных млекопитающих, птиц, пресмыкающихся, земноводных, рыб, насекомых и растений, дается разъяснение определенных качеств, присущих обитателям земли. Как и в первой группе легенд, здесь также нередко показывается, что в создании того или иного животного немалая роль принадлежит дьяволу («Черт и козел»).

Особую группу легенд составляют устные истории, связанные с появлением отдельных народов и племен. Это так называемые этногонические легенды.

Известное место среди легенд занимают произведения, содержание которых тесно связано с религиозно-апокрифическими сюжетами. В этой группе основная роль принадлежит легендам о святых, Христе и боге, об их пребывании в раю, аду и на земле, а также о том, как они помогают простому человеку решить непосильную задачу, как они одаривают нуждающегося («Чудо на мельнице», «Касьян и Никола»).

Наряду с названной тематической группой были распространены легенды о наказании недобрых людей и вознаграждении тех, кто трудолюбив, отзывчив и кроток. Героями таких произведений, как правило, выступают бедные крестьяне, которым обычно приходят на выручку не только силы природы, но и святые, а нередко и сам бог. В таких легендах особенно четко проступает народное мировоззрение, отношение простого человека к представителям господствующих классов («Миколай угодник и охотник», «Чудесная молотьба», «Пиво и хлеб», «Убогий»).

В отдельную группу выделяются легенды о человеческой судьбе и смерти. Причем к столь многократно освещавшейся в религиозных сочинениях и духовных стихах теме легенда подходит с глубоко демократических позиций. В этих произведениях крестьянин и солдат воспринимают весть о смерти как нечто закономерное и отнюдь не спешат в превозносимый церковниками рай. Попав же в царство небесное, герои легенд не воспринимают «благодать неизреченную» и уходят в ад («Солдат и смерть»).

---

[1] Народные русские легенды, собранные *А. Н. Афанасьевым*. М., 1859, с. V. (В дальнейшем: *Афанасьев*. Легенды).

[2] *Азбелев С. Н.* Отражение действительности в преданиях, легендах, сказаниях. – В кн.: Прозаические жанры фольклора народов СССР, с. 100.

Большой интерес вызывают легенды социально-утопического содержания. К ним относятся устнопоэтические повествования о «золотом веке», о «далеких землях» и об «избавителях»[1].

Не менее привлекательна и группа легенд об исторических событиях или лицах; в них вымышленные, даже сверхъестественные мотивы сочетаются с действительными фактами. Это произведения, связанные с именами Разина и Пугачева, Суворова и Платова, повествования, в которых в какой-то мере нашли отражение такие исторические события, как татаро-монгольское нашествие, «смутное время», походы Петра I.

Среди тематических групп русских легенд важно отметить и повествования социально-бытового характера, в которых раскрываются на суеверно-мистической основе родственные отношения темных и забитых людей («Муж и жена», «Детоубийство, наказанное змеями», «Жадные сыновья»).

Заслуживают внимания и легенды сатирического плана («Поп-завидущие глаза», «Грех и покаяние»). Главная особенность произведений этой группы — их острый социальный настрой. В легендах «Золотое стремя», «Пиво и хлеб», «Грех и покаяние» и других высмеиваются представители мира собственников — от богатого мужика до глупого барина.

При несомненной жанровой специфике и своеобразии сюжетов и образов народные легенды тесно соприкасаются с целым рядом жанров древней русской литературы и устной народной поэзии. Из произведений письменной литературы к легендам особенно близки жития святых и апокрифы. Подобно житиям святых легенды нередко берут в качестве основы содержания религиозный сюжет, а в роли главных персонажей в них часто, как и в житийных текстах, фигурируют святые и бог. Однако изложение сюжетно сходного материала и изображение, казалось бы, одинаковых образов в легендах и житиях святых даются с совершенно различных идейных позиций, в результате чего читатель и слушатель без особого труда могут определить народнопоэтическую основу фольклорного произведения.

Легенды и апокрифы прежде всего близки тематикой, связанной, в частности, с борьбой бога против дьявола, которая якобы имела место и при сотворении человека, и во время утверждения на земле власти одних людей над другими. Апокрифы, вопреки установкам официального вероучения, по-своему объясняя библейские сюжеты и образы, придавали им не религиозное, а юмористическое и даже сатирическое звучание. Нередко наблюдается близость отдельных легенд к широко распространенному в прошлом апокрифу «Хождение богородицы по мукам», но искусственно созданные на основе Ветхого и Нового заветов апокрифические повествования, безусловно, не могли идти ни в какое сравнение с народными толкованиями сходных сюжетов в легендах.

Русские легенды имеют много общего с произведениями фольклорных жанров, прежде всего с преданиями, сказками, быличками, духовными стихами. Но при сюжетно-структурном сходстве с народными преданиями, например, легенды, отличаются бóльшей фантастикой содержания. В основу сюжета каждой из легенд положено определенное, в большинстве случаев религиозное, «чудо», а главными героями таких повествований (в отличие от преданий) нередко являются наряду с людьми святые, демонические существа — леший, черт. Персонажи сверхъестественные, фантастические выступают в легендах в роли добрых помощников человека-труженика; святые и бог часто справедливы и добры ко всем без исключения людям, несмотря на допускаемые ими «грехи». Сказки, в отличие от легенд часто обращаясь к всевозможным волшебным элементам и изображая подвиги своих фантастических героев, не содержат объяснения чудес, которые «творит» святой или какое-либо из демонических существ. Населенные наряду с реальными людьми волшебными помощниками, сказки обычно не касаются библейских персонажей, а встречающиеся сверхъестественные образы, близкие героям народных легенд, часто представляются в смешном, даже сатирическом виде. Существенное отличие легенды от сказки — отсутствие устойчивой композиционной структуры

---

[1] Данная группа легенд подробно рассмотрена в кн.: *Чистов К. В.* Русские народные социально-утопические легенды XVII—XIX веков.

построения, ее текст обычно не содержит традиционных сказочных присказок, зачинов и концовок. В последнее время за легендой закрепился термин «несказочная фольклорная проза»[1]. Этим «описательным словосочетанием» подчеркивается тот факт, что, несмотря на известную близость сюжетов, персонажей и, в отдельных случаях, приемов изложения материала, легенды, как и предания, являются жанрами несказочными.

Много сходного у легенд с быличками и в обращении к религиозным сюжетам, и в широком использовании сверхъестественных персонажей. Но вместе с тем у этих жанров есть и существенные различия. Легенды, в отличие от быличек, «в своей массе испытали значительно большее влияние письменности» и представляют собой по преимуществу «рассказы о далеком прошлом»[2]. Былички же обычно являются бытовыми суеверными повествованиями о недавно минувшем, в них говорится о сверхъестественных существах и событиях. Отмеченные черты довольно четко выделяют данный жанр в самостоятельную фольклорную разновидность.

Есть немало точек соприкосновения легенд с духовными стихами. Появившиеся под непосредственным воздействием религиозных текстов в сектантской и старообрядческой среде, духовные стихи в большинстве случаев обращались к тем же сюжетам и персонажам, что и легенды, но главные отличительные черты легенды – демократическая настроенность их содержания, народное понимание действительности, прозаическая форма изложения материала. Эта форма, в отличие от поэтической духовных стихов, была неприемлема для исполнения бродячими певцами.

Итак, легенды, связанные с религиозным сознанием народа в прошлом, нередко перекликаясь с рассказами из библейской истории, близко соприкасаясь с рядом книжных и устнопоэтических произведений, – самостоятельный и сугубо специфический жанр русского фольклора. Эта специфика проявляется прежде всего в умении народа наполнять в основе своей языческие и христианские сюжеты демократическим содержанием, искусно обращать связанную с религиозными верованиями людей фантастику против правящих классов. Многие персонажи легенд из числа святых, нередко и сам бог, поступают в произведениях данного жанра вопреки религиозным правилам, установленным церковниками. Народ рассказывает в легендах, что эти герои в период странствий по русской земле выступают как носители добра и правосудия. В «Чуде на мельнице», например, Христос, выведенный в начале повествования в образе нищего, наделяет бедного крестьянина за щедрость и человечность большим количеством муки. Нередко святые в народных легендах, подобно простым труженикам, оказывают помощь попавшим в беду крестьянам, наказывают тех, кто не занят полезным делом. В легенде «Вавило-скоморох» Никола-угодник называет отшельника, ушедшего в лес молиться, «кормным боровом» и расценивает его занятие менее угодным богу, чем труд на «игрищах играющего» комедианта. «Нет, – говорит святой отшельнику, – ты в труд не попадешь: напьешься, наешься да спать ляжешь. Ступай, в таком-то городу есть Вавило-скоморох; если его труд перенесешь, будешь в царствии небесном»[3]. Подобная идея проводится и в легенде «Старец и крестьянин». Здесь убедительно показано, что работа «благочестивого крестьянина», который «на поле пашет», гораздо дороже богомолья «лесового лежебочины» – старца. Не только о наказании простых смертных говорится в народных легендах. В них по заслугам достается и тем святым, которые плохо относятся к человеку труда, не выполняют требований, которые повседневно предъявляются к простым людям. В варианте легенды «Чудесная молотьба»[4], записанном П. И. Якушкиным в Орловском уезде, крестьянин трижды наказывает кнутом святого Ивана Милостивого за то, что тот не поднялся с постели «чуть свет» и не пошел

---

[1] Подробнее по данному вопросу см. в ст.: *Чистов К. В.* Прозаические жанры в системе фольклора, с. 18–19.

[2] Там же, с. 23.

[3] Сказки и предания Самарского края. Собраны и записаны *Д. Н. Садовниковым*. Спб., 1884, с. 239.

[4] *Афанасьев А. Н.* Легенды, с. 116–117.

исполнять мужицкую работу — молотить рожь. «Неправильных» святых в народных легендах наказывают не только крестьяне, но и сам бог. Так, в одной из них («Касьян и Никола») бог своей властью карает Касьяна-угодника за пренебрежение к мужику и нежелание помочь ему вытащить застрявший на дороге воз.

На острой сатирической основе построены сюжеты легенд о наказании нечестности, порока и прощении согрешившего человека. Своим содержанием эти легенды развивали жившую в народе мысль о том, что грех может быть искуплен не продолжительным и тяжелым трудом, а решительной расправой над теми, кто угнетает и обирает человека-труженика, будь то барин, кулак или поп («Рах разбойник», «Кудеяр»). Как справедливо утверждают легенды, грешат не только эти паразитирующие слои общества, но и «выбившиеся» из бедноты, разбогатевшие мужики. Таков богатый крестьянин в легенде «Пиво и хлеб», признающий себя в финале повествования «великим грешником». Религиозные мотивы искусно превращаются народом в замечательный инструмент для вскрытия истинной сути «святости» и морали церковников и власть имущих. В этом определенный социальный и антицерковный заряд легенд. Их сатира направлена против вечных врагов трудовых слоев общества. Осмеивая святых и господ, они вместе с тем с демократических позиций рисуют реалистические картины жизни, быта, тяжелейшей работы и солдатской службы простых людей. Во многих легендах образам представителей народа — крестьянам и солдатам — отводится очень важное место. Мужик — носитель лучших человеческих качеств. Ему под силу любое дело, он — прекрасный, честный работник, заботливый, верный семьянин, чуткий, добрый спутник. В социальной антитезе — противопоставлении человека труда знатному господину, а иногда и самому святому — огромный идейно-эстетический смысл русских народных легенд.

Представляя собой короткие, сравнительно несложные по построению повествования (например, «Жадные сыновья»), легенды имеют «свободную, изменчивую композицию»[1]. Они лишены постоянного текста, что является следствием импровизационного происхождения многих из этих произведений. Художественная форма легенд не ограничивается строго регламентированной структурой: легенды нередко перенимают отдельные приемы изложения у близких им фольклорных и письменных жанров. Так, в ряде случаев они имеют сказочные зачины: «Жили-были...» («Грех», «Горький пьяница», «Кумова кровать», «Пустынник») или «В некотором царстве, в некотором государстве...» («Крестный отец», «Царевич Евстафий», «Пиво и хлеб» и др.). По своему композиционно-структурному построению и стилю изложения отдельные легенды близки к социально-бытовым сказкам, а также к произведениям письменной житийной литературы. На наличие в них «атрибутов чисто-сказочного эпоса»[2] указывал еще А. Н. Афанасьев в предисловии к сборнику «Народные русские легенды». Действительно, в ряде легенд можно встретить наряду с зачинами и традиционные троекратные повторения («Золотое стремя», «Поп-завидущие глаза», «Царевич Евстафий»). Но вместе с тем следует отметить, что многие исполнители легенд почти не обращаются к столь часто используемым в сказках «общим местам».

Определенная идейная направленность народных легенд вместе с познавательностью и поучительностью их содержания обеспечивали произведениям данного жанра немалую популярность в прошлом. Успеху легенд способствовала и доступная для каждого человека художественная форма. В устах профессиональных исполнителей легенды, подобно другим прозаическим произведениям народнопоэтического творчества, звучали и продолжают еще звучать как замечательные памятники словесного искусства; они привлекают внимание читателей и слушателей фантастикой своих сюжетов, спецификой образной системы, формой художественного построения и тем «особенным, отличительным характером»[3], который во все времена высоко ценится почитателями русского фольклора.

К легендам близки по форме былички и бывальщины. Отдельные исследователи, в частности С. Н. Азбелев, считают, что к легендам «фактически относятся...

---

[1] *Гусев В. Е.* Эстетика фольклора, с. 123.
[2] *Афанасьев А. Н.* Легенды, с. VI.
[3] Там же, с. V.

многие былички»[1], а К. В. Чистов в жанр быличек включает группу легенд о святых. Он отмечает, что «с точки зрения классификационной быличками можно было бы считать и религиозные легенды (по признаку участия в них сверхъестественных персонажей, имеющих отношение к христианской мифологии). В принципе это одно и то же...». Но сказав так, ученый не может пройти мимо того факта, что былички и «христианские легенды» представляют собой «разные исторические слои»[2]. Ю. М. Соколов объединяет данный жанр со сказочным в «сказки-былички»[3].

Быличками называют устные народные произведения суеверного характера, повествующие о встречах со сверхъестественными существами, о нереальных событиях, которым и рассказчик и слушатели придают значение подлинных фактов. До последнего времени по традиции, идущей, вероятно, от братьев Соколовых[4], в науке не различали терминов «быличка» и «бывальщина». Однако еще Н. Е. Ончуков видел необходимость их дифференциации. Четкое разграничение рассматриваемых жанров дано в последней работе Э. В. Померанцевой[5], которая относит былички к меморатам, т. е. рассказам-воспоминаниям, а бывальщины — к фабулатам, иначе говоря, к более или менее сюжетно законченным и ставшим традиционными рассказам.

Примечательная особенность быличек и бывальщин состоит в том, что они представляют собой народные повествования о сверхъестественных силах (чертях, змеях, леших, водяных, русалках, домовых, банниках, полевых, гуменниках, хлевниках, овинниках, клетниках, мертвецах и т. п.), которые якобы вмешиваются в жизнь человека и могут повлиять на ход и даже на исход ее. Построенные на суеверии темных и забитых в прошлом людей, былички и бывальщины служили своеобразным доказательством могущества и всевластия представителей низшей народной демонологии. В их содержании довольно четко проступала идейная отсталость и религиозная основа мировоззрения исполнителей.

Термины «быличка» и «бывальщина» бытовали в народе еще в прошлом столетии, последний был в свое время объяснен В. И. Далем как «рассказ не вымышленный, а правдивый», «иногда вымысел, но сбыточный, несказочный»[6]. Термин же «быличка» впервые был использован Б. М. и Ю. М. Соколовыми шестьдесят лет тому назад в сборнике «Сказки и песни Белозерского края». Причем они, как и В. И. Даль о бывальщине, пишут, что в быличках имеется «известная доля веры в действительность происшествия»[7]. Установка на достоверность сообщаемого, каким бы фантастическим и даже религиозным ни был рассказываемый материал, четко выделяет былички и бывальщины из числа произведений сказочного жанра, а система персонажей «низшей» мифологии отграничивает их от таких произведений несказочной прозы, как предания.

Несмотря на утверждение отдельных исследователей относительно того, что былички являются «рассказами о недавнем прошлом»[8], истоки отдельных произведений данного жанра связаны с появлением демонологических персонажей. Известно, что демонологические представления возникли в далеком прошлом на основе первобытной веры человека в «злых духов». Лесные, речные, озерные духи, духи-хранители дома и «жители» крестьянского двора, изображаемые в быличках в образах леших, русалок, водяных, домовых, банников, овинников и им подобных, берут свое начало в древнейшей славянской мифологии. Сформировавшись на одной из первых стадий развития феодализма, а в ряде случаев

---

[1] *Азбелев С. Н.* Отношение предания, легенды и сказки к действительности, с. 11.

[2] *Чистов К. В.* Прозаические жанры в системе фольклора, с. 22.

[3] *Соколов Ю. М.* Русский фольклор, с. 342—343.

[4] См.: *Соколовы Б.* и *Ю.* Сказки и песни Белозерского края. М., 1915, с. VIII—IX.

[5] См.: *Померанцева Э. В.* Мифологические персонажи в русском фольклоре. М., 1975, с. 6, 14 и др.

[6] *Даль Вл.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1, М., 1955, с. 148.

[7] *Соколовы Б.* и *Ю.* Сказки и песни Белозерского края, с. LVIII.

[8] *Чистов К. В.* Прозаические жанры в системе фольклора, с. 22.

и в более раннее время, демонологические представления людей легли в основу быличек, которые жили в народной передаче многих поколений. Следы этих суеверных рассказов можно видеть уже в первых памятниках древнерусской письменности. Так, в «Повести временных лет», например, под 1068 годом говорится о весенних обрядах – «русалиях», имеющих определенную связь с популярными персонажами быличек и бывальщин – русалками. Демонологические персонажи встречаются и в других произведениях древней русской литературы и устного народнопоэтического творчества (пословицы, заговоры). На широкую распространенность быличек и их мифологических героев указывается в отдельных художественных произведениях и исследованиях XVIII и первой половины XIX века. Однако полные записи произведений этого жанра были сделаны лишь в 60-х годах прошлого столетия П. С. Ефименко. Из других собирателей быличек конца минувшего и начала XX века следует отметить таких фольклористов, как Д. Н. Садовников, Н. Е. Ончуков, Д. К. Зеленин, Б. М. и Ю. М. Соколовы, И. В. Карнаухова.

Разнообразный по тематике репертуар быличек и бывальщин исследователи делят на ряд тематических циклов. Обычно выделяют группы быличек и бывальщин: о духах природы, домашних духах, черте [1], волшебных кладах, мертвецах, привидениях, колдунах, нечистой силе. Так, группа быличек и бывальщин о духах природы, например, включает в себя произведения, главными персонажами которых являются следующие демонические существа: лешие, водяные, русалки, полевики, полудницы и т. п. Группа произведений о домашних духах объединяет былички и бывальщины о домовом, баннике, гуменнике, овиннике, подовиннике, хлевнике, клетнике и других «обитателях» крестьянского дома, двора, приусадебного участка. Знакомство с этим далеко не полным перечнем тематики быличек дает возможность представить себе не только систему образов, но и то, о чем идет речь в произведениях данного жанра. Былички, как правило, повествовали о встречах человека с представителями демонологического мира, о вмешательстве всесильных существ в его судьбу и жизнь. В них нередко изображались столкновения людей со сверхъестественными мифическими персонажами. Именно об этом идет речь в быличках о леших, домовых и водяных, тексты которых приведены в данном сборнике. Герои названных быличек встречаются с лешим и видят, чем он занят в «месячные ночи», как управляет «всяким зверьем лесным»; им удается побывать у водяного, даже продать ему «душу на срок», а под конец хитрым способом изловить обитателя страшных омутов. Люди в быличках лично слышат и наблюдают за действиями чертей, водяных, домовых и русалок, причем бывают случаи, когда последние (в нашем варианте – доможириха, или домовиха) оказывают существенную помощь человеку. Однако подобные факты редки, чаще демонологические существа выступают в роли злых сил, причиняющих человеку немало неприятностей («Солдат и его жена ведьма», «Про кабачную кикимору»), иногда губящих его. Именно об этом рассказывается в быличке «Про бани», записанной Д. Н. Садовниковым в Симбирске и публикуемой в этой книге.

Наполненные религиозно-мистическим содержанием, преимущественно с трагическим финалом, былички имели определенное воздействие на психику глубоко суеверных слушателей. Этому во многом способствовали художественные средства и исполнительские приемы, которые использовались умелыми рассказчиками. Страшные повествования об удивительном, часто жутком случае получали в их устах яркое звучание. Необычные события, которые, несмотря на явную недостоверность, преподносились исполнителем как истинные явления, якобы знакомые многим, овладевали вниманием слушателей. Ссылаясь на авторитет очевидцев, среди которых нередко назывались знакомые и родственники, рассказчики стремились укрепить в слушателях веру в правдоподобность сообщаемого в быличке. Этому подчинялись все изобразительные приемы повествования, главным образом композиционная структура изложения материала, портретно-образная система произведения, описываемые в нем место действия и пейзаж. Характер-

---

[1] Подробную классификацию русских быличек и бывальщин о мифологических персонажах см. в указателе, приведенном в кн.: *Померанцева Э. В.* Мифологические персонажи в русском фольклоре.

ным для быличек является то, что в центре каждой из них показывается встреча человека с демонологическими существами.

Рассказ о событиях строится в быличке довольно просто. Указав место действия («В одном лесу глухое озеро было») и назвав участников происшедшего («нашинские мужики», «мельник», «один парень»), быличка быстро достигает кульминации. Нередко поворотом к наивысшей точке в развитии действия служит настораживающая интонация или слово «вдруг» («вдруг слышит и треск, и гром — идет кто-то»). Затем следует страшный эпизод: человек видит или встречается с мифологическими персонажами («угодил прямо в дверь и очутился в палатах водяного»). В финале нередко сообщается о трагическом исходе такой встречи («хворал после этого и вскоре умер»).

События, о которых говорится в повествовании, излагаются кратко; часто былички — произведения одноэпизодные. Особое место в них отводится образу рассказчика, который «приурочивает» сообщаемое «к самому себе, к собственному я»[1]. Рассказчик выступает в быличках как очевидец, от лица которого не только идет повествование, но и сообщаются впечатления и переживания, которые испытал герой при столкновении с различными представителями народной демонологии. Если же событие происходило не на его глазах, то он обязательно стремится подтвердить достоверность сообщаемого убедительными для слушателей фактами. Придавая образу рассказчика первостепенное значение, исполнитель былички через его восприятие передает то, что почувствовал в той или иной ситуации главный персонаж, чем укрепляет веру слушателя в правдоподобность сообщаемого.

В отличие от реально существующего и четко очерченного образа рассказчика демонологический персонаж в быличках расплывчат. Редко называя его, рассказчик в большинстве случаев ограничивается указанием на какой-нибудь признак или характерную особенность сверхъестественного существа: доможириха, или домовиха, — «собою как баба», черти — «мохнаты, а голова-то голая», леший — «старик старый» или «высокий, как дерево», русалка — «девушка с зелеными волосами» и т. д. Присутствие сверхъестественных персонажей чаще всего проявляется шумом, либо резкими звуками, либо какими-нибудь световыми впечатлениями. Поступки их ограничены: они или помогают человеку, или серьезно вредят ему.

Мистическая суть быличек рельефно оттеняется изображением пейзажа, а также указанием места действия и времени, когда произошло описываемое событие. Чаще всего оно развертывается там, где обитает демологическое существо. Место действия домового — крестьянская изба, водяного — омут, озеро или болото, лешего — темный лес, мертвеца — кладбище. Соответственно месту развернувшихся событий дается унылый ночной пейзаж: глухое озеро в лесу, мельница над обрывом, старый мост через речку, баня в саду.

Вобрав в себя всевозможные видения, галлюцинации, сновидения темных суеверных людей далекого прошлого, былички с ростом сознания народа постепенно стали терять свое значение. В годы Советской власти в результате роста общей культуры трудящихся исчезли условия для бытования этого непродуктивного, отмирающего жанра. В наши дни былички встречаются редко; как и легенды о святых, их можно лишь услышать из уст очень старых людей.

---

[1] *Соколовы Б.* и *Ю.* Сказки и песни Белозерского края, с. IX.

1. ⟨Предание об основании Киева⟩

И были три брата: один по имени Кий, другой – Щек и третий – Хорив, а сестра их была Лыбедь. Сидел Кий на горе, где ныне подъем Боричев[1], а Щек сидел на горе, которая ныне называется Щековица, а Хорив на третьей горе, которая прозвалась по нему Хоривицей[2]. И построили городок во имя старшего своего брата, и назвали его Киев. Был кругом города лес и бор велик, и ловили там зверей. И были те мужи мудры и смыслены, и назывались они полянами, от них поляне и до сегодня в Киеве.

Некоторые же, не зная, говорят, что Кий был перевозчиком; был де тогда у Киева перевоз с той стороны Днепра, отчего и говорили: «На перевоз на Киев». Однако, если бы Кий был перевозчиком, то не ходил бы к Царьграду. А между тем, Кий этот княжил в роде своем, и ходил он к царю, – не знаем только, к какому царю, но только знаем, что великие почести воздал ему, как говорят, тот царь, при котором он приходил. Когда же он возвращался, пришел он на Дунай, и облюбовал место, и срубил небольшой город, и хотел обосноваться в нем со своим родом, но не дали ему близживущие. Так и доныне называют придунайские жители городище то – Киевец. Кий же, вернувшись в свой город Киев, тут умер; и братья его Щек и Хорив и сестра их Лыбедь тут же скончались.

2. ⟨Предание об обрах⟩

В те времена существовали и обры, воевавшие против царя Ираклия и чуть было его не захватившие. Эти обры воевали и против славян и примучили дулебов – также славян, и творили насилие женам дулебским: если поедет куда обрин, то не позволял запречь коня или вола, но приказывал впречь в телегу три, четыре

---

[1] *Боричев подъем* соединял центральную часть Киева, расположенную на горе, с Подолом.

[2] *Щековица и Хоривица,* а также гора, на которой сидел Кий, были тремя древнейшими поселениями, ставшими основой древнего Киева.

или пять жен и везти его — обрина. И так мучили дулебов. Были же эти обры велики телом, а умом горды, и бог истребил их, и умерли все, и не осталось ни одного обрина. И есть поговорка на Руси и до сего дня: «Сгинули как обры»,— их же нет ни племени, ни потомства.

3. 〈Предание о походе Олега〉

В год 6415 [1]. Пошел Олег на греков, оставив Игоря в Киеве; взял же с собою множество варягов и славян, и чуди, и кривичей, и мерю, и древлян, и радимичей, и полян, и северян, и вятичей, и хорватов, и дулебов, и тиверцов, известных как толмачи: этих всех называли греки «Великая Скифь». И с этими всеми пошел Олег на конях и в кораблях; и было кораблей числом 2000. И пришел к Царьграду; греки же замкнули Суд [2], а город затворили. И вышел Олег на берег, и начал воевать, и много убийств сотворил в окрестностях города грекам; и разбили множество палат, и церкви пожгли. А тех, кого захватили в плен, одних иссекли, других мучили, иных же застрелили, а некоторых побросали в море, и много другого зла сделали русские грекам, как обычно поступают враги.

И повелел Олег своим воинам сделать колеса и поставить на них корабли. И с попутным ветром подняли они паруса и пошли со стороны поля к городу. Греки же, увидев это, испугались и сказали через послов Олегу: «Не губи города, дадим тебе дани, какой захочешь». И остановил Олег воинов, и вынесли ему пищу и вино, но не принял его, так как было оно отравлено. И испугались греки и сказали: «Это не Олег, но святой Дмитрий [3], посланный на нас от бога». И приказал Олег дать дани на 2000 кораблей: 12 гривен [4] на человека, а было в каждом корабле по 40 мужей.

---

[1] В «Повести временных лет», откуда взято это и последующие предания, время событий дается по принятой в Древней Руси датировке «от сотворения мира». Для перевода даты на наше летоисчисление необходимо помнить о разнице, равной 5508 годам.

[2] *Суд* — залив Золотой Рог, который в случае опасности «запирался» цепью, протягивавшейся между двумя башнями.

[3] Имеется в виду святой Дмитрий Солунский (IV в. н. э.), но нет ясности, почему Олег сравнивается здесь с ним.

[4] *Гривна* была известна на Руси и как украшение, надевавшееся на шею, и как денежная, счетная и весовая единица. В X—XI вв. она весила 51,19 г.

И согласились на это греки, и стали греки просить мира, чтобы не воевал Греческой земли. Олег же, немного отойдя от столицы, начал переговоры о мире с греческими царями Леоном и Александром и послал к ним в столицу Карла, Фарлафа, Вермуда, Рулава и Стемида со словами: «Платите мне дань». И сказали греки: «Что хочешь, дадим тебе». И приказал Олег дать воинам своим на 2000 кораблей по 12 гривен на уключину, а затем дать дань для русских городов: прежде всего для Киева, затем для Чернигова, для Переяславля, для Полотска, для Ростова, для Любеча и для прочих городов: ибо по этим городам сидят великие князья, подвластные Олегу. «Когда приходят русские, пусть берут содержание для послов, сколько хотят; а если придут купцы, пусть берут месячное[1] на 6 месяцев: хлеба, вина, мяса, рыбы, плодов. И пусть устраивают им баню — сколько захотят. Когда же русские отправятся домой, пусть берут у царя на дорогу еду, якоря, канаты, паруса и что им нужно». И обязались греки, и сказали цари и все бояре: «Если русские явятся не для торговли, то пусть не берут месячное. Да запретит русский князь указом своим, чтобы приходящие сюда русские не творили ущерба в селах и в стране нашей. Прибывающие сюда русские пусть обитают у церкви св. Мамонта и, когда пришлют к ним от нашего государства и перепишут имена их, только тогда пусть возьмут полагающееся им месячное, — сперва, пришедшие из Киева, затем из Чернигова и из Переяславля и из других городов. И пусть входят в город через одни только ворота в сопровождении царского мужа, без оружия, по 50 человек, и торгуют сколько им нужно, не уплачивая никаких сборов».

Итак, царь Леон и Александр заключили мир с Олегом, обязались уплачивать дань и ходили ко взаимной присяге: сами целовали крест, а Олега с мужами его водили к клятве по закону русскому, и клялись те своим оружием и Перуном, их богом, и Волосом, богом скота, и утвердили мир. И сказал Олег: «Сшейте для Руси паруса из паволок, а славянам полотняные». И было так! И повесил щит свой на вратах в знак победы, и пошли от Царьграда. И подняла Русь паруса из паволок, а славяне полотняные, и разодрал их ветер. И сказали славяне: «Возьмем свои простые паруса, не дались славянам паруса из паволок». И вернулся Олег в Киев, неся золото и паволоки, и плоды, и вино, и всякое узорочье. И прозвали Олега Вещим, так как были люди язычниками и непросвещенными.

---

[1] *Месячное* — месячное довольствие.

4. 〈Предание о смерти Олега〉

И жил Олег, княжа в Киеве, мир имея со всеми странами. И пришла осень, и помянул Олег коня своего, которого когда-то поставил кормить, решив никогда на него не садиться. Ибо когда-то спрашивал он волхвов и кудесников: «Отчего я умру?». И сказал ему один кудесник: «Князь! От коня твоего любимого, на котором ты ездишь,– от него тебе умереть!» Запали слова эти в душу Олега, и сказал он: «Никогда не сяду на него и не увижу его больше». И повелел кормить его и не водить его к нему, и прожил несколько лет, не видя его, пока не пошел на греков. А когда вернулся в Киев и прошло четыре года,– на пятый год помянул он своего коня, от которого когда-то волхвы предсказали ему смерть. И призвал он старейшину конюхов, и сказал: «Где конь мой, которого приказал я кормить и беречь?» Тот же ответил: «Умер». Олег же посмеялся и укорил того кудесника, сказав: «Не право говорят волхвы, но все то ложь: конь умер, а я жив». И приказал оседлать себе коня: «Да увижу кости его». И приехал на то место, где лежали его голые кости и череп голый, слез с коня, посмеялся и сказал: «От этого ли черепа смерть мне принять?» И ступил он ногою на череп, и выползла из черепа змея и ужалила его в ногу. И от того разболелся и умер он. Оплакивали его все люди плачем великим, и понесли его, и похоронили на горе, называемой Щековица. Есть же могила его и доныне слывет могилой Олеговой. И было всех лет княжения его тридцать и три.

5. 〈Предание о смерти Игоря и мести Ольги〉

В год 6453. В тот год сказала дружина Игорю: «Отроки[1] Свенельда изоделись оружием и одеждой, а мы наги. Пойдем, князь, с нами за данью, да и ты добудешь и мы». И послушал

---

[1] *Отроки* – младшая дружина князя.

их Игорь – пошел к древлянам за данью, и прибавил к прежней дани новую, и творили насилие над ними мужи его. Взяв дань, пошел он в свой город. Когда же шел он назад, – поразмыслив, сказал своей дружине: «Идите с данью домой, а я возвращусь и пособираю еще». И отпустил дружину свою домой, а сам с малою частью дружины вернулся, желая бо́льшего богатства. Древляне же, услышав, что идет снова, держали совет с князем своим Малом: «Если повадится волк к овцам, то выносит все стадо, пока не убьют его. Так и этот: если не убьем его, он всех нас погубит». И послали к нему, говоря: «Зачем идешь опять? Забрал уже всю дань». И не послушал их Игорь. И древляне, выйдя из города Искоростеня против Игоря, убили Игоря и дружину его, так как было ее мало. И погребен был Игорь, и есть могила его у Искоростеня [1] в Деревской земле и до сего времени.

Ольга же была в Киеве с сыном своим ребенком Святославом, и кормилец [2] его был Асмуд, а воевода Свенельд – отец Мстиши. Сказали же древляне: «Вот убили князя мы русского; возьмем жену его Ольгу за князя нашего Мала, и Святослава возьмем и сделаем ему, что захотим». И послали древляне лучших мужей своих, числом двадцать, в ладье к Ольге. И пристали в ладье под Боричевым подъемом, ибо вода тогда текла возле Киевской горы, а на Подоле не сидели люди, но на горе. Город же Киев был там, где ныне двор Гордяты и Никифора, а княжеский двор был в городе, где ныне двор Воротислава и Чудина, а ловушка для птиц была вне города; был вне города и другой двор, где стоит сейчас двор Уставщика позади церкви богородицы Десятинной; над горою был теремной двор – был там каменный терем [3]. И поведали Ольге, что пришли древляне. И призвала их Ольга к себе, и сказала им: «Добрые гости пришли»; и ответили древляне: «Пришли, княгиня». И сказала им Ольга: «Говорите, зачем пришли сюда?» Ответили же древляне: «Послала нас Деревская земля, с такими словами: «Мужа твоего мы убили, так как муж твой, как волк, расхищал и грабил, а наши князья хорошие, потому что ввели порядок в Деревской земле. Пойди замуж за князя нашего Мала». Было ведь имя ему, князю древлянскому, – Мал. Сказала же им Ольга: «Любезна мне речь ваша, – мужа моего мне уже не воскресить; но хочу воздать вам завтра честь перед людьми своими; ныне же идите к своей ладье и ложитесь в нее, величаясь. Утром я пошлю за вами, а вы говорите: «Не едем на конях, ни пеши не пойдем, но понесите нас в ладье». И вознесут вас в ладье». И отпустила их к ладье. Ольга же приказала выкопать на теремном дворе вне града яму великую и глубокую. На следующее утро, сидя в тереме, послала Ольга за гостями. И пришли к ним и сказали: «Зовет вас Ольга для чести великой». Они же

---

[1] *Искоростень* – город в древлянской земле, ныне не сохранился.

[2] *Кормилец* – дядька, воспитатель молодого князя.

[3] *Терем* – башенка с шатровой крышей, поставленная над какой-либо частью дворца.

ответили: «Не едем ни на конях, ни на возах и пеши не идем, но понесите нас в ладье». И ответили киевляне: «Нам неволя; князь наш убит, а княгиня наша хочет за вашего князя». И понесли их в ладье. Они же уселись величаясь, избоченившись и в великих нагрудных бляхах. И принесли их на двор, к Ольге, и как несли, так и сбросили их вместе с ладьей в яму. И, приникнув к яме, спросила их Ольга: «Хороша ли вам честь?». Они же ответили: «Пуще нам Игоревой смерти». И повелела засыпать их живыми; и засыпали их.

И послала Ольга к древлянам, и сказала им: «Если вправду меня просите, то пришлите лучших мужей, чтобы с великой честью пойти за вашего князя, иначе не пустят меня киевские люди». Услышав об этом, древляне избрали лучших мужей, управлявших Деревскою землею, и прислали за ней. Когда же древляне пришли, Ольга приказала приготовить баню, говоря им так: «Вымывшись, придите ко мне». И разожгли баню и вошли в нее древляне, и стали мыться; и заперли за ними баню, и повелела Ольга зажечь ее от двери и сгорели все.

И послала к древлянам со словами: «Вот уже иду к вам, приготовьте меды многие у того города, где убили мужа моего, да поплачусь на могиле его и устрою ему тризну». Они же, услышав об этом, свезли множество медов и заварили их. Ольга же, взяв с собою малую дружину, отправилась налегке, пришла к могиле своего мужа и оплакала его. И повелела людям своим насыпать великую могилу и, когда насыпали, приказала совершать тризну. После того сели древляне пить, и приказала Ольга отрокам своим прислуживать им. И сказали древляне Ольге: «Где дружина наша, которую послали за тобой?» Она же ответила: «Идут за мною с дружиною мужа моего». И когда пьянели древляне, велела отрокам своим пить за их честь, а сама отошла прочь и приказала дружине рубить древлян, и иссекли их 5000. А Ольга вернулась в Киев и собрала войско против оставшихся древлян.

6. 〈Предание о подвиге молодого киевлянина〉

В год 6476. Пришли впервые печенеги на Русскую землю, а Святослав был тогда в Переяславце, и заперлась Ольга в городе Киеве со своими внуками – Ярополком, Олегом и Владимиром. И осадили печенеги город силою великой: было их бесчисленное множество вокруг города. И нельзя было ни выйти из города,

ни вести послать. И изнемогали люди от голода и жажды. И собрались люди той стороны Днепра в ладьях, и стояли на том берегу. И нельзя было ни тем пробраться в Киев, ни этим из Киева к ним. И стали тужить люди в городе, и сказали: «Нет ли кого, кто бы смог перебраться на ту сторону и сказать им: если не подступите утром к городу, — сдадимся печенегам». И сказал один отрок: «Я проберусь», и ответили ему: «Иди». Он же вышел из города, держа уздечку, и побежал через стоянку печенегов, спрашивая их: «Не видел ли кто-нибудь коня?» Ибо знал он по-печенежски и его принимали за своего. И когда приблизился он к реке, то, скинув одежду, бросился в Днепр и поплыл. Увидев это, печенеги кинулись за ним, стреляли в него, но не смогли ему ничего сделать. На том берегу заметили это, подъехали к нему на ладье, взяли его в ладью и привезли его к дружине. И сказал им отрок: «Если не подойдете завтра к городу, то люди сдадутся печенегам». Воевода же их, по имени Претич, сказал на это: «Пойдем завтра в ладьях и, захватив княгиню и княжичей, умчим на этот берег. Если же не сделаем этого, то погубит нас Святослав». И на следующее утро, близко к рассвету, сели в ладьи и громко затрубили, а люди в городе закричали. Печенегам же показалось, что пришел сам князь, и побежали от города врассыпную.

7. 〈Предание о походе Владимира и Добрыни на болгар〉

В год 6493. Пошел Владимир на болгар[1] в ладьях с дядею своим Добрынею, а торков привел берегом на конях; и победил болгар. Сказал Добрыня Владимиру: «Осмотрел пленных колодников: все они в сапогах. Этим дани нам не давать, — пойдем, поищем себе лапотников». И заключил Владимир мир с болгарами и клятву дали друг другу, и сказали болгары: «Тогда не будет между нами мира, когда камень станет плавать, а хмель — тонуть». И вернулся Владимир в Киев.

[1] Из текста неясно, на каких (волжских или дунайских) болгар ходил походом Владимир.

8. ⟨Предание о единоборстве русского Кожемяки с печенежским воином и об основании города Переяславля⟩

В год 6500. Пошел Владимир на хорватов[1]. Когда же возвратился он с хорватской войны, пришли печенеги по той стороне (Днепра) от Сулы; Владимир же выступил против них и встретил их на Трубеже у брода, где ныне Переяславль. И стал Владимир на этой стороне, а печенеги на той, и не решались наши перейти на ту сторону, ни те на эту сторону. И подъехал князь печенежский к реке, вызвал Владимира и сказал ему: «Выпусти ты своего мужа, а я своего – пусть борются. Если твой муж бросит моего на землю, то не будем воевать три года; если же наш муж бросит твоего оземь, то будем разорять вас три года». И разошлись. Владимир же, вернувшись в стан свой, послал глашатаев по лагерю, со словами: «Нет ли такого мужа, который бы схватился с печенегом?» И не сыскался нигде. На следующее утро приехали печенеги и привели своего мужа, а у наших не оказалось. И стал тужить Владимир, посылая по всему войску своему, и пришел к князю один старый муж и сказал ему: «Князь! Есть у меня один сын меньшой дома; я вышел с четырьмя, а он дома остался. С самого детства никто его не бросил еще оземь. Однажды я бранил его, а он мял кожу, так он рассердился и разодрал кожу руками». Услышав об этом, князь обрадовался, и послали за ним, и привели его к князю, и поведал ему князь все. Тот отвечал: «Князь! Не знаю, могу ли я с ним схватиться, – испытайте меня: нет ли большого и сильного быка?» И нашли быка, большого и сильного, и приказали разъярить его; возложили на него раскаленное железо и пустили. И побежал бык мимо него, и схватил быка рукою за бок и вырвал кожу с мясом, сколько захватила его рука. И сказал ему Владимир: «Можешь с ним бороться». На следующее утро пришли печенеги и стали вызывать: «Есть ли муж? Вот наш готов!» Владимир повелел в ту же ночь надеть вооружение, и сошлись обе стороны. Печенеги выпустили своего мужа: был же он очень велик и страшен. И выступил муж Владимира, и увидел его печенег и посмеялся, ибо был он среднего роста. И размерили место между обоими войсками, и пустили их

---

[1] Вероятно, речь идет о некрещеных хорватах, живших, по утверждению византийского историка X в. Константина Багрянородного, где-то в соседстве с Баварией и Венгрией, недалеко от Вислы.

друг против друга. И схватились, и начали крепко жать друг друга, и удавил печенежина руками досмерти. И бросил его оземь. Раздался крик, и побежали печенеги, и гнались за ними русские, избивая их, и прогнали их. Владимир же обрадовался и заложил город у брода того, и назвал его Переяславлем, ибо перенял славу отрок тот. И сделал его Владимир великим мужем, и отца его тоже. И возвратился Владимир в Киев с победою и со славою великою.

9. 〈Предание о белгородском киселе〉

В год 6505. Когда Владимир пошел к Новгороду за северными воинами против печенегов, – так как была в это время беспрерывная великая война, – узнали печенеги, что нет тут князя, пришли и стали под Белгородом. И не давали выйти из города, и был в городе сильный голод, и не мог Владимир помочь, так как не было у него воинов, а печенегов было многое множество. И затянулась осада города, и был сильный голод. И собрали вече в городе, и сказали: «Вот уже скоро умрем от голода, а помощи нет от князя. Разве лучше нам так умереть? – сдадимся печенегам – кого пусть оставят в живых, а кого умертвят; все равно помираем уже от голода». И так порешили на вече. Был же один старец, который не был на том вече, и спросил он: «Зачем было вече?». И поведали ему люди, что завтра хотят сдаться печенегам. Услышав об этом, послал он за городскими старейшинами и сказал им: «Слышал, что хотите сдаться печенегам». Они же ответили: «Не стерпят люди голода». И сказал им: «Послушайте меня, не сдавайтесь еще три дня и сделайте то, что я вам велю». Они же с радостью обещали послушаться. И сказал им: «Соберите хоть по горсти овса, пшеницы или отрубей». Они же радостно пошли и собрали. И повелел женщинам сделать болтушку, на чем кисель варят, и велел выкопать колодец и вставить в него кадь и налить ее болтушкой. И велел выкопать другой колодец и вставить в него кадь, и повелел поискать меду. Они же пошли и взяли лукошко меду, которое было спрятано в княжеской медуше [1]. И приказал сделать из него пресладкую сыту и вылить в кадь в другом колодце. На следующий же день повелел он послать за печенегами. И сказали горожане, придя к печенегам:

---

[1] *Медуша* – помещение для хранения меда. В X–XII вв русские князья получали дань с населения в числе других товаров и медом.

«Возьмите от нас заложников, а сами войдите человек с десять в город, чтобы посмотреть, что творится в городе нашем». Печенеги же обрадовались, подумав, что хотят им сдаться, взяли заложников, а сами выбрали лучших мужей в своих родах и послали в город, чтобы проведали, что делается в городе. И пришли они в город, и сказали им люди: «Зачем губите себя? Разве можете перестоять нас? Если будете стоять и десять лет, то что сделаете нам? Ибо имеем мы пищу от земли. Если не верите, то посмотрите своими глазами». И привели их к колодцу, где была болтушка для киселя, и почерпнули ведром и вылили в горшки. И когда сварили кисель, взяли его и пришли с ними к другому колодцу, и почерпнули сыты из колодца и стали есть сперва сами, а потом и печенеги. И удивились те, и сказали: «Не поверят нам князи наши, если не отведают сами». Люди же налили им корчагу[1] кисельного раствора и сыты из колодца и дали печенегам. Они же, вернувшись, поведали все, что было. И, сварив, ели князья печенежские, и подивились. И взяв своих заложников, а белгородских пустив, поднялись и пошли от города восвояси.

10. ⟨Предание о сватовстве Владимира к Рогнеде⟩

В год 6636... Владимир, будучи в Новгороде, был еще малолетним и язычником. И был у него воевода Добрыня, храбрый и опытный муж. И он послал его к Рогвольду просить у него дочь за Владимира. Он же сказал дочери своей: – Хочешь ли ты за Владимира? Она же сказала: – Не хочу разути сына рабыни, но Ярополка хочу.

Услышав это, Владимир разгневался на ее слова, что она сказала «не хочу я за сына рабыни», – пожаловался Добрыне. И исполнился ярости и послал войска на Полтеск и победил Рогвольда, Рогвольд же вбежал в город, и приступивши к городу и взял ⟨Добрыня⟩ город, и самого его взял, и жену его, и дочь его; и Добрыня поносил его и дочь его, назвал ее рабыней и велел Владимиру быть с ней перед отцом ее и матерью. Потом отца ее убил, а ее дал в жены ⟨Владимиру⟩ и дал ей имя Горислава.

---

[1] *Корчага* – большой глиняный сосуд с одной или двумя ручками, употреблявшийся в Древней Руси обычно для хранения вина.

11. Девичьи горы

...Селение получило свое название несколько столетий тому назад, во времена знаменитого похода Ивана Грозного на Казань.

В ту пору, когда царь вел свое войско против татарского ханства, на месте теперешнего села стояла маленькая мордовская деревенька. И вот жители ее, узнав о походе Ивана Грозного, ополчились против московского царя, устроили заговор и решили убить его.

Одна девушка-мордовка услышала про недобрый замысел своих односельчан, села на коня и помчалась в стан Ивана Грозного. Она сообщила царю о том, что собираются сделать жители ее селения. Иван Грозный выслушал рассказ девушки, горячо поблагодарил ее за вести и наградил дорогими подарками. Но когда девушка вернулась в свою деревню, злые люди убили ее.

Весть об убийстве девушки дошла до царя, и он велел похоронить ее с великими почестями, как славного воина. А после похорон Иван Грозный приказал насыпать на могиле девушки-спасительницы высокий холм. Для этого каждый воин должен был принести к могиле по шапке земли.

Много воинов было тогда у московского царя, и все они свято выполнили приказ своего полководца. И вырос на могиле девушки высоченный холм.

По воле Грозного в деревеньке у подножья холма было оставлено несколько воинов, а само селение с того давнего времени стало именоваться Девичьими Горами.

12. Как Иван Грозный построил крепость Свияжск и взял Казань

Неприступной твердынью татарского царства считалась Казань. Она находилась по соседству с русским государством и вызывала у русских царей тревогу. Но вот стал царем Руси Иван Грозный. Задумал он взять Казань с самых ближних к ней подступов и пошел на хитрость. Стал торговаться с татарским

ханом из-за клочка земли на реке Свияге. Наконец выторговал у него этот клочек земли «с бычью шкуру» под самой Казанью. Тут же велел зарезать самого крупного быка. Из шкуры его сделал ремни, и охватил ими такую большую площадь, на которой уместилось все войско, — ведь это была уже теперь земля русского государства. Ее окружили стеной и назвали крепостью Свияжской. Отсюда Иван Грозный двинул войско на Казань и сразу взял ее.

13. Дедновцы

Есть народное предание, что дедновцы[1], Рязанской губернии, отправили своего старосту с выборными людьми от всего мира встретить Петра Великого с хлебом и солью. Государь, принимая от них приношение, спросил старосту об имени. Староста огласил себя Макаром. Государь сказал: «Хорошо». Потом спросил и других об имени. Дедновцы будто вообразили, что имя старосты их понравилось царю, все до одного назвались Макарами. Государь, смеясь, сказал: «Будьте же вы все Макарами». С тех пор дедновцы слывут Макарами.

14. 〈Ванька-сержант и его бывший господин〉

Известно, коликую трудность имел великий государь довести городовых дворян своих до того, чтоб добровольно отдавали детей своих в службу. Одна дворянка, вдова, быв принуждена строгостью указов разлучиться с считавшимся в недорослях осьмнадцатилетним любезным сыном своим, привезя его в Петербург, записала в Ингерманландской полк в солдаты. Пред несколькими же пред тем годами сею же вдовою отдан был в солдаты дворовой ее человек, по имени Иван. Сей, научася в службе грамоте, проворством и расторопностью своею скоро дослужился в сем же самом полку до сержантов; и прежний его барин, помянутый

[1] *Дедновцы* — жители села Деднова.

недоросль, сделался по команде от него зависящим. Но городской дворянин мнил, что сержант его все еще тот же Ванька, который был и прежде, и что потому не может он им повелевать. Сие было причиною, что не хотел он исполнять приказов его. Сержант за ослушанье жестоко наказал его палкою; а он разжаловался матушке своей, что Ванька больно прибил его. Мать сия взвыла и мнила найти на Ваньку сего управу у государя; она со слезами просит монарха на него управы, объясняяся, что он, быв слугою, прибил своего господина не на живот, а на смерть. Монарх, расспрося ее, кто тот Ванька и кто сын ее, и узнав, что Ванька сержант, а сын ее солдат, приказал обоих их к себе представить и спрашивает сержанта: «За что он бил сына сей старухи?» «За непослушание, – ответствует сержант, – я приказывал ему быть в четвертом часу к ученью, а он, преслушав, не пришел; я, – заключает сержант, – велел его привести силою и наказал как ослушника». Государь, быв на то время весел и ободря его мановением, спросил: «Да как ты его бил?» Сержант, поняв намеренье государя, поставя недоросля в позитуру, дал ему еще несколько ударов палкою, приговаривая: «Не ослушайся, не ослушайся!» «Вот как я бил его, государь!» Мать завыла, а монарх сказал: «Видишь, старуха, какой Ванька-та твой озорник, что и в моем присутствии не унимается; я советую тебе поскорее отойти, дабы к тебе самой чего от него не досталось, ведь за непослушание везде бьют».

15. 〈Петр Первый принимает совет пушечного мастера〉

Из Истории Монаршей видим мы, что Великий сей Государь получил в Новегороде известие о совершенном поражении войск своих под Нарвою, в первую осаду города сего; и что вся артиллерия и денежная казна достались неприятелю. И хотя с ироическим равнодушием принял он сию печальную ведомость, но должно было, однако же, в самой скорости иметь ему новую артиллерию; меди же, из коей вылить оную надлежало, не было, и достать из других государств так скоро ее было не можно. Естественно должно было привести сие Монарха в крайнее недоумение; но в самое то время видит он расхаживающего взад и вперед против окошка своего в размышлении одного худо одетого человека и повелевает спросить его: «Чего он хочет?» Сей отвечает, что он пришел помочь горю Государеву. Монарх повелевает представить его себе и спрашивает, какое имеет он до него дело. «Прика-

жите, Всемилостивейший Государь, прежде поднести мне чарку вина, умираю с похмелья, а денег нет ни полушки». Из таковыя смелости заключает Монарх, что он нечто дельное представить ему хочет, и повелевает поднести ему добрую чарку. «Говори же»,— продолжает государь.— «*Ваше Величество* думаете теперь о потере артиллерии и где взять меди на вылитие новой, не правда ли?» Монарх ожидает продолжения такой речи, которая началом своим уже интересовала его. «Ну, говори же, что далее?» — сказал Монарх.— «Прикажите, *Ваше Величество*, подать другую чарку вина, истинно не охмелился одною». Сколь ни должна быть досадна таковая наглость, но содержание начатой речи было довольно важно, чтоб дослушать оную; повелевает подать ему другую чарку. «Теперь доволен,— продолжает опохмелившийся: меди, Государь, у тебя много; не о чем так о ней думать: сколько излишних и ненужных при церквах колоколов? Что мешает тебе взять целую половину оных и употребить на вылитие стольких пушек, сколько тебе угодно? Нужда Государственная важнее, нежели многие колокола; и половины оных слишком довольно для того предмета, для которого они наделаны; а после, как Бог даст, одолеешь своего противника, то из его же пушек наделать можно колоколов сколько хочешь; к тому же,— заключил он,— есть из них много разбитых и без употребления». Монарх, выслушавши сие, улыбнувшись, произнес: «*Камень, его же небрегота зиждущий, той бысть во главу угла*». Какое награждение учинил Государь сему пьяному, неизвестно; а известно только то, что по сему совету было поступлено, и в ту же еще зиму вылита из некоторой части колоколов великая артиллерия. Пьяной сей был пушечной мастер, и один престарелый пушкарь, знакомец его и бывший того очевидцем, передал нам сие. ⟨...⟩

16. О Петре Первом

Как только время свободное ему от черной работы, так он все по кабакам ходил да у мастеров выведывал о их мастерстве: все научиться хотелось всему. Приходит раз в кабак и встретил там оборванного пьянчужку; взял водки, а его не подчует. «Ты, видно, ничего не умеешь?— спрашивает.— Что больно обтрепан?» — «Нет,— говорит,— умею вот такое-то ремесло».— «А как вот эту вещь делать?».— «Так вот»,— говорит. «Врешь!» — «Нет, ты врешь!» Поднялся спор, и пьянчуга доказал Петру, что он врет. Петр остался этим очень доволен, потому что о мастерстве все, что̀ надо, разузнал; и напоил мастерового в лоск.

17. Про уральское железо

Слыхал я от стариков, что будто царь Петр приезжал на Урал железную руду искать, а она, матушка, тут прямо сверху лежала. Он как увидел ее, так и ахнул: — Вот этого только нам и надо.

Железо-то он, сказывают, больно любил и большой толк в нем знал, потому как сам кузнец был.

Перво-наперво царь Петр из уральского железа сковал подкову. Он, слышь, усилок[1] был и подковы голыми руками разгибал, а эту не мог разогнуть.

Потом он сковал меч и стал его пробовать. Рубил им чугун, железо, камни. И все, как репа, пополам разлетается. А меч даже не затупился.

Потом он отлил пушку и зарядил ее тройным зарядом, выпалил из нее и ничего ведь, сказывают, сдюжила, не разорвало ее.

Петр заставил тульских кузнецов пушки делать и сабли, а сам поскакал в столицу и стал собирать войско. ⟨...⟩

А в ту пору шведский царь Карла своим войском с войной шел на нас. Вот царь Петр собрал войско, и к этому времени пушки и сабли с Урала подоспели. Петр сам сел на коня и повел свои войска на шведов. И как начали наши войска из пушек палить, да саблями рубить! Утром начали, а в вечеру дотла всех решили[2]. Вот оно, как дело-то было.

18. Предания о Демидовых и демидовских заводах

На Невьянских железных заводах, пожалованных Петром Первым родоначальнику Демидовых, можно еще видеть усадьбу Никиты Антуфьева, как он назывался тогда. Сохранилось также много любопытных бумаг и преданий о знаменитом Тульском кузнеце. Рассказывают, между прочим, следующие подробности о первой его встрече с Петром.

---

[1] *Усилок* здесь — силач.

[2] Уничтожили.

Один из наших вельмож, ездивший за границу, привез Петру пистолет. Царь очень потешался подарком, но к несчастию сломал курок. Не нашлось в Москве мастера, способного его починить, и кто-то посоветовал обратиться в Тулу, где кузнец Никита Демидов Антуфьев славился ловкостью и искусством. Петр, ехавший в Воронеж, захватил пистолет с собой, остановился в Туле и приказал позвать кузнеца, который объявил, что дело можно поправить, но что починка потребует времени. Петр оставил ему пистолет с тем, чтоб взять его назад, когда поедет обратно в Москву. Месяца через два государь прибыл опять в Тулу и спросил о своем заказе. Никита Демидов принес ему пистолет. Осмотревши его, Петр похвалил кузнеца и прибавил: «А пистолет-то каков! Доживу ли я до того времени, когда у меня на Руси будут так работать?» — «Что ж, авось и мы супротив немца постоим!» — отозвался Никита.

На беду Петр выпил лишнюю рюмку анисовки, и эти ненавистные слова, слышанные им уже столько раз, взбесили его. Он не сдержал руки и крикнул, ударяя в щеку Антуфьева: «Сперва сделай, мошенник, потом хвались!»

«А ты, царь,— возразил, не смущаясь, кузнец,— сперва узнай, потом дерись!» При этих словах он вынул из кармана пистолет и продолжал: «Который у твоей милости, тот моей работы, а вот твой — заморский-то».

Разглядев пистолеты, обрадованный Петр подошел к Никите и обнял его.

— «Виноват я перед тобой, — сказал он, — и ты, я вижу, малый дельный. Ты женат?»

— «Женат».

— «Так ступай же домой и вели своей хозяйке мне приготовить закусить, а я кое-что осмотрю, да часика через два приду к тебе, и мы потолкуем».

Кузнец, не чуя от радости земли под ногами, полетел домой. Жена его не поскупилась, разумеется, на угощенье, принарядилась и встретила дорогого гостя с низким поклоном. Петр, отведав хлеба-соли, разговорился с Антуфьевым и спросил его, не возьмется ли он устроить в Туле ружейный завод, о котором царь давно мечтал, и много ли потребуется денег на это предприятие.

Антуфьев попросил пяти тысяч. Они были ему немедленно выданы из казны, и он приступил к делу в добрый час. Завод был выстроен, пущен и стал снабжать ружьями нашу армию. Петр, довольный распорядительностью Антуфьева, пожаловал ему в Тобольском и Верхотурском уездах два железные завода на Каменке и на Нейве, которые давали мало дохода за неимением искусных управителей. Кузнец принял этот дар с большой благодарностью и обязался, в свою очередь, поставлять ежегодно царю известное количество военных запасов, пушек и железа. ⟨...⟩

...Дедовские богатства раздробились на мелкие части в роде Григорья Акинфиевича [1], однако они принесли свою пользу отечеству. Сын его, Павел Григорьевич, основал в Ярославле лицей, носящий его имя. Что касается до Прокофья Акинфиевича, то он оставил своим детям значительные капиталы, которые разошлись также со временем по многим рукам, но заводы свои продал. Он был известен как человек добрый и крайний чудак. Нам довелось слышать много рассказов о нем от старушки, которая знала его в своей молодости. Он был женат два раза. После смерти первой его жены ему понравилась молодая девушка из Московского общества. Демидов, как большая часть богачей, избалованный могуществом золота, не усомнился, что красавица примет его предложение. Он поехал в дом ее родителей и вошел в кабинет отца, сопровождаемый лакеем; этот последний нес шкатулку, которую поставил на стол. Демидов вынул ключ из кармана и отпер ее. В ней лежали великолепные бриллианты.

— «Хороши?» — спросил нежданный гость, обращаясь к хозяину дома.

— «Очень хороши, — отвечал тот, взглянув на него с удивлением, — но позвольте спросить, государь мой, по какому случаю имею я честь вас видеть у себя?»

— «Я приехал свататься за вашу дочь: это мой первый подарок».

— «Берите его назад: я не отдам дочери за вас».

Прокофий Акинфиевич не поверил ушам.

— «Как! — повторял он, — вы не отдадите вашей дочери за меня?»

«Не отдам, — настаивал с своей стороны отец. — Бог с вами и с вашими бриллиантами».

Вернувшись домой, Демидов позвал своего конторщика и отдал ему следующее приказание: «Напечатать в газетах, что Прокофий Демидов сватался и получил отказ» [2].

Раз к нему обратилась с просьбой мелкопоместная помещица, которая вошла в неоплатный для нее долг, — тысячу рублей. Она умоляла Демидова дать ей взаймы эти деньги, обещаясь возвратить их по возможности.

«Хорошо, — сказал он, — только считай их сама».

Через несколько минут лакеи внесли в комнату огромные мешки, наполненные медными деньгами.

«Посчитай-ка, — повторил, смеясь, Демидов, — все ли тут сполна».

Просительница, не позволяя себе никакого замечания, села на пол и стала раскладывать около себя кучки пятаков и грошей, а Прокофий Акинфиевич сновал взад и вперед по комнате, задевая

---

[1] Сын старшего сына Никиты Демидова.

[2] Не знаю, явилось ли в газетах это оригинальное объявление и, к сожалению, не помню имени честного человека, которого не подкупило демидовское богатство. (Примеч. *Т. Т. Толычевой*).

их ногой, будто по неловкости, и бедная женщина принималась опять за свой неблагодарный труд. Через несколько часов она объявила наконец, что 1000 рублей сочтены.

«Да не лучше ли дать тебе деньги золотом? – спросил ее Демидов, – а то, пожалуй, не ловко тебе будет нести эти мешки».

– «Разумеется, золотом, батюшка, коли милость ваша будет», – отвечала она.

– «Так давно бы ты сказала; ведь мне и в голову не пришло; а за то, что ты трудилась даром, уж так и быть, бери их без отдачи». ⟨...⟩

19. Как строился крепостной Тагил

Тульский кузнец Никита Демидов пришел в уральские дебри, где потом основан был Нижний Тагил.

Здесь жили от незапамятных времен старожилы: одни – по реке Тагил, другие – там, где стал Медный рудник, третьи – в деревне Фотеево, четвертые – где сейчас Горбуново. Люди эти бежали от царского гнева и от переворота религии. Они не приняли новую веру, и царь жестоко их мучил, называя еретиками. Они разбегались по Уралу группами и в одиночку, расплождались, жили целыми поколениями в одной семье.

В уральских лесах было много зверя и много рыбы в реке Тагил. Люди занимались охотой и рыболовством. Связь имели друг с другом за сотни верст. Доставали скот: телочку, жеребенка. Из бродячей жизни переходили в оседлую. Жилось им спокойно. Вблизи никакого жилья не было, и царский гнев до них не доходил.

Но вот пришел Демидов. Первое, что он обнаружил, – это залежи руды – магнита.

Будто бы это случилось так. Когда проезжал Ермак Тимофеевич, то кони прилипали подковами к магниту. Это передали в царский чертог. Царь нашел в Демидове человека великого ума и послал его на Урал. Тот открыл руды, уехал, опять вернулся с заграничными учеными и приступил к работе. Построили домну плавить руду, построили плотину, прошли второе русло.

Рабочая сила была гната отовсюду, скупалась в разных губерниях у помещиков. Помещики выбирали крепостных похуже, и все эти люди из-под жестокой власти помещиков попадали к Демидову. Демидов тоже не миловал. Он своим помощникам давал право поступать с крепостными, как хотят. Били, если кто не слушает. А не даст себя побить – отдавали в солдаты на 25 лет...

20. Суворов и солдаты

Суворов совсем по-другому обучал солдат, чем прежнее начальство. Суворов не любил серебряной и медной посуды. Говорил: «В ней – яд...» Кушал, как солдаты, из глиняной чашки деревянной ложкой. Ел немного, не переедал. Денщику наказывал:

– Ты мне не давай много есть!

– Да как же я могу не давать вам, ваше высокопревосходительство?!

– А ты только скажи: «Суворов не велел».

И вот раз Суворов сел обедать. Есть очень захотел. Денщик видит, что Суворов уже достаточно покушал и говорит:

– Нельзя больше, ваше высокопревосходительство!

– Да я есть хочу!..

– Нельзя...

– Почему нельзя?

– Суворов не велел.

– А-а, Суворов... Тогда не буду.

Солдат он обучал по-своему. Смотрел, чтобы солдаты были здоровы. Говорил:

– Бойся больницы! В больнице пища сладкая, постель мягкая, а на третий день – гроб!

Если увидит, что солдат стоит задумчивый, подходит к нему и спрашивает:

– Ну, что, братец, здоров ли?

– Да что-то нездоровится, ваше высокопревосходительство.

– Да ты возьми немного водочки, насыпь туда соли и перцу, размешай палочкой, выпей и будешь здоров.

Часов не любил. Говорил:

– Все часы врут: одни отстают, а другие вперед бегут. А вот петух... Он время знает...

И когда надо, если петуха нет, сам петухом запоет.

Пойдет ночью часовых проверять. Подходит к одному:

– Здорово, братец!

– Здравия желаю, ваше высокопревосходительство!

– А скажи, братец, сколько на небе звезд?

Солдат посмотрел на небо и говорит:

– Сейчас сосчитаю! – И давай считать: «раз, два, три, четыре, пять...»

– Хорошо, братец, я вижу, что ты можешь сосчитать.

Подходит к другому часовому:

– Здорово, братец!

— Здравия желаю, ваше высокопревосходительство!

— Скажи, братец, сколько от земли до луны верст?

— Два суворовских перехода, ваше высокопревосходительство!

А потом Суворов отдает в приказе: «Все философы уверяют, что звезд бесчисленное множество, а мой солдат взялся их сосчитать...»

Суворов не ездил в экипаже или верхом, а всегда впереди солдат шел пешком.

Тут, видно, крепость Измаил он брал. Войска подошли к самой крепости, а обоз с сухарями отстал. Солдаты были голодные, а сухарей нет. Стали говорить... Суворов услыхал это, встал на пригорок и вдруг запел:

Что это у девки за кручина?
Что же это с девкой приключилось?
Али девка замуж захотела...

Ну, и там дальше. А солдаты:

— Смотрите-ка, смотрите-ка. Суворов-то песню поет!...

Тут Суворов велел ударить в барабан. Тревога!.. Выстроил всех и штурмом через шесть часов взял Измаил. А говорили: крепость неприступная...

21. 〈Однажды убийца...〉

Однажды убийца [1] в платье русского офицера пробрался в наш лагерь и, пользуясь темнотою, дошел до палатки фельдмаршала. Войдя в нее, он заметил, что Суворов, почти обнаженный, лежит на сене в углу и спит сладким сном. Поляк наводит пистолет и стреляет; пистолет осекается... Это повторилось до трех раз; тогда убийца хочет поразить спящего кинжалом в сердце, но какая-то невидимая сила несколько раз отстраняет смертоносное острие в сторону.

Злодей бросает оружие, становится на колени и будит героя. Суворов просыпается, открывает глаза и, увидев человека, стоящего на коленях, говорит ему:

— Встань, я знаю, зачем ты пришел сюда и что случилось с тобою, иди отсюда скорее, ибо не пришла еще пора моей смерти; не поразит меня ни пуля вражеская, ни яд злодея, ни нож убийцы, а умру я спокойно, когда настанет для этого время...

---

[1] Богатый и образованный польский шляхтич искал случая убить А. В. Суворова, надеясь приобрести этим любовь одной знатной красавицы-панны.

22. 〈В Альпийском походе〉

В то время, когда русские солдаты взбирались на такие крутизны[1], на какие прежде едва дерзали карабкаться даже самые смелые охотники за сернами, и лезли вперед, упираясь штыками в огромные глыбы снега и, скатываясь по ледникам С.-Готарда, у Госписа французы сделали пороховую мину, думая взорвать весь наш отряд, проходивший по узенькой тропинке «Gross Fürst». Суворов предугадал это заранее и вернул своих солдат, прежде чем они успели попасть в роковую ловушку. Неприятель, изумленный внезапным поворотом русского отряда, бросился на него и был разбит. После этого победители расположились на ночлег в одной швейцарской деревушке, а фельдмаршал ночевал в овечьем хлеву. Среди ночи несколько местных обитателей, охотясь, попали нечаянно в ледниках в какую-то ранее им неизвестную пещеру, где развели огонь и легли спать. Под утро кто-то вошел в пещеру и сел у огня. Это был сухой, живой старик с огненными глазами, одетый в синий оборванный плащ и белую рубаху, с измятою шляпою на голове. Он разбудил спящих и сказал им, что недалеко от них лежит громадное количество пороха, которым они могут воспользоваться, прося только об одном,— взорвать остальное и сделать все это так, чтобы никто кроме них самих не знал ничего. Швейцары, испуганные ночным видением и таким необыкновенным гостем, растерялись до того, что не заметили, как ушел неизвестный старик. Утром они, дрожа от страху, исполнили то, что им было посоветовано, и возвращались домой, нагруженные порохом, как встретили того самого старика, который объявил им, что он русский полководец и, поблагодарив их за исполнение его просьбы, неизвестно куда скрылся.

23. Суворов и мезенский солдат

В одно время по весне ехал в путях-дорожках на Мезень полководец Суворов на свиданьице к своему другу любимому. Соскучился он, прошло несколько лет, как не получал полководец от

---

[1] Речь идет о трудном походе русской армии под предводительством А. В. Суворова через Альпы.

друга ни письма, ни грамоты, ни словесного челобитьица. Вешные дорожки не очень хороши – реки разливаются, снежки белые тают. Только ярко светит солнце красное. Не знай, долго ли, скоро ли попадет на Мезень Суворов. Думал он таку думушку: «Если нет в живых друга любимого, поклонюсь на могиле праху его и поставлю памятник». ⟨...⟩

Суворов ехал и расспрашивал о друге, а на первых станциях не знал никто ничего, потому что не близко от его деревни. На полководце сверху одежда была простая, а под низом форменная военная. Где Суворова принимали ласково, а где-ка и с руганью: «Куда ты, солдат, торопишься? Ты, старик, не жениться ли собираешься?» А Суворов рассмехнется и ничего более не скажет. ⟨...⟩

А последнюю станцию его везти привелся мужик мезенец хороший. И разговорились. «А живой ли, не живой ли старик солдат?» – стал спрашивать Суворов: «Вместях он со мной служил. Мы горе и радость делили пополам. Кабы не он, я и живой не был – он меня раненого на своих плечах с поля бранного вынес». – «Живой твой друг, служивый, – ответил мезенец, – живет со старухой, богатства не имеет и голодом не сидит». ⟨...⟩

Ехал он в пасочную ночь. Увидали деревню – огней много в деревне, как звезд на небе. Зазвонили колокола. Суворов рассчитался с ямщиком и попросил завезти свои сумочки-котомочки к жене солдата. А в ограде народа видимо-невидимо. Суворов пошел в последних и хотел дойти до крылоса попеть-почитать. А не мог попасть на крылос. И стал Суворов в сторонку. А друга своего солдата Суворов нигде не видит. Отстоял Суворов всенощну, отстоял заутреню. Народ захристосались. И пошел Суворов ко кресту, а потом вышел во трапезу, а там у печки стоит его друг. ⟨...⟩

Тут и строча ихна была – не знают плакать или радоваться! И скричал тогда солдат: «Кого я вижу – полководца Суворова Александа Васильевича!» А мезенцы дивуются: «С ума ли говорит этот старик?»

А за обедней все узнали полководца, и все мужики заздоровались и захристосались и по-прежнему скричали: «Ура! Полководцу великому честь и слава!» И когда отошла обедня христосьская, нанесли ему яиц. Суворов стал отказываться: «Куда мне с яйцами? Не на лошадях везти».

И пошел Суворов к другу своему. А тогда, в прежнее время, тоже не лежали вести на одном месте. Забежали к старухе ребята да жонки и сказали, кто гость к ним наехал. Она стретила полководца с чести, с радости. Обед был, может, и плоховатый, зато сидел Суворов с другом верным, трои суточки гостил Суворов у мезенцей. Пондравились ему народ северный. А солдат его до Архангельского провожал. Суворов оставил другу денег, жил он со старухой не бедно и не нужно, да и от него еще денег осталось.

А мезенцы старики долго про Суворова пропевали.

24. ⟨На Ураковском лбище⟩

На Ураковском лбище... жил некогда атаман, по имени Урак, человек очень жадный и отчаянный. Тут же, под горой, впадает в Волгу маленькая речушка Ураковка, служившая гаванью для разбойников. Лишь только с вершины раздавался зычный клич атамана, из прибрежных кустов вылетали «острогрудые челны», окружали неуклюжую купецкую посуду, и начиналась расправа. Одним из есаулов Урака был отважный Стенька, по фамилии Разин.

Человек он был и дурной, и хороший, говорит рассказчик, зря не обижал, но уж плохому человеку спуску не давал.

Однажды атаман приказал ему взять бедную мужицкую посуду, нагруженную лаптями. Стенька наотрез отказался грабить бедноту, и вот из-за этого произошла ссора, во время которой Разин убил Урака. Похоронив его на вершине Лбища, он сделался сам атаманом и ушел со своей шайкой на новое место, на тот бугор, что и сейчас называется Стенькиным.

25. ⟨Разин и мастер⟩

В Саратове, когда на красной собор ставили кресты, в это время к берегу с Волги ехал на кошме Стенька Разин для того, чтобы посмотреть. Мастер, который ставил крест, увидал Стеньку сверху и, видно, силой божьей остановил Стеньку сажен на 50 от берега, полость под Стенькой стала тонуть. Стенька бросил кошму и на руках доплыл до берега. Когда вышел на берег, то он волшебной силой узнал, кто это над ним пошутил, и в отместку мастеру устроил змея, и этот змей, к ужасу всего народа, быстро пополз прямо наверх по канату, а потом обвился около той веревки, на которой был привязан мастер. Мастер взял топор и тяп по змею, веревку на себе и перерубил, затем следом за ударом топора полетел вниз и расшибся вдребезги.

26. 〈Про Степана Разина〉

а. Под Василём напали стрельцы на удалых молодцев Стеньки Разина. При шайке был сам атаман с есаулом. Вот начали они биться, и не берут разбойников ни железо, ни пули, потому что они все заговорёны. Из шайки все живы, никто не ранен, а стрельцы так и валятся. Один сержант и догадайся: зарядил пищаль крестом (с шеи снял), да в есаула и выпалил. Тот как сноп свалился. Стенька видит, что делать нечего, крикнул ребятам: «Вода!» (спасайся, значит). Подбежали к Волге, сели на кошму́ и уплыли, а есаулово тело тут на берегу в лесу бросили и три месяца его земля не брала, ни зверь не трогал, ни птица. Вот раз кто-то из прихожих мужиков подошел да и говорит: «Собаке, – говорит, – собачья и смерть!» Как только эти слова сказал, мертвый есаул вскочил на ноги и убежал Бог весть куда.

б. Стенька начальству раз сам дался, руки протянул, и заковали его в желе́зы. После положили и зачали пытать: и иголками кололи, и кошками били – ничего не берет. Стенька знай только себе хохочет. Вот и выискался один знающий человек и говорит: «Да вы чего бьете-то? Ведь вы не Стеньку бьете, и не он у вас в кандалах, а чурбан! Он вам глаза отвел да и хохочет». Сказал этот человек такое слово – глядит начальство, а и в самом деле не Стенька лежит, а чурбан. Ну, после Стенька уж не мог вырваться; положили его при том человеке, стали быть – про́брали. А то бы он вовсе глаза отвел.

в. За Волгой, на Синих горах, при самой дороге, трубка Стеньки лежит. Кто тоё трубку покурит, станет заговорёный, и клады все ему дадутся и все; будет словно сам Стенька. Только такого смелого человека не выискивается до сей поры.

27 〈О Степане Разине〉

Стенька Разин на своей кошме-самолетке-самоплавке перелетал с Дона на Волгу, а с Волги на Дон. На Дону было у него место, называется камень, а на Волге был у него бугор. Пограбит суда на Волге – полетит на Дон. Не было спуску ни царским

судам, ни купеческим, ни большим, ни мелким: со всех судов Стенька брал подать; а кто вздумает обороняться, тех топил, а господ больших ловил да в тюрьму сажал. Вот и шлет к нему сам царь: «Зачем, говорит, ты царских судов не пропускаешь?» А Стенька говорит: «Я, мол, ваше царское величество, не знаю, какие есть суда царские, какие нецарские». Царь приказал на всех царских судах ставить гербы. Стенька поэтому не трогал их и пропускал, и дани не брал. Царь за это прислал к нему в подарок шапку. Только тогда купцы сговорились, да и на свои суда стали ставить гербы, а Стенька, как это узнал, и говорит: «Нельзя разобрать, какие суда есть царские, какие нецарские!» — и опять со всех судов стал брать дань.

Много лет он таким образом летал с Дона на Волгу, с Волги на Дон: а взять его никаким войском нельзя было, для того что он был чернокнижник. Потом собрал он шайку и поплыл в Персию, и воевал он там два года, и набрал так много богатства, что и счесть и сметить невозможно, а как ворочался, в Астрахани воеводы не хотели пропустить его. Стенька говорит: «Пропустите меня, воеводы: я вам ничего дурного не сделаю!» Воеводы-таки не пропустили, а велели палить на него из ружей и из пушек, только Стенька, как был чернокнижник, — его нельзя было донять ничем; он такое слово знал, что ядра и пули от него отскакивали. Тогда подманила его девка Маша, как в песне поется, — но и тут Стенька улизнул от беды, и за эту штуку не простил воеводам. На другой год он пришел в Астрахань с войском и осадил кругом город. А в Астрахани жили больше все неверные. Стенька приказал палить холостыми зарядами и послал сказать, что жалеет православных христиан, а просит, чтоб христиане отворили ему ворота. Христиане и отворили ворота; он, как пошел, всех неверных ограбил, а иных досмерти побил, и воевод побил за то, что его не пропускали, как он ворочался из Персии, а христианам ничего худого не сделал. Тогда был в Астрахани митрополит; стал он его, Стеньку, корить и говорит ему: «Вишь, какая у тебя шапка — царский подарок; надобно, чтоб тебе теперь за твои дела царь на ноги прислал подарок — кандалы». И стал его митрополит уговаривать, чтоб он покаялся и принес повинную богу и государю. Стенька осерчал на него за это, да притворился, будто и в самом деле пришел в чувствие и хочет покаяться и говорит митрополиту: «Хорошо, я покаюсь; пойдем на соборную колокольню; я стану с тобой вместе и оттуда перед всем народом принесу покаяние, чтоб все видели, да и тоже покаялись». Как взошли они на колокольню, Стенька схватил митрополита поперек, да и скинул вниз. «Вот, говорит, тебе мое покаяние!» За это его семью соборами прокляли! Товарищи его как узнали, что он семью соборами проклят, связали его и отправили в Москву Стенька, едучи, сидит в железах, да только посмеивается. Привезли его в Москву и посадили в тюрьму. Стенька дотронулся до кандалов разрывом-травою — кандалы спали, потом Стенька

нашел уголек, нарисовал на стене лодку и весла, и воду, — все как есть, да, как известно, был колдун, сел в эту лодку и очутился на Волге. Только уже не пришлось ему больше гулять: ни Волга-матушка, ни мать сыра земля не приняла его. Нет ему смерти. Он и до сих пор жив.

Одни говорят, что он бродит по городам и лесам и помогает иногда беглым и беспаспортным. Но больше говорят, что он сидит где-то в горé и мучится.

28. ⟨Разин был из казаков⟩

Сенькя Разин был из казаков из дóнских. Когда он предасца нарочи[1]. Возьмет нитки, как лодке быть, и сядут в нее, и под нее плеснет ложку воды, и поплывут из острога по городу, и песни поют. — Он, по-нашему, как бы как дьявол был. Стреляют в них, стреляют, стреляют. «Стой-ко-те!» — кричит ево сила. Перестанут стрелять; они снимут с себя одежды, повытряхнут пули и отдадут назад; а сами стреляют, как «прядь» делают[2]. Сенькя заговаривал от пуль.

Слава о его похожденьях и о хорошей жисти у нево была на всю Расею. Вместе с бродяжной, вольной народ ходил к нему нарочи.

Шел купец, две бочки вина положил в лотку. Разинцы остановили. Пристал. Товары набрасовают, набрасовают себе в добычу. Купец смекает, так весь товар выбрасают. «Стой-те! — говорит, — братцы, у меня две бочки вина есть». — «А вино есть! Клади товар в лодку, выкатывай вино-то».

Как пошол купец, его лямошник снял лямку и говорит купцу: «Прощай, не то иду к Сеньке»...

Приходит: «Возьмите миня». — «А мы таких и ищем!» Одели ево, как купца, а стару лапоть побросали в огонь.

Сенькя Разин из осилков был. Помер своею смертью.

Вот как не стало Сеньки, его товарищи пели:

Не спасибо тибе, матушка Волга-река, —
Исподелала часты городочки,
Испоставила крепкú караулы...

---

[1] Нарочно, для видимости.
[2] Стреляют беспрерывно.

29. Бугор Степана Разина

Бугор – Стенькин двор, а пещера – его жилище.

Здесь он с вершины волжских гор караулил купецкие караваны, царскую да монастырскую казну к себе поджидал. А в глубоких буераках его молодцы на мелких лодках ждали слова атамана: «Сарынь, на кичку!»

Радостным свистом отвечали бурлаки, сбросив с плеч опостылевшую лямку.

Степан Разин не умер. В день, когда ему выйдет срок, он встанет. Взмахнет кистенем – и от обидчиков, лихих кровопивцев мигом не останется и следа.

Не долго уж ему осталось маяться. Скоро, говорят старики, час настанет. Тогда держись только. Он, батюшка, шутить не станет!..

(Так говорили о Степане Разине крестьяне в период империалистической войны).

30. ⟨Волжский атаман⟩

Степан Тимофеевич Разин, волжский атаман, живет в Разиных горах. Это горы по берегу Волги, от Федоровки до Терешки, их видно из Елшанки.

Он живет в виде громадного горного орла. Иногда он нападает на людей, но только за провинности.

Иногда он бывает в виде старого старика. Тогда он встречает людей на дороге и расспрашивает об их житье-бытье. Он внимательно выслушивает все жалобы на господ и начальников и обещает явиться грозным мстителем за народ.

31. ⟨Место, где жил Разин⟩

Я слышал от старых людей насчет одного места, что там жил Стенька Разин. Это место и теперь можно очень хорошо узнать: огромная гора, похожая на двор, имя ее и теперь — Каменный двор, на середине ее бугор, на бугре дубовый лесок, а на самой середине, на вершине около бугра, три березы, под березами родник. Старики говорят, что на этом самом месте жили разбойники, а наружная сторона той горы с одной стороны похожа на ворота. А вокруг нее как есть двор. По самой вершине горы — лесок, словно крыша, а низ ее словно каменная стена. Эту стену называют лицевою стороной Каменного двора. В стороне от этого двора расположены высокие горы... Имя этих гор — Караульные горы. Старики рассказывают, что когда жил Стенька Разин, то разбойники на этих горах подкарауливали проезжавших по дороге, и будто оттуда сквозь землю была протянута цепь. Как только увидят проезжающих, они и дернут эту цепь, а к концу этой цепи был привязан колокол. Как услышат их товарищи тот колокол, они и выйдут на дорогу. А еще дальше к большой дороге есть овраг по имени Банный овраг, будто они ходили туда париться в баню.

32. ⟨Клад Разина⟩

Когда шел Стенька Разин на Промзино Городище (Алатырский уезд), то зарыл в окрестностях его две бочки серебра. Конечно, зарыл он их неспроста, и теперь часто видят при вечере, как эти бочки выходят из подземелья и катаются, погромыхивая цепями и серебряными деньгами. Но достать их мудрено.

Один мужичок узнал, что они лежат в горе, отыскал место, дождался полночи и стал копать землю и разворачивать каменья; дошел уже он до плиты, закрывавшей заветные бочки, да как-то взглянул на противоположную сторону горы — и видит он: идет на него войско, так стройно, ружья все направлены прямо на него.

Он бросил все и бежал домой без оглядки; на другой день мужичок пошел на гору, но не нашел ни скребка ни лопаты. Если бы он не струсил, то, без сомнения, клад достался бы ему.

33. ⟨О Емельяне Пугачеве⟩

...Емельян Пугачев шел на Казань через город Курмыш Симбирской губернии, который от города Ядрина находится в 12 верстах по реке Суре... Мордва, жившая в селе Шакино Нижегородской губ., находящемся от Ядрина в 10 верстах, а от Курмыша — в 6-ти верстах, узнав, что Пугачев, как царь, приказывает вешать господ и причты церковные, обирающие народ, устремилась в город Ядрин... ⟨...⟩

В город Ядрин Пугачев не заехал, а проехал 20-го июля через г. Курмыш. Вблизи г. Курмыша, на другой стороне реки Суры, и поныне стоит село «Ильина Гора». Дедушка мой... в это время был тут дьячком.

На Ильиной Горе 20-го июля храмовый праздник, и причт, в числе коего был и мой дедушка, служил перед обедней молебны.

Вдруг едет казак и кричит громким голосом:

— Встречайте, царь сейчас переедет через Суру.

Смотрим, как говорил дедушка, и доподлинно едет Пугачев верхом на светло-желтом коне. Одет Пугачев был в халате, и нагайка у него висела через плечо. Около него верхами ехали два генерала с бородами, в лентах. Один Белобородов, а другой Белокопытов, как теперь, помню их по рассказу дедушки моего. Причт вышел навстречу с крестом и святой водой. Пугачев слез с коня, приложился к кресту, и священник окропил его святою водой. У села Пугачев остановился отдыхать и велел причту после обедни явиться к нему в лагерь.

Причт явился, и Пугачев подал всем водки, а потом говорит:

— Ну, отец! Спасибо тебе, что ты почтил меня, как царя своего. Когда я возвращусь в Москву на престол свой, то тебя и дьячка вызову к себе и сделаю тебя первым протопопом, а дьячка твоего попом...

Причт пал ему в ноги за это...

Отсюда Пугачев тронулся большою дорогой к Выльскому базару Ядринской округи и там тоже остановился отдыхать. Чуваши свезли к нему тут разных членов причта, перевязанных, и жаловались Пугачеву, что они их крайне обижают и разоряют.

Пугачев в ответ махнул белым платком, и тут же всех попов передушили чуваши. ⟨...⟩

...Через полгода по приказу императрицы Екатерины всем попам, встречавшим Пугачева с иконами, были отрезаны уши. Ильинский причт, благодаря невыдачи его крестьянами, избежал такой страшной казни.

Чуваши, потревоженные Пугачевым, долго не могли успокоиться; из-за Суры они приходили в город Ядрин и кричали:

— Царь Петр Федорович приказал давать нам даром соли за то, что мы вешали попов, обижающих нас.

Чуваш ловили и сажали в тюрьму, а потом некоторых вешали, а иных засекали до смерти, посыпая солью ранения.

...За отражение Пугачева ядринскому купцу Засыпкину и купцу Упрямкину императрица Екатерина пожаловала потомственное дворянство и по серебряному с золотом ковшу. Один ковш и сейчас хранится в Троицкой церкви г. Ядрина и к крайнему сожалению другой совершенно исчез, как исчезли кафтаны и сабли, подаренные Екатериной, и дарственная грамота жителям Ядрина.

Ядринские мещане и сейчас вздыхают по этой грамоте, говоря:

— Екатериной земля грамотой была дадена, и кто-то стащил эту грамоту...

34. ⟨Пугачев в Саратове⟩

— Накануне второго спаса вышла я с пирогами утром рано, уставила скамейку и покрикиваю: «Пирогов с начинкою, масляных горячих, отведайте, молодцы, молодушки и малые ребята». Подходят ко мне человек пять, такие урванцы, что не много встретишь, говорят, где, дескать, бояре проживают? Мы, дескать, посланные царские слуги. Меня — как иголки от их слов по шкуре закололи, — что, думаю, делать? Люди они, по-видимому, недобрые. Отвечаю им: «Не знаю, молодцы». — «Как не знаешь? Ты, дескать, торгуешь, здешняя, стало — скрываешь». Один из них как толкнет меня. «Ахти, — говорю, — что ты, окаянный пострел?» — «Как пострел? Я, дескать, царский слуга». Давай меня трепать, отняли корчагу, вырвали кошель с деньгами и полетели на Соколовую гору. Плакала я, плакала, а помочь горю нечем, — я к этому старичку (указав на Острякова [1]), — он в то время был молодец молод-

[1] Сосед рассказчицы.

цом. Совета не подал, говорит: «Не до тебя, дескать, Вахромеевна. Пугач около Саратова, а его разбойники грабят и буйствуют». Так и быть, молчу: ни денег, ни корчаги. На самый второй спас утром пришел на Соколовую гору Пугач, с ним ехало народу видимо-невидимо. Пугач ехал верхом на белой лошади, на нем была высокая пушистая шапка, чапан синий, шаровары и бекешка с золотом; вокруг него были верховые с саблями и ружьями; позади везли пушки. Перед обеднями поставили палатки и виселицы. Слышу, из тюрьмы колодников выпускают; думаю себе: неспроста милости дают, дай дойду. Собралась с духом, да и туда. Помню, как сейчас: около палатки Пугача собрались казаки, посадские, сам Пугач ходит по народу. Я ему в ноги, и молвила, что, дескать, обидели меня его слуги. Он сказал: «Не плачь, помогу», и велел отдать мне деньги. Конный вынес из палатки пригоршни медных денег и высыпал мне в передник. Слава богу, думаю себе, потихоньку вышла из толпы, да сколько было силы — бежать с горы.

При мне к Пугачу на гору привели барыню и двух дочерей, связанных. Пугач на них кричал, грозил повесить за то, что барыня укрыла мужа своего, а дети не сказывали, где отец, которого Пугач намерен был повесить. Дочери так плакали голосом, упрашивали Пугача отпустить их, что одна из них упала замертво. Пугач умилостивился, приказал отвести всех в дом и сказать отцу, что, дескать, не за покорность его, а за слезы детей милость дает.

35. ⟨Оленкин куст⟩

Старики говорили, что тут лес был агромаднейший. Пугачев тут был и в Малиннике-лесу повесил барыню Олену. За что? Бывало Пугачев Емелька-то соберет сход: мол, старики, как барин с вами обращается? Хороших обходил. А Олена порола, взыскивала — таких он вешал. Так он и сейчас называется: «Оленкин куст». Это старики рассказывали: тут, мол, Емельян Пугачев повесил барыню такую-то.

36. Пугачев в Авзяне

На Авзяно-Петровский завод Демидова Пугачев прибыл после поражения под Оренбургом. Было это 25 марта (по-старому) 1774 года на Благовещенье и Пасху: совпали в том году праздники.

Сделал он привал на Малиновой горе, у часовни, и послал разведку, а затем и сам в Авзян пожаловал с пятьюстами конников. На заводе находился верный его человек — мастер, что отливал пушки и хоронил их в тайном колодце до поры-до времени. Он-то и организовал торжественную встречу Пугачева — с колокольным звоном. А заводское начальство сбежало заранее.

Отслужили в честь прибывшего «царя Петра Фёдырыча» молебен, и Пугачев отправился в дом управляющего. Там ему приготовили обед.

— Нет ли у вас хмельного? — спросил он служанку.

Угостившись, сказал:

— На Благовещенье птица гнезда не вьет, и мы тут будем только крылья расправлять — пушками обзаводиться.

Вскоре он вышел на площадь, где народ собрался, и стал судить схваченного казаками приказчика.

— Обижал народ?

— Обижал, измывался над нами.

Постановил тут же повесить приказчика. Повесили при одобрительных криках крепостных.

Пушки, отлитые на заводе, надо было испытать-проверить. Пугачев сам руководил пристрелкой новых пушек-единорогов с площадки, где теперь Дом культуры, а прежде деревянная церковь была. Стрельба велась по целям, на утесе Каменной горы. Он с тех пор Пугачевским зовется. Говорят, взбирался на него Пугачев смотреть, метко ли стреляли, и остался доволен. Три чугунных ядра там еще совсем недавно раскопали, — переданы в Уфимский краеведческий музей.

Пушка пугачевского времени долго, даже после Октябрьской революции, находилась в Авзяне, возле церкви. Теперь пушка, как и ядра с Пугачевского утеса, в музее.

На заводе Пугачев обзавелся тринадцатью большими пушками и ядрами к ним. Около восьми тысяч пудов овса взял на гужевых складах. Деньги добыл из заводской казны. Немало авзянцев вступило в его войско. То ли правда, то ли нет, что и увез он из Авзяна девушку Дуняшу и что у нее потом родился сын — вылитый Пугачев.

На Белорецк Пугачев решил идти, обогнув широко разлившуюся реку Белую, — через хребты Большой и Малый Шатак, Черную гору, Кухтур и Сухой Узян. Авзянские рабочие прокладывали в весеннюю распутицу дорогу на Шатак для артиллерии и обоза. Есть за нашим поселком гора Ускоп — там «ускопана» была часть горы, преграждавшей Пугачеву путь.

Отпечатки подков и колес будто бы сохранились на заросшей Пугачевской дороге. Слышал я, что за Малым Шатаком одна пушка Пугачева затонула в реке, которую прозвали потом Самозванкой.

Много толков-слухов было раньше о пугачевском золоте. Говорили, что в речке Самозванке мешки с червонцами затонули вместе с пушкой. Говорили также, что, когда его войско перевалило через Черную гору, Пугачев закопал там много золота — полный тарантас. Искали потом — не нашли.

37. Пугач и Салтычиха [1]

Когда поймали Пугача и засадили в железную клетку, скованного по рукам и ногам в кандалы, чтобы везти в Москву, — народ валма-валил и на стоянки с ночлегами, и на дорогу, где должны были провозить Пугача, — взглянуть на него; и не только стекался простой народ, а ехали в каретах разные господа и в кибитках купцы.

Захотелось также взглянуть на Пугача и Салтычихе. А Салтычиха эта была помещица злая-презлая, хотя и старуха, но здоровая, высокая, толстая и на вид грозная. Да как ей и не быть было толстой и грозной: питалась она — страшно сказать — мясом грудных детей. Отберет от матери, от своих крепостных, шестинедельных детей, под видом, что малютки мешают работать своим матерям, или другое там для виду наскажет — господам кто осмелится перечить? И отвезут-де этих ребятишек куда-то в воспитательный дом, а на самом-то деле сама Салтычиха заколет ребенка, изжарит и съест.

Дело было под вечер. Остановился обоз с Пугачом на ночлег; приехала в то же село или деревню и Салтычиха: дай-де и я погляжу на разбойника-душегубца, не больно-де я из робких. Молва уже шла, что когда к клетке подходил простой народ,

---

[1] Салтычиха — жестокая крепостница помещица Подольского уезда Московской губернии Д. Н. Салтыкова, замучившая насмерть более ста человек.

то Пугач ничего — разговаривал; а если подходили баре, то сердился и ругался. Да оно и понятно: простой, черный народ сожалел о нем, как жалеет о всяком преступнике, когда его поймают и везут к наказанию, — тогда как покуда тот преступник ходил по воле и от его милости не было ни проходу пешему, ни проезду конному, готов был колья поднять, — сожалел по пословице: «лежачего не бьют»; а дворяне более обращались к нему с укором и бранью: что-де, разбойник и душегубец, попался!..

Подошла Салтычиха к клетке; лакеешки ее раздвинули толпу: — Что, попался, разбойник? — спросила она. Пугач в ту пору задумавшись сидел да как обернется на зычный голос этой злодейки-и, Богу одному известно, слышал ли он про нее, видел ли, или просто-напросто не понравилась она ему зверским выражением лица и своей тушей, — да как гаркнет на нее, застучал руками и ногами, инда кандалы загремели; глаза кровью налились: ну, скажи, зверь, а не человек. Обмерла Салтычиха, насилу успели живую домой довезти, привезли ее в имение, внесли в хоромы, стали спрашивать, что прикажет, а она уже без языка. Послали за попом; пришел батюшка; видит, что барыня уж не жилица на белом свете, исповедовал глухою исповедью; а вскоре Салтычиха и душу грешную Богу отдала...

38. 〈Про Пугачева〉

Про Пугачева у нас много дедушка знал. Рассказывал бывало все. Как сойдутся круг его, — он и пойдет, и пойдет... А его дед (как уж он мне-то теперь?) пастухом был, когда Пугачев к нам в село заявился. У речки, значит, встретил его со стадом, двое конных подъехали. «Чье, мол, стадо?» — «Мирское», — говорят. «Ну, а барин у вас кто, обижает, мол, вас? Бай нам, мол, все, как есть...» — «Не могу, мол, знать, мы, мол, его не видим». А барин-то и не жил там — в экономии: все по заграницам катался да по столицам. Ну, приказчика главного, того пугачи с собой забрали. У нас старики есть, — они лучше про это знают.

39. Пугачевское золото на дне озера Инышко

Есть у нас места, которые в народе пугачевскими зовут. Это в горах, недалеко. Сказывают, будто бы Пугачев с войском там стоял, когда от царской армии отступал, и решил оставить лишний груз — золото. Задумал упрятать его на дне озера Инышко.

Когда сбросили бочонки с золотом, озеро начало затягиваться илом и землей. В пяти-шести метрах над дном получилось как бы второе дно. Бочонки-то с золотом тяжелыми оказались и, пробив одно «дно», упали на настоящее дно озера.

Говорили также, будто один богач захотел достать пугачевское золото. Разгородил озеро, пытался выпустить воду, но у него ничего не получилось. Будто бы озеро не захотело отдавать пугачевское золото богачу, а может, само золото не захотело доставаться никому.

40. Альян-гора

Жил Альян, добрый молодец, с виду был красив, пригож собою, а силу имел богатырскую. С того времени много лет прошло, много воды утекло, много вина выпито боярами да барами, много на войнах людей перебито. Жил Альян — сын Нафика. Пришли люди царские, самой царицей посланы, генералами снаряжены. Схватили Альяна-молодца. По рукам, ногам сковали, лесом в крепость Олембургску отправили. А ковали — бодогами пристукивали да приговаривали: «Не ходи, Альян, к Салавату[1], свет-Юлаеву, во дружину царя батюшки Емельян Иваныча. Не веди ты дружинушку на войско царицыно». На пути-дороженьке, во темном лесе, их дружки изловили, Альяну руки ослобонили. Ушел Альян на гору высоку, во пещеру глубоку. Царски слуги проню-

[1] Салават Юлаев — предводитель и организатор отрядов башкир, выступивших под руководством Е. И. Пугачева против царского самодержавия.

хали, сторожить у той пещеры цело войско поставили, а во пещеру заглянуть трусили. Решил Альян голодной смертью умереть, с молодой женой и детьми расстаться. А с тех пор та гора народом прозвана — Альян-гора, Альян-пещера.

41. Про Василия Рощина

Старичок выксунский рассказывал мне, что был в екатерининские времена на баташовских заводах рабочий один. Родом он откуда-то с приокской стороны, а звали его Василием Рощиным.

И вот этот Рощин терпел-терпел хозяйские несправедливости, да и махнул с дружком-приятелем в лес. А леса-то у нас недаром Муромскими называются!..

В лесу они разыскали шайку разбойников и стали вместе с ними действовать. Прошло какое-то время, и разбойники решили своего атамана сместить, а вместо него поставить Василия Рощина. Уж больно он им по мысли был! Нравились шайке не только сила его богатырская, но и ум, находчивость, а главное — справедливость во всем. Встретит он, бывало, повозку или обоз на большой дороге и сразу же смекнет, как поступить с каждым: богатого купца или помещика велит своим ребятам обыскать и забрать у него все наличные денежки да и товары тоже прихватить прикажет. Ну, а если бедный человек повстречается, то его и сам пальцем не тронет, и разбойникам не разрешит. Частенько рощинская шайка слыхивала от своего атамана приказы: раздать крестьянам то, что у бар отнято, потому что, мол, господа богатства не своим горбом наживали. Так делал Рощин и при встрече на дороге с купеческими обозами, и при задержке груженых барж на Оке. Они, слышь, из лесов-то кое-когда на реку выходили и хозяйские суда останавливали да как следует «проверяли».

Но больше всего Рощин и его товарищи действовали в лесу. И вот, говорили, один раз с ним какой случай произошел. Вышел он как-то под вечер из укрытия своего на дорогу и видит: по обочине старушка трусит. Рощин ей навстречу и спрашивает:

— Что ты, бабушка, так спешишь?

А та отвечает:

— Рощина боюсь...

— Ну, а знаешь ли, какой он из себя?..

— Откуда же мне знать...

— Так вот смотри: я — Василий Рощин и есть...Только помни, бабушка, мы простых людей не трогаем. И нашего брата тебе бояться нечего...

Потом вынул он из кармана золотой и сказал:

— Вот тебе на память о Рощине, пригодится, чай, в хозяйстве...

Старуха взяла деньги да домой, а после до самой своей смерти о встрече с атаманом рассказывала.

42. Первые подвиги Батыра

Салават родился неподалеку от деревни Шаганаево, на шаганаевском бугре. Здесь он прожил до двенадцати лет, а потом отец перевез его в Шаганай. Как только они переселились в деревню, отец устроил майдан-состязания, на которые собрались все батыры окрестных деревень. Салават в это время был в лесу и вернулся, когда уже объявили главное условие майдана: выстрелом из лука убить страшную сову, которая каждый день съедала по одному человеку. Отец, не ожидавший появления своего сына, спросил его, зачем он явился и где пропадал. Салават ответил, что он убил в лесу мохнатого человека. Напуганный Юлай запер своего сына в чулан и велел никуда не высовываться. Но разве удержишь неугомонного мальчишку? Каким-то чудом вырвался он из плена и первым же выстрелом сбил летающее чудовище. Изумленный народ вынес его на майдан и через всю деревню понес к чудовищу. Это был огромный медведь, гроза здешних лесов.

43. Салават в пещере скрывался

Есть у нас гора Мисе. У подножия ее пещера сквозная — выходит на другую сторону горы. Получается как бы туннель. И тянется ни много, ни мало, а два километра. Вот в этом туннеле и хоронился Салават после восстания.

Чуть ниже горы протекает Юрюзань. А на той стороне деревня Калмакларово. Здесь жила жена батыра Амина. Обычно встречались они каждый день, но могли смотреть друг на друга издалека – их разделяла река.

Однажды Салават услышал песню любимой – это был тайный знак о встрече – и поспешил к реке. А за Аминой уже следили враги Салавата.

После свидания с любимой Салават снова поспешил в свою пещеру и невольно выдал свое убежище преследовавшим его солдатам.

День и ночь караулили солдаты пещеру, укрывшись за выступами и камнями.

Но не так-то просто было поймать батыра. Салават еще вечером почувствовал неладное и, когда жандармы ожидали легкую добычу, незаметно повернул обратно и вышел через другое отверстие пещеры. Так он уходил от врагов не раз.

44. Как был пленен Салават

После разгрома восстания Салават долго еще скрывался в горах и обдумывал план нового удара по заводчикам. Неоднократно пробирался он по тайным тропам в окрестности, собирал силы для выступления. Бывал он и в нашей деревне Калмаклы, оттуда родом была его жена Амина, но чаще спускался по отвесной скале Сосновая в родную деревню Шаганаево, где особенно рассчитывал на поддержку местных жителей.

Салават действовал заодно со своим другом Манагаром, который скрывался в логу недалеко от пещеры Салавата. Этот лог до сих пор называется Логом Манагара.

Однажды Салават один направился в деревню Карагулово. Не было на этот раз рядом Манагара, верного разведчика, чтобы предупредить батыра об опасности. Остался он далеко в своем Логу, раненный вражеской пулей. А в Карагулово в это время остановился карательный отряд, высланный для поимки героя. Дорого им обошлось пленение батыра, более десятка карателей погибло в схватке с ним, но силы были не равны, и враг одолел Салавата.

45. ⟨Атамановская гора⟩

Атамановская гора наша, это которая больше всех у нас, еще лысинка у нее на вершине. Эта лысинка-то и стала причиной названия. На ней в старину атаманы собирались думу думать. Атаманы эти были вожаки крестьянские, а было это во время бунта крестьянского. Главным у них был атаман Золотой. Беспощаден он был к врагам народным, а бедных любил и защищал. В честь его и его дружинников и назвали горку эту.

46. Казачьи горы

Гор много у нас, и каждая свое название имеет. Самая большая — Казачья гора. Со времен Пугачева так называется. Казаки его лагерем там стояли. Пещеры есть там. Только я не ходила. Раньше-то боялись внутрь входить. На другой горе росла вишня барская, ее караулили и близко никого не допускали. Так и кличут в народе — Караульная гора. На третьей горе жил когда-то одинокий старик Байдашин, его именем так и прозвали гору.

47. Пряничная гора

За Волгою, недалеко от границы Симбирской и Самарской губерний, возле слободы Часовни тянутся небольшие горы и в одном месте прерываются овражком. В старые годы, сказывают, на этом месте Пряничная гора была. Шел один великан и захо-

тел ее скусить; взял в рот (а у него зуб-то со щербинкой был), откусил, а щербинкой-то борозду и провел, так она и по сие время осталась.

48. Волга и Кама

Кама с Волгой спорила: не хотела в нее течь. Сначала хотела ее воду отбить; до половины реки отбила, а дальше не смогла. Поднялась Кама на хитрости; уговорилась она с коршуном: «Ты, коршун, крикни, когда я на той стороне буду, чтобы я слышала; а я под Волгу подроюсь и выйду в другом месте». – «Ладно». Вот Кама и начала рыться под Волгу. Рылась-рылась, а тем временем коршуна беркун заприметил и погнался за ним. Тот испугался и закричал, как раз над серединой Волги. Кама думала, что уж она на том берегу, выскочила из-под земли и прямо в Волгу попала.

49. Вазуза и Волга

Волга с Вазузой долго спорили, кто из них умнее, сильнее и достойнее большего почета. Спорили, спорили, друг друга не переспорили и решились вот на какое дело. «Давай вместе ляжем спать, а кто прежде встанет и скорее придет к морю Хвалынскому, та из нас и умнее, и сильнее, и почету достойнее». Легла Волга спать, легла и Вазуза. Да ночью встала Вазуза потихоньку, убежала от Волги; выбрала себе дорогу и прямее и ближе, и потекла. Проснувшись, Волга пошла ни тихо, ни скоро, а как следует; в Зубцове догнала Вазузу, да так грозно, что Вазуза испугалась, назвалась меньшою сестрою и просила Волгу принять ее к себе на руки и снести в море Хвалынское. А все-таки Вазуза весною раньше просыпается и будит Волгу от зимнего сна.

50. 〈Шат и Дон〉

У Ивана-озера было два сына — Шат и Дон, глупый и умный. Первый из них, т.е. Шат — головка буйная! Не спросясь воли родительской, захотел погулять в чужих дальних сторонах, отправился в путь — но где пристать ослушнику? Шат, презираемый всеми, шатался по одним окрестностям, прошатался весь и воротился на те же поля, с которых вышел. не сделав пользы ни себе, ни людям. Это обыкновенная участь всех самовольных! — Напротив того Дон, второй сын Иванов, любимый за необыкновенную тихость всеми, скоро получил привет родительский, смело отправился во все страны дальние, везде его приняли со славою, а язычники почтили его божеством.

51. О миротворении

а. Было время, когда не было ни земли, ни неба, а была одна вода. И спустился Саваоф[1] на землю и спросил: «*Кто зде е?*» И откликнулся сатана и рек: «*Я зде е*». И спросил Саваоф сатану: «Есть ли где земля, не видал ли?» «Есть на дне моря,— отвечал сатана». — «Сходи же на дно моря и достань земли».

Обернулся сатана гоголем, нырнул на дно морское и в рот земли напихал. Но поколь оттоль воздымался, водой размыло землю, и он вынырнул ни с чем.

Саваоф послал его другожды. Но и на другой раз то же случилось. Стыдно стало сатане, а Саваоф его укоряет и говорит: «*Немощен, брат, ты*. Иди в третий раз, да вот на дне морском увидишь икону — деву с младенцем, на камени стоящу; благословись у младеня и тогда возьми земли».

Нырнул сатана в третий раз: сделал так, как велел ему Саваоф, и принес земли. Взял Саваоф эту землю и рассеял в восточную сторону и стала чудная, прекрасная земля. И спросил Саваоф

[1] Бог.

сатану: «Вся ли тут земля?» – «Вся»,– сказал сатана, а сам держит частицу за щекой. А земля за щекой стала расти-прибывать, а щеку стало раздувать.

Видит сатана, что не обмануть ему Саваофа: взял да рассеял ту землю в северную сторону, и стала тут земля холодная, каменистая и нехлебородная.

б. Когда бог создал землю и вздумал наполнить ее морями, озерами и реками, тогда он повелел идти сильному дождю; после дождя собрал всех птиц и приказал им помогать себе в трудах, чтобы они носили воду в назначенные ей места. Все птицы повиновались, а эта несчастная – нет; она сказала богу: «Мне не нужны ни озера, ни реки; я и на камушке напьюсь!» Господь разгневался на нее, и запретил ей и ее потомству даже приближаться к озеру, реке и ручейку, а позволил утолять жажду только той водою, которая после дождя остается на неровных местах и между камнями.

С тех пор бедная птичка, надоедая людям, жалобно просит: пить, пить!

в. В старину незапамятную рожь была не такая, как теперь: снизу солома, а на макушке колосок; тогда от корня до самого верху все был колос. Раз показалось бабам тяжело жать, и давай они бранить божий хлеб. Одна говорит: «Чтоб ты пропала, окаянная рожь!» Другая: «Чтоб тебе ни всходу, ни умолоту!» Третья: «Чтоб тебя, проклятую, сдернуло снизу доверху!» Господь, разгневанный их неразумным ропотом, забрал колосья и начал истреблять один за другим. Бабы стоят да смотрят. Когда осталось богу выдернуть последний колос – сухощавый и тщедушный, тогда собаки стали молить, чтобы господь оставил на их долю сколько-нибудь колоса. Милосердный господь сжалился над ними и оставил им колос, какой теперь видим.

52. Про раков (легенда о происхождении раков)

1. Одна была девочка, 12-ти лет. Ходила она в пруд купацця, со своим подружкам. Подружки вышли, оделися,– у её одежды нет.– «Ну, идите, как-нибудь розышшу одежду».

Выходит жмей из воды: «Вот ваша одежда: пойдитё ле за меня взамуж?» – «Как я пойду? Ведь мене нельзя итти!» – «Ну, скажи слово, што пойду!» Она сказала, што «пойду». Оделася, приходит домой.

2. Назад тому проходит четыре года. За одново господина (ее) просватали. Про это дело жмей услыхал. Пошол до ее, украл ету девочку. Жоних приезжаёт — объясьняют ему. Потужили етому горю. Нихто не мок пособить.

Прожила она в пруду три года, прижила себе мальчика и девоцьку. Выпросилася на госьти на родину — от жьмея. Отпусьтил он ее. Приходит блись дому своево; увидала мать в окно, стритила хорошо ее. «Где, дочка, проживаешь?» — «Там и там проживаю я». — «Как приходишь, разговариваш с ним?» — «Я приду: жьмей, жьмей, отвори мене двери! То вода раздваиваетца, оказываётца калидор; лисьница крутая».

3. Мати сжалилася, взяла шашку, дошла до пруда; голос подве(?)дила, как и дочька разговаривала: «Зьмей, отвори мне двери», говорит. Отворил змей двери. Она шашкой все головы сьнесла. Вода кровьёй замутилась. Приходит назать. «Ну, я топере от етыё напасти тебя освободила! Не пойдешь тепере туда».

Доци услыхала разговор, заплакала, не стала завтраку дожидать — взяела мальчика и девоцьку и потом она заревела: жьмей не жив. Кричит: «Сынок, буть ты несчастной на век тепере. Ударяйся о землю и делайся воденым раком. Отныне до веку ползай! А ты, дочка, ударяйся о землю, сделайся плишкой [1] — лети на век порхай. А я ударюся о землю — сделаюсь кокушкой, полетю на весь век коковать. Мы фсе будём в поминке. Тебя, сынок, будут дворяна поминать, а меня хресьяна».

53. Чудо на мельнице

Када-то пришел Христос в худой нищенской одёже на мельницу и стал просить у мельника святую милостыньку. Мельник осерчал: «Ступай, ступай отселева с Богом! Много вас таскается, всех не накормишь!» Так-таки ничего и не́ дал. На ту пору случись — мужичок привёз на мельницу смолоть небольшой мешок ржи, увидал нищего и сжалился: «Подь сюды, я тебе дам». И стал отсыпать ему из мешка хлеб-ат; отсыпал, почитай, с целую мерку, а нищий всё свою кису подставляет. «Что, али еще отсыпать?» — «Да, коли будет ваша милость!» — «Ну, пожалуй!» Отсыпал еще с мерку, а нищий всё-таки подставляет свою кису. Отсыпал ему мужичок и в третий раз, и осталось у него у самого зерна́ так самая малость. «Вот дурак! сколько отдал, — думает мельник, — да я за помо́л возьму; что ж ему-то останется?» Ну,

[1] *Плишка* — трясогузка.

хорошо. Взял он у мужика рожь, засыпал и стал молоть: смотрит: уж много прошло времени, а му́ка всё сыпится да сыпится! Что за диво! всего зерна́-то было с четверть, а муки намололось четвертей двадцать, да и еще осталось что́ молоть: мука́ себе всё сыпится да сыпится... Мужик не знал, куды и собирать-то!

54. Касьян и Никола

Раз в осеннюю пору увязил мужик воз на дороге. Знамо, какие у нас дороги; а тут еще случилось осенью — так и говорить нечего! Мимо идет Касьян-угодник. Мужик не узнал его и давай просить: «Помоги, родимый, воз вытащить!» – «Поди ты! – сказал ему Касьян-угодник, – есть мне когда с вами валя́ндаться!» Да и пошел своею дорогою. Немного спустя идет тут же Никола-угодник. «Батюшка, – завопил опять мужик, – батюшка! Помоги мне воз вытащить». Никола-угодник и помог ему.

Вот пришли Касьян-угодник и Никола-угодник к Богу в рай. «Где ты был, Касьян-угодник?» – спросил Бог. – «Я был на земле, – отвечал тот, – прилучилось мне идти мимо мужика, у которого воз завяз; он просил меня: помоги, говорит, воз вытащить; да я не стал марать райского платья». «Ну, а ты где так выпачкался?» – спросил Бог у Николы-угодника. – «Я был на земле; шел по той же дороге и помог мужику вытащить воз», – отвечал Никола-угодник. «Слушай, Касьян, – сказал тогда Бог, – не помог ты мужику – за то будут тебе через три года служить молебны. А тебе, Никола-угодник! за то, что помог мужику воз вытащить – будут служить молебны два раза в год». С тех пор так и сделалось: Касьяну в високосный только год служат молебны, а Николе два раза в год.

55. Миколай угодник и охотники

Жили два ш а б р а́ охотника и ходили они за охотой. Идут дремучим лесом, глухою тропочкой; повстречался им старичок, святитель отец Нико́ла. Они его не узнали и за человека с о ч и т а л и.

И говорит он им: «Не ходите этой тропочкой, охотнички!»— «А что, дедушка?»—«Тут, други, через эту тропочку лежит превеликая змея и нельзя ни пройти, ни проехать».— «Спасибо тебе, дедушка, что нас от смерти отвел». Дедушка и ушел. Постояли охотники и подумали, и говорят: «А что нам, какая вéща змея! С нами орудия много. Дерьма-то не убить, змею?» И пошли. Дошли и видят: превеличающий бугор казны на тропочке, и рассмехнулись друг с дружкой: «Вон он чтó, старый дурак, нам сказал! Кабы мы не пошли, он бы казну-то взял, а топерь ее нам не прожить». Сидят и думают, что делать. Один и говорит: «Ступай-ка домой за лошадью: мы ее на себе-то не донесем». Один караулить остался, а другой за лошадью пошел. Который караулить остался и говорит тому, который домой-то пошел: «Ты зайди, брат, к хозяйке к моей, хлебца кусочек привези!» Товарищ пошел домой, приходит к своей жене и говорит: «Тут-то, жена, что нам Бог-то дал!» — «Чего дал?» — «Превеличающую кучу казны: нам не прожить, да и детям-то будет и внýчатам! Ну-ка затопи-ка избу, замеси пресную лепешку на едý и на зелье! Я ему скажу, что его жена ему прислала». Завернула жена лепешечку на едý и на зелье, и спекла сейчас. Он запрег лошадь и поехал. А товарищ ружье зарядил и думает: «Вот как он приедет, я его хлоп — все деньги-то моé, а дома скажу, что не видал его». Подъезжает к нему товарищ; он прицелился да хлоп его и убил. Сам подбежал к телеге,— прямо в сумку; лепешечки поел и сам умер. И казна тут осталась: съела змея обеих.

56. Солдат и смерть

Жил да был один солдат, и зажился он долго на свете, попросту сказать — чужой век стал заедать. Сверстники его понемногу отправляются на тот свет, а солдат себе и ухом не ведет, знай себе таскается из города в город, из места в место. А по правде сказать — не солгать: Смерть давно на него зубы точила. Вот приходит Смерть к Богу и просит у него позволения взять солдата: долго де зажился на свете, пора де ему и честь знать, пора и умирать! Позволил Бог Смерти взять солдата.

Смерть слетела с небес с такою радостью, чтó ни в сказке сказать, ни пером описать. Остановилась у избушки солдата и стучится. «Кто тут?» — «Я».— «Кто ты?» — «Смерть».— «А! зачем пожаловала? Я умирать-то не хочу». Смерть рассказала солдату все, как следует. «А! если уж Бог велел, так другое дело! против

воли Божией нельзя идти. Тащи гроб! Солдат на казенный счет всегда умирает. Ну, поворачивайся, беззубая!» Смерть притащила гроб и поставила посреди избы. «Ну, служивый, ложись; когда-нибудь надо же умирать». – «Не растабаривай! знаю я вашего брата, не надуешь. Ложись-ка прежде сама». – «Как сама?» – «Да так. Я без артикула ничего не привык делать; что начальство прикажет: фрунт – что ли там, аль другое что, – то и делаешь. Уж так привык, сударка моя! не переучиваться же мне: старенек стал!» Смерть поморщилась и полезла в гроб. Только что расположилась она в гробу, как следует, – солдат возьми да и нахлопни гроб-то крышкой, завязал веревкой и бросил в море. И долго, долго носилась Смерть по волнам, пока не разбило бурей гроба, в котором она лежала.

Первым делом Смерти, как только она получила свободу, опять была просьба к Богу, чтоб позволил ей взять солдата. Бог дал позволение. Снова пришла Смерть к солдатской избушке и стучится в двери. Солдат узнал свою прежнюю гостью, и спрашивает: «Что нужно?» – «Да я за тобой, дружище! теперь не вывернешься». – «А врешь, старая чертовка! не верю я тебе. Пойдем вместе к Богу». – «Пойдем». – «Подожди, мундир натяну». Отправились в путь. Дошли до Бога. Смерть хотела было идти вперед, да солдат не пустил: «Ну, куда ты лезешь? Как смеешь ты без мундира... идти? Я пойду вперед, а ты жди!» Вот воротился солдат от Бога. «Что, служивый, правду я сказала?» – спрашивает Смерть. – «Врешь, солгала немного. Бог велел тебе прежде еще леса подстригать да горы ровнять; а потом и за меня приниматься». И солдат отправился на зимние квартиры вольным шагом, а Смерть осталась в страшном горе. Шутка ли! разве мала́ работа – леса подстригать да горы ровнять? И много, много лет трудилась Смерть за этой работой, а солдат жил себе да жил.

Наконец и в третий раз пришла за солдатом Смерть, и нечем ему было отговориться: пошел солдат в ад. Пришел и видит, что народу многое множество. Он то толчком, то бочком, а где и ружье наперевес, и добрался до самого сатаны. Посмотрел на сатану и побрёл искать в аду уголка, где бы ему расположиться. Вот и нашел; тотчас наколотил в стену гвоздей, развесил аммуницию и закурил трубку. Не стало в аду прохода от солдатика; не пускает никого мимо своего добра: «не ходить! вишь, казенные вещи лежат; а ты, может, на руку нечист. Здесь всякого народу много!» Велят ему черти воду носить, а солдат говорит: «Я двадцать пять лет Богу и великому государю служил, да воды не носил; а вы с чего это вздумали... Убирайтесь-ка к своему дедушке!» Не стало чертям житья от солдата; хоть бы выжить его из ада, так не йдет: «Мне, – говорит, – и здесь хорошо!» Вот черти и придумали штуку: натянули свинячую кожу и только улегся солдат спать – как забили тревогу. Солдат вскочил да бежать; а черти сейчас за ним двери и притворили, да так себе

обрадовались, что надули солдата!.. И с той поры таскался солдат из города в город, и долго еще жил на белом свете, – да вот как-то на прошлой неделе только помер.

57. Рах разбойник

Один разбойник много душ губил. Стоит раз в лесу, возле мертвого тела (только что убил человека), вдруг ему кто-то и говорит: «Брось это! Нехорошее дело людей убивать!» Обернулся, смотрит: пустынник-старичок стоит. – «Да я, – говорит разбойник, – ничего больше не умею делать». – «Великий грех! Спасай свою душу, пока время!» – говорит старичок. – «Да чем же я ее спасу?» – «На, вот тебе два замочка!» Взял и продел ему по замочку в уши, а ключи себе взял. «Поди на горы, белях овец там найдешь: паси их. Когда замóчки из ушей у тебя выпадут, тогда значит, ты душу спас». Разбойник все так и сделал: пошел на горы, нашел там овец и стал их пасти. О худом он вовсе забыл и много лет пас, а замки все в ушах. Вот раз видит он, что едет большой дорогой кулак-купец, и думает себе разбойник: «А что, сколько этот купец из мужиков денег выжал? Все на него жалуются... Рады бы все деревни были, кабы его не было... Хорошо его убить!» Как подумал, так и сделал: купца зарезал, а деньги, которыя с ним были, по всем окрестным деревням рóздал. И испугался разбойник, что опять старый грех совершил: человека убил. Глянул себе под ноги, а замочки из ушей выпали, на земле около него лежат. И подошел к нему старичок и сказал: «Ты не человека убил, а свой грех!»

58. Про Никитушку Ломова

На Волге, в тридцатых годах, ходил силач-бурлак, Никитушка Ломов; родился он в Пензенской губернии. Хозяева судов дорожили его страшной силой: работал он за четверых и получал

паек тоже за четверых. Про силу его на Волге рассказывают чудеса; памятен он и на Каспийском море. Плыл он раз по этому морю и ночью выпало ему быть вахтенным на хозяйском судне. Кругом пошаливали трухменцы и частенько грабили русских: надо было держать ухо востро. Товарищи уснули; ходит Ломов по палубе и посматривает; вдруг видит лодку с трухменцами, человек с двадцать. Он подпустил их вплоть; трухменцы полезли из лодки нá борт, а Ломов тем временем, не будя товарищей, распорядился по-своему: взял шест в руку толщиной, и ждет. Как только показалось с десяток трухменских голов, он размахнулся вдоль борта и смел их в воду. Другие полезли – то же. Те, чтó в лодке остались, пошли на утек, но и их Ломов в покое не оставил: взял небольшой запасной якорь с кормы да в лодку и кинул. Якорь был пудов пятнадцать; лодка с трухменцами потонула. Утром на судне проснулись, он им все и рассказал. «Что же ты нас не разбудил?» – «Да чего, – говорит, – будить-то? Я сам с ними управился».

В другой раз взъехал он где-то на постоялый двор, а после него обозчики нагрянули. Ему пора выезжать с двора, а те возов перед воротами наставили – ходу нет. «Пустите, братцы, – говорит Ломов, – я раньше вас приехал, мне пора. Впрягите лошадей и отодвиньте воза!» «Станем мы, – говорят возчики, – для тебя лошадей впрягать! Подождешь!» Никитушка Ломов видит, что словами ничего не поделаешь; подошел к воротам, взял подворотню и давай ей возы раскидывать во все стороны. Раскидал и выехал.

С одним купцом на Волге он хорошо шутку сыграл. Идет как-то берегом, подходит к городу (уездному). Стоит город на высокой горе, а внизу пристань. Вот идет он и видит: мужики около чего-то возятся. «Чего вы, братцы, делаете?» – «Да вот какой-то купец нанял нас якорь вытащить». – «За много ли нанялись?» – «Да всего за три рубля». – «Давайте-ка, я вам помогу!» Подошел, раза три качнул (а якорь не меньше как в двадцать пять пудов) и выворотил якорь с землей вместе. Мужики подивились такой силе. Бежит с горы купец, начал на Ломова и на мужиков кричать. «Ты зачем, – говорит, – им помогал? Я тебя рядил?» Вынул вместо трех рублей один рубль и отдал мужикам. Те чуть не плачут. «Будет, – говорит, – с вас!» Сам ушел домой. Ломов и говорит: «Не печальтесь! Я с ним сыграю шутку; только после как деньги получите, водки мне штоф поставьте». Взял якорь на плечо и попер его в гору. Навстречу баба с ведрами попалась (дело было к вечеру), увидала она Ломова, думала, что сам нечистый идет, вскрикнула и упала зáмертво. Ломов взошел в гору, подошел к купцову дому и повесил якорь на ворота. Вернулся к мужикам и говорит: «Ну, братцы, теперь он и тремя рублями не отделается; снимать-то вы же будете! Смотрите, дешево не берите!» Мужики его поблагодарили и после большие деньги взяли с купца.

На Волге, бывало, Ломов шутки с бурлаками шутил. «Ну, братцы, кто меня переговорит? Идет на полштоф?» – «Идет». – «Я побегу бечевой, под каждую руку по девятипудовому кулю возьму, а вы бегите порожние!» Ударятся бежать и всегда Ломов выигрывал.

59. Про леших, домовых и водяных

а. В одном лесу глухое озеро было. В озере Водяной жил, а в лесу Леший, и жили они дружно, с уговором друг друга не трогать. Леший выходил к озеру с Водяным разговоры разговаривать; вдруг ли́ха беда попутала: раз вышел из лесу медведь и давай из озера воду пить; сом увидал да в рыло ему и вцепился. Медведь вытащил сома на берег, загрыз его и сам помер. С той поры Леший раздружился с Водяным и перевел лес выше в гору, а озеро в степи осталось.

б. Нашински мужики не однова́ в лесу Лешаго видали, как в ночное ездили. Он месячныя ночи больно любит: сидит, старик старый, на пеньке, лапти подковы́риват, да на месяц погля́дыват. Как месяц за тучку забежит, тёмно ему, знашь, – он поднимет голову-то, да глухо таково́: «Свети, све-тило», говорит.

в. Одному мельнику сильно везло: он Водяному душу на срок продал и все ему с той поры удавалось. Воду ли где остановить, поломать ли у кого на мельнице, все, бывало, к нему. Он по этой части зна́харь был. Изошел срок, приходит к нему Водяной за душой. «Давай душу!» И мешок кожаный принес. «Полезай!» «Да я не умею. Покажи мне!» Водяной сдуру и влез в мешок. Мельник, не будь глуп, гайтаном шейным его сверху и завязал, да перекрестил. Так Водяной и остался в мешке.

г. Один парень купался да и нырнул. Как нырнул, так и угодил прямо в дверь и очутился в палатах Водяного. Тот его у себя задержал, говорит: «Живи здесь!» Ну, парню уйти некуда – он и стал у него жить. Водяной его пряниками, сластями кормил. И заскучал парень; стал проситься домой, на побывку. Водяной говорит: «Хорошо, только поцелуй у меня коленку!» (Значит, если бы он ее поцеловал, так вернулся бы беспременно назад). Парень, не будь глуп, взял, начертил ногтем на руке крест да заместо коленки-то к нему и приложился. Как только поцеловал, схватил его кто-то за́ ноги и выбросил из воды прямо к его избе. Вернулся он домой: жена рада, все в удивлении. Пропадал он три года,

а ему за три дня показалось. Он все рассказал; позвал попа. Стал поп над нем псалтырь читать, отчитывать его. Только стал отчитывать, приподнялся у избы угол и полетела у парня вся не́чисть из рта: стал он как ни в чем не бывало. А поцелуй он коленку у Водяного, быть бы ему опять под водой.

д. А то раз заночевал человек в лесу. Сидит у костра да шаньгу ест. И вдруг слышит и треск, и гром, идет кто-то. Посмотрел это он, а лесовик идет, а перед им, как стадо, и волки, и медведи, и лисы бегут. Так и лоси, и зайцы, и всякое зверье лесное. Как же он испугался – и боже мой, а тот к нему подходит:

– Что, – говорит, – человек, шаньги дай кусоцек.

Дал он ему шаньги половину. Тот давай ломать да зверям давать, так и шаньга у него не ме́ньшится. И волки сыты, и медведи сыты, и зайцы сыты. Вот лесной и говорит:

– Ты домой иди, не бойся, если волки тебя стретят, ты им скажи: шаньги моей кушали, а меня не трогайте.

Ну он и пошел, а звери за ним. Тот человек тоже домой пошел – жи́ла у него вся дрожала. А бегут ему стрету волки, таки страшенны – сейчас съедят. А он и скажи:

– Мою шаньгу кушали, а меня не троньте.

Ну они и убежали. Так он и домой пришел. И зверя никакого не боялся.

е. Как в дому несчастье будё, так д о м о ж и р и х а [1] под полом плачё. Уж ходи не ходи, уж роби не роби, уж спи не спи, а все слышать будешь. Вот как у меня хозяин-то помереть должон, все я слышала, будто плачет кто, так жалобно. Знамо д о м о ж и р и х а цю́ла [2].

А как в дому прибыток будё, уж тут д о м о ж и р и х а хлопочет, и скотинку пригладит, и у к р о с о н сидит.

Вот я раз ноцью выйтить хотела, встала, смотрю месяц светит, а на лавки у окоска д о м о ж и р и х а сидит и все прядет, так и слышно нитка идет: «дзи» да «дзи», и меня видала, да не ушла. А я сробела, поклонилась ей да и говорю:

– Спаси бог, матушка.

А потом вспомнила, как меня мать учила относ [3] делать. Взяла шанечку да около ей и поло́жила. А она ничего – все прядет. А собою, как баба, а в повойнике. Только смотреть все-таки страх берет. А она ницего – все прядет. И много у нас тот год шерсти было, так мы поправились, даже сруб новый поставили.

---

[1] Домовиха.

[2] Чуяла.

[3] Приношение.

60. Про Иванов цвет

Один парень пошел Иванов цвет искать, на Ивана на Купалу. Скрал где-то евангелие, взял простыню и пришел в лес, на поляну. Три круга очертил, разостлал простыню, прочел молитвы, и ровно в полночь расцвел папоротник, как звездочка, и стали эти цветки на простыню падать. Он поднял их и завязал в узел, а сам читает молитвы. Только откуда ни возьмись медведи, начальство, буря поднялась... Парень все не выпускает, читает себе знай. Потом видит: рассветáло и солнце взошло, он встал и пошел. Шел, шел, а узелок в руке держит. Вдруг слышит – позади кто-то едет; оглянулся: катит в красной рубахе, прямо на него; налетел, да как ударит со всего маху – он и выронил узелок. Смотрит: опять ночь, как была, и нет у него ничего.

61. Про клады

а. Портной один на краю города, у реки Камы жил; вода под самыя стены подходила. Были у него работники. Вот раз идет он по базару и попадается ему Чувашенин. «Слушай, – говорит, – у тебя, портной, в доме клад есть». Тот смеется. «Где это?» – «Да в хлеве, как войдешь так направо, в углу, к реке». «Врешь ты, – говорит, – все, старый хрыч! Какой у меня клад?» – «Нет, не вру. Отрой его – богат будешь!» «Ну, – говорит, – тебя! Вот выдумал!» И пошел домой. «Ну, коли не хочешь, как хочешь. После каяться будешь, станешь меня искать». И пропал из виду. Дома портной и раздумался: «А что не попытать? Дай, порою». Пошел искать этого Чувашенина; нашел. Тот согласился. «Только с условием, – говорит, – с рабочими поделись; не поделишься – не дастся, и если в мысле тебе придет не делиться, клад уйдет, когда копать будешь». – «Хорошо». – «Достань икону, три свечки и заступ, а работника одного рыть заставь». Вот пришел портной домой, одного работника оставил на ночь дома. Праздник был, все гулять ушли, он ему и говорит:

«Останься, ты мне понадобишься; не ходи нынче гулять. Будем клад рыть». – «Ладно». Пришел ночью Чувашенин, пошли в хлев, икону поставили, свечи зажгли. Работник с хозяином роют яму в углу, а Чувашенин молитвы читает заговорныя, чтобы клад остановить. Только портной роет и думает: «Что это я, неужто своим добром с работником буду делиться? Чай на моем дворе-то, а не на его?» Как подумал про это, поднялся шум, икону зá дверь выкинуло, свечки потухли, и загудел клад, в землю пошел. Стало темно, и давай этого портного по земле возить; возит да возит (нечистая сила). Чувашенин говорит работнику: «Кинься на него! Упади!» Тот упал на хозяина; их двоих стало из угла в угол таскать. Насилу знáхарь остановил заговорною молитвой. Клад ушел, а Чувашенин после и говорит портному: «Вот не хотел поделиться, он и не дался тебе; а теперь в этом доме тебе не житье: нечистая сила тебе в нем не даст – все растащит». Портной видит, что плохо дело, взял да от реки и переселился выше, в другое место и опять как был бедный, таким же и остался. Не умел взять.

б. Один дворовый человек (истопником он у господ был) нанялся в Симбирске Москвитинов сад чистить, с другими рабочими. Работали под горой, а есть наверх ходили, к амбарам; там и изба была. Вот раз он приходит; вдруг из-под амбара козленок к нему и кинулся. Он его взял да на плечо к себе и положил; гладит, держит за задние ноги и приговаривает: «Бяшка, бяшка!» А козленок-то ему в ответ и передразнивает: «Бяшка, бяшка!» Работник испугался, схватил козленка за задние ноги, да óб землю и ударил. Смотрит – а козленок опять под амбар. От страха работник тут же на месте упал; хворал после этого и вскоре умер. А это ему видно клад давался.

СКАЗЫ, УСТНЫЕ РАССКАЗЫ.

Из произведений несказочной фольклорной прозы сказы привлекают особое внимание исследователей.

В современной науке о народном творчестве нет другого жанра, о котором бы так много спорили ученые. Некоторые из них не признают сказ как жанр устного народного творчества, у других фольклористов нет четкости в терминологии [1].

Одна из причин, объясняющих отмеченные явления, заключается в том, что сказ имеет ряд свойств, которые роднят его с отдельными жанрами несказочной прозы, главным образом с преданием. Сказ, как и предание, основан на известном, близком к действительным фактам содержании, которое в каждом из рассматриваемых жанров передается с помощью определенных и очень сходных художественных средств. Будучи произведениями многоэпизодными, сказы и предания строятся по одинаковому принципу логического следования одного события за другим. Для того и другого жанра характерно наличие сравнительно ограниченного числа персонажей, незначительное включение пейзажных зарисовок. Произведения названного жанра небольшого размера, в них нет традиционных сказочных присказок, зачинов и концовок. Языковые средства их характеризуются лаконичностью, точностью и выразительностью. Столь непосредственная близость, «длительное сосуществование и взаимодействие» сказов и преданий «приводит к своеобразному их взаимопроникновению или слиянию» [2].

Однако при всем сходстве сказы и предания имеют существенные различия. Изображая явления, достойные внимания слушателя, сказ не ограничивается объяснением фактов, что составляет основную цель предания, а дает более широкую информационно-ознакомительную картину, связанную с событием. Существенная разница между преданием и сказом состоит также и в том, что последний является сравнительно мобильным жанром. Если предание представляет собой запаздывающий и в результате этого испытывающий существенную редакцию устнопоэтический отклик на происшедшее событие, то сказ является довольно быстрой и часто не прошедшей многократной передачи из уст в уста «словесной реакцией» на волнующие рассказчика факты. Данное обстоятельство и обусловливает ведение повествования в сказе от лица непосредственного участника, очевидца события или человека, близкого данному носителю фольклора.

---

[1] Отдельные исследователи употребляют термины «сказ» и «устный рассказ» как идентичные (*Бирюков В. П.* Дореволюционный фольклор на Урале. Свердловск, 1936; *Мисюрев А. А.* Сибирские сказы, предания и легенды. Новосибирск, 1959; *Сидельников В. М.* Красноармейский фольклор. М., 1938; *Соколов Ю. М.* Русский фольклор. М., 1941; *Чистов К. В.* Устные рассказы о Героях Советского Союза М. В. Мелентьевой и А. М. Лисицыной.— В сб.: Карельская литература Петрозаводск, 1959; Прозаические жанры в системе фольклора.— В сб.: Прозаические жанры фольклора народов СССР. Минск, 1974 и др.). Другие ученые используют лишь термин «сказ» (*Акимова Т. М.* Сказы о Чапаеве. Саратов, 1951; Семинарий по народному поэтическому творчеству. Саратов, 1959; *Чичеров В. И.* Русское народное творчество, 1959 и др.). Третья группа исследователей именует рассматриваемый жанр «устным рассказом» (*Астахова А. М.* Фольклор гражданской войны.— «Советский фольклор», вып. 1. Л., 1934; Карельские фольклорные экспедиции (1931—1933 гг.).— «Советская этнография», 1934, № 1—2; *Азбелев С. Н.* Современные устные рассказы.— «Русский фольклор», т. 9. М.—Л., 1964; *Гончарова А. В.* Устные рассказы Великой Отечественной войны. Калинин, 1974; *Гусев В. Е.* Эстетика фольклора. Л., 1967; *Китайник М. Г.* Устные рассказы уральских рабочих. Свердловск, 1953; *Николенко С. М.* Специфика художественного образа в белорусском устном рассказе о Великой Отечественной войне.— В сб.: Прозаические жанры фольклора народов СССР. *Ярневский И. З.* Устный рассказ как жанр фольклора. Улан-Удэ, 1969 и др.). Кроме того, в 60-х годах некоторые ученые (*Л. В. Домановский, Н. Д. Комовская* и др.) стали называть этот жанр «народными рассказами».

[2] *Кравцов Н. И.* Система жанров русского фольклора.— В кн.: *Кравцов Н. И.* Проблемы славянского фольклора, с. 94.

Из других жанровых особенностей сказа важно отметить наличие в нем «определенной эстетической идеи, которая есть не что иное, как образное обобщение тех или иных сторон действительности, нашедшее конкретное выражение в соответствующих художественных формах»[1]. Наконец, исследователи видят одно из отличий сказа от предания в его форме: «О чем бы ни говорил сказ, он всегда несет на себе приметы сословно-классовой и местной принадлежности сказителя. Это выражается в стиле сказа как личного повествования, которое опирается на жизненный опыт современников рассказчика»[2]. Перечисленные специфические черты позволяют не только утверждать, что сказ как жанр, несмотря на сомнения отдельных исследователей, существует, но и выделить его в системе русского устного народного творчества, а также дать ему соответствующее определение.

Сказ – это эпическое прозаическое произведение фольклора, имеющее определенную художественную форму, повествующее о действительных (или принимаемых за действительные) событиях и конкретных лицах недавнего прошлого, нередко рассказываемое от первого лица. Это определение содержит основные особенности, присущие произведениям данного жанра, и близко к положению, высказанному о сказе К. В. Чистовым. «Рассказы о недавнем прошлом и о том, что продолжает существовать (при этом без участия сверхъестественных персонажей), можно назвать сказами (устными рассказами-воспоминаниями), различая среди них в соответствии с международной терминологией064 мемораты (рассказы от первого лица) и фабулаты – все остальные рассказы»[3].

Бытовавшие в памяти народа еще в дореволюционную эпоху сказы стали активно записываться лишь после Великого Октября. К советскому времени (30-е годы) относятся и первые опыты изучения произведений названного жанра, и неоднократные попытки сформулировать определение сказа, установить его место в фольклоре. Среди первых исследователей этого жанра были: Ю. М. Соколов, В. М. Сидельников, Н. Д. Комовская, В. Ю. Крупянская, А. К. Мореева. Эти ученые закладывали основы науки о сказе как о новом жанре устного народнопоэтического творчества[4]. События предвоенных лет и Великой Отечественной войны значительно пополнили текстовой арсенал рассматриваемого жанра. Данное обстоятельство не могло не явиться одним из существенных поводов для серьезного изучения жанра. Среди исследователей, обращавшихся в последние полтора-два десятилетия к проблеме, связанной со сказом, следует назвать Р. Р. Гельгардта, Т. М. Акимову, Н. Д.Комовскую, М. Г. Китайника, Л. И. Емельянова, И. К. Кузьмичева, Л. Е. Элиасова, И. З. Ярневского, А. В. Гончарову и других. Жанр сказа, вызвавший различные, порой диаметрально противоположные точки зрения ряда ученых, привлекает к себе внимание многих как отечественных, так и зарубежных исследователей. Их интересуют самые различные аспекты одной проблемы: сказ как жанр устного народного творчества. Одним из ведущих стал вопрос, связанный с классификацией многочисленных произведений рассматриваемого жанра. По своему тематическому содержанию сказы весьма разнообразны. Еще в начальный период изучения этого жанра ученые отмечали широкое бытование разнохарактерных по тематике сказов в рабочей, крестьянской, красноармейской, рыбацкой, охотничьей среде. Именно в то время и делаются первые попытки классифицировать произведения этого жанра. В книге «Как работать с народным сказом» А. К. Мореева еще в 1939 году подразделила все известные ей сказы на четыре группы: 1) героические революционные; 2) художественно-автобиографические; 3) сказы-новеллы; 4) ритмические. Отдавая должное первой попытке подразделить сказы, следует отметить, что в данной классификации до конца не выдержан принцип однотипного деления. М. К. Мореева допускает смешение тематического и видового принци-

---

[1] *Кузьмичев И. К.* Жанровая природа сказа. – В сб.: Русская народная поэзия. Вып. 1. Горький, 1961, с. 35.

[2] Русское народное поэтическое творчество. Под ред. проф. *Н. И. Кравцова.* М., 1971, с. 136.

[3] *Чистов К. В.* Прозаические жанры в системе фольклора, с. 22.

[4] См. в кн.: *Ярневский И. З.* Устный рассказ как жанр фольклора. Улан-Удэ, 1969, с. 131–134.

пов классификации произведений фольклора. Подобную классификацию повторила двумя годами позднее Н. Д. Комовская в работе «Современные сказы». Увеличив число групп сказов более чем вдвое, она выделяет сказы бытовые, исторические, историко-революционные, сатирические, юмористические, о социалистическом строительстве, сказы-новеллы, сказы-анекдоты и стихотворные сказы [1].

Такое же «отождествление» двух форм классификации наблюдается в работе В. Ф. Шурыгина «О современных жанрах поэзии» (1950), появившейся почти через десять лет после статьи Н. Д. Комовской. Он подразделяет произведения рассматриваемого жанра на: 1) рассказы-биографии; 2) мемуарные рассказы; 3) рассказы исторические; 4) рассказы о героях; 5) рассказы-новеллы; 6) фантастические рассказы. Недостаток приведенной классификации заключается в том, что автор приводит группу произведений фантастического характера, которые, как известно, не могут быть отнесены к жанру сказов; из-за близости к группам исторических и биографических рассказов лишней становится и группа мемуарных рассказов; не обоснованно исключение из классификации группы сказовых повествований бытового содержания. Вопросам классификации сказов посвящает одну из глав книги «Устный рассказ как жанр фольклора» И. З. Ярневский. Он прослеживает историю систематизации сказов, называя их «устными рассказами», высказывает ряд критических замечаний по поводу суждений некоторых исследователей данной проблемы и, предлагая свой вариант классификации, делит сказы на исторические, автобиографические и новеллистические, т. е. выделяя их группы как по тематическому, так и по жанровому признакам, что характерно для классификаций отдельных предшественников этого ученого (например, А. К. Мореевой).

Своеобразную группировку сказов рабочих Урала предложили в 50-х годах М. Г. Китайник в «Рассказах рабочих дореформенного Урала» («Русское народное поэтическое творчество». М., 1953), а вслед за ним В. И. Чичеров в книге «Русское народное творчество» (1959). Главное в их классификации то, что они рассматривают сказы по тематическому признаку, выделяя: 1) повествования семейного характера о рабочих-переселенцах и о начале их труда на рудниках, заводах, фабриках; 2) произведения о первых заводчиках, их приближенных и заводской администрации; 3) рассказы о социальном протесте и народных мстителях; 4) рассказы и легенды о земельных богатствах и силах, охраняющих их. Существенно дополняя эту классификацию, В. И. Чичеров в другом разделе книги останавливается на большой группе произведений рассматриваемого жанра, которые появились в советскую эпоху. Он называет среди них циклы сказов о революции и гражданской войне, о легендарных героях Щорсе, Чапаеве и других. Особо подчеркивает автор книги значение сказов о В. И. Ленине. Большое внимание В. И. Чичеров уделяет сказам о событиях 20-х и 30-х годов, о Великой Отечественной войне.

В. П. Аникин, автор статьи о сказах, помещенной в учебном пособии «Русское народное поэтическое творчество», специально не касается проблемы классификации произведений интересующего нас жанра, но отмечает, что «темы сказов практически необозримы» [2]. Разделяя точку зрения В. П. Аникина, следует отметить, что основные темы сказов могут быть все-таки названы и с определенной долей точности систематизированы. Известно, что сказы — это прежде всего отражение примечательных фактов истории народной жизни, труда широких масс с помощью изобразительных средств фольклора. Прочная связь с подлинной исторической действительностью наводит на мысль, что главным принципом классификации сказов должен стать не жанровый (или какой-либо иной), а т е м а т и ч е с к и й принцип.

Исходя из этого положения можно назвать основные темы сказов и сгруппировать их по установленному принципу. В результате такой классификации из общего репертуара выделяются следующие виды сказов: 1) исторические; 2) о труде и быте в прошлом; 3) героико-революционные; 4) о событиях советской эпохи.

К и с т о р и ч е с к и м сказам относятся устные повествования об эпохе крепостного права. Они воссоздают характерные эпизоды изнурительного труда кре-

---

[1] См.: *Ярневский И. З.* Устный рассказ как жанр фольклора, с. 136.

[2] Русское народное поэтическое творчество, с. 137.

постных крестьян, когда «три дня работали на помещика, а три дня – на себя» («В крепостное время...»); рассказывают об эксплуатации, притеснениях, чинимых помещиками; беспросветной жизни народа: господа «своих крепостных целыми семьями в карты проигрывали» («Был у нас барин...»). В них говорится о тяжелой судьбе не только взрослых, но и детей. Так, в сказе «Гусенок» повествуется о диком произволе барина Данилевского, за малую провинность «захлеставшего мальчика до потери сознания» и затем утопившего ребенка в пруду.

К следующей группе исторических сказов относятся произведения, тематически связанные с основанием заводов, фабрик, открытием рудников. В этих сказах нередко речь идет о первых рабочих-переселенцах. Они рассказывают об истории зарождения и развития отдельных отраслей отечественной промышленности, прежде всего металлургической, горнодобывающей, металлообрабатывающей; воскрешают исторические факты открытия земельных богатств, на базе которых позднее возникли промышленные предприятия, а затем целые города. Большой интерес представляют исторические сказы, знакомящие со спецификой промышленного труда царской России. Они рассказывают о тяжелых и не безопасных для жизни условиях работы в шахтах, на рудниках, фабриках и заводах, о том, какой огромной физической силы и нервного напряжения требуют от человека горнорудное и литейное производства; о бесчеловечном обращении хозяев и администрации с тружениками («Вечно голодали», «На Златоустовском заводе»), приводят факты произвола и насилия на ткацких фабриках, судостроительных верфях и других видах производства.

В состав третьей группы исторических сказов входят повествования, тематика которых отражает характерные эпизоды пробуждения классового сознания трудящихся масс и роста противоречий между эксплуататорами и эксплуатируемыми. Во многих местах России, особенно в Поволжье, Прикамье, на Урале и в Сибири, были широко распространены сказы о народных мстителях, выступавших в образах «благородных разбойников» и «вольных людей» против ненавистных помещиков, фабрикантов и управляющих. Так, на Средней Волге бытовали различные варианты сказов о Кудеяре, Аристове и Алене-атамане, в Западной Сибири – об «ермачках», в Прикамье – об атаманше Фелисате и атамане «Золотом». Судьбы каждого из «благородных» мстителей очень сходны с той, которую пережила героиня одного из сказов, опубликованного Вас. Немировичем-Данченко. За расправу с попом атаманша Фелисата была схвачена властями и брошена в острог. Фелисате удается уйти из застенков и увести с собой заключенных, которым будущая атаманша наставительно говорит: «Идите, братцы, – промышляйте вольным разбойным делом. А вот вам и запрет: воевод и купцов хоть в Каме топите, а только мужика у меня чтоб не трогать. А кто мужика тронет, того и я не помилую» [1]. Сказы о «благородных разбойниках» имеют много общего с преданиями о деятельности участников крестьянских выступлений под руководством Степана Разина и Емельяна Пугачева. Они воссоздают картины справедливой борьбы трудящихся со своими угнетателями, говорят о росте классового сознания крепостных крестьян, солдат и «работных» людей.

Четвертую группу исторических сказов составляют устные повествования о декабристах. В разных местах России, как в дворянской, так и в солдатской среде, были распространены сказы не только о восстании дворянских революционеров на Сенатской площади, но и о труднейших условиях жизни декабристов в ссылке в Сибири. Повествования передавались людьми, которым довелось встречаться с декабристами во время отбывания ими наказания, а также с их родными и близкими. Несмотря на то, что эти произведения, как и «тайные сказы» рабочих, считались запретными и преследовались властями, многие из них прожили большую жизнь и были зафиксированы учеными лишь спустя столетие после восстания [2].

С историческими сказами близко соприкасаются (а порой и просто сливаются) сказы о труде и быте народа в прошлом. Данный вид сказов включает в себя ряд тематических групп, первая из которых связана с тяжелой

---

1 *Немирович-Данченко Вас.* Кама и Урал. ч. 2. Спб., 1890, с. 197–198.

2 Подробнее об этом см. в кн.: *Ярневский И. З.* Устный рассказ как жанр фольклора, с. 153–157.

крестьянской долей. Перекликаясь с отдельными произведениями группы исторических сказов, эти повествования акцентируют внимание на фактах тяжелого труда и нищенского быта крестьян. В них рассказывается о том, что наряду с помещиками, которые «что хотели», то и делали со своими крепостными («Был у нас барин...»), людей труда нещадно обирали попы («Жилетка»); особенно бесправным было положение женщины.

Вторую тематическую группу сказов этого вида составляют произведения об изнурительном труде и жалком существовании людей, занятых в отраслях промышленного производства. Многие сказы, повествующие о тяжелой работе на фабриках, заводах, шахтах и рудниках, начинались традиционным зачином «тяжело жили» («Вечно голодали», «Тяжело жили приисковые рабочие»). Так, в первом из названных сказов подробно говорится о жизни рабочих Лысьвенского завода. Невыносимыми были условия, в которые попадали сезонные, или так называемые «контрашные», рабочие: «Жили они в казармах человек по 40–50 вместе с детьми. В казарме одна печка, а кругом нары, да и тех не хватало: один спит, другой на работе, потом меняются. Грязь кругом. Если ребенок заплачет, то мать с ребенком выгонят на улицу» («Тяжело жили приисковые рабочие»). Сказы обстоятельно знакомят с особенностями того или иного производства, наглядно показывают, насколько физически трудна и нерациональна была та или иная работа. Произведения данной группы бытовали во многих местах России, особенно на Урале, Алтае и в Сибири. Данное явление точно подметил П. П. Бажов, писавший, что устные повествования о прошлой жизни и нелегком труде «держатся» «чуть не в каждой рабочей семье» [1].

Рассказчики часто отмечают, что тяжелейшая бытовая обстановка и каторжный труд не могли заглушить блестящих способностей и подлинной талантливости простых людей. Мастерству и смекалке скромных тружеников посвящается третья тематическая группа сказов о труде и быте в прошлом. В них изображаются не просто люди незаурядных способностей, но истинные творцы. Во многих сказах подчеркивается, что изделия народных умельцев вызывали восхищение друзей и зависть высокомерных иноземцев. Таким представлен уральский литейщик Алексей, герой сказа «Цепочка», который смог выполнить «шибко мелкую работу» – отлить из чугуна, по «звеньшку», цепочку для карманных часов. Под стать ему и рабочий-резчик Гаврила («На златоустовском заводе»), сумевший по портрету вырезать из дерева бюст Льва Толстого. Для этой группы сказов примечательно то, что мастеровые люди являются носителями замечательных качеств русского народа. Рассказчики с гордостью говорят о значении труда, составляющем честь, славу, национальное достоинство рабочего человека.

Четвертую группу сказов о труде и быте людей в прошлом составляют произведения о «чудесном» мастерстве землепроходцев и рудознатцев, о земельных богатствах и фантастических силах, которые якобы ревниво охраняют их. Рассказчики, говоря о небывалых успехах своих героев, непревзойденном мастерстве и смекалке их, нередко вводят в сказ элементы фантастики. Сверхъестественные, «тайные силы», выступающие в самых различных образах (Горного Батюшки, Хозяина, Шубина, Хозяйки Медной горы, Девки-Азовки и других), как бы покровительствуют рабочему человеку. Олицетворяя собой «мощь, богатство и красоту недр, которые раскрываются полностью только перед лучшими представителями трудящихся» [2], «тайные силы» вместе с тем становятся действенными проводниками народных идей. Так, в сказе «Пей, да нас не оставь» говорится о том, как Горный Батюшка, приехав на прииск в образе исправника, заступился за рабочих и дважды «перепорол нарядчиков». В сказе «Шубин» рассказчик с самого начала повествования отмечает, что Шубин «может очень помогнуть человеку». Как писал В. И. Чичеров, «фантастический образ властителей недр земли имеет некоторое сходство с фантастическими образами быличек о леших и домовых, но характер направленности сказов о поисках рабочими земельных богатств придает этим образам своеобразие» [3]. Оно прежде всего состоит в том, что «тайные

---

1 *Бажов П. П.* Соч. в 3-х т., т. 2. М., 1952, с. 293.
2 Там же, с. 309.
3 *Чичеров В. И.* Русское народное творчество, с. 462.

силы» раскрывают богатства земли только перед теми людьми, которые отличаются высокими творческими и человеческими качествами, и помогают угнетенным беднякам. Значительная часть сказов этой группы легла в основу книги П. П. Бажова «Малахитовая шкатулка».

К третьему виду сказов относятся устные повествования героико-революционного содержания. Первую тематическую группу их составляют сказы о жизни и борьбе трудящихся нашей страны во второй половине XIX – начале XX века. В сказе «Воля» воспроизводится обстановка, царившая в России в период отмены крепостного права. Концовка произведения убедительно раскрывает характер «воли». В ответ на возмущение крестьян по поводу неполной «вычитки мужикам постановления» жандармы заявляют: «Если не будете подчиняться, выведем орудия и будем расстреливать...». В сказе «Как «Искру» пересылали» запечатлен один из эпизодов деятельности местных социал-демократических организаций в 900-е годы.

К сказам, связанным с событиями героической предреволюционной эпохи, очень близка популярная сказка «Как рабочий и мужик правду искали», созданная известным русским сказочником Ф. П. Господаревым на традиционный сюжет о поисках правды. Поэтому названная сказка и помещена в третьем разделе сборника.

Вторую группу героико-революционных сказов составляют произведения о Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войне («В дни Великого Октября» и «На «Авроре», «Братья Венгеровы», «Со всех сторон – неприятель...», «Встреча с братом»), которые вводят читателя и слушателя в атмосферу всемирно-исторических событий. Наряду с этими произведениями большой интерес представляют сказы о героях гражданской войны, о подвигах бойцов и командиров молодой Красной Армии. В сказе «Расскажу, как мы...», например, повествуется о самоотверженном поступке одиннадцати красноармейцев, которые сумели «целый полк белых в плен привести». В народной памяти сохранились устные повествования о героических делах партизан Сибири и Дальнего Востока. Однако наибольшее число сказов, бытовавших в разных местах страны, связано с именами легендарных героев гражданской войны – С. М. Буденного и В. И. Чапаева. Они воскрешают картины военных операций, знакомят с яркими боевыми эпизодами, рассказывают о прекрасных личных качествах и полководческом таланте этих командиров («Вот каков Буденный-то!», «Как Чапаев белую разведку в плен забрал», «Назад – ни шагу», «Защитник бедноты»).

Сказы о героических событиях эпохи гражданской войны имеют не только историческое, но и большое воспитательное значение. В цикле очерков «По Союзу Советов» А. М. Горький писал, что создаваемый советскими людьми эпос даже более интересен, чем «хорошее, добротное человеческое» сказочное творчество: «Отец может рассказать о героических битвах Красной Армии более интересно, чем бабушка или дед о подвигах сказочных богатырей, и может рассказать о своих подвигах партизана, в которых чудесного не меньше, чем в любой страшной сказке» [1].

Большую ценность для человечества представляют хранимые в памяти людей сказы о В. И. Ленине. Это воспоминания тех, кто имел счастье видеть и слышать великого вождя, работать и жить рядом с Владимиром Ильичем. В сказах о В. И. Ленине запечатлены разные этапы его многогранной и кипучей деятельности. В них правдиво повествуется о событиях дооктябрьской эпохи, о днях Великого Октября и первых годах жизни Советского государства. Вспоминая многочисленные детали, неизменно подмечая главные черты, присущие Ленину-человеку и вождю, рассказчики воссоздают живой образ Ильича. Они показывают крепкую связь Ленина с народом («Ленин разговаривает с солдатом-фронтовиком о положении в армии»), отмечают ленинскую прозорливость («Незабываемые встречи»), скромность, отзывчивость, простоту, чуткость вождя к любому человеку («Простой в обращении», «В. И. Ленин на субботнике», «Встреча», «Как Федосья Никитишна у Ленина была»). В сказах о В. И. Ленине

[1] *Горький М.* Собр. соч. в 30-ти т. т. 17, с. 180.

переданы глубокие чувства любви и признательности народа к великому вождю («Пуговка», «Последняя встреча с петроградцами»). Н. К. Крупская, познакомившись с устными повествованиями о Владимире Ильиче, назвала их «очень интересными», она отмечала, что в них «человек описывает, как он впервые видел Ильича, в какой обстановке и как врезалась у него в памяти эта встреча, и потому как-то особо яркими выходят эти воспоминания. И передают эти воспоминания, что рабочих особенно поразило в Ильиче, особенно их захватило, сделало Ильича для них таким близким» [1].

Четвертую тематическую группу героико-революционных сказов составляют произведения о соратниках В. И. Ленина. Люди старшего поколения хорошо помнят и часто рассказывают о тех, кто трудился вместе с Лениным в Петрограде и Москве, кто твердо и неуклонно проводил ленинскую политику в действующей армии и на местах. К таким произведениям относятся сказы о Фрунзе, Куйбышеве, Ворошилове, Швернике и других мужественных, бесстрашных сподвижниках великого вождя. Анализ устных повествований о жизни и деятельности М. В. Фрунзе во время его пребывания в сибирской ссылке дан И. З. Ярневским [2]. Ряд сказов об участии в революционном движении и гражданской войне на Волге В. В. Куйбышева и Н. М. Шверника были зафиксированы в 60-х годах составителем настоящего сборника, один из них — «С Куйбышевым в разведке» — приводится в хрестоматии.

Заключительный, четвертый, вид сказов непосредственно связан с событиями советской эпохи. К первой группе данного вида относятся устные повествования, в которых рассказывается о том, как после победоносного завершения гражданской войны рабочие и крестьяне возвращаются к мирному созидательному труду, как под руководством партии они активно включаются в строительство социалистического общества. Исследователи сказов советской эпохи справедливо отмечают локальный характер устных повествований рассматриваемой группы: факты, приводимые в сказах этой группы, будучи типичными для всей страны эпохи восстановления народного хозяйства, прочно прикрепляются к строго определенному месту.

К этой тематической группе сказов близки произведения на тему, связанную с основными вехами строительства социализма в нашей стране (вторая группа). В этих сказах значительное место отводится показу нового отношения к труду («Колхоз в Замостах»), изменению облика нашей Родины («Мы строили Магнитогорск»). В них подчеркивается организующая и направляющая роль нашей партии во всех сферах жизни социалистического государства («Как я в колхоз вступал», «Рассказ старого комсомольца»). Произведения о годах строительства социализма «воссоздают процесс вовлечения... рабочих в строительство новых форм жизни, формирования социалистического сознания рабочих в их активной борьбе со всем старым, отживающим» [3].

В третью группу можно выделить сказы о грозных событиях Великой Отечественной войны, ставшие своеобразной художественной летописью боевых и трудовых подвигов советских людей. Среди этих произведений большой интерес представляют яркие рассказы непосредственных участников героических сражений под Москвой, у стен Сталинграда, на Орловско-Курской дуге, на территории фашистской Германии [4]. В них повествуется о мужестве и отваге советских бойцов и командиров, об их беззаветной любви и преданности Родине («Горячее сердце», «Любите свою дивизию», «Отеческая забота», «На Юго-Западном фронте»). Ратные подвиги героев фронта вдохновляли советских людей, оказавшихся на временно оккупированной врагом территории, на непримиримую борьбу с фашистами. Сказы запечатлели многие эпизоды активной деятельности советских партизан во вражеском тылу («Свадьба Ковпака»), беспримерной отваги и стойкости молодогвардейцев («Рассказ матери об Ульяне Громовой», «Рассказ матери о Сергее Тюленине»).

---

[1] Рассказы рабочих о Ленине. Предисловие *Н. К. Крупской*. М., 1934, с. 5.

[2] См.: *Ярневский И. З.* Устный рассказ как жанр фольклора, с. 163—170.

[3] Устные рассказы уральских рабочих. Ред. и вст. ст. *М. Г. Китайника*. Свердловск, 1953, с. 4.

[4] См. кн.: Русский фольклор Великой Отечественной войны. М.—Л., 1964.

Примечательны сказы, в которых говорится о подвиге тружеников заводов, фабрик и колхозных полей. Работая под девизом «Все для фронта, все для победы!», они в тяжелейших условиях, не зная отдыха, ковали оружие, изготовляли снаряжение и обмундирование для воинов, сражавшихся с ненавистным врагом. Ратный и трудовой подвиг нашего народа в годы Великой Отечественной войны, запечатленный в сказах, — неопровержимое свидетельство высокого патриотизма советских людей, с честью отстоявших завоевания Октября. Репертуар сказов о трудном военном времени продолжает неизменно пополняться в послевоенный период; события героических лет представляют важную составную часть тематики послевоенного фольклора.

Несмотря на разнообразие тем сказов, раскрывающих события целого ряда исторических эпох, рассказчики, кем бы они ни были и когда бы ни вели свое повествование, придерживаются определенных исполнительских приемов. Перед слушателем сказа предстает не сухая лаконичная бытовая информация о незначительных случаях повседневной жизни, а вполне самостоятельный жизненный эпизод, оформленный в глубоко прочувствованное, образное и художественно изложенное произведение, причем речь в нем идет о наиболее характерных, имеющих общественный интерес явлениях действительности. Создаваемый на основе конкретного и безусловно реального факта, сказ является не простым «человеческим документом», «источником для историка», как об этом пишут некоторые исследователи, а творчески переосмысленным повествованием, в формировании которого немалая роль принадлежит личным жизненным наблюдениям, общей эрудиции рассказчика. К этому следует добавить и значение психологического начала, состоящего в том, что рассказчик нередко находится под непосредственным сильным воздействием факта, в свое время взволновавшего его и прочно врезавшегося в память; причем свои личные переживания, осмысление какого-то события или действия героя он передает в сказе с учетом мнения и жизненной практики определенного коллектива, т. е. используя традиционные изобразительные приемы, он излагает не свои, а индивидуально-общественные, народные представления о событиях и фактах: «Всякий раз действие, о котором говорит рабочий, подается значительно шире, чем свое собственное участие, рассказ переходит на изложение от имени коллектива и ведется как повесть о сплоченной борьбе рабочего класса»[1]. Таким образом, сказу присущ, наряду с устностью бытования, еще один важный признак фольклорного произведения — коллективность процесса создания, подтверждающий, что сказ — полноценный фольклорный жанр, а не промежуточное явление, находящееся где-то за пределами устнопоэтического творчества трудового народа.

Представляя собой исторически сложившийся жанр народнопоэтического творчества, сказ, подобно другим «типам художественной формы (былина, сказка, песня, пословица и проч.)»[2], имеет свой стиль, который определяет способ движения и развития мысли, познающей действительность и с помощью изобразительных средств отражающей ее.

Сказ «рождается вместе с событием, в котором принимает участие народ, и является привычной формой эстетического отражения этого события»[3], т. е. произведения данного жанра являются продуктом художественного освоения реального материала. Творческое начало можно видеть уже в отборе отдельных эпизодов и их художественной трансформации. Обращаясь к особо значительным явлениям народной жизни, сказы своими приемами и средствами воссоздают логически законченные повествования. В них четко проступает фольклорная достоверность, что сообразуется с народным пониманием историко-бытового факта или деятельности героя, но не является копией случая, положенного в основу сказа. Достоверность сказа обеспечивается также точностью указания места, даже времени действия, указанием имен реальных людей, среди которых нередко называются конкретные исторические лица. В комплексе фольклорных

---

[1] *Кравчинская В. А.* и *Ширяева П. Г.* Устные рассказы рабочих о Ленине. — В сб.: Русский фольклор, т. 2. М. — Л., 1957, с. 170.

[2] *Кравцов Н. И.* Проблемы славянского фольклора, с. 85.

[3] *Кузьмичев И. К.* Жанровая природа сказа, с. 36.

признаков сказа есть и такие черты художественности, как обобщение и известное «сгущение красок», допускаемое при изображении отдельных фактов, прием преувеличения в описании каких-то случаев или поступков действующих лиц. В результате подобных «сгущений» и гиперболизации воссоздаваемый эпизод получает не реальный, а фантастический – полулегендарный и даже легендарный оттенок («Про колывановского змея и братьев Белоусовых», «Бударинский сказ», «В Белебее рассказывали...»). Элементы художественного вымысла сочетаются в сказах с постоянным стремлением рассказчика к точному воспроизведению взволновавших его событий, даже к психологической обрисовке изображаемых ситуаций, к показу своего личного отношения к описываемым событиям и героям, которые, несомненно, имели место в действительности или (в редких случаях) выдаются за реальные явления.

Тематика произведений рассматриваемого жанра, отражая судьбы героев и эпох, практически столь же широка и многообразна, как и сама жизнь.

Темы сказов выражаются в сюжетах, предстающих в качестве основного средства, с помощью которого рассказчиком освещаются события, лица, историческая обстановка. Большая роль в художественной структуре сказов принадлежит композиции повествования. Принципы подбора и раскрытия изображаемого материала «подчинены не логике действительного события, которое взято за основу», а «поэтической идее» [1]. Такой прием позволяет «сводить воедино» несколько эпизодов, менять их местами, что-то вводить или опускать, в результате чего наиболее значительное, жизненное событие предстает перед слушателем и читателем как вполне законченное произведение. Оно имеет закономерные начало, кульминацию и концовку, а содержание повествования отражает не какое-то, однажды происшедшее событие, а типическое явление действительности. В отдельных сказах ощущается стремление рассказчиков четко очертить образы главных героев. Взяв за исходное жизненные, хорошо известные ему поступки определенных лиц, повествователь на основе собственного опыта, личного знания фактов, близких к рассказываемому, создает образ того или иного персонажа. И хотя он строит произведение на конкретных фактах из жизни реального человека, в сказе, под влиянием фольклорной повествовательной традиции и закона обобщения, герой преподносится в несколько идеализированном виде, например в сказах о событиях гражданской и Великой Отечественной войн. Как пишет А. В. Гончарова, «храня память о дорогих людях или повествуя о себе, рассказчики, может быть, делом своей личной чести считали соблюдение фактической достоверности. Но вместе с тем они довольно смело отступали от факта и допускали элементы вымысла, в более или менее обобщающих образах рассказывая о происшедшем» [2]. Созданные народным гением герои сказов живут в фольклоре, подчиняясь его законам. С течением времени они теряют качества невыразительные и второстепенные, отчего сильные и наиболее характерные их стороны становятся более рельефными, а сами образы – яркими и колоритными.

К числу особенностей произведений данного жанра относится и их речевое своеобразие. При явной монологичности сказы отличаются живым и образным языком. Это прежде всего характерно для повествований, в которых дается прямая речь действующих лиц. Диалоги героев раскрывают перед слушателями и читателем своеобразие остроумного народного разговора, пересыпанного меткими словечками, крылатыми выражениями; большое значение приобретает система простых и риторических вопросов, обращений, повторов и т. п. При этом особая роль отводится в сказах мастерству рассказчика. Художественный арсенал сказов позволяет утверждать, что данные произведения в той или иной мере обладают элементами поэтики. По этому признаку, с обязательным учетом фактов коллективности создания и наличия вариантности, и можно отличить сказ.

Если воспользоваться терминологией классификации К. В. Сидова, то сказы могут быть отнесены к фабулатам, которые представляют собой «основной

---

[1] *Кузьмичев И. К.* Жанровая природа сказа, с. 37.

[2] *Гончарова А. В.* Устные рассказы о Великой Отечественной войне. Калинин, 1974, с. 35.

вид несказочной прозы», «оформляемый с помощью художественного творчества, создающего как бы некую фабулу»[1]. Тогда мемораты и хроникальные сообщения — «рассказы людей о событиях из их жизни» и «всевозможные припоминания, изложенные в форме утверждения»[2], которые почти не используют отмеченных художественных средств, составляют обширнейшую группу устных рассказов.

Итак, **устные рассказы** – это впервые сообщенные, еще очень слабо выраженные в художественном отношении прозаические повествования о реальных событиях и делах людей, современником или непосредственным участником которых был сам носитель их. Находясь где-то на границе между сообщением обыденного, сугубо информационного характера и сказов, устный рассказ представляет собой зафиксированное в момент появления произведение о конкретных фактах, происшедших на глазах слушателя. Именно такими, по сути дела еще первозданными, «заготовками» художественных произведений, не принятыми в фольклорный обиход, предстают перед нами, например, записи устных рассказов о пугачевском движении, осуществленные в 1833—1835 годах А. С. Пушкиным; услышанный Н. А. Бестужевым рассказ об агитационных песнях К. Ф. Рылеева и А. А. Бестужева (Марлинского); зафиксированные в 60-х годах прошлого столетия А. С. Гациским рассказы дворовых людей; отмеченные И. Я. Франко «народные новеллы», темы которых «берутся из действительной жизни и имеют героев действительных»; устные рассказы, услышанные А. М. Горьким от разных людей и положенные им в основу многих произведений, и другие повествования.

Безусловно, однажды услышанный и тотчас же записанный устный рассказ может не повториться, следовательно, несмотря на фиксацию его собирателем, остаться за пределами фольклора. Но творческое начало, которое заложено, например, в устных рассказах «В крепостную пору», «Как насильно замуж выдавали», «Знакомство с песней», «Незабываемые встречи», «Как я каширинцев встретила», «Вот так повар!», «Как мы колхоз организовали», «Наши песни», «Только вперед!» может проявиться и получить развитие. Это возможно только в результате многократно повторяющейся передачи, когда произойдет отрыв произведения от подлинного факта и оно окажется в условиях самостоятельного бытования. Отражая самые разносторонние факты действительности, приближаясь к повествованиям словесного искусства, устные рассказы являются неисчерпаемой сокровищницей несказочной прозы.

---

[1] Подробнее об этом см. в ст.: *Азбелев А. Н.* Международная систематизация преданий и легенд. — Русский фольклор, т. 10. М. — Л., 1966, с. 183—184.

[2] Там же, с. 183.

1. Гусенок
⟨Про барина Данилевского⟩

Мальчик Петя на озере караулил гусенят. Рано утром встал он, а в полдень вздремнул. Ворона и утащила одного гусенка.

Вдруг, как на грех, является барин Данилевский, а с ним собака Барс. Подходят к мальчику.

— Ну-ка, считай гусенят, — приказывает барин.

Петя считает:

— Раз, два, три, четыре.

А где же пятый? Пятого нет.

— Значит, проспал гусенка? — спрашивает барин.

Что делать мальчику? Ничего не отвечает, только думает: «Пропал я».

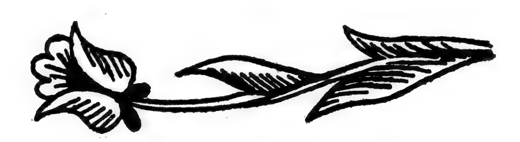
Достает барин плеть, — а она завсегда с ним была, — захлестал мальчика до потери сознания, а потом бросил в пруд.

У Пети сестра была, лет шестнадцати. Как узнала, что мальчика утопил барин, — бросилась в пруд и вытащила его, уже мертвого. Начали его хоронить, она идет за гробом, плачет, помещика проклинает.

В тот же вечер взяли ее к помещику на дом, и куда она потом делась — неизвестно.

Так без вести и пропала.

А потом нарушили всю семью. Отца продали за двадцать пять рублей в дальнее село, а вдове прислали неизвестного человека с приказом, что это ее муж. И пошло от них поколение Кусакиных.

2. ⟨В крепостное время⟩

В крепостное время три дня работали на помещика, а три дня — на себя. Основные работы выполняли в уборку.

Тогда отводилась норма: семь с половиной сажен за день выжать, связать и стаскать в пятки. Кто не выполнит — приезжает бурмистр и дает палки. Или свой день отдавали.

А женили так. Барин Устинов здоровому мужчине давал послабее девушку. Если женщина здоровая — к ней мужчину похуже. Собирали в конторе: в одном углу женщины, в другом — мужчины. Как с восемнадцать на девятнадцать лет — так он собирал: метрики-то у него из церкви. Женит и тягло правит...

А как на волю в шестьдесят первом году отходили — обрадовались. Колесо подняли на слеге — скрипит (музыки-то не было). Кричат: «Воля, свобода, свобода!» Так обрадовались.

3. В крепостную пору

В крепостную пору, дед сказывал, в шахтах свечей не было, а конопляное масло стали жечь. А от него дыму, копоти — страсть! Народ и стал болеть.

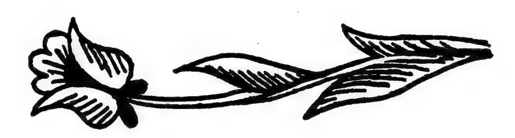
А еще отец сказывал: в крепостную пору был приказчик, Красной Рожей звали. Спустится в забой Красная Рожа и говорит: «Вот тебе стена — сёдни вырубь!» Человек робит, робит — не может осилить. Клин да кайло — вот и все инструменты. А придет Красная Рожа и давай за волосы таскать. А уж если кто перечить станет, так живо в солдаты сплавят. Реденький при крепостничестве оттуда возвращался. Коли человеку под сорок, — так и знай, что на смерть проводили. А на место старых хозяин из своих имений крестьян пригонял, а они все равно как волы робили. Им давали маленько мяса, да одёжу плохонькую, да лапти. Мы вот тоже пригнаны. Туляк прадед мой был.

4. Тяжело жили приисковые рабочие

Тяжело жили приисковые рабочие. Их постоянно горное начальство обирало, а то и вовсе жалованье не выплачивало. А на рабочие денежки разные начальники дома себе понастроили, рысаков завели. А рабочим какое житье? Особенно «контрашным». «Контрашные» — это русские, татары, башкиры, которые на сезон нанимались. Жили они в казармах человек по 40—50

вместе с детьми. В казарме одна печка, а кругом нары, да и тех не хватало: один спит, другой на работе, потом меняются. Грязь кругом. Если ребенок заплачет, то мать с ребенком выгонят на улицу. Пьянки, драки, ссоры постоянные, а дети заберутся под нары, кто куда может, и смотрят на драку. Школ для них не было, конечно. Подрастут — их сразу на работу, а работа нелегкая. Старики об этом до сих пор помнят, рассказывают молодежи о прежней-то жизни.

5. Вечно голодали

Тяжело жили лысьвенские рабочие до революции. Возьмите нашу семью. Она большая была и вечно голодала. Жили в избушке аршин в семь. Спали на полу. Кроватей, матрацев и в помине не было. В чем на работе, то и подстилка. Отец кочегаром проработал 23 года на Лысьвенском заводе. Зарабатывал 50 копеек в день. Другие рабочие так же жили.

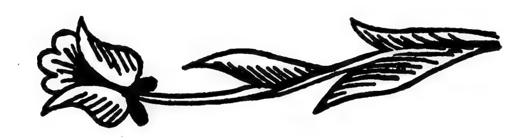
— У Шуваловых много не заработаешь, — говорили рабочие.

У нас на заводе и поговорка сложилась про жизнь нашу: «Мри, душа, неделю, царствуй один день, в получку крендели». Да, зарплаты на неделю не хватало. Получишь ее, купишь фунт кренделей ребятишкам, а там голодом сидишь.

С 6 лет я работать начал. Отец и мать пойдут летом наниматься жать и я с ними. В шесть лет какой жнец! — А жнешь.

В воскресенье либо жать идешь, либо в лес за малиной. Малины насушат и к чаю по праздникам дают. Рябину кистями собирали после снега. Ее тоже сушили.

Отец на работу идет, мать дает ему два куска хлеба и кисть рябины. Так и жили.

6. ⟨Был у нас барин...⟩

Был у нас барин, в то время, барин Стобеус. Я не помню, мне отец с матерью рассказывали. Так он, тот самый барин Стобеус, все бывало на Нижегородскую ярмарку ездит и там своих

крепостных целыми семьями в карты проигрывает. Ну так случалось, что и выигрывать приходилось. Так вот, к примеру, у барина одного Зубова по фамилии, он целые три семейства нас Козловых — деда моего, его братьев выиграл. И вот тогда из Тулы сюда и перегнали всех. Отец помнил, сказывал, жили они в селе там в Туле, ну и раз зимой пришел господин приказчик и приказал, чтоб в один день сбирались, чтобы завтра ехали прямо на новое место, чтоб никакого разговору не было. И как пришел, сказал, так и ушел. А у нас тогда бабка была старая, старая, ну как ее везти, так и не повезли. Сказывают нищенкой осталась и померла. А когда приехали, то моего отца барин Стобеус женил по приказу на своей крепостной, это на моей матери, значит. Ну, а потом уже, как родился у них старший мальчик, дак у барина в ту пору тоже сын родился, дак тогда пришли с приказом от барина, чтоб моя мать кормила сына грудью, а у бариновой жены не позволял, вишь, доктор, молоко сосать, и приказ вышел от барина взять Аграфену Козлову (это мать-от мою), к своему сыну кормить... Она пошла, ее там нарядили в богатые наряды, а домой не пущали своего сына кормить. Нянька там главная была, ей говорила, когда она просилась: «Ничего, мол, еще родишь, а то, если будешь двоих кормить, не хватит у тебя молока». Ну, а сын ее тогда захирел, конечно, захирел да и помер без материнского молока.

Все, что хотели, делали. Барщина тогда была. Они сказывали, в неделю 5 дней на барина работают, а два дня себе. Только, вот, это время, время-то было недоброе.

7. Жилетка

Это дело давно было, в 1878 году. Деда моего, молодого, 22-летнего убило на барже, и остался отец мой, двухлетний малый, сиротой. Но скоро у него появился другой отец, так как бабушка моя снова вышла замуж в деревню Волнино.

Девяти лет мой отец пошел пасти мелкий скот: свиней и овец. Пас два года. Потом мать отдала его к портному в ученики. Прожил три года бесплатно, а потом остался еще на пять лет, уже за плату: первый год — 20 рублей, второй год — 25 рублей, третий год — 30 рублей, а за пять лет получил 150 рублей. Вот мать и говорит ему:

— Павлушка, жениться надо тебе.

Ну, что ж! Усватали невесту в селе Панфилове и пошел мой отец первым долгом к попу.

— Батюшка, вот я усватал невесту. Когда нас повенчать изволите? И много ль вам за работу?

Поп и отвечает:

— 8 рублей деньгами, кусок мяса и бутылку вина. А на духу был?

Отец смутился.

— Нет, батюшка.

— Тогда еще три рубля. Да, вот ты портной, сшей мне жилетку...

Бедным был мой отец. Не имел ни дому, ни земли. Жил у дяди. Целых три недели отец готовился к свадьбе: надо было заработать 8 рублей за венчанье, 3 рубля за «дух», бутылку водки и кусок мяса.

Наконец, настало желанное воскресенье. Пришел мой отец к попу и выложил все на стол: деньги, водку и мясо.

— А жилетку сшил? — спрашивает поп.

Отец так и присел, упал духом.

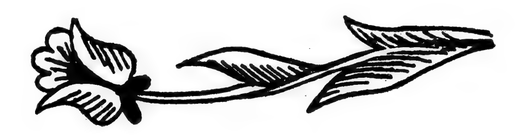
— Нет, батюшка. Сошью после свадьбы.

Поп на дыбы:

— Шей жилетку, а то и венчать не стану.

Делать было нечего. Шил отец мой жилетку всю ночь. Шил руками с лучиной. Понес попу. Только тогда жадный поп обвенчал отца с матерью.

Вот какое было время. Недаром в пословице говорится: «Бедному жениться и ноченька не спится». Религия угнетала народные массы.

8. На златоустовском заводе

Я поступил на завод 12-летним мальчишкой. Мне очень хотелось учиться, но не довелось. Семья была большая, жили бедно. Мать говорила — работник поспел.

Я все утешал мать: «Как заработаю, так куплю сарафан тебе».

Вот и поступил я на казенный златоустовский завод, в цех украшения оружия. Там при цехе была школа рисования. Платили ученикам пять копеек в день.

Раз рисую я, а по цеху проходил управляющий-немец. Строгий он был. Идет, а сам палкой стучит. Тишина сразу: муха проле-

тит – слышно. Торопятся все. Постоял он около меня, что-то мастеру сказал, и вскоре я стал гравером, учеником Коновалова и Костромина.

Условия труда тяжелые были. Представьте себе большую грязную комнату. Посреди комнаты на дырявом полу стоит медный котел с горячим раствором уксуснокислой меди. Рабочий черпает раствор медным ковшом и поливает клинок с рисунком.

У стены стояло большое кирпичное сушило. Накрасят киноварью клинок и сушат. Ртуть испаряется, воздух отравляет. Вентиляции нет. Рабочие кашляют, помирают от туберкулеза. Большая смертность была.

У окна в углу стоит горн на чугунных подставках. В горне – раскаленные угли. Дмитрий Варганов держит клинок над углями и проводит по нему заячьей лапкой. Рисунок намазан жидким раствором золота в ртути. Ртуть испаряется, а золото остается на клинке. Это называется «золочение через огонь». У Варганова выпали зубы и волосы, но бросить работу нельзя: семья.

У окна сидят братья Субботины, резчики по дереву и слоновой кости, просто виртуозы. Делали шашки с насечкой золотом и серебром, ножны из лионского бархата для короля английского, шаха персидского и др.

Быстро работать надо было. А когда заказа нет – отпускали на неделю. Когда придет срочный заказ, то за рабочими отправляли лошадь, и ездил сторож собирать работников: кого – по домам, кого – по канавам.

Закончили клинок сербскому королю – начальство ожидает наград себе, а рабочий? Рабочий срочно выполняет другой заказ – черногорскому князю Николаю.

Как-то раз художник-скульптор Гордеев показал рабочему-резчику Гавриле портрет Льва Толстого. Тот долго рассматривал его, а потом вдруг предложил вырезать бюст его из дерева:

«Давай поспорим: даю тебе два часа, ты сделаешь лепную голову, а я вырежу из дерева. Идет?»

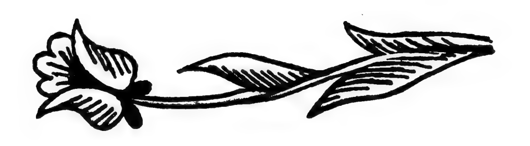
Через два часа Гордеев на доске несет бюст Толстого. Гаврила спокойно вынимает из тисков свою работу.

– У меня тоже готово.

Посмотрел Гордеев, пожал Гавриле руку и сказал: «Не в этой вони тебе сидеть, Гаврила», – и вышел очень взволнованный.

Гордеев подарил мне полное собрание Салтыкова-Щедрина, Писарева.

Гордеев высмеивал начальство, он на многое нам глаза раскрыл.

9. Цепочка

В давнишнее-то время подходит один раз к брату старшому Алексею управитель Кыштымских заводов Карпинский и говорит:

— Вот, гости со мной приехали... Интересуются работой... Желательно им иметь цепочку из чугуна к часам... Можешь отлить?

А брат говорит:

— Какая цепочка... Модель покажьте...

Карпинский свой сюртук распахнул. Показывает цепочку серебряную. Она через грудь у него идет.

— Такую можешь?

А сам смотрит на брата. И на гостей смотрит. Посмеивается. Видно, хотел унизить перед гостями рабочего человека.

А брат старшой глянул на цепочку и говорит:

— Погуляйте по цеху... Апосля скажу, погуляйте...

Они пошли гулять, а брат стал формовать. Пока они гуляли, брат отлил два звенышка. И молчит.

Подходят они. Карпинский опять спрашивает:

— Ну, надумал? Можешь или нет?

Брат отвечает:

— Могу... Погуляйте. Сделаю.

Покачали гости головами. Пересмеиваются. Пошли.

А брат стал отливать. Сначала, конечно, кожух набил. Потом колпак набил. Отлить не трудно. Только долго. Тут сила в формовке. Звенышки тонехонькие, как проволочка. На каждом звенышке, окромя прочего, пучик, пупырышек... Пипочка маленькая. Это, чтобы видно было, что цепочка из чугуна отлита. Конечно, чугуна на каждое звенышко идет самую малость. Капли одной много. И опять же каждое звенышко надо отливать в отдельную. И опять же вместе с теми, которые раньше отлиты. Наращивать надо цепочку. Шибко мелкая работа.

Тридцать пять звенышек отлил брат. Над барашком у него случилась задержка. Барашек — это на котором цепочка привешивается. Отлил его брат. Попробовал. Барашек должен бы крутиться на шпинечке, а этот не крутится, — приварился, значит. Другие формовщики говорят:

— Так отдай... Слесарь доделает.

А брат отвечает:

— Там, где литейщик робит, там слесарю делать нечего. Литейщик сам должен до дела довести...

И разбил отлитый барашек и другой отлил. Этот крутился. Вот подходит Карпинский с гостями. Спрашивает:

— Ну, мастер, как действие твое?

— А так, — отвечает брат и на ладошке подносит им цепочку. Гости глянули и руками всхлопали. Ну, и работа!.. И от удивления даже пять рублей брату дали. Золотой.

А потом ушли из цеху. И какое же последствие вышло от этого для брата старшого? А никакого. Что раньше робил, то и вперед стал робить. 〈...〉

10. Шубин

В шахте был хозяин — Шубин. Иногда он может очень много помогнуть человеку, а другой раз осердится и выгонит из шахты. Появлялся он в виде шахтовладельца Кошкина. Как только выйдет последняя клеть с народом, он седым стариком садится в клеть и спускается в шахту. После этого шахта обязательно окажется затопленной. А то бывает он в виде человека-невидимки. Гоняет да гоняет вагоны с углем и дает заработать очень много, как был случай с одним шахтером в Грушевке.

Этот шахтер под рождество так кутнул, что все до копеечки пропил. Наутро пришел шахтер к подрядчику: так, мол, и так, деньги нужны, опохмелиться не на что. Подрядчик в насмешку предложил ему полезть в шахту и выкрутить [1] зарубанный уголь. За это подрядчик обещал уплатить, как только шахтер вылезет на-гора и скажет, сколько выдал угля.

Парень был не из робких, согласился. Выпил кочеток [2], захватил с собой кусок хлеба и отправился на задание.

Когда он спустился в шахту, то в камере рудничного двора увидел седого старика с крючком в руках, каким таскают вагонетки.

— Добро пожаловать! — проговорил старик. — Скучновато было мне, не с кем пошутить...

Парень поглядел на старика и подумал: «Это новый штопорный». Прошел к вагонеткам, отсчитал десяток.

— Дедушка, я буду работать, а ты не посчитай за труд — наведайся. Может, что случится со мной. — И погнал по откаточному свои вагонетки.

---

[1] Выдать, взять из лавы.
[2] Кружка с изображением на ней кочета (петуха).

Прошел час. Парень натягал на вокзал угля вагонетки на четыре, и, только нагрузил первую вагонетку, – слышит: кто-то идет. «Кха-кха», – кашляет в ходу.

— Ну, что, парень, как дело? – спрашивает, подойдя, старик: — Есть уголек?

Тут парень заметил: что-то ярко горят глаза у старика.

— Есть немного, — ответил он старику.

— Вижу, — сказал тот. — Ну, вот что: ты грузи, а я потихоньку гонять буду в откаточный.

Парень согласился, и началась работа. Не управится он вагонетку нагрузить, а старик уж гонит пустую, да и материала[1] на вокзале не убавляется.

Дрожь стала пробирать парня, а старик торопит:

— Давай, давай. Я помогу тебе.

Сорок вагонеток нагрузил парень. Тогда старик говорит:

— Ну, теперь посмотри, что осталось в лаве.

Парень полез по лаве, видит – весь уголь отбит, вся мелочь собрана, вроде кто веником замел.

Сколько пробыл парень в лаве — неизвестно, да и сам он не знал, а когда вылез и вышел на откаточный, то все было заставлено вагонетками с углем. Волос дыбом стал у нашего шахтера. Побежал к рудничному двору. Тут никого не оказалось. Сам дал сигнал: «Подымай!»

Когда парень стал входить в казарму, его встретили друзья:

— Парнище, где ты был? Зачем голову намазал белым?

Человек-то, оказывается, стал седым. Дошел в казарме до нар, упал вниз лицом и уснул.

На другой день рано утром он постучал к подрядчику, получил с него двенадцать рублей и ушел.

С тех пор этого молодца никто и никогда не видел в Грушевке.

11. «Воля»

Мой отец был крепостным у Голубцовых. Когда волю-то дали крестьянам, помещик всю лучшую землю, все покосы взял себе, а мужикам осталась самая худая земля. Потом-то, когда мужикам надо было косить, приходилось идти к помещику. Он давал покос, только за него надо было много работать. Что ж делать?! И работали.

---

[1] Угля.

Я – сапожник, и отец мой был сапожником. Он солдатчину прошел. Когда вернулся из солдат-то, стал говорить мужикам:

— Наделите меня землей полной мерой, – ему совсем мало земли-то дало общество, – я поеду в Петербург, а оттуда – в военные лагеря, где царь бывает, и добьюсь того, что самому царю подам жалобу на помещика, почему всё нашей землей завладел. Ну, мужики почему-то не согласились, – не верили, стало быть.

Отец все рассказывал... Как волю-то дали, приехал мировой посредник и стал вычитывать мужикам постановление, читает, а сам перекидывает те листы, на которых в пользу мужиков-то написано.

Отец смотрел, смотрел и кричит посреднику:

— Ты вычитывай подряд, не перекидывай!

— Это не твоё дело, – говорит посредник.

Отец тут:

— Как не мое дело?!

Да как схватит мирового-то за ворот, так пуговки у него оборвал.

Ну за это отцу и всыпали двести розог.

При этом были жандармские полковники. Они смотрят на церковный крест, крестятся и говорят:

— Если не будете подчиняться, выведем орудия и будем расстреливать...

12. Как «Искру» пересылали

В начале девятисотых годов местный социал-демократический кружок в Шадринске возглавлялся агрономами Георгием Семеновичем Серковым и Николаевым. Нелегальную литературу они получали по почте из Екатеринбурга. Для этого пользовались адресами своих знакомых, которые ни в чем не были замечены. Между прочим, Серков обратился с просьбой и ко мне, чтобы получать посылки на мое имя. Я согласился.

Раз я получил повестку на посылку. Прихожу за ней на почту. А начальником почтовой конторы тогда был Фрейбург – большая такая борода на обе стороны. Увидал меня, смеется:

— Кто это вам посылку с карамелью посылает?

— Знакомые, – говорю.

В самом деле посылка – круглая, жестяная банка с карамелью, зашитая в материю.

— Угостите, – говорит.

Я как-то отговорился. Расписался, получил и пошел к Георгию Семеновичу. Он увидел, обрадовался:

— Вот хорошо!

Живо взял, вскрыл, высыпал карамель на стол. Ее было насыпано только сверху тонко. А из-под карамели стал вытаскивать туго свернутую бумагу: брошюрки, листовки и несколько номеров «Искры». Напечатана она была на тонкой папиросной бумаге. Как сейчас помню: «Искра» — орган Российской социал-демократической рабочей партии». А сверху: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» и под этим: «От искры возгорится пламя».

Георгий Семенович вытащил литературу и стал искать записку:

— Записка должна быть...

Верно, на дне была записка. Развернул ее. На бумажке было написано что-то самое пустяшное. Тут он зажег свечу, провел бумажку над огнем, а на бумаге выступили слова и какие-то цифры — шифрованное письмо.

Не помню, сколько я получил таких посылок. А потом у частного поверенного Василия Ивановича Старцева случилось составлять акт на принятый от кого-то в качестве гонорара за работу по ведению дела типографский шрифт. Надо было кого-то в понятые. Побежали за мной. Я пришел. Когда акт был готов, я начал подписываться. Околодочный надзиратель спрашивает:

— Как ваша фамилия?

— Марков.

— Что-то об вас справлялись...

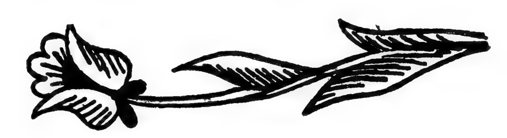
— Кто?..

— Из Екатеринбурга.

Я уж догадался, что в Екатеринбурге, очевидно, напали на след и теперь запрашивают обо мне. Тут я и расспрашивать больше не стал. Пошел скорее к Георгию Семеновичу, рассказал ему все.

— Ну, я напишу, чтобы больше на тебя не посылали...

И с тех пор посылки на мое имя прекратились.

13. Знакомство с песней

Вы спрашиваете про революционные песни, как же? Знаком! Как сейчас помню: было это зимой 1905 года. Я тогда еще мальчонком, учеником первого или второго класса был.

В наше село кто-то листовки доставал. Принесли и разбросали по улице. А дело-то в воскресный день было. Я выбежал, а на

них что-то напечатано. Подобрал я один, другой листочек, рассматриваю их, читаю по складам:

— От-ре-чем-ся от ста-ро-го ми-ра...

Вот стою я это около дома, читаю и толком понять не могу, что тут к чему. И вдруг слышу в конце улицы поют, побежал я туда, гляжу во все глаза и вижу: по проезжей части люди идут, красный флаг над ними развевается, а они веселые такие и песни поют. Некоторые на листки такие же, как у меня посматривают. Оказывается в листовках были революционные песни напечатаны.

Понравились мне эти люди и песня их по душе пришлась. Побежал я за ними да и встал в ряд. Иду и подпеваю.

Вдруг откуда ни возьмись — урядник. Засвистел он в свисток да за мной. Поймал меня урядник и в саботажку посадил. Потом в саботажку еще несколько человек привели. Сижу я с незнакомыми людьми, а кажутся они такими близкими.

Продержали нас несколько дней вместе, а потом взрослых в город отвезли, а меня домой отпустили, всыпав на дорогу. Что со мной поделаешь? Маленький еще был, такого в тюрьму не посадишь!

Вот так, дорогие мои, и познакомился я с революционными песнями.

14. На каторгу

Раз каторга она называется, каторга она и есть. Сослали нас с пятого года.

Были у нас здесь доктор и Семен Иваныч Буянов, с ними и я — руководили мы, значит, работой.

Прокламации сами раздавали, раскидывали по селам. С первого раза маху дали: в прокламациях написали — ни бога, никого не надо. Ну, а мужикам-то так нельзя. Предали нас. В 1905-то году выгнать барина хотели — хлеб развозили, скотину. Попали на хутор — жечь стали. Власти прознали — казаков прислали, усмирили и сечь начали. Всех, значит, подряд. Имущество свозить заставили, а как привезешь, — квитанцию дадут и сечь начинают. Тестя до полусмерти забили. Я несеченным остался. Через неделю пымали, предали нас. В тюрьму самарскую взяли. М.И. Калинин вместе с нами в тюрьме сидел, в политической одиночке, 42 или 44 камера его. Давал нам чай, сахар, табак. После суда в Сибирь послали. Как в Сибирь ехали, на каждой версте эшафот — два столба и веревка.

Выкликают по списку, выводят, на скамейку поставят, петлю на шею, а скамейку из-под ног вырвут – и все. Жутко смотреть, а товарищи выходят, улыбаются и кричат: «Товарищи, не унывайте!» Больше 800 верст шли пешком в кандалах, трудно было идти. До костей ноги я растер, а если заболел кто дорогой, идти не может, так конвойные приколят и концы в воду. А шли-то по 48 верст, подвод нет, кандалы фунтов двенадцати на ногах волочутся. На каторге совсем заморить хотели: фунт хлеба давали и киту гнилую. Нас, политических, вместе с уголовными держали. На прииски вместе гоняли; как с 4 часов сгонят, так до позднего вечера. Побегов было много, да бежать некуда – тайга кругом.

Когда кандальный срок отбывали, всех политических на поселение сослали. На поселении хуже, чем на каторге. На спину нам бубновый туз пришивался. Кожу с пальцев раз 7 сымали. Эх, и жизнь была, жутко вспомнить. Одно не обидно – боролись за правое дело.

15. Как рабочий и мужик правду искали

Жил бедный мужик в деревне. Помещик его куда пошлет – он должен идти! У мужика ребят было много, тяжело семейство кормить. Он подумал: «Как я буду жить? Пойду я искать правды».

Вот идет дорогой, встречается рабочий.

– Куда идешь, товарищ?

– Да иду правду искать!

– Я тоже иду правду искать!

– Ну, пойдем вместе, вдвоем лучше.

Вот они пошли. И стоит помещика дом.

– Давай, товарищ, зайдем сюда.

Зашли они к помещику и говорят: «Барин, скажи, где правда есть?»

Барин отвечает им:

– Идите-ка, поработайте у меня – и правду узнаете.

Вот они пошли работать – рабочий и мужик. Работают они день, работают два, на третий день идет этот хозяин, они увидели.

– Эй, ты нам скажешь правду?

Он усмехнулся и говорит им:

– У меня по три года работают, а правды не спрашивают, а вы три дня поработали да правду хотите узнать. Тогда нам некогда будет спать, если всю правду сказать.

Они говорят:

— Так что, если правду не скажешь, давай нам расчет.

Вот они расчет получили, уходят с помещичьего двора и друг другу говорят:

— Правду люди сказывали, наши старики: «Помещик дерет с нас кожу да с наших родителей. А мы с картошки подерем».

Ну, вот рабочий сказывает:

— Пойдем, товарищ, дальше искать правду.

Они пошли. Стоит фабрика от кулака. Они заходят в контору. Но не знают — управляющий сидит или хозяин, это неизвестно. Вот рабочий и говорит: «Барин, скажи нам, где правда есть?» Барин усмехнулся: «Иди-ка на фабрику, поработай и правду узнаешь».

Вот они пошли работать. Он поставил их на работу такую, что даже с плеч два раза в день рубашки снимали, все пот выступал, солью выступал. На третий день идет этот управляющий или хозяин, им неизвестно. Идет — они и говорят:

— Барин, вы скажете правду?

— Ого! — усмехнулся, — у меня люди по пяти лет работают — правду не знают, а вы три дня поработали — правду хотите узнать? Если вы правду хотите узнать, так некогда будет спать.

— Ну, давай, барин, расчет!

Он тоже сказал:

— Пожалуйста.

Вот они расчет получили, выходят с этой фабрики и говорят:

— Правду люди сказывали, наши старики, которых помещики драли на конюшне. Вот, товарищ, правда есть: они дерут с нас кожу, а мы хоть с картошки подерем, потому что больше питания нету.

Вот рабочий и говорит:

— Пойдем до царя-батюшки. Он наш земной бог. Он нам всю правду скажет.

Вот и пошли до царя. Там стоит стража, к царю не пускают.

— Вы куда идете?

— К царю-батюшке, хотим правду узнать.

— Сказывай, сказывай! Ты свои уши видел? Нет? Тебе и царя-батюшки не видать, а казацких плетей получишь!

Ну, они все-таки этого не испугались, через один караул пробралися. Вот подходят к другому караулу, поближе к царю. Там у них и спрашивают:

— Вы откуда явилися?

— Да к батюшке-царю идем.

— Как же вас караул пропустил первый?

Их сейчас же тут долго не спрашивали. Казацких плетей получили, за ворота выкинули их; не знают, где и были, а друг от друга не отстают и говорят:

— Вот и правда есть на свете: помещики дерут кожу, фабриканты дерут кожу, тако само и царь-батюшка. Да, рубец на спине! Ну, подерем кожу и пойдем искать дальше.

Вот они пошли из Петрограда. Шли они почтовой, ни у одного копейки нету.

— Как, товарищ, проживем? Где правду найдем?

А рабочий сказывает:

— Нет, крестьянин, пойдем дальше правду искать! Вот лесная дорога — пойдем-ка по этой дороге.

Они пошли. Так, что, может, верст двадцать прошли (скоро сказывается, а шагами — так тяжело). Видят — в лесу полянка, большая такая.

— Давай-ка мы зайдем сюда! Вот там шалаш какой-то есть, верно охотник там живет.

И они подходят. Там сидит человек, плохо одетый был. Они подходят:

— Здравствуй, товарищ!

— Здравствуйте, здравствуйте!

— Ты, — говорят, — охотник?

— Да.

— Скажи нам, где правда есть?

Он усмехнулся, сказал:

— Сядьте, покурите, а потом я вам правду скажу.

И они сели, покурили, а он им и говорит:

— Правда в наших руках. Только сами себя не жалейте, тогда и выйдет наша правда.

Мужик немного испугался, а рабочий и говорит:

— Вот тут правду нам и узнать, у полесника. (А никто не знал, кто он такой).

— Ну, — говорит полесник, — теперь пойдемте за мной.

Вот и ведет в Петроград их. Приходят они до завода (Буховский завод). Он и говорит им:

— Ступайте на этот завод, поступайте на Буховский завод на работу и правду узнавайте. Только сами себя не жалейте и сказывайте всем, что вот такой там в лесе полесник сидит, говорит, что если мы собьем помещиков, фабрикантов и царя — тут и правда будет наша.

Вот они и пошли, остались работать.

Работают они уже целый месяц и каждому рабочему говорят: — Вот, товарищи, там полесник сидит один, говорит, что должна быть правда в рабочих руках.

И уже собралось людей много вокруг них. Прошло еще время, и уже собралось их до пятисот человек, все за правдой пошли.

— Ну, давайте — говорят, — теперь выйдем за ворота.

Вот они выходят из ворот, уже мужик видит и рабочий видит, что за ними пошло много людей, много теперь силы собралось. Рабочий и говорит:

– Теперь, товарищи, хоть у нас нету припасов, так грудью затесним!

Вот они пошли смело, доходят до двора, а там еще больше народу, чем здесь. Да. В народ окруженный, один человек стоит на трибуне, говорит речь. Мужик и рабочий говорят:

– Пойдемте, товарищи, ближе!

Подошли. Вот рабочий крикнул:

– Это же наш учитель, который нам правду сказал!

С тех пор и пошла ленинская правда. И уж который год идет она, и мы должны за правду держаться всегда, и не погибнем никогда!

16. Ленин разговаривает с солдатом-фронтовиком о положении в армии

В конце 1917 года я был у Ленина в Смольном, в комнате № 56. Пропустили меня быстро: я был военным (помощником командира полка, полковым депутатом). Дали мне пропуск, и я пошел к Ленину.

Пройдя по коридору, я увидел дверь комнаты № 56. У двери стояли два часовых – матросы с винтовками. Я предъявил пропуск и вошел в небольшую узкую комнату. Над столом висела люстра, на столе было много книг, бумаг. Товарищ Ленин стоял у стола и отмечал что-то в толстой книге. До этого я его не знал и не видел ни разу, а картин с него еще не было. Одет он был в простой костюм и рубашку с воротничком и галстуком.

Я спросил:

– Можно?

Он обернулся и сказал:

– Можно, можно, пожалуйста.

Владимир Ильич стал меня расспрашивать, где я служу, в каком полку, кто командует полком – старое начальство или новое, как работает солдатский комитет, что означает повязка у меня на рукаве (повязку я носил как полковой депутат).

Я стал рассказывать, как мы сменили старое начальство, избрали полковой комитет и назначили командиром полка моего товарища, фельдфебеля, а царского командира, полковника Галактионова, сбросили в воду с железнодорожного моста.

Владимир Ильич слушал меня внимательно, отложив книгу. Когда я ему рассказывал насчет того, как командира с моста

в реку бросили, он поглядел на меня и усмехнулся, словно хотел что-то сказать, но промолчал и, только прищурив глаз, посмотрел на меня.

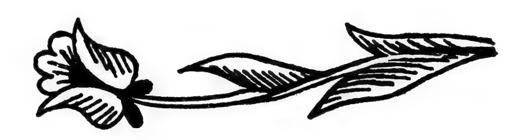
— Ну, а как же вы ведете в настоящее время работу? — спросил он, похлопав меня по колену и нагнувшись ко мне.

Я ему рассказал все по порядку — как мы вели агитацию за большевиков в армии и деревне. Он остался очень доволен:

— Молодцы, хорошо делаете, так и надо.

И вот так, рассказывая про наше полковое житье-бытье, я просидел у Владимира Ильича часа полтора. Многое мы с ним переговорили, сейчас и не вспомнишь: время то далеко откатилось.

Чувствовал я себя с ним, как со старым другом.

17. 〈Простой в обращении〉

Я был послан делегатом от Боровического совета на II съезд Советов рабочих и крестьянских депутатов. И я там в Смольном встретил перво в коридоре Владимира Ильича Ленина. Такой он был невысокого роста, плечистый, голова большая, речь резкая такая была, но до того простой, что всю душу в тебя вкладывал. Он только спросил:

— Откудова, — говорит, — вы делегат?

(На «вы» спросил).

Я сказал:

— Делегат я от Боровического совета.

— Ну, в коридоре не будем говорить, зайдите в мою комнату.

Взошли мы. Обстановка очень простая была. Он мне поставил стул и говорит: — Садитесь, пожалуйста!

Когда я сел, он и спрашивает:

— Ну, как у вас в Боровичах дела?

Я сказал, что дела не так важны.

— В чем дело?

— Там, — говорю, — изобилуют в большинстве эсеры левые и правые, а нас, социал-демократов, очень мало.

— Ну, а вы, — говорит, — партийный или нет?

Я ответил, что нет, непартийный, но голосую всегда за фракцию большевиков социал-демократов и на съездах, и в Боровичах, и везде.

— Что вас удерживает, — говорит, — что вы не вступаете в партию?

Я ему сказал, что очень религиозный (а мне тогда казалось, что якобы давление на религию от партии).

— Я очень доволен, что вы такой откровенный! Откровенный вы, — говорит. — Ну, как вы религиозный, так я с двух слов разочаровывать в этом не буду, с двух слов все равно вы не поймете, но я рекомендую почитать литературу: перво возьмите Древса «Миф о Христе». Хоть и не сходится, говорит, с нашей марксистской линией, но много вы узнаете полезного для себя. Потом еще рекомендую римскую инквизицию, это про церковные суды. — И назвал какого-то французского писателя (фамилию я забыл, там все про пап римских). Я постарался тогда же купить в Петрограде эти книги.

А при прощаньи Владимир Ильич сказал:

— Я не оскорбляю чувства верующего, но из этих книг вы сами все поймете.

Тут мы с ним и простились. Он мне руку подал и все-таки уверил, что «вы партиец будете».

И действительно я стал большевиком с 1928 года.

Когда я прочитал эти книги, которые мне указал Владимир Ильич, тогда я узнал и мифичность Христа. Смело могу сказать, что безбожником меня сделал Ленин. И как сделал! Ни одного чувства не оскорбил, сказал, что все сам поймешь, когда прочитаешь эти книги.

А второй раз я видел Ленина в Кремле. Послали меня от Боровичского совета в Москву к нему лично, просить о вооружении для наших социал-демократов, ввиду засилья у нас эсеров, тридцать револьверов только и надо было, кажется. У себя в кабинете в Кремле он меня принимал. Я когда взошел, по мандату, конечно, он сидел за письменным столом и, когда выслушал просьбу, сказал:

— С полным удовольствием это бы сделал, но у нас на юге идет контрреволюция: Деникин, Мамонтов, Иисусовы полки — там каждое оружие до зарезу нужно, а ваши социал-демократы пущай потерпят. Сила и правда на нашей стороне.

Потом он подумал и говорит: — Направлю я вас в Тулу, на оружейный завод, может быть там получите... хотя навряд!

Так и сказал:

— Помните, говорит, что боровичские эсеры, хотя они у вас и в большинстве, нам не страшны. Да и для вас они не страшны, — с улыбочкой такой говорит. — Нам самое важное разделаться с контрреволюцией на юге.

После этого он сказал:

— Я припоминаю, что видел вас на II съезде Советов. Ну как, книги читали?

Я ответил, что читал и очень доволен и освободился от религиозных предрассудков. «Я, — говорю, — понял, что религия на защите прав трудящихся никогда не стояла!»

А он сказал:

— Я так и знал. Отлично! — и руки потер. — Ну, а как, — говорит, — в партию?

— А в партию готовлюсь, — я говорю, — вступить.

А он улыбнулся:

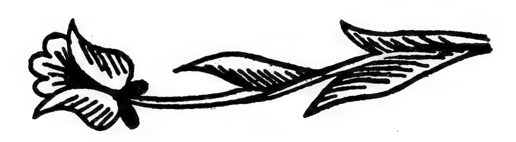
— А это тем более лучше! С подготовкой вступать в партию необходимо, а не так, как иные: вступят да и... — тут он рукой махнул.

На прощанье подает мне Владимир Ильич руку и говорит:

— Передайте от меня привет вашим боровичским социал-демократам — большевикам.

— Хорошо, — говорю, — Владимир Ильич, спасибо, передам.

...Очень он был простой в обращении, так в душу и входил каждому.

18. Как Федосья Никитишна у Ленина была

У нас папаша был кровельщик, работал в Смольном, да перед самой революцией и скончался. Так что и жалованье недополучено осталось. Временное правительство явилось, мамаша пошла относительно денег, воротилась со стыдом. Только и спросили:

— А ты, бабка, видала, как лягушки скачут?

Зима нас прижала, мамаша говорит:

— Все Ленина хвалят теперь, не сбродить ли мне в Смольный-то?

Какое-то утро встаем — нету старухи. Думаем — у обедни, а она это в Смольной угребла... И подумайте-ка! Ползала, ползала там по кабинетам, да на Владимира Ильича и нарвалась... Пишет он, запивает конфету холодным чаем...

Она нисколько не подумала, что это он сам — тогда портретов-то мало было, — и спрашивает:

— Вы, сударь, на какой главы: на письме или на разборе?

Он россмехнулся:

— Как приведется, сударыня. Вам на что?

— Меня люди к Ленину натакали, ко Владимиру Ильичу. Говорят, твое дело, Федосья Никитишна, изо всех начальников один Ленин может распутать... А я гляжу на вас, как быстро пишете, и думаю: экой господин многограмотный! — уж, верно, не из последних начальников... Где мне Ленина искать, не войдете ли в мое положение?

Преспокойно уселась, да вкратце и доложила.

Глаза у его таки веселые сделались, росхохатывает:

— Верно, Федосья Никитишна... Без Ленина обойдемся.

Вызвал сотрудника, выметку из книжечки дал:

— Товарищ, срочно оборудуйте Федосье Никитишне ее дело.

Мамаша домой приходит и деньги выкладывает:

— Все начальники в Смольном хороши! И без Ленина дело сделали.

А через месяц приносит с рынка фотографическую карточку:

— Вот, купила начальника, с которым в кабинете-то сидела...

Мы взглянули, да и ахнули:

— Мамаша, да ведь это Ленин и был!

19. Пуговка

К нам на завод приезжает Ленин. Мне кричат:

— Наторова, ты примешь пальто!

В клубе жарко. Ленин стал говорить. Скинул пальто на стул. Я схватила — да в гардеробную. Вижу, у левой полы средней пуговицы нет. Я от своей жакетки оторвала пуговку да на ленинское пальто и пришила толстым номером, чтобы надолго. Он уехал, не заметил. А пуговка немножко не такая. И так мне это лестно, а никому не открываю свой секрет.

Тут порядочно времени прошло. Иду по Литейному, а в фотографии «Феникс», в окне, портрет увеличенный Ленина. Пальто на нем то самое. Я попристальней вглядываюсь, а пуговка-то та самая — моя пуговка.

Он в эту же зиму и умер. Я достала в фотографии на Литейном заветный портрет.

Он у меня около зеркала в раме теперь.

Каждый день подойду, посмотрю да поплачу.

А пуговка-то моя пришита...

20. ⟨Последняя встреча с петроградцами⟩

Это было на открытии II Конгресса Коминтерна. Я уже тогда был членом заводского комитета. Антон Васильев дал мне гостевой билет:

– Сейчас будет открываться II Конгресс Коминтерна.

– Я ведь мало понимаю, – говорю Васильеву.

– Это приедут большевики со всех стран мира.

Нас пошло семь человек по гостевым билетам. Мы к Таврическому дворцу шли колонной. Наша путиловская колонна рабочих растянулась километра на четыре. Подошли мы к Таврическому дворцу. Тысячи тысяч людей подошли к дворцу. Делегаты отделились и прошли в парадную Таврического дворца. Прошли. (А я был такой, чтобы все увидать, все узнать! Я и на заводе был боевой. Народ обучал военному делу). Вижу – стоит Горький Алексей Максимович, как раз на лестничке, на второй ступеньке. Держит громадный букет красных роз. Около Горького другие делегаты. Смотрю – Ленин. Он быстро бежит и останавливается у этой группы. Алексей Максимович подает ему руку:

– Владимир Ильич, вот вам цветы, подарок.

– Спасибо, спасибо! – Взял букет и пошел.

Мы сидели ряду в 15–16-м. Я ведь первый раз в Таврическом. Смотрим. На сцене стулья, штук сто пятьдесят. Потом входят представители партии и правительства. Вдруг из боковой двери Ленин, за ним Сталин, Калинин – группой вошли. Боже мой! Что поднялось!

Ленин руку поднял. Успокоятся, хочет он сказать слово – опять крики. У меня и сейчас в памяти. Радость вытекает из души. Минут сорок все это шло. Стихло. И начал он речь. Ну, если бы комар пролетел, да пискнул, сказали бы: «Выгоните вон». С таким напряжением слушали его речь! Он говорил не только на русском, а на английском языке, на немецком, на итальянском. Он говорил о трудностях сбора Конгресса Коминтерна, рассказывал, с каким трудом приехал к нам, говорил о задачах. Полтора часа продолжалась его речь, ее сразу переводили на разные языки.

Закончилось все. Ленин вышел на улицу. Пока шло заседание, улицы были запружены. И вот народ опять взял его на руки, и все двинулись к Зимнему дворцу. Подошли мы к Зимнему, там была сколочена трибуна. Площадь уже была забита. Наша голова колонны еле-еле пробилась.

Когда Владимир Ильич взошел на трибуну, тысячи, десятки тысяч людей приветствовали его.

Он кратко приветствовал всех, сказал об открытии Конгресса, о братских компартиях. Потом взял кепочку и сказал: «До свидания, петроградцы». Это была его последняя встреча с петроградцами. Он творил дела в Москве, мы только чувствовали его дыхание.

21. ⟨Ленин на субботнике⟩

Вот еще помню, 1 Мая 1920 года был Всесоюзный коммунистический субботник – он заложил основу социалистического соревнования. В нашу роту приехал работать Владимир Ильич. Одет просто, в будничном костюме. Поздоровался и приступил вместе с нами к расчистке кремлевского плаца от мусора. Нужно было очистить всякий хлам, кирпич и сносить все за Успенский собор, в условленное место. Настроение было у нас – ну прямо не знаю какое, ведь сам Владимир Ильич с нами!

Работали с 10 часов до 3–6 часов. Все время играл оркестр. Курсанты говорили:

– Если бы Владимир Ильич приказал нам разобрать Ивана Великого – мы бы и это сделали!

22. Незабываемые встречи

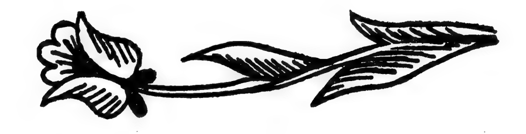
...В марте 1920 года в Москве состоялся третий Всероссийский съезд рабочих водного транспорта. Я был избран от рабочих Спасского затона делегатом этого съезда. Не помню, где он точно происходил, но хорошо помню, что это было большое здание, в зале присутствовало около трехсот человек.

На одном из заседаний стали поговаривать, что приедет Ленин. Владимир Ильич появился неожиданно. Человек, который стоял у входа, не знал Ленина в лицо, поэтому он остановил его и потребовал документ. Об этом стало известно в президиуме.

Несколько человек из президиума спустились вниз и провели Владимира Ильича в зал. Все вскочили и закричали: «Ленин! Ура! Ленин!». Трудно передать, что произошло с нами, ведь по зову этого человека мы готовы были отдать жизнь.

Ленин быстро прошел между рядами, и мы увидели невысокого человека в пальто с меховым воротником и шапке. Пройдя на сцену, он разделся и начал говорить. Но все стоя продолжали приветствовать его. Бурные овации не смолкали. Ильич тепло улыбался нам, приветствовал поднятой рукой. Обыкновенный человек, невысокого роста, коренастый, с высоким лбом. Очень подвижный, Ленин, видать, не любил, когда ему оказывали почести, превозносили его заслуги. Когда наши овации, видимо, показались Ильичу долгими, он достал карманные часы и пальцем показал на циферблат, что, мол, надо беречь время. Ни минуты не проходило у него даром! Наконец, все стихло. Пролети в зале муха – и то слышно было бы. Владимир Ильич начал речь. Он говорил о том, что флот перешел в собственность народа, и о том, как важно для республики Советов хорошо наладить его работу. Ильич сказал, что нужно учиться у буржуазии управлять хозяйством, учитывать и двухлетний опыт Советской власти. Буржуазия доверяла одному управляющему, который ведал делами частных пароходств, доверяйте и вы, но не забудьте проверять. Делайте, как в Красной Армии, где вместе с командиром руководит войсками комиссар. Ленин говорил, что положение сейчас тяжелое – железнодорожный транспорт разрушен, вся надежда на водный транспорт. ⟨...⟩

Владимир Ильич кончил, оделся и пошел к выходу. Мы, стоя, бурными аплодисментами провожали вождя. Ленин на минуту приостановился и как раз около меня. Я так и обомлел! Это крепко врезалось мне в память. И после, не только на съезде, но и в общежитии, мы долго не могли успокоиться, делились впечатлениями, вызванными выступлением Владимира Ильича. Так я увидел Ильича в первый раз. ⟨...⟩

23. На «Авроре»

В семнадцатом году мы стояли в Кронштадте. Был я простым матросом. Служил в артиллерии наводчиком. Время было смутное. У нас на «Авроре» был партийный комитет. Но я тогда еще мало что понимал в политике. Из деревни только недавно приехал. А тут один агитирует за меньшевиков, другие – за большевиков.

Мы — некоторые, конечно, плохо понимали, которые меньшевики, которые большевики.

В июле семнадцатого года приезжал к нам в Кронштадт сам Корнилов. Ну, выстроили нас. Ждем, что говорить станет. А он говорит: «Не знаю, какая будет власть, но дисциплина должна быть железная». Ну, это понятно, мы согласны. А потом стал говорить о продолжении войны. Поняли мы, куда он гнет, что мира нам пока не видать. Понемногу стали прозревать, что с временным правительством нам не по пути. А в августе в Петрограде начались волнения, рабочие вышли на улицу с лозунгом «Долой министров-капиталистов». Мы тоже были готовы выступить на «Авроре» в Петроград. Но Владимир Ильич пока не разрешил выступать. Он сказал, что выступать еще рано. Нужно было вести подготовку к Октябрю.

После корниловского мятежа люди стали понимать, что только одни большевики смогут нам дать хлеб, мир, землю. И вот по призыву Ленина, мы — моряки, уже не сомневаясь, пошли против Временного правительства. Двадцать четвертого октября пришел приказ выйти из Кронштадта в Петроград. Мы прибыли и корабль встал у Николаевского моста. Видно было Марсово поле, Петропавловскую крепость.

После выстрела с «Авроры» начался штурм Зимнего дворца. Ну, что об этом говорить. У нас каждому это известно.

24. Братья Венгеровы

У отца их двое было: старший сын — Михаил, младший — Иван. Две ветки на одном дереве, а обе разные. Михаил — черный, кряжистый, глаза, как угли, горят. Все за Советскую власть ораторствовал. Стоит на каком-нибудь возвышении, глядит вдаль и режет, и режет. А Иван тихий был, смирный, никого-то он не обидит, никого-то он не заденет, а личико — прямо солнышко ясное. Настоящий углан [1].

Когда переворот сделался в Октябре, в селе нашем долго неразбериха была. Сегодня — шабурники [2], завтра — Колчак, сегодня — чехи, завтра — поляки, сегодня — те, завтра — эти. Одним словом, карусель. И вот из Кыштовки партизаны пришли. Коман-

[1] *Углан* — застенчивый человек.

[2] *Шабурники* — партизаны. Назвали их так по одежде, которую они носили в таежных районах Барабы. *Шабур* — легкая, по форме халата, одежда с подкладкой, длиною до колен.

диром у них – Владимир Михалыч Макаров. Мудрый и славный был человек. Правительство свое выбрали, красные флаги вывесили. Михаил Венгеров на виду был, веселый такой сделался, общительный. Ходил по селу в своей кожаной тужурке и все повторял:

– Ну, братцы, теперь без алашных счастливо жить будем – сами себе хозяева.

Не всем эти слова по нутру были. Шарамыжники наши – Бормин, Кучеренко – только зубами скрипели. А Цымбалюк прямо говорил Михаилу:

– Рано пташечка запела, кабы кошечка не съела.

– Подавишься такой пташечкой, буржуйский подпевала, – отвечал ему Михаил и проходил дальше.

А тут и гроза надвинулась. Шел по Сибирскому тракту Егерский полк – отборное войско белых. Цымбалюк навстречу бросился, встретил полк где-то под Каинском и рассказал: так, мол, и так, в селе нашем партизаны – выручайте.

Егерский полк – не шутка. Задумался Макаров. Задумался Венгеров. Созывают сходку.

– Плохие вести, братцы, – тихо, совсем тихо сказал Макаров. – Идет на нас большая вражья сила, хочет задушить молодую Советскую власть. Трудно будет нам справиться с этой силой, потому что мало у нас людей, еще меньше оружия. Думайте, что будем делать, – обороняться или как?

Загудел народ, заволновался. Разные крики, разные толки. Старичок Красильников крикнул – все разобрали:

– Василиса с клюкой воевала и то победили!

– Ну, нельзя те времена равнять с нашими.

Но все-таки большинство склонилось к тому, что надо обороняться. Надеялись: Чебукин из Урмана подойдет, – большая поддержка будет. На том и порешили.

Всех мужчин забрали в отряд: кто охотой шел, кто поневоле. Бобковы хотели на своей заимке отсидеться, да народ пристыдил – пошли в отряд.

У Венгеровых дома скандал разгорелся. Михаил дает Ивану винтовку, тот не берет.

– Не хочу я воевать, – говорит он, – не могу.

А у самого слезы на глазах.

– Дурак, – кричит на него старший, – а кому охота воевать? Да, надо. Ведь власть свою защищаем. Бери винтовку, пойдем.

– Не пойду я, не пойду!

Разозлился тогда Михаил, винтовку – на руку, затвором щелк, – и на Ивана.

– Не пойдешь – застрелю, как собаку!

Рядом мать бегает, руки заламывает.

– Что вы, дети, делаете?! – кричит.

Взял Иван винтовку, пошел. Только не воевал он, в дороге где-то отстал и вернулся домой. Что дальше будет – узнаете...

Макаров и Венгеров остановили отряд за Туруновкой. Стали поджидать врага. Ночь прошла, утро настает. Только видит Макаров – пыль стелется по дороге, высоко поднялась – над колками видно. Значит, враг идет.

– Приготовиться! – закричал командир, и бой начался.

Белые наплывают тучами, из орудий палят, из пулеметов. А у наших какое оружие? Стреляют – дыму много, а толку нет.

– Отступать надо, пока не поздно,– говорит Макарову Венгеров.– Людей надо сохранить...

Макаров стреляет, а сам кивает головой: правильно, дескать.

Отступили в Ключевскую. Люди, которые не хотели дальше идти на Кыштовку, по домам разбежались. Осталось самое твердое, самое преданное делу революции ядро.

Венгеров снимает с себя оружие, достает отрядные деньги и отдает все Макарову.

– Мне нужно,– говорит,– домой сходить. Завтра я вас нагоню.

Стал его уговаривать Макаров.

– Не делай этого – пропадешь.

Да тверд был Михаил: сказал – сделал. Только непонятно, зачем он домой рвался: одни говорят – советские документы уничтожить хотел, чтоб врагу не достались; другие говорят – отомстить кому-то пытался, может быть Цымбалюку... Кто его знает?

А надо сказать, что когда наши с белыми под Туруновкой дрались, Цымбалюк с разведкой в Спасское прорвался – в родное село вернулся. Грудь колесом, усы до ушей – впрямь, как генерал на картинке. Ходит он по домам и выпытывает:

– Орлов-сам где?

– Партизанит,– отвечают.

– Венгеров Михаил где?

– Партизанит...

И тут попался ему на глаза Иван: он в огороде прятался.

– А-а, красный разведчик! – закричал Цымбалюк.– Держи его, ребята. Это – братан самого главного.

Схватили Ивана и тут же без всякого суда расстреляли. Плакал он перед смертью и все повторял, что зря брата не послушался. Когда уже застрелили Ивана, отец его прибежал. С кулаками бросился на Цымбалюка.

– Что ты наделал, варнак паршивый! Ведь не был он в партизанах...

Смеется Цымбалюк.

– Я откуда знал. Теперь его не воскресишь...

Михаил Венгеров вернулся домой ночью. Отец с матерью плакали над мертвым Иваном. Лежал он на столе, и не было на его бледном лице привычной покорной улыбки.

– Эх, брат, брат,– промолвил Михаил,– не хотел ты умереть в честном бою, пропал от подлой пули. Плохо ты умер...

Отец с матерью велели Михаилу уходить.

— Опасно, сынок. Цымбалюк рыщет по твоим следам. Беги на Бобкову заимку...

Бобковы встретили Михаила неласково. Они и без того были перепуганы — ведь в партизаны ходили. Дознается Цымбалюк — пиши пропало.

— Я только на одну ночь,— успокоил их Венгеров.— Завтра уйду, не бойтесь.

Уложили его хозяева, не зажигая лампы, на полатях, и он уснул.

Утром слышит — голоса на улице, его имя упоминают, оружие звякает. Соскочил Михаил, торкнулся в дверь — заперта, посмотрел на окна — ставни на болтах. Догадался: Бобковы его предали, чтобы спасти собственную шкуру.

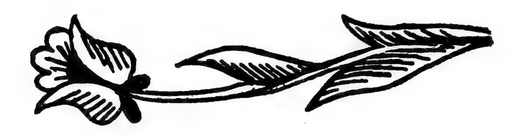
Связали Михаила, повалили на повозку и повезли в Спасское. А там уже весь Егерский полк стоял. Несколько дней Михаила допрашивали, пытали, а потом вывели для расстрела на пески. Весь народ сюда согнали, чтоб видели все, как умирает большевик Венгеров. Запугать этим хотели. А Михаил в черной своей тужурке босиком стоял на желтом песке. Руку вверх поднял и крикнул толпе:

— Всех нас, товарищи, не перебьют! Да здравствует власть Советов!

Ему в затылок хотели стрелять, но он не встал эдак.

— Хочу смерть свою в лицо встретить!

Вот какой он был человек. Теперь на месте, где его расстреляли, памятник стоит, а Спасское Венгеровым называется.

25. 〈Расскажу, как мы...〉

Расскажу еще, как мы, одиннадцать человек, целый полк белых в плен привели — сорок первый сибирский полк.

Мы знали, что этот полк на нас наступать должен. Вот нас одиннадцать человек и нашлось. Все добровольцы, никого не назначали.

Пришли мы к ним, сказались местными жителями. Кто под видом пастухов, кто крестьянином, кто свою скотину будто искал. Мы не вместе шли, поодиночке, один, двое, трое, кто будто лошадь ищет, кто — овцу...

Пробрались мы деревней, где стоял у них батальон, и не с одного конца, а со всех концов деревни-то пришли.

Ну, первое наше дело было узнать настроение солдат колчаковских. В разговор вступили с ними:

— Зачем, мол, воюете, за кого, кого бить собираетесь?

Два дня мы пробыли в этой деревне. К вечеру второго дня солдаты все взбудоражились. Арестовали своих офицеров. Так-то мы, «пастухи», и привели этот батальон и пулемет с собой прихватили.

В этот же вечер узнали про то три других батальона и то же проделали: арестовали своих начальников и за нами пришли.

26. Встреча с братом

Я вот в годы гражданской войны песню слыхал одну, как два брата по-разному воевали: один — у белых, а другой — у красных. Как услышу это, песню,— слезы на глазах: ведь и у нас так было.

Я пошел в ряды красных, а брат Лукьян дома остался. Говорю ему:

— Пойдем, брат, с нами. Зачем тут оставаться?

— Не,— говорит,— я тут спасусь. Ты ступай, а я не пойду.

А когда меня проводили, он начал озоровать над моей женой. То одежду выкинет на улицу, то ее выгонит — иди, мол, куда хошь.

Жена пробралась ко мне, и мы вместе с ней на фронт пошли. Первое время была в обозе, потом со мной ездила в разведку. Она, когда Оренбург взяли, от раны померла.

Как-то, это было в восемнадцатом году, около Милиуса, по реке Белой, стояли мы и белые. Утром подъезжаю с патрулем ближе к берегу, гляжу — на другой стороне мой брат стоит. Говорю товарищам:

— Это брат мой!

А они: — Ошибся, должно быть, зачем он пойдет к белым!

Когда еще ближе подошел к реке, я и скричал:

— Лукьян, ты?

Он повернулся ко мне лицом и говорит:

— Ты что кричишь мне?

Я у него спрашиваю:

— Ты давно из двора?

— Неделю,— отвечает,— как из двора.

Я теперь и говорю: — Чем отсюда нам кричать, переезжай сюда, к нам (у них лодка была).

Он винтовку берет и садится в лодку.

— Зачем винтовка тебе? Чать не драться будем.

Он винтовку тогда отдал и сел в лодку.

Как стал подъезжать к нашему берегу, я слез с коня и спустился к нему на берег, стал лодку на берег вытаскивать, а он, сволочь, в меня из нагана выстрелил. Хотел в висок попасть, а попал в затылок. Я тогда выхватил шашку и зарубил его. Тут беляки огонь открыли по мне. Еще раз меня ранили. И начался бой. Крепко белякам всыпали наши. Только я вскоре память потерял, весь бой не помню, меня увезли в больницу.

27. Вот каков Буденный-то!

Ты знаешь, чего он однажды сделал? Едет он это, с ним сотня считанная казаков. И вот видит: догоняет какую-то пешую армию. Стоп... Сразу сообразил. Вешает себе на плечи погоны высшего чина и золотую медаль на грудь, а казакам приказал ехать по обеим сторонам цепочкой. Ну, солдаты смотрят, кто знает их, шагают себе усталые.

Полковник ехал впереди, свесив голову, дремал. Вдруг видит впереди чин. Буденный спрашивает полковника: что, дескать, это за солдаты, кому они подчинены, куда держите путь и зачем, какова сила ваша. Прямо потеха. Ну вот. Полковник знатно сделал выправку груди, отдает честь Буденному и говорит:

— Я полковник непобедимый, и фамилия моя — Лютой. Армия моя две тысячи двести. Иду по приказу его величества генерала Васильева разыскивать Буденного и разбить его.

— А вы справитесь с ним? — спокойно задает Буденный вопрос полковнику.

— О, у меня рука не дрогнет! В планы моей головы все войско уйдет, как в воду канет с лица земли.

— Вот оно как! — сказал Буденный. — Вы в планах своей головы хотите утопить 2200 солдат?

Лютой не понимал этих слов, спросил:

— Позвольте спросить, ваше величество, вы кто будете?

— Я, я-то, — говорит Буденный. Моргнул своему казаку, тот наотмашь срубил голову полковнику, а Буденный поднял кверху руку и сказал солдатам:

— Приказываю орудие сдать. Если не подчинитесь моему приказу, сейчас перерубим вас всех, как в мясорубке. Я — Буденный!

И Буденный сорвал с плеча погоны, распахнул казацкую одежду, на груди у него показалась красная повязка. И тут же все были обезоружены. Вот каков Буденный-то!

28. С Куйбышевым в разведке

Было это летом 1918 года. После того как белые заняли Сызрань и Самару, их войска двинулись по луговой стороне к Симбирску. В начале июня они уже подходили к городу.

Я в это время служил капитаном на баркасе «Стерегущий». Наш небольшой пароходик предназначался для охраны Симбирского железнодорожного моста через Волгу. На баркасе ездил начальник охраны моста, но больше мы стояли у берегового мостика. И вот, когда белые были уже близко, наши взорвали эстакаду моста. Это для того, чтобы преградить врагу путь через реку. А в нагорной части тогда находились сухопутные войска красных и командовал ими товарищ Азин. Конечно, перед взрывом моста нам приказали перейти к пристани.

Так вот стоим мы у пристани, ждем распоряжений начальства, а к нам уже третьи сутки никто не приходит. На четвертые, часов около десяти утра, сижу я на палубе и вижу: спускаются к нам на баркас трое вооруженных маузерами людей. Впереди — невысокий, кудрявый, с черненькими усиками человек. На вид ему больше тридцати лет никак не дашь.

— Где капитан судна? — спрашивает он спокойно.

— Я, — отвечаю ему и продолжаю сидеть. А он подходит ко мне, подает руку и говорит с улыбкой:

— Здравствуйте, товарищ, я — Куйбышев, член реввоенсовета Красной Армии, а это — мои комиссары... Вот наши документы... Он протягивает мне мандат. Я поднялся, прочитал бумаги, сомневаться нечего: наши люди! А Куйбышев спрашивает:

— Чем вооружены?

— Никакого вооружения нет, — отвечаю. — Была у меня винтовка и ту недавно солдату отдал Они биться с белыми уходили, а у него в руках, кроме палки, ничего нет. Солдат сказал, что оружие в бою добыть приказано, а это сделать нелегко. Ну, я ему и отдал свое оружие. Благодарил он меня и все говорил: «Выручил ты меня, капитан, ой, как крепко выручил!»

Выслушал меня Куйбышев и говорит:

— То, что солдату, идущему в бой, винтовку отдали — хорошо, она ему очень нужна была... А теперь надо подумать о том, как ваше судно вооружить.

— Это зачем? — спрашиваю.

— На вашем корабле поедем Самару брать, — и опять так приятно улыбается.

— Для военных действий хорошее вооружение потребуется...

— Оружие будет,— обещает Куйбышев и просит меня показать им баркас.

Обошли мы судно, в рубке побывали, в машинное отделение спустились...

— Судно подходящее,— сказал Куйбышев и, прощаясь, добавил:

— Стойте у пристани до моего прихода и готовьтесь к рейсу...

— Хорошо,— обещал ему я.

Комиссары ушли, а я собрал на мостик команду и предупредил каждого, чтобы проверили свой участок и далеко от судна не отлучались. Простояли мы до вечера и никто к нам не пришел. Тогда механик сказал мне, что, наверное, наш баркас чем-то не понравился красному командованию.

Но вот, когда совсем стемнело, к пристани подъехали две армейские подводы. Солдаты сгрузили с них два пулемета, ящик с патронами и пулеметными лентами, винтовки. Вооружение без шума перенесли на баркас. Пять солдат остались на судне, а подводы куда-то уехали. Вскоре пришел на баркас и сам Валериан Владимирович. Он проверил, где и как установили пулеметы, приказал взять на пристани тюки с ватой и обложить ими носовую часть надстройки и капитанскую рубку.

— Эти тюки нам не хуже брони послужат,— говорил он. Когда все работы были закончены, Куйбышев сказал, что пора отваливать.

Мы с ним прошли в рубку, я скомандовал в машинное отделение, и баркас, без отвального свистка, отошел от пристани.

— Куда плыть? — спросил я Валериана Владимировича.

— Держите пока путь на переправу,— ответил он,— там нас ждет еще один баркас. На нем тридцать солдат и пулеметы...

— И все? — удивился я.

— Все,— ответил он.

— С такой силой Самары не взять...

— Возьмем,— посмеиваясь, говорит Куйбышев.

— Не верю я в это!

А он еще больше улыбается и спокойно отвечает мне:

— Не возьмем, так посмотрим как следует, где там на Волге беляки стоят и чем они там дышат...

— Значит, разведку проведем? — догадывался я.

— Ее самую, — соглашается он.

— В разведку и такой силой можно... Шли мы всю ночь, и Куйбышев ни на минуту не выходил из рубки. Сон отгонял разговорами о прошлом, но что говорил — точно не помню.

Утром мы прибыли в Новодевичье — это пристань такая есть, около ста верст ниже Симбирска.

Когда подошли к пристани, Куйбышев вызвал адъютанта и сказал ему:

— Езжай на базар и закупи продуктов...

Тот захватил с собой красноармейца, подрядили у пристани подводу и уехали в село. Они вернулись с базара быстро и привезли с собой мяса, хлеба, овощей.

— Вот, теперь и команду вашу и солдат накормим как следует,— увидев продукты, заметил Куйбышев.

Мы отвалили и пошли дальше. Пока все шло хорошо, и погода была прекрасная и из камбуза вкусно запахло. Но вот, версты через три-четыре видим, посреди реки стоит пароход на якоре. Это, значит, пост наших на Волге, и, конечно, неспроста он тут выставлен. Подходим ближе, читаем название парохода: «Козлов». А уж он свистит нам, требует подойти. Мы пристали, а к нам и баркас с переправы привалил.

Пошли мы с Куйбышевым на мостик. Флотский командир вышел нам навстречу и говорит, что за клюкой шесть пароходов белогвардейских стоят.

— Все равно пройдем, пробьемся! — говорит Куйбышев.

Смелый был человек и характер хороший имел!

«Пробьемся — так пробьемся»,— думаю, а сам отвечаю:

— Ну, тогда медлить нечего, пошли дальше...

Отвалили мы от «Козлова» и — «Вперед до полного!»

Дошли до клюки, видим — действительно: вот они — все шесть пароходов, как на ладони!

Белые заметили нас и начали стрелять из пушек, снаряды над нами с воем пролетают, разрывы тут и там столбы воды поднимают, ну, прямо ужас что делается! Баркас с переправы шел все время за нами, а теперь, видим, к берегу повернул. Смотрим, что дальше будет, а он уткнулся носом в песок, и все солдаты, да и команда тоже, на берег выскочили да оттуда по пароходам огонь открыли.

— Хорошо придумали,— похвалил их Куйбышев,— ну, а мы все равно пробьемся. Прибавь, капитан, ходу да лавируй больше, проскочим!..

Я скомандовал в машинное отделение: «Самый полный!» Баркас пошел еще сильнее, а был он, по тому времени, быстроходный, до двадцати верст вверх давал!

Летим мы под огнем врага, как говорят, на всех парах. Белые нам путь перерезали, снаряды так и ложатся в воду как по линеечке и, кажется, не вырваться нам из этого страшного кольца.

Я маневрирую между разрывами, Куйбышев рядом со мной в рубке стоит, в бинокль смотрит да команды пулеметчикам подает. А те по пароходам очередь за очередью пускают.

Пробились мы через вражескую преграду без потерь и дальше вниз пошли. Так почти под самую Самару и спустились по занятой белыми Волге.

Ну, а назад возвращались ночью. Белые заметили нас тогда, когда мы уже миновали их заслон. Конечно, начали стрелять, да где уж там, если днем, при хорошей видимости не попали, то ночью и говорить нечего.

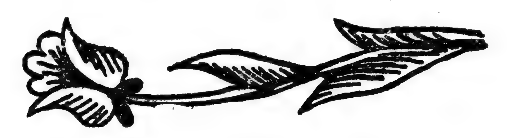
Вернулись мы в Симбирск на рассвете. Как только пристали, нам сообщают, что Азин начал армию на пароходы садить: красные готовились к наступлению по суше и по реке.

Узнав это, Куйбышев распрощался со всей командой и заспешил в штаб.

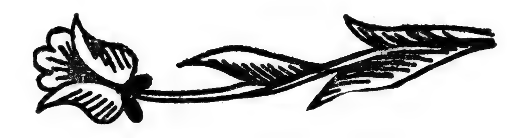
29. Бударинский сказ

Рассказывают... Вот в казачьей станице, в Бударино, когда кончился бой, Чапаев входит в избу, снимает с себя шинель и вытрясает. Все пули, что за день в него попали, и вытряхиваются.

30. В Белебее рассказывали...

А в Белебейском районе рассказывали. Поймали будто бы белые Чапая, посадили его в тюрьму, в подвал. Он попросил дать ему воды напиться... Принесли ему воды в ковше. А он — раз в ковш, нырнул — и след простыл.

31. Как Чапаев белую разведку в плен забрал

Однажды, под тихий вечер, Василий Иванович наткнулся на разведку белой казары. Конь под Чапаевым — удалой, свистнешь - полетит, как ветер. Чапаев нахлобучил на глаза шапку и подъехал ближе к казакам. «Здорово, братки! — крикнул Чапаев.— Дайте-ка закурить».

Один молодой казачок, с черными усиками, нерешительно подал Чапаеву папироску. Остановились, разговорились. Белые стали хвастаться, что у них большая сила: две тысячи солдат, сто пятьдесят пулеметов, восемьдесят пушек и танков, шестьдесят пять тачанок. Чапаев чуть слышно смеялся, говорил о доблестях белой армии, о своей «дружбе» с Колчаком. Белые рассказали ему, как «другу», о расположении своих частей, о наступлениях на красных. Один белый толстяк сказал: «Появился, говорят какой-то Чапаев на Руси, и смущает, разбойник, народ идти против помещиков. Говорят, он на белом коне, с сияющей саблей, в лохматой бурке, наводит страх на города и села. Узнать бы, что это за герой, песья кровь!» Чапаев усмехнулся и говорит: «Ох, силен он! Не советую, господа, воевать с ним – убьет!» Казачок с черными усиками, от злости плюнул и заорал: «Ну, убьет? Я воевал с ним – он трус. Однажды увидал его в степи и нарочно стрельнул в воздух, чтобы испугать его. А он, как увидел меня, так и ускакал. Слава богу, что ноги унес со своим конем». Выхватил Чапаев наган и выстрелил в лжеца. «Врешь, сволочь, Чапаев не трусит перед такой размазней! Руки вверх, собаки, – я Чапаев!» – громко загремел его голос. Казак качнулся и упал с лошади в пыль на дорогу. Остальные казаки побледнели, подняли руки вверх и бросили оружие. Через полчаса Василий Иванович привел беляков в штаб.

32. Под Гусихой

Один толькс раз довелось чапаевцам отступить. Дело было под Гусихой, Чапаева в ту пору с нами не было. И вот разутые, раздетые бегут в сторону Порубежки. А тут как раз Чапаев возвращался из Академии. Увидел своих бойцов Чапай, остановился и говорит так это тихо:

– Здравствуйте, братишки!

А чапаевцы молчат, стыдно им своего командира.

– Значит, отступаете! Т-а-а-к!

А потом вдруг вскочил на лошадь и говорит:

– Не хотите со мной защищать власть советскую?

– Хотим, товарищ Чапаев!

– А на какой черт вы мне нужны, голые-то? Подарили казакам одежду-то?

А потом подумал немного и твердо сказал:

– Вот мой сказ: кто хочет снова стать достойным бойцом Красной Армии, сегодня же должен достать себе одежду и оружие

в бою. Приказываю отнять у белых все, что вы там оставили, да в придачу ихний обоз захватить.

После этого чапаевцы дрались, как львы, отбили у казаков Гусиху, много оружия захватили и обоз целиком.

33. Назад – ни шагу!

В бою под Уфой Василия Ивановича Чапаева ранило в голову.

– Ребята, не тушуйся! – крикнул Чапаев. – Переправляйся... Вперед – сколько угодно, а назад – ни шагу!

Доктор подбежал к раненому Чапаеву и стал перевязывать голову. Пуля застряла в голове Василия Ивановича острым концом кверху, и вынуть ее в поле врач не брался: требовалась операция в лазаретных условиях. Но Чапаев слушать про лазарет не хотел.

– Нельзя, Василий Иванович, пулю вынуть надо, – сказал врач.

– Разрежь да вынь! – резко ответил Чапаев.

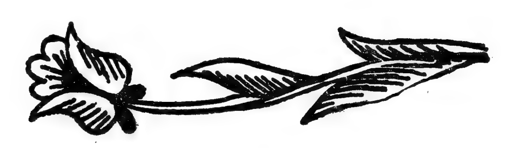
– Да она острым концом кверху...

– Ну, переверни! Тупым кверху будет...

Тогда врач быстренько сделал Василию Ивановичу операцию и вынул пулю.

– Теперь вредного, товарищ Чапаев, ничего нет...

– А кабы вредное было, так я бы валялся.

34. «Я – Чапаев! Бросай оружие!»

Стояли мы в ноябре 1918 года в Озинках. В наши руки попали белогвардейские листовки, в которых крестьяне призывались перейти в белую «народную» армию и выдать Чапаева живым или мертвым.

Прочитав эти листовки, Василий Иванович воскликнул:

– Ах, сволочи, я им покажу, узнают они Чапаева!

Он тут же поручил мне подобрать ему из отряда семьдесят –

восемьдесят самых боевых на разведку. Я подобрал. Когда бойцы были на конях, Чапаев сказал:

— Едем биться насмерть. Кто из вас трусит, те лучше не езжайте со мной.

Все закричали:

— Нет между нами трусов!

Всю ночь мы проездили, искали штаб казаков и не нашли. Утром на рассвете возвращались обратно, усталые и разозленные бесплодными поисками.

Неожиданно увидели кавалерийский отряд человек в сто. В первый момент не знали, чей отряд: белых или свой.

— Какого полка? — крикнули мы.

— А вы какого? — послышался ответ.

Так перекликались несколько минут. Чапаеву надоела эта канитель. И он скомандовал нам рассыпаться в цепь и быть наготове, а сам поскакал навстречу неизвестному отряду.

Как приблизился, увидел, что перед нами были казаки с несколькими золотопогонниками. Чапаев выхватил наган, блеснул шашкой и крикнул:

— Я — Чапаев! Бросай оружие!

От неожиданности и страха дрогнули ряды белоказаков, и несколько сабель звякнуло о землю. Белые не успели опомниться, как были окружены нашим отрядом. Никто из них не сопротивлялся. Только один полковник пытался покончить с собой. Приставил кольт, но ординарец Чапаева Петя Исаев шашкой вышиб из его руки револьвер.

Чапаев торжествовал: без выстрела, без потерь был взят в плен целый отряд белоказаков! В числе пленников — полковник, два капитана и поручик.

Когда их привезли в штаб, Чапаев совсем развеселился.

— А, что, взяли? — сказал он офицерам. — Сами, небось, писали листовки, награду сулили за мою голову... Нет, Чапаева вам взять в плен не удастся. Руки коротки!

35. Защитник бедноты

Первый раз я встретил Чапаева в селе Таволожке. Однажды выхожу рано утром из избы — дело было осенью, — гляжу, сосед молотит пшеницу. Запряг своих ребят в каток и гоняет их по току. Я удивился. Подхожу, спрашиваю:

— Ты почему это так молотишь?

Сосед говорит:

— Приходится. И раньше так молотили. Пшеница-то вот немного сыровата. Плохо обмолачивается.

Разговорились мы с ним, отошли от тока, закуриваем. Глядим, по дороге верховой едет. Поравнялся с нами, посмотрел на ребят, на нас, остановился, поздоровался.

— Здравствуй, молодой человек, — ответили мы ему. Не знали мы, что перед нами сам Чапаев Василий Иванович.

— Что это вы ребят вместо лошадей гоняете?

— Да я вот пшеницу молочу. Сельсовет лошади мне не дал. Говорит, нет лошадей, — рассказал сосед.

— Как же нет?! — вспылил приезжий. — Я дал распоряжение сельсовету — выдать лошадей беднякам. Сейчас узнаем.

Он круто повернул коня и поехал к сельскому Совету.

Приходит в Совет и спрашивает у председателя:

— Почему вы не дали беднякам лошадей? Мой, Чапаева, приказ знаете?

Председатель отвечает:

— Мы выдали часть, а этому не хватает.

— Как не хватает? — крикнул Чапаев и сверкнул глазами.

Мы, конечно, испугались, а председатель больше всех.

— Ну, вот, что, — говорит ему Чапаев, — собирай всех членов сельсовета, запрягай их в каток и сам запрягайся первым. Как ты думаешь — тяжело будет каток возить?

— Тяжело, товарищ Чапаев, — говорит председатель, а сам не знает, что и делать.

— Тяжело! А ребятам не тяжело? Собирай народ.

Когда собрались все члены сельсовета, Чапаев поругал их за то, что о бедняках они заботятся не как следует, и дал наказ:

— В следующий раз приеду и проверю, как вы бедноте помогаете, и, если у бедняков лошадей не будет, вас судить буду. Прощения не просите. Узнаете, как приказания Чапаева не выполнять. Это не я приказываю, а Советская власть так велит — помогать бедноте.

36. «Не мог Чапаев погибнуть!»

Героическая смерть Василия Ивановича была близко принята к сердцу всеми трудящимися Советской страны. Враг был жестоко отомщен. Как переживала эту смерть семья героя — жена и дети, — рассказал нам сын героя Александр.

– В сентябре 1919 года, – говорит он, – как сейчас помню, вечером приехала мать. Безутешно плачет, но нам ничего не говорит. Затем она собрала нас всех к столу, и, рыдая, проговорила: «Вашего папу убили казаки!»

Все дети громко заплакали, только я не проронил слезы: в горле комок застрял, а не плачу.

В этот же вечер приходили боевые товарищи отца – нас утешать. Люди не переставали к нам ходить, а на людях как-то лучше переносишь горе. Дней этак через десять стали приходить к нам раненые красноармейцы из-под самого Лбищенска. Помню одного из них, который прожил у нас очень долго. Пришел он, назвал себя, – оказывается, был лучшим боевым товарищем отца. Сидит на лавке, рука у него на бинте висит. Качает головой.

– Нет, – говорит, – этого не может быть!

– Чего не может быть? – спрашивает мать.

– Не может быть, чтобы Василий Иванович погиб: его пуля не брала.

– Думаешь, заговор от пули знал?

– Не заговор, не наговор, а так – грудь у него, должно быть, стальная...

Мать насторожилась, да и мы затаили дыхание.

– Ты, может, слух какой о нем имеешь? – робко спросила мать.

Красноармеец помолчал, как будто что-то обдумывая, затем сделал рукой знак, чтобы мы подошли к столу.

– Есть слух, – сказал он, – говорил мне красноармеец один, что Василий Иванович Урал переплыл, а теперь у бедного киргиза в кибитке скрывается, ждет, когда казаков разгромят. Ведь иначе ему показываться нельзя.

Мы затаили дыхание, слушали, и как-то даже верилось, что отец действительно жив.

– Непременно жив! – настаивал раненый. – Ведь киргиз-то, что спрятал его, – бедный, а бедняки всех наций кругом любят Василия Ивановича.

Красноармеец прожил у нас долго и каждый день принимался повторять свой рассказ. Мне теперь кажется, что он сам выдумал и сам своей выдумке поверил.

Но отец не пришел: холодные волны Урала поглотили его навсегда.

37. Как погиб Чапаев

Весь военный гарнизон города Лбищенска спал крепким сном, исключая несколько патрулей, бродивших по улицам города. Враг незаметно для часовых подкрадывался, подходя все ближе и ближе. Прозвучал один выстрел, за ним другой... Так начался тот памятный, черный день 5 сентября 1919 года.

Окружив город, казаки открыли огонь из ружей и пулеметов.

При первых же выстрелах была поднята военная тревога, однако уже невозможно было принять какой-либо боевой порядок.

Только у штаба дивизии собралось нас около двухсот человек вокруг товарища Чапаева. Он отдал распоряжение рассыпаться в цепь по окраине города. Нашей группе предстояло двигаться по направлению к кладбищу, куда мы и побежали под командой товарища Чапаева. К сожалению, кладбище уже было занято неприятелем, который и встретил нас сильным оружейным и пулеметным огнем. Василий Иванович командует:

— В атаку!

Сбиваем противника, оттесняем его на двадцать, тридцать, сто метров. В этот момент подбегает к товарищу Чапаеву красноармеец, докладывает ему, что казаки заходят нам в тыл. Василий Иванович подает команду:

— Отходить в боевом порядке к реке.

При отступлении Чапаев был ранен в руку, однако и виду не показывал. До берега осталось не больше тридцати метров. Рассвирепевшие казаки, чувствуя нашу слабость, еще сильнее сдавливали всех к берегу Урала. Положение было действительно безвыходное. Нужно бросаться в воду — не даваться живыми в руки врага.

Стали спускаться с десятисаженной крутизны в воду, где уже барахталось много красноармейцев. Совершенно не умеющие плавать, изнемогая, хватались друг за друга, шли ко дну. Державшихся на воде непрерывно обстреливали казаки.

Берег, усеянный ранеными красноармейцами, представлял ужасное зрелище. Казаки штыками и прикладами сталкивали с крутого берега в воду изнемогающих красноармейцев.

Василий Иванович с группой товарищей из штаба сдерживал напор врагов.

Озлобленные казаки пытались схватить живьем Василия Ивановича, но встретили жестокое сопротивление со стороны оставшейся на берегу небольшой группы красноармейцев. Казацкие

цепи открыли тогда страшный огонь по нашему любимому комдиву. Василий Иванович доплыл в это время примерно до середины реки.

Он плыл, работая одной здоровой рукой, громко проклиная бесившихся по берегу белогвардейцев. И вдруг смолк. Его тонкого голоса уже больше не было слышно.

Пули поднимали вокруг нас брызги воды, смешанной с кровью убитых товарищей. Сильным огнем казаки добивали оставшихся в живых на берегу, обстреливали доплывающих до противоположного берега... Но среди нас не было Василия Ивановича. Горе наше было неизмеримо. Мы отползали от берега и снова возвращались к нему в надежде, что вот-вот покажется наш дорогой товарищ Чапаев. Но волны Урала так и не отдали нам его.

38. Как мы колхоз организовали

Когда кончилась гражданская война, нас, красноармейцев, кто постарше были, вызвали к командиру и спросили: «Что, товарищи, делать собираетесь: в армии останетесь или домой работать поедете?»

Некоторые служить согласились и потом, как я слышал, большими командирами стали, а другие домой пожелали. Меня тоже домой, в деревню потянуло.

Одели нас получше, продуктов на дорогу дали и поехали мы, кто куда, по домам, значит...

Приехал я в свою деревню Фомино и, как в молодые годы, хлебопашеством заниматься стал.

В то время считали меня человеком шибко грамотным — три класса церковно-приходской школы кончил да в Красной Армии почти четыре года прослужил. Ну, и выбрали меня членом сельсовета, работу всякую поручать стали. Я ни от каких дел не отказывался и все хозяйство вел справно. Только стал я замечать, что хоть и власть у нас Советская и нет помещиков, а работать тяжело. В одиночку много не сделаешь! Конечно, были бы машины – и один сделал намного больше. Но на что их купишь, машины-то? Это вот зажиточные мужики покупают. Так у них дело идет лучше.

И вот решил я в 1928 году организовать наших крестьян в артель. С одним, с другим поговорил. Так семнадцать хозяйств из деревни объединились. Свели всех лошадей своих на конный двор, который взяли у богатого мужика. В сарай другого кулака,

а их в то время раскулачивать начали, свезли весь свой немудрящий инвентарь: плуги, бороны, жатки.

Весной начали посевную. Дело дружно пошло, да с семенами вышла заминка: не хватало семян. Обратились в сельсовет. Там нас поддержали: дали семян и сказали, что надо нам по-настоящему организовываться, колхоз образовать. Нам это нетрудно было, потому что мы уже работали сообща.

Собрались на собрание, меня председателем колхоза выбрали, название придумали — «Красный луч», поставили грамотного мужика счетоводом — вот и вся организация.

А работали хорошо, все мужики работящие были такие, как я. Сам я люблю работать. На работе душа расцветает!

Но как мы ни трудились, 17 человек много сделать не могли: рабочих рук не хватало. Надо было других крестьян в колхоз вовлекать. И вовлекли! За два года вся деревня в колхоз пришла.

Вот тут и работа у нас началась. Урожаи большие собирали, хлеба и других продуктов вволю у нас стало. Машины новые получили.

Как сейчас помню о том, как пришли к нам два трактора. В полдень это было. Слышу: шум какой-то с поля. Вышел на огород — вижу по дороге, прямо к деревне, машины идут. Наши деревенские тоже услыхали, и все толпой побежали навстречу.

Сколько было радости: такая помощь пришла. Еще раньше говорил я колхозникам, что получим трактора и будут они у нас тяжелые дела выполнять.

С той поры землю тракторами пашем. И удобряем неплохо. Как организовали колхоз, я отдал распоряжение: давать колхозникам соломы вволю. Ее даже по дворам развозили, а раз есть солома, будет навоз в поле. По десятку возов с каждого двора весной вывозили. Ну, и урожаи были хорошие.

39. Как я в колхоз вступал

Деревня наша была не ахти какой богатой. Средней была. Сам я жил неплохо — лошадь да коровенка имелась, куры были. Как царя тогда скинули с плеч народа да беляков прогнали, приехал к нам в деревню из города какой-то мужик. Грамотный был. Такой высокий, худой, с усами. Ну, стал он наших мужиков в колхоз звать. Мол, сообща надо работать — так и легче, и лучше будет.

Не решались наши-то в колхоз идти. Все спорили да ругались: «Кто не ленив, у того и хозяйство в порядке, а кто пьяница да

лентяй, тот и бедняком называется. Пошто нам равняться с лодырями да с пьяницами?»

Агитация у городского товарища вроде бы и не получалась; мужики уж больно долго думали. Да...

Ну, дошла потом очередь и до меня. Подходит как-то ко мне тот городской.

— Вступай, — говорит, в колхоз...

— Зачем? — спрашиваю. — Я работаю хорошо и один. Бог дал, неплохо живу...

— А случись: сегодня ты работаешь, а завтра захвораешь или руку спорубишь. Что делать-то будешь? Зубы на полку класть?..

— А колхоз-то твой что, руку новую выдаст, что ли? — спрашиваю.

— Руку, не руку, а поможет. Ведь сообща работать будем, из колхозных амбаров хлеба дадим, потому что ты колхозник будешь...

Задумался я тогда: «А ведь верно говорит мужик-то. Дельная мысль». В тот же день я в колхоз вступил.

Мужики пошептались немного да за мной пошли. Ведь меня мужики-то наши уважали и недаром потом в колхозе я бригадиром был...

40. Мы строили Магнитогорск

Я приехал в Магнитогорск в 1931 году. Группа нас целая прибыла на строительство. Спрашиваем:

— А где же станция?

Оказалось, что мы на станции стоим. Все еще было под открытым небом. Все было временным: станция, депо. Когда карантин прошли, решили город осмотреть. Смотрим — никакого города и нет. Одни палатки стоят да экскаватор, и паровозики—кукушки бегают. Кругом свистки, гудки, грохот, шум. Дико немного показалось.

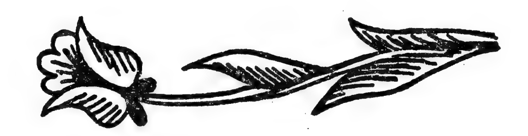
Но все понимали, что быть здесь новому советскому городу. Отдельные корпуса уже воздвигались, и под строительство отвели громадную территорию. С утра до ночи кипела работа. И мы в стороне не стояли. Всех захватила стройка, всех оживила.

Я год поработал помощником машиниста Ковалева на паровозе № 79 и пожалел, что семью свою сюда не взял. Продлил вербовку и семью привез. Еще лучше стал работать.

Все здесь нашими руками построено. На субботниках и воскресниках мы, железнодорожники, ходили мартен и прокат строить, город озеленяли. Нам тогда за хороший труд звание изотовцев присвоили.

Уйдешь с работы, а на другой день город не узнаешь. По-большевистски строили. Рабочие почувствовали себя, как дома, особенно, когда пустили многие цеха. Начали нам путевки в дома отдыха и санатории давать. Хорошая жизнь пошла. Родиной для нас всех Магнитка стала. И женщины нам сильно помогали. Придет жена к мужу на железную дорогу:

— Как тебе не стыдно? — говорит. — До чего паровоз довел! Берет тряпку и давай мыть. Дней через пять все паровозы изменились. Кто по-старинке работал — засмеют того жены-домохозяйки. Карикатуры в газете нарисуют. Стоит машинист, от стыда краснеет и потеет, а жена его учит по-хозяйски с паровозом обращаться.

41. Горячее сердце

Он[1] не любил сидеть в штабе дивизии, особенно когда угрожала опасность флангам или вообще было где-нибудь горячо. Он сейчас же требовал мотоциклетку или коня и под минами мчался в опасное место.

Это случилось под Булычевым. Я на левом фланге. Против нас враг бросил до сорока танков. Вдруг — это меня просто поразило — в блиндаж входит товарищ Панфилов. Момент был очень горячий Наша артиллерия встретила танки залпами. Уничтожали их прямой наводкой. Но вот-вот они могли прорваться. Товарищ Панфилов отдал несколько распоряжений и, не обращая внимания на огонь, пробрался в линию окопов. Здесь командовал подразделением Джетызбаев. Иван Васильевич заметил, что одна из щелей в окопе не в порядке. Вперед стрелять можно, а в стороны, если не ошибаюсь вправо, было невозможно разить врага: щель оказалась заваленной землей. Он взял у одного из бойцов лопатку и стал делать амбразуру. Враги крыли нас пулеметным и минометным огнем, мы очень волновались, ибо разрывные пули ложились густой сеткой. Но что мы могли сделать? Мы чувствовали, что это — боевой выговор нам. Мы терпеливо дожидались, пока он сам сделал амбразуру.

---

[1] Речь идет о командире 8-й Гвардейской стрелковой дивизии генерал-майоре И. В. Панфилове.

— Вот теперь можно крыть немца в сторону, — сказал Иван Васильевич, откладывая лопату.

Он замечал много мелких вещей, которые не казались нам существенными. Здесь в окопе, например, он заметил на мне желтую кожаную куртку.

— Илья Васильевич, — нетерпеливо сказал он, — немедленно сними желтую куртку. Надень ватник или накинь капюшон на плечи. Он заставил меня переодеться.

Мины падали густо. Тридцать семь самолетов бомбили это место. Трассирующие пули всех цветов прошивали воздух. Панфилов наблюдал за ходом боя, давал распоряжения адъютантам и связистам. Он был спокоен, удивительно спокоен, как будто ему не угрожала непосредственная опасность...

Мы у себя на командном пункте чрезвычайно боялись за Панфилова. В самый разгар сражения он приказал одному из бойцов:

— Дайте мне три гранаты.

Я осмелился спросить товарища Панфилова:

— Товарищ Панфилов, для чего вам гранаты?

Глядя на амбразуру, он сказал мне:

— Дайте! Я пойду уничтожу танк. Вот этот, который пытается гусеницами войти в наш окоп.

Точно, впереди один танк старался траками расшвырять накатник над окопами. Мы видели, что Панфиловым овладел безудержный гнев, он чувствовал себя в этот момент простым бойцом.

Мы вынуждены были побежать за гранатами, но за блиндажом я приказал адъютанту:

— Передайте товарищу генералу, что командование вызывает его к телефону.

Адъютант, волновавшийся за жизнь Панфилова, взял на себя риск обмануть Ивана Васильевича.

Нам удалось отвлечь товарища Панфилова, кстати, и бойцы замедлили принести ему гранаты, он вышел с нами из блиндажа. Мы успели немного отойти — в капе[1] упал тяжелый термитный снаряд.

42. ⟨Рассказ матери о Сергее Тюленине⟩

В двенадцать ночи пришли. Стучат. Я деду[2] шепотом:

— Подожди не открывай. Я сама...

---

[1] Командный пункт.

[2] Гаврил Петрович Тюленин — отец Сергея. Шахтер, ныне пенсионер.

Потом я подошла к Сереже, бужу:

– Сережа, Сережа, полиция!

А дед кричит:

– Кто там?

– Свои! – и дверь ломают.

Сережа вышел за отцом. Он хотел за дверь – и скрыться, – в темноте не видно, но они прожектором.

– Ну, вот, нам его и нужно!

А он им:

– Ну, что ж! – и бросился в избу, хотел в окно, но они уже вот с винтовками. Сережа сел на табуретку, а ноги в духовку.

– Собирайся! – они ему.

– Собираюсь.

А я их с дедом прошу. Плачем:

– Отпустите, ребята. Ведь вы свои. Возьмите у нас, что хотите берите.

Один взял меня за руку туго и кивает: «проси, мол, того, а я согласен», а другой, что в дверях не соглашается: «Не могу, потому же ваша соседка пришла и доказала, что Сергей дома, лежит на постели... Я же не буду своей головой отвечать, раз она точно указала».

Стали собирать. Сестра[1] стала одевать, обувать. Стали прощаться с ним. Я ему и ручки, и ножки целую, и головушку. Не помню, что я делала, а он только:

– Не проси их... Не унижайся перед ними. Не надо. Не плачь, мамка.

И вышел. Он сам впереди пошел.

Через час пришли за нами. Дед больной лежал. Дочку взяли и ребеночка: год три месяца. Привели нас в полицию. Мальчик очень кричал:

– Деда, баба, не надо...

Стали допрашивать:

– Вот говори. Все н-нам! Не зна-ешь, где сын! А? Вот мы его нашли! Ну и дали ему... то и тебе будет.

– Ну, и что же, – говорю, – что я буду теперь делать?

Заходят Суликовский и Захаров[2].

– Ну, что же мы будем с этими старыми... делать?

– Все имущество заберем, а их... пустим по ветру, чтоб они нигде себе не нашли места. Ведите их в камеру. А этого (на мальчика показывают) возьмите за ноги да об стенку, чтоб только брызги пошли.

– Ребенок же, – говорю.

– Это не ребенок для нас, а кутенок.

Нас затолкали в камеру, а дочку с ребенком оставили в коридоре, на морозе, и он прокричал всю ночь.

---

[1] Сестра Сережи – Феня.

[2] Полицаи, изменники Родины.

Когда выходила ночью, хотела ребенку хлебца дать, в кармане у меня случился, но полицейский не разрешил.

— Неужели ребенку нельзя хлеба дать крошку?

— А я говорю — нельзя! Вы знаете, кто вы?!

— Не знаю кто, мол.— И пошли в камеру, а ребеночек кричит:

— Баба, деда, дядя!

На утро в четыре часа ведут Сережу. Одной рукой другую за локоть держит. А чуб у него большой, раздуваются кудерьки-то его. Начали бить. Они спрашивают его, но он ничего им не говорит, и только раздаются плетки... заиграл патефон, а мальчик услыхал и кричит:

— Дядя, дядя!

Пришел Суликовский.

— Выпустите ее с ребенком, чтоб он тут не орал.

Смотрим в окно: везут наше имущество: постели, гардероб, сундук, стулья, сзади корову ведут. Я отвернулась.

Подходит вечер. Опять Сергея ведут. Опять палачи берут плетки и бьют. Потом выталкивают девушек и начинают мучить, бить.

Сопову Нюсю вталкивают в нашу камеру. Она в стенку головой.

— Вот руки... Вот если б не руки, так ничего бы. Ну, постойте, сыграть вам песню...

И сама все руки трет и трет.

— Но подождите. Я сейчас вам спою песню — и запела, которую часто Сережа пел:

Смело, друзья! Не теряйте
Бодрость в неравном бою.

— Нюся, не надо, не трогай. — И она умолкла.

В камере были Шевцова Люба, Громова Уля, Харыбина Леля, Сафонова Тоня и другие.

И тяжело было мне, матери, смотреть на их муки. Но тяжелее чувствовать, что такие они веселые, с открытой душой, красивые, доверчивые — и не пришлось им пожить, полетать, порезвиться.

Они быстро забыли муки. Шутили, играли в губные гармони, танцевали, рассказывали стишки, пели песни.

— Бабушка, расскажи нам сказочку.

— Ну что ж, расскажу, как я нигде не была в городах и однажды поехала... Рассказываю им, а они смеются.

Приходит в камеру дежурный палач:

— Тюленева. Иди сюда.

Ведут меня в дежурку. Я думала, что они будут с меня снимать допрос.

— Раздевайся.

— А зачем я буду раздеваться?

— Не разговаривай!

Снимают с меня большую шаль. Снимают с ног галоши.

– Ложись!

– А чего же ради ложиться?

А басурманы всякие слова сквернословят. Хватают меня за руки, за ноги, раздели, бьют, руки вывертывают, растянули на полу. На ноги и руки встали сапогами и начали бить. А один все глаза мне хотел вырвать, да я крутилась больно. А потом сказал:

– Дайте ей бессчетно!

– Перевертывайте!

Заставили кровь со стены и с пола слизывать. Руками корябаю, не помню ничего. Потом Сережу привели:

– Твоя мать?

– Моя.

– Твой сын?

– Мой.

– Что знаете, говорите.

– Ничего не знаем.

Меня взяли, а Сережу продолжали бить. Я ничего в это время уже не помню. Три раза в день били Сережу. Руки ему в дверь закладывали. Иголки пускали под ногти. В рану каленым железом кололи, а он только:

– Все! Все!

Потом пришел естаповец (гестаповец – *В. П.*), и стали все трое бить и опять спрашивают:

– Скажешь?

– Все! – говорит он.

Естаповец как ударит его по лицу, нос сбил.

– Ладно, все равно над нами взойдет солнце!

Это последний раз его били. Это было 30 января, а 31 в 7 часов их выводили на расстрел.

Утром пустили нас на некоторое время на свет вольный. Я позади всех шла, подошла к камере его, к двери.

– Сережа, Сережа...

– А...

Подошел он к двери и в глазок глядит:

– Как ты, Сережа?

– Мамка, плохо.

Полицай в спину меня толкнул. А Сережа зовет:

– Мам-ка!

– Сыночек, не могу. Не могу ничего сделать.

А потом пришел Захаров и говорит полицаям:

– Готовьтесь! – и на руках показывает, дескать, девять, значит. Заходит к нам в камеру:

– Есть Сопова?

– Есть.

– Выходи с вещами.

И говорит она мне:

— Бабушка, скажи моей маме, что я была бодрая и веселая, и не вели ей плакать, а бидончик — хотите — отдайте, а то как хотите.

Когда ее повели, я к двери подошла и уже не отходила. Всех их стали выводить. Руки связали назад проволокой и начали выводить с дежурки. Они идут около стенки, и Сережа кивнул головой о дверь отцу: «прощай», мол, а я крикнула:

— Прощай, сынок, прощай, Сережа! Прощайте, дети!

— И больше ничего не помню. Упала. Все у меня повело, руки, ноги.

43. Только вперед!

У нас каждый рабочий знает: нет большего счастья, чем честно трудиться, видеть, как труд славит нашу великую страну и человека. Замечательные у нас рабочие. О таких людях раньше только мечтали. Я расскажу вам о них — о молодых и о старых.

Вы еще не познакомились с Володей Семеновым? Он у нас в сортопрокатном цехе работает. Энергия у него прямо-таки неукротимая. Сколько хороших дел, сколько хороших начинаний принадлежит ему! И как любит он свою работу! Работает умно, я бы сказал, красиво. Я иногда думаю: если бы каждый писатель так глубоко переживал свой труд, как Володя Семенов, то, наверно, все книги у нас были бы такие, что не оторвешься, захватывающие бы книги были. Случай один забавный вспоминаю. Приходит как-то ко мне Володя Семенов и говорит:

— Георгий, научи меня работать так, чтобы у меня никогда второго сорта не выходило. Прошу тебя, очень прошу!

А сам волнуется. Я ему говорю:

— Что это с тобой? Не жалуюсь пока на тебя!

А он мне и рассказывает:

— Вчера мне тяжелый сон приснился. Будто я работаю и вдруг пошел второй сорт. Бегу с ужасом на холодильник. Проверяю. Действительно второй сорт! Как закричу: «Мастер!» Зову на помощь всех! Проснулся — весь лоб холодным потом покрыт!

Ну, я успокоил его. А сон — в блокнот записал.

Хоботнева тоже Володей зовут. И все Володи белобрысые, как и я. Этот Володя не хуже Семенова работает. Неспокойный он человек, все думает, все старается, чтобы вся бригада так же, как он, работала. Как-то он приутомился — бывает ведь! А тут к счастью отпуск у него. Ну, мы обрадовались! Уговорили его

в дом отдыха поехать. Работаем и друга вспоминаем. Дня два прошло – Хоботнев вдруг в цех приходит. Я его встречаю:

– Зачем ты пришел? Ведь ты отдохнуть собирался! Мы думали, что ты, наконец-то, уехал. А ты!

– Уехать-то уехал. А вот мне сказали, что вы отстали тут. Правда это или нет? Если правда – никуда я не поеду – помогу!

Я ему и говорю:

– Слушай, это тебя, чудака, разыграли. Знают все твое слабое место. Иди отдыхать, без тебя обойдемся!

Ушел недовольный. А когда приехал и узнал, что результаты у нас хорошие, вот радовался!

Если у кого из бригады неудача на работе, все переживают, все помогают, как только могут. Есть у нас Саша Сахаров – сварщик. Он нагревает металл в методических печах для прокатки, придает ему пластичность. Он всегда говорит мне:

– Вы, товарищ мастер, настройте как следует стан, а горячим металлом я вас всегда обеспечу.

И он всегда свое слово сдерживает. Но, как говорится, и «на старуху бывает проруха». Как-то обеспечивал он стан горячим металлом и сварил его – слипся металл. Сто потов бригада пролила, а спасла металл. Страдал прямо-таки Саша тогда. Но такой урок это был для него, что вот уже пять лет он ни разу металла не сваривал.

У нас не только хорошо работают. У нас каждый рабочий – рационализатор. Есть у нас тут вальцовщик один, старичок Медведев, украинец. Работает он на одной из клетей – крючком штуки (болванки) затаскивает. Однажды он мне говорит:

– Та когда ж вы придумаете что-нибудь, чтобы я не таскал эту штуку. Надоело и никогда свободной минуты нет. Та неужели тут ничего нельзя сделать!

Я говорю:

– Ладно, сделаем! Дай только три-четыре месяца.

– Ой, не дождусь того дни!

Зашевелилась бригада. Думала, думала и приспособление изобрела. Крючок забросили. Вот в один прекрасный день приходит Медведев на работу. Стоит и дивуется:

– Яка прекрасна машинка. Хоть я и старый – теперь буду еще работать лет двадцать здесь. Поумнели штуки – сами заворачивают. Теперь я буду помогать старшему вальцовщику регулировать металл. А то он звонит, а я не могу оторваться от крючка. Как оторвешься – брак сделал.

Завод для каждого рабочего – вторая семья. Тут не простая привычка. В нашей работе настоящая любовь между людьми куется, настоящая привязанность. Вот почему, не работаешь по какой-нибудь причине день, и беспокойство тебя охватывает. Всей душой рвешься на завод. С такими рабочими, как наши, не пропадешь – все сделают наши люди! Только вперед смотрят. Не любят они отсталых.

УКАЗАТЕЛЬ СОКРАЩЕНИЙ ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Азадовский — Русская сказка. Избранные мастера. Ред. и комм. Марка Азадовского, т. 1 и 2. М.—Л., 1932.

Акимова — Сказы и песни о Чапаеве. Сост. Т. М. Акимова. Саратов, 1957.

Акимова и *Архангельская* — Песни, сказки, частушки Саратовского Поволжья.

Анекдоты о Петре Первом — Анекдоты, касающиеся до государя императора Петра Великого, собранные Иваном Голиковым. Изд. 2. М., 1798.

Андреев — Андреев Н. П. Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. Л., 1929.

Афанасьев — Народные русские сказки А. Н. Афанасьева в 3-х т. М., 1957.

Афанасьев —Легенды. Народные русские легенды, собр. А. Н. Афанасьевым. М., 1859.

Бараг — Материалы и исследования по фольклору Башкирии и Урала. Вып. 1. Отв. ред. Л. Г. Бараг. Уфа, 1974.

Бардин — Фольклор Чкаловской области. А. В. Бардин. Чкалов, 1940.

«Барин и мужик» — Русские народные сказки. Барин и мужик. Ред. и пред. Ю. М. Соколова. М. — Л., 1932.

Бирюков — Исторические сказы и песни. Собр. и сост. В. П. Бирюков. Под общей ред. проф. И. Н. Розанова. Челябинск, 1949.

Блинова — Тайные сказы рабочих Урала. Сост. Е. М. Блинова. М., 1941.

«Были горы Высокой» — Были горы Высокой. Под ред. А. М. Горького. Изд. 3. Свердловск, 1960.

Зеленин — Зеленин Д. К. Великорусские сказки Вятской губернии. Пгр., 1915.

Карнаухова — Сказки и предания Северного края. Сост. И. В. Карнаухова. Предисл. Ю. М. Соколова. Л., 1934.

Китайник — Устные рассказы уральских рабочих. Ред. и вст. ст. М. Г. Китайника. Свердловск, 1953.

Китайник и *Фрумкина* — Китайник М. Г. и Фрумкина А. С. Красный набат. Песни, стихи и рассказы уральцев о Великом Октябре и гражданской войне. Пермь, 1957.

Комовская — Предания и сказки Горьковской области. Запись и ред. текстов, вст. ст. и прим. Н. Д. Комовской. Горький, 1951.

Крюкова — Крюкова М. С. О богатырях старопрежних и нынешних. Архангельск, 1946.

Лозанова — Песни и сказания о Разине и Пугачеве. Вст. ст., ред. и прим. А. Н. Лозановой. М.,— Л., 1935.

Морохин — Нижегородские предания и легенды. Сост. В. Н. Морохин. Горький, 1971.

«Народное творчество Южного Урала» — Народное творчество Южного Урала. Зап. И. С. Зайцев. Вып. 1. Челябинск, 1948.

«Народные предания о Суворове» — Елисеев А. В. Народные предания о Суворове. — «Древняя и Новая Россия», 1879, № 8.

«Новгородские сказки» — Серова М. Новгородские сказки. Л. — М., 1924.

Новиков — Русские сказки в записях и публикациях первой половины XIX века. Сост., вст. и комм. Н. В. Новикова. М. — Л., 1961.

Ончуков — Ончуков Н. Е. Северные сказки. Спб., 1908.

«Песни и сказы шахтеров» — Песни и сказы шахтеров. Фольклор горняков Шахтинского района. Сост. Ал. Ионов. Ростов-на-Дону, 1940.

«Повесть временных лет» — Повесть временных лет, ч. 1 и 2. Подгот. текста Д. С. Лихачева. Пер. Д. С. Лихачева и Б. А. Романова. Под ред. чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1950.

«Поп и мужик» — Русские народные сказки. Поп и мужик. Ред. и пред. Ю. М. Соколова. М. — Л., 1931.

«Рассказы рабочих о Ленине» — Рассказы рабочих о Ленине. Зап. С. Мирера и В. Боровика. Пред. Н. К. Крупской. М., 1934.

«Русская сатирическая сказка» — Русская сатирическая сказка. Подгот. текстов, вст. ст. и комм. Д. М. Молдавского. М.—Л., 1955.

«Русские сказки в ранних записях» — Русские сказки в ранних записях и публикациях (XVI—XVIII века). Вст. ст., подгот. текстов и комм. Н. В. Новикова. Л., 1971. «Русский архив», 1878, кн. 2.

«Русский советский фольклор» — Русский советский фольклор. Антология. Под ред. Н. В. Новикова и Б. Н. Путилова. Л., 1967.

«Русский фольклор» — Русский фольклор. Материалы и исследования, т. 2. М. — Л., 1957.

«Русский фольклор Великой Отечественной войны» — Русский фольклор Великой Отечественной войны. Отв. ред. В. Е. Гусев. М. — Л., 1964.

«Русское народное поэтическое творчество» — Русское народное поэтическое творчество. Сост. Э. В. Померанцева и С. И. Минц. М., 1959.

Садовников — Сказки и предания Самарского края. Собр. и зап. Д. Н. Садовниковым. Спб., 1884.

«Севернорусские сказки» — Севернорусские сказки в зап. А. И. Никифорова. М. — Л., 1961.

Сидельников — Красноармейский фольклор. Сост. В. М. Сидельников. Под ред. проф. Ю. М. Соколова М., 1938.

«Сказки Господарева» — Сказки Ф. П. Господарева. Зап. текстов, вст. ст. и прим. Н. В. Новикова. Петрозаводск, 1941.

«Сказки Ковалева» — Сказки И. Ф. Ковалева. Зап. и комм. Э. Гофман и С. Минц, ред. Ю. М. Соколова. М., 1941.

«Сказки Корольковой» — Русские народные сказки. Сказки рассказаны воронежской сказочницей А. Н. Корольковой. Сост. и отв. ред. Э. В. Померанцева. М., 1969.

«Сказки Куприянихи» — Сказки Куприянихи. Сказки рассказаны воронежской сказочницей А. К. Барышниковой (Куприянихой). Зап. сказок, комм. А. М. Новиковой и И. А. Оссовецкого. Общая ред. проф. И. П. Плотникова. Воронеж, 1937.

«Сказки, легенды и предания Башкирии» — Сказки, легенды и предания Башкирии. Под ред. Л. Г. Барага. Уфа, 1975.

«Сказки Магая» — Сказки Магая. Составители М. Азадовский и Л. Элиасов. Л., 1940.

«Сказки Новопольцева» — Сказки Абрама Новопольцева. Ред. и вст. ст. Э. В. Померанцевой. Куйбышев, 1952.

«Советские гвардейцы» — Советские гвардейцы. М., 1942.

Соколовы — Сказки и песни Белозерского края. Спб., 1915.

«Творчество народов СССР» — Творчество народов СССР. Под ред. А. М. Горького и Л. З. Мехлиса. М., 1937.

«Фольклор Саратовской области» — Фольклор Саратовской области, кн. 1. Сост. Т. М. Акимова. Под ред. А. П. Скафтымова. Саратов, 1946.

Худяков — Великорусские сказки в записях И. А. Худякова. Изд. подг. В. Г. Базанов и О. Б. Алексеева. М. — Л., 1964.

ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы. Нижегородская экспедиция 1930—1931 гг. Архив Ф. И. Андрианова.

ФФКСЛ — Фольклорный фонд кафедры советской литературы Горьковского государственного университета.

ПРИМЕЧАНИЯ

СКАЗКИ

1. **Лисичка-сестричка и волк.** Андреев, 1, 2, 3, 4, 43, 30, 170,* 61 I. Вариант, состоящий из восьми сюжетов о лисе, записан А. Н. Афанасьевым в 1848 г. в Бобровском р-не, Воронежской обл. Афанасьев, т. 1, с. 3—5.

2. **Лиса-повитуха.** Андреев, 15. Записано Н. Бодровым в XIX в. в Переславль-Залесском р-не, Ярославской обл. Афанасьев, т. 1, с. 16.

3. **Лиса и журавль.** Андреев, 60. Один из древнейших известных текстов на данный сюжет (басня Федра) датирован I в. н. э. Вариант записан в Калининской обл. Афанасьев, т. 1, с. 49.

4. **Кот, петух и лиса.** Андреев *, 61 II. Записано в Никольском р-не, Вологодской обл. Афанасьев, т. 1, с. 55—56.

5. **Лиса и тетерев.** Андреев, 62. Записано в Калининской обл. Афанасьев, т. 1, с. 47.

6. **Напуганные медведь и волки.** Андреев, 125, 103. Записано в Гороховецком р-не, Владимирской обл. Афанасьев, т. 1, с. 64—66.

7. **Мужик, медведь и лиса.** Андреев, 1030, 154 *, 154 I. Записано членом-сотрудником Русского географического общества Мясоедовым в Тульской обл. Афанасьев, т. 1, с. 35—36.

8. **Коза.** Андреев, 2015. Афанасьев, т. 1, с. 86—87.

9. **Старая хлеб-соль забывается.** Андреев, 155. Записано волостным писарем Волконидиным в Черноярском р-не, Астраханской обл. Афанасьев, т. 1, с. 41—42.

10. **Волк сера, смела...** Андреев, 61 I. Сб. «Сказки Куприянихи», с. 148—150.

11. **Про старика и серого волка.** Андреев *, 162. Записано А. Т. Складаным от К. А. Топтаевой (1914 г. р.) в с. Перевоз, Горьковской обл. в 1972 г. ФФКСЛ, № 312.

12. **Журавль и цапля.** Андреев *, 244 I. Записано в Никольском р-не, Вологодской обл. Афанасьев, т. 1, с. 103.

13. **Сказка об Ерше Ершовиче, сыне Щетинникове.** Андреев *, 254. Сказка восходит к сатирической рукописной повести XVII века. Афанасьев, т. 1, с. 113—114.

14. **Терем мухи.** Андреев *, 282. Афанасьев, т. 1, с. 126.

15. **Сказка о молодце-удальце, молодильных яблоках и живой воде.** Андреев, 551, 300 А. Записано в Зубцовском р-не, Калининской обл. Афанасьев, т. 1, с. 448—455

16. **Три царства—медное, серебряное и золотое.** Андреев, 301. Записано в Пинежском р-не, Архангельской обл. Афанасьев, т. 1, с. 228—230.

17. **Кощей Бессмертный.** Андреев, 302. Записано А. Зыряновым в Шадринском р-не, Курганской обл. Афанасьев, т. 1, с. 358—362.

18. **Морской царь и Василиса Премудрая.** Андреев, 313. Записано в Воронежской обл. Афанасьев, т. 2, с. 171—177.

19. **Ивашко и ведьма.** Андреев, 327 С. Записано А. Н. Афанасьевым в Бобровском р-не, Воронежской обл. Афанасьев, т. 1, с. 173—176.

20. **Царевна-лягушка.** Андреев, 402, 400 А. Записано А. Зыряновым в Шадринском р-не, Курганской обл. Афанасьев, т. 2, с. 329—331.

21. **Белая уточка.** Андреев, 403 В. Записано в Курской области. Афанасьев, т. 2, с. 325—327.

22. **Сноха.** Андреев, 428, *313 I, 480* Е. Записано И. А. Худяковым в с. Мишино, Зарайского уезда, Рязанской губ. Худяков, с. 89—91.

23. **Перышко Финиста ясна сокола.** Андреев, 425 С, 432. Записано в Вологодской обл. Афанасьев, т. 2, с. 241—246.

24. **Марко Богатый и Василий Бессчастный.** Андреев, 461. Записано В. Ящеровым в с. Гаврилове (Никольское), Лукояновского р-на, Горьковской обл. Афанасьев, т. 2, с. 439—414.

25. **Сказка о злой мачехе.** Андреев, 480* В. Вариант сказки, перепечатанный из сборника Е. А. Авдеевой «Русские сказки для детей, рассказанные нянюшкою Авдотьей Степановной Черепьевой». Новиков, с. 169—173.

26. **Гуси-лебеди.** Андреев, 480* Е (условно). Записано в Курской обл. Афанасьев, т. 1, с. 185—186.

27. **Василиса Прекрасная.** Андреев, 480* F. В данной форме сказка представляет собой литературную обработку народного подлинника. Афанасьев, т. 1, с. 159—165.

28. **Удивительный мужичок.** Андреев, 502. Записано И. А. Худяковым в с. Мишино, Зарайского уезда, Рязанской губ. Худяков, с. 68—70.

29. **Жар-птица.** Андреев, 550. Записано И. А. Худяковым в дер. Селино, Веневского уезда, Тульской губ. Худяков, с. 239—242.

30. **Марья-Моревна.** Андреев, 552, 400, 554. Афанасьев, т. 1, с. 376—382.

31. **Хрустальная гора.** В «Указателе» Андреева этот тип сказки не предусмотрен. Она близка к сказке типа: Андреев, 554. Вместе с тем в ней использованы мотивы сказок типа: Андреев, 300А и 302. Афанасьев, т. 1, с. 393—394.

32. **Жадная старуха.** Андреев, 555. Вариант примыкает к циклу сказок о золотой рыбке. Известно, что в русском фольклоре в роли чудесного помощника выступает не золотая рыбка, а волшебное дерево. Афанасьев, т. 1, с. 109—110.

33. **Правда и кривда.** Андреев, 613. Записано в Чистопольском р-не, Татарской АССР. Афанасьев, т. 1, с. 191—195.

34. **Сказки о Ивашке-медвежьем ушке.** Андреев, 650А и 301А,В. Одна из ранних публикаций сказки осуществлена в XVIII в. в сборнике «Старая погудка» (1794—1795).

35. **Батрак.** Андреев, 650А (частично), 1045, 1130, 1132, 1120. Данный текст имеет сходство со сказкой А. С. Пушкина о попе и о работнике его Балде, записанной им от Арины Родионовны. Афанасьев, т. 1, с. 332—334.

36. **Емеля-дурак.** Андреев, 675. Сказка перепечатана А. Н. Афанасьевым с лубочного издания, название которого им не указано. Афанасьев, т. 1, с. 401—408.

37. **Мальчик с пальчик.** Андреев, 700. Афанасьев, т. 2, с. 425—426.

38. **Безручка.** Андреев, 706. Записано И. А. Худяковым в с. Жолчино, Рязанского уезда, Рязанской губ. Худяков, с. 139—141.

39. **Петух и жерновки.** Андреев, 715. Записано в Нижнедевицком уезде, Воронежской губ. в 1849 г. Новиков, с. 289—290.

40. **⟨О калиновой дудке⟩.** Андреев, 780. Записано в Переславском уезде Владимирской губ. в 1848 г. Новиков, с. 261—262.

41. **Горшеня.** Андреев, *921 II. Записано в 1-й половине XIX в. Н. М. Языковым со слов крестьянина с. Головина Симбирской губ. Афанасьев, т. 3, с. 54—55.

42. **Беспечальный монастырь.** Андреев, 922. Записано в 1925 г. М. К. Азадовским от Е. И. Сороковикова (1868 г. р.) в с. Малый Хобок, Бурят-Монгольской АССР. Азадовский, т. 2, с. 300—305.

43. **Кирик.** Андреев, 831. «Сказки Куприянихи», с. 156—158.

44. **Мужик и черт.** Андреев, 1164, 1130. Записано И. А. Худяковым в с. Мишино, Зарайского уезда, Рязанской губ. Худяков, с. 100—101.

45. **Горшок.** Андреев, 1351. Записано Э. В. Померанцевой, Н. И. Савушкиной и В. Д. Шершавицкой от А. Н. Корольковой (1892 г. р.) в Воронежской обл. в 1955—1957 гг. «Сказки Корольковой», с. 349—351.

46. **Жена-спорщица.** Андреев, 1365 А. Записал П. И. Якушкин в Малоархангельском р-не, Орловской обл. и передал П. В. Киреевскому. Афанасьев, т. 3, с. 253.

47. **Болтунья.** Андреев, 1381. Записано И. А. Худяковым в с. Мишино, Зарайского уезда, Рязанской губ. Худяков, с. 110—111.

48. **Наговорная водица.** Андреев, 1429. Записано М. М. Серовой от М. О. Доничевой в Новгородской губ. «Новгородские сказки», с. 7—9.

49. **Про нужду.** Андреев, *1528 I. Записано Д. Н. Садовниковым от Абрама Новопольцева в с. Помряськине, Ставропольского уезда, Самарской губ. Садовников, с. 225–226.

50. **Барин-кузнец.** Андреев, 1685. Записано Д. Н. Садовниковым в г. Симбирске. Садовников, с. 158–159.

51. **Барыня и цыплятки.** В «Указателе» Андреева данный сюжет не обозначен. Записано Ю. М. Соколовым от нижегородского сказочника. «Барин и мужик», с. 120–123.

52. **Барин и плотник.** Андреев, 1538. Записано Н. Е. Ончуковым в п. Повенце от неизвестного сказочника в 1903–1904 гг. «Барин и мужик», с. 37–38.

53. **Солдат и барин.** «Русская сатирическая сказка», с. 42.

54. **Солдат и черт.** «Русская сатирическая сказка», с. 97.

55. **Солдатская загадка.** Андреев, *1545. Записано в Пермской обл. Афанасьев, т. 3, с. 181.

56. **⟨Кашица из топора⟩.** Андреев, *1548 В. Афанасьев, т. 3, с. 292–293.

57. **Мудрая дева.** Андреев, *1567 I, 921. Афанасьев т. 3, с. 57–58.

58. **Как мужик гусей делил.** Андреев, * 1580. Известен в русской письменности XVII в. Афанасьев, т. 3, с. 291.

59. **Шемякин суд.** Андреев, 1660. Текст напечатан Афанасьевым с лубочного издания. Афанасьев, т. 3, с. 44–45.

60. **Похороны козла.** В «Указателе» Андреева данный сюжет не обозначен. «Поп и мужик», с. 97–100.

61. **Как поп работников морил.** Андреев, 1775. Записано Б. М. и Ю. М. Соколовыми от Парамона Богданова в Белозерье. «Поп и мужик», с. 37–42.

ПРЕДАНИЯ, ЛЕГЕНДЫ, БЫЛИЧКИ

1. **Предание об основании Киева.** «Повесть временных лет», ч. 1, с. 208–209.

2. **Предание об обрах.** «Повесть временных лет», ч. 1, с. 210.

3. **Предание о походе Олега.** «Повесть временных лет», ч. 1, с. 220–222.

4. **Предание о смерти Олега.** «Повесть временных лет», ч. 1, с. 226–227.

5. **Предание о смерти Игоря и мести Ольги.** «Повесть временных лет», ч. 1, с. 236–239.

6. **Предание о подвиге молодого киевлянина.** «Повесть временных лет», ч. 1, с. 244–245.

7. **Предание о походе Владимира и Добрыни на болгар.** «Повесть временных лет», ч. 1, с. 257.

8. **Предание о единоборстве русского Кожемяки с печенежским воином и об основании города Переяславля.** «Повесть временных лет», ч. 1, с. 283–284.

9. **Предание о белгородском киселе.** «Повесть временных лет», ч. 1, с. 286–287.

10. **Предание о сватовстве Владимира к Рогнеде.** Из Лаврентьевской летописи под 1128 годом. «Русское народное поэтическое творчество», с. 43.

11. **Девичьи горы.** Записано в апреле 1966 г. Г. И. Шороховой от А. М. Сорокиной (1913 г. р.) в с. Девичьи Горы, Большеболдинского р-на, Горьковской обл. Морохин, с. 127–128.

12. **Как Иван Грозный построил крепость Свияжск и взял Казань.** Записано Б. Г. Ахметшиным от И. Х. Хафизова (1897 г. р.) в д. Узунларово, Архангельского р-на БАССР в июне 1973 г. «Сказки, легенды и предания Башкирии», с. 135.

13. **Дедновцы.** Новиков, с. 307.

14. **⟨Ванька-сержант и его бывший господин.⟩** «Анекдоты о Петре Первом», с. 296–298.

15. **⟨Петр Первый принимает совет пушечного мастера.⟩** «Анекдоты о Петре Первом», с. 99–101.

16. **О Петре Первом.** Записано Д. Н. Садовниковым от А. Новопольцева. Садовников, с. 371–372.

17. **Про уральское железо.** Записано на Южном Урале И. С. Зайцевым. «Народное творчество Южного Урала», с. 126–127.

18. **Предание о Демидовых и демидовских заводах.** – «Русский архив», с. 119–120 и 123–124.

19. **Как строился крепостной Тагил.** Записано Ю. П. Злыгостевым от Т. З. Чернышевой в п. Евстюниха, Нижне-Тагильского р-на, Свердловской обл. «Были горы Высокой», с. 33—35.

20. **Суворов и солдаты.** Записано от А. С. Свинцова (1874 г. р.) в г. Челябинске, Бирюков, с. 31—33.

21. ⟨**Однажды убийца...**⟩ «Народные предания о Суворове», с. 340.

22. ⟨**В Альпийском походе.**⟩ «Народные предания о Суворове», с. 342.

23. **Суворов и мезенский солдат.** Записано в феврале 1944 г. Э. Г. Бородиной-Морозовой от М. С. Крюковой. Крюкова, с. 140—142.

24. ⟨**На Ураковском лбище.**⟩ Акимова и Архангельская, с. 220.

25. ⟨**Разин и мастер.**⟩ Записано от крестьянина Г. К. Заварницкова, сообщено А. С. Мадуевым в 1903 г. Акимова и Архангельская, с. 220—221.

26. ⟨**Про Степана Разина.**⟩

а. Записано Д. Н. Садовниковым от П. С. Полуэктова. Садовников, с. 347.

б. Записано Д. Н. Садовниковым от А. В. Чегодаева в г. Симбирске, с. 347.

в. Записано Д. Н. Садовниковым в г. Симбирске. Садовников, с. 348.

27. ⟨**О Степане Разине.**⟩ Приводится в передаче Н. И. Костомарова, было услышано им, по всей вероятности, в Нижневолжском крае в конце 50-х годов. Опубликовано в кн.: Бунт Стеньки Разина. М., 1863, с. 377—379. Лозанова, с. 79—81.

28. ⟨**Разин был из казаков.**⟩ Записано А. А. Макаренко от крестьянина В. И. Сизых в д. Кежемская Заимка (Сибирь). «Живая старина» вып. 2, Спб., 1907, с. 40.

29. **Бугор Степана Разина.** Записано Б. В. Зайковским на пристанях от населения приволжских сел в 1918 г. Акимова и Архангельская, с. 219.

30. ⟨**Волжский атаман.**⟩ Записано в с. Елшанке, Хвалынского р-на, Саратовской обл. в 1920 г. Во время первой империалистической войны это же предание записано Б. В. Зайковским от жителей Крюкина и Сазонова. Акимова и Архангельская, с. 219.

31. ⟨**Место, где жил Разин.**⟩ Записано в Саратовском крае акад. А. А. Шахматовым. Лозанова, с. 160—161.

32. ⟨**Клад Разина.**⟩ Записано в Среднем Поволжье. Опубликовано в ст.: Аристов Н. Я. Предания о кладах («Записки Русского географического общества по отделению этнографии», т. 1, Спб., 1867, с. 732—733). Лозанова, с. 168—169.

33. **О Емельяне Пугачеве.** Опубликовано в ст.: Сутырин Н. По родной земле (Предания и легенды глухих уездов).— «Русская старина» (1916, апрель), с. 77—80.

34. ⟨**Пугачев в Саратове.**⟩ Записано от пирожницы Вахрамеевны в г. Саратове. Опубликовано А. Николаевым в «Саратовских губернских ведомостях» (1860, № 25). Лозанова, с. 196—198.

35. ⟨**Оленкин куст.**⟩ Записано от П. Е. Моисеева в с. Б. Чернавка, Даниловского р-на, Пензенской обл. в 1950 г. Акимова и Архангельская, с. 221.

36. **Пугачев в Авзяне.** Записано Л. Г. Барагом, Г. Васильевой, Н. Вдовиной, Т. Лисициной и Л. Сидоровой от Я. А. Голодягина (1897 г. р.) в п. Верхний Авзян, Белорецкого р-на, БАССР в 1971 г. Бараг, с. 133—134.

37. **Пугач и Салтычиха.** Записано И. Н. Мамакиным в Лукояновском уезде, Нижегородской губ. «Живая старина», вып. 2, 1890, Спб., с. 140.

38. **Про Пугачева.** Записано А. Н. Лозановой от уроженки Пугачевского округа М. Ф. Пяткиной (1870 г. р.) в 1930 г. Лозанова, с. 193.

39. **Пугачевское золото на дне озера Инышко.** Записано Б. Г. Ахметшиным от Т. Л. Крестникова (1893 г. р.) в п. Ленинский, Челябинской обл. в 1970 г. Бараг, с. 140—141.

40. **Альян-Гора.** Записано И. Л. Астафьевым от А.В. Чулкова в с. Петровском, Саракташского р-на, Оренбургской обл. Бардин, с. 230.

41. **Про Василия Рощина.** Записано В. Н. Морохиным от З. А. Прокофьевой (1897 г. р.) в г. Выксе, Горьковской обл. в 1949 г. Морохин, с. 166—167.

42. **Первые подвиги батыра.** Записано Б. Г. Ахметшиным от А. Х. Абдрахмановой (1915 г. р.) в д. Каратаулы, Салаватского р-на, БАССР в 1971 г. Бараг, с. 153.

43. **Салават в пещере скрывался.** Записано Б. Г. Ахметшиным от Ф. В. Валиева (1898 г. р.) в с. Малояз, Салаватского р-на, БАССР в 1971 г. Бараг, с. 164—165.

44. **Как был пленен Салават.** Записано Б. Г. Ахметшиным от А. Т. Тавкаловича (1902 г. р.) в д. Калмакларово, Салаватского р-на, БАССР в 1971 г. Бараг, с. 170.

45. **⟨Атамановская гора.⟩** Записано О. Поповой, Т. Денисовой и Г. Наумовой от М. Ф. Тюриной (1920 г. р.) в г. Красноуфимске, Свердловской обл. в 1967 г. Бараг, с. 229.

46. **Казачьи горы.** Записано В. Легздиной от В. М. Родионовой (1873 г. р.) в с. Александровском, Красноуфимского р-на, Свердловской обл. в 1961 г. Бараг, с. 229—230.

47. **Пряничная гора.** Записано Д. Н. Садовниковым в Симбирске. Садовников, с. 383.

48. **Волга и Кама.** Записано Д. Н. Садовниковым в Симбирске. Садовников, с. 383.

49. **Вазуза и Волга.** Записано в Калининской области. Афанасьев, т. 1, с. 139.

50. **⟨Шат и Дон.⟩** Произведение опубликовано в ст.: Макаров М. Н. О старинных русских праздниках и обычаях («Труды Общества любителей российской словесности», ч. XVI, 1820, с. 114—115). Новиков, с. 258.

51. **О миротворении.** а. Данную легенду, как и ряд последующих (например, № 52), Н. П. Андреев относит к группе этиологических легенд (т. е. легенд о происхождении различных животных, их свойств и явлений окружающей природы). Текст из работы: Барсов Е. В. Народные предания о миротворении. — «Чтения в имп. Обществе истории и древностей российских при Московском университете» (кн. IV. Материалы историко-этнографические, 1886), с. 1—2.

б. Афанасьев. Легенды, с. XII:

в. Афанасьев. Легенды, с. VIII.

52. **Про раков (легенда о происхождении раков).** Легенда записана Д. К. Зелениным в д. Семенки, бывш. Вятского уезда в 1908 г. Зеленин, с. 333—334.

53. **Чудо на мельнице.** Афанасьев. Легенды, с. 5.

54. **Касьян и Никола.** Записано в Орловском уезде П. И. Якушкиным. Афанасьев. Легенды, с. 42—43.

55. **Миколай угодник и охотники.** Записано Н. Д. Садовниковым от А. Новопольцева. Садовников, с. 268—269.

56. **Солдат и смерть.** Записано в Нижнем Новгороде. Текст из собрания В. И. Даля. Афанасьев. Легенды, с. 59—61.

57. **Рах разбойник.** Записано Д. Н. Садовниковым от И. Д. Иванова в с. Новиковка, бывш. Ставропольского уезда, Самарской губ. Садовников, с. 300—301.

58. **Про Никитушку Ломова.** Записано Д. Н. Садовниковым в г. Симбирске. Садовников, с. 381—382.

59. **Про леших, домовых и водяных.**

а. Записано Д. Н. Садовниковым в г. Симбирске. Садовников, с. 226—227.

б. Записано Д. Н. Садовниковым от А. Новопольцева. Садовников, с. 227.

в. Записано Д. Н. Садовниковым от Г. Н. Потанина в г. Симбирске. Садовников, с. 227—228.

г. Записано Д. Н. Садовниковым в г. Симбирске. Садовников, с. 228.

д. Записано И. В. Карнауховой от П. Д. Патрикеевой (1863 г. р.) в д. Немнюга на Пинеге в 1927 г. Карнаухова, с. 219.

е. Записано И. В. Карнауховой от А. Е. Черноусовой (1873 г. р.) в д. Засурье, на Пинеге в 1927 г. Карнаухова, с. 164.

60. **Про Иванов цвет.** Записано Д. Н. Садовниковым в г. Симбирске. Садовников, с. 246.

61. **Про клады.**

а. Записано Д. Н. Садовниковым от Н. Г. Потанина в г. Симбирске. Садовников, с. 359—360.

б. Записано Д. Н. Садовниковым в г. Симбирске. Садовников, с. 362.

СКАЗЫ И УСТНЫЕ РАССКАЗЫ

1. **Гусенок.** Записано Н. Д. Комовской от Д. А. Комарова (1870 г. р.) в с. Водоватово, Арзамасского р-на, Горьковской обл. в 1938 г. Комовская, с. 37.

2. **⟨В крепостное время.⟩** Записано от М. К. Кабина в с. Натальино, Жерновского р-на, Саратовской обл. в 1957 г. Акимова и Архангельская, с. 222.

3. **В крепостную пору.** Записано Т. Лежневой и Л. Илюхиным от Ф. Ф. Шадурина в г. Нижнем Тагиле, Свердловской обл. в 1951 г. Китайник, с. 7–8.

4. **Тяжело жили приисковые рабочие.** Записано Г. Мельниковой от С. Худякова (1904 г. р.) на Ленинском прииске, Миасского р-на, Челябинской обл. в 1951 г. Китайник, с. 8.

5. **Вечно голодали.** Записано А. Еремеевым и Н. Репиным от С. А. Дерягина (1888 г.р.) в г. Свердловске в 1951 г. Китайник, с. 9–10.

6. **⟨Был у нас барин...⟩** Записано от колхозника Козлова (1870 г. р.) в д. Растегаиха (Приветлужье), Горьковской обл. ЦГАЛИ. Нижегородская экспедиция 1930–1931 гг., ф. 1507, оп. 1, ед. хр.1.

7. **Жилетка.** Записано от Н. Н. Маслина в д. Панфилово, Муромского р-на, Владимирской обл. ЦГАЛИ. Архив Ф. И. Андрианова, ф. 1406, оп. 1, ед. хр. 1.

8. **На златоустовском заводе.** Записано Г. Мельниковой от И. И. Ногтева (1890 г. р.) в г. Златоусте, Челябинской обл. в 1951 г. Китайник, с. 13–14.

9. **Цепочка.** Блинова (с некоторыми сокращениями), с. 151.

10. **Шубин.** Записано С. П. Каменевым от старого шахтера Б. С. Мишечкина на шахте «Петровка» в Донбассе. «Песни и сказы шахтеров».

11. **«Воля».** Записано В. П. Бирюковым от А. А. Мочалкина (1875 г. р.) в п. Чебаркуль, Челябинской обл. в 1940 г. Бирюков, с. 52.

12. **Как «Искру» пересылали.** Записано В. П. Бирюковым от А. А. Маркова в г. Шадринске, Курганской обл. в 1938 г. Бирюков, с. 64–65.

13. **Знакомство с песней.** Записано В. Н. Морохиным от И. В. Морозова (1893 г. р.) в с. Работки, Кстовского р-на, Горьковской обл. в 1966 г. ФФКСЛ, № 119.

14. **На каторгу.** Записано О. Г. Громоковской от М. И. Палагина (1870 г. р.) в с. Русская Барковка, Ставропольского р-на, Куйбышевской обл. в 1935 г. Сидельников и Крупянская, с. 109–110.

15. **Как рабочий и мужик правду искали.** Записано А. Д. Соймоновым от Ф. П. Господарева (1865–1938) в г. Петрозаводске в 1937 г. «Русский советский фольклор», с. 41–44.

16. **Ленин разговаривает с солдатом-фронтовиком о положении в армии.** Записано от рабочего завода «Красный выборжец» И. П. Смирнова в Ленинграде. «Рассказы рабочих о Ленине», с. 81.

17. **⟨Простой в обращении.⟩** Записано В. А. Кравчинской и П. Г. Ширяевой от бывшего рабочего комбината «Красный Керамик» Г. В. Монахова (72 года) в г. Боровичи, Новгородской обл. «Русский фольклор», с. 179–181.

18. **Как Федосья Никитишна у Ленина была.** Записано Б. В. Шергиным на Северной железной дороге в 1928 г. «Творчество народов СССР», с. 54–55.

19. **Пуговка.** Записано от Наторовой в 1927 г. в г. Архангельске. «Творчество народов СССР», с. 56.

20. **⟨Последняя встреча с петроградцами.⟩** Записано В. А. Кравчинской и П. Г. Ширяевой от А. К. Мирошникова (58 лет). «Русский фольклор», с. 184–185.

21. **⟨В. И. Ленин на субботнике.⟩** Записано от А. А. Гусаринова (48 лет) в г. Ленинграде, на заводе имени А. А. Жданова. «Русский фольклор», с. 184.

22. **Незабываемые встречи.** Записано В. А. Сорокиной от Ф. А. Безроднова в п. Куйбышевский затон, Камско-Устьинского р-на, ТАССР в 1967 г. ФФКСЛ, № 286.

23. **На «Авроре».** Записано В. А. Сорокиной от С. С. Гусарова (1893 г. р.) в п. Куйбышевский затон, Камско-Устьинского р-на, ТАССР в 1967 г. ФФКСЛ; № 289.

24. **Братья Венгеровы.** «Сибирские огни» (1957, № 3), с. 95–97.

25. 〈**Расскажу, как мы...**〉 Записано от участника гражданской войны Ф. А. Сыгучова в г. Златоусте, Челябинской обл. в 1935 г. Китайник и Фрумкина, с. 197.

26. **Встреча с братом.** Записано Н. Я. Брюсовой от уральского партизана Е. Л. Аверьянова в г. Аще, Челябинской обл. в 1935 г. Китайник и Фрумкина, с. 175—176.

27. **Вот каков Буденный-то!** Записано И. Шагаевым от В. Гришкова в Майнском р-не, Куйбышевской обл. в 1936 г. «Русский советский фольклор», с. 62.

28. **С Куйбышевым в разведке.** Записано В. Н. Морохиным от И. К. Колесова (1891 г. р.) в п. Ленинская слобода, Кстовского р-на, Горьковской обл. в 1966 г.

29. **Бударинский сказ.** Записано от Т. Д. Овчинникова в г. Пугачеве, Саратовской обл. в 1946 г. Акимова, с. 99.

30. **В Белебее рассказывали...** Записано от Т. Д. Овчинникова в г. Пугачеве, Саратовской обл., в 1946 г. Акимова и Архангельская, с. 286.

31. **Как Чапаев белую разведку в плен забрал.** Записано В. З. Деминым в с. Ивановке, Андреевского р-на, Оренбургской обл. Бардин, с. 289—290.

32. **Под Гусихой.** Акимова и Архангельская, с. 287.

33. **Назад — ни шагу!** Акимова и Архангельская, с. 287—288.

34. **«Я — Чапаев! Брось оружие!»** Записано от М. С. Патрикеева в г. Пугачеве, Саратовской обл. в 1946 г. Акимова и Архангельская, с. 288—289.

35. **Защитник бедноты.** Акимова и Архангельская, с. 293—294.

36. **«Не мог Чапаев погибнуть!»** Акимова и Архангельская, с. 295—297.

37. **Как погиб Чапаев.** Акимова и Архангельская, с. 296—297.

38. **Как мы колхоз организовали.** Записано В. Н. Морохиным и Е. В. Востоковой в д. Виктория Тонкинского р-на, Горьковской обл. от Н. Л. Градусова (1890 г. р.) в 1964 г. ФФКСЛ, № 105.

39. **Как я в колхоз вступал.** Записано П. Климешовым от Н. Я. Васильева (1878 г. р.) в г. Марийский Посад, ЧАССР в 1967 г. ФФКСЛ, № 201.

40. **Мы строили Магнитогорск.** Записано А. Януш и А. Акулининой от И. Е. Колесникова (1900 г. р.) в г. Магнитогорске, Челябинской обл. в 1952 г. Китайник, с. 58.

41. **Горячее сердце.** Записано В. Федоровичем от полковника И. В. Карпова. «Советские гвардейцы», с. 123—125.

42. 〈**Рассказ матери о Сергее Тюленине.**〉 Записано В. М. Потявиным от А. В. Тюлениной (1883 г. р.) в г. Краснодоне, Ворошиловградской обл., в 1945 г. «Русская народная поэзия», с. 149—152.

43. **Только вперед!** Записано А. Януш и А. Акулининой от Г. В. Арцыбашева (1914 г. р.) в г. Магнитогорске, Челябинской обл. в 1952 г. Китайник, с. 88—90.

СОДЕРЖАНИЕ

СКАЗЫ, УСТНЫЕ РАССКАЗЫ

СКАЗ
ПРЕДАНИЯ,
БЫЛИЧКИ
УСТН
РАССК

АЗКИ,
Н, ЛЕГЕНДЫ,
КИ, СКАЗЫ,
СНЫЕ
СКАЗЫ

1р. 03к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ВЫСШАЯ ШКОЛА"
МОСКВА 1977

ПРОЗАИЧЕСКИЕ ЖАНРЫ
РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА